

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

Казань 2011

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – Академия наук Республики Татарстан

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
29 октября 2009 года. Регистрационный номер ПИ № ФС77-37866

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным
направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки),
12.00.00 (юридические науки)

Главный редактор – президент АН РТ, академик **А.М. Мазгаров**
Заместитель главного редактора – директор Института истории АН РТ,
академик АН РТ **Р.С. Хакимов**

Выпускающий редактор, ответственный секретарь –
главный редактор издательства «Фэн» АН РТ,
кандидат исторических наук **Б.Л. Хамидуллин**

Редакционная коллегия:

Багаутдинов Ф.Н., доктор юридических наук (Казань),
Бальдауф Ингеборг, доктор исторических наук, профессор (Берлин),
Васильев Д.Д., кандидат исторических наук, профессор (Москва),
Вашари Иштван, доктор исторических наук, профессор (Будапешт),
Ганиев Ф.А., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Девлет Надир, доктор исторических наук, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Кляшторный С.Г., кандидат исторических наук, профессор (Санкт-Петербург),
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Мухаметшина Р.Ф., доктор педагогических наук, профессор (Казань),
Саликов М.С., доктор юридических наук, профессор (Екатеринбург),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Москва),
Фаткудинов З.М., доктор юридических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хасанова Г.М., кандидат филологических наук (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шамильоглу Юлай, доктор исторических наук, профессор (Мадисон).

Адрес редакции:

420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны:

Гл. редактор – 292-40-34

Зам. гл. редактора – 292-84-82

Ответ. секретарь – 292-36-62

E-mail: anrt@rambler.ru

(для редакции «НТ»)

Редакторы

А.Г. Аксенова, В.П. Лещенова

Технический редактор *В.Н. Галкина*

Переводчик *Д.К. Вахитова*

Компьютерная верстка

В.В. Калинин

Подписано в печать 19.09.2011.

Формат 70x108 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 500 экз.

Заказ 09-11/02-2.

Отпечатано в типографии «Логос».

420108, г.Казань, ул.Портовая, 25 а
Тел.: (843) 231-05-46, 231-05-61

Факс (843) 231-08-71

E-mail: citlogos@mail.ru

www.logos-press.ru

© Коллектив авторов, 2011

© Издательство «Фэн» АН РТ, 2011

20 ЛЕТ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

- 7 **Мазгаров А.М.** Академии наук Республики Татарстан – 20 лет
- * * *
- 17 **Валеев Р.М., Ногманов А.И., Айнутдинова Л.М.** Развитие энциклопедической науки в Татарстане: традиции и перспективы
- 25 **Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н.** Становление и развитие Центра этносоциологических исследований Института истории АН РТ
- 32 **Загидуллин И.К.** Изучение средневековой истории татар: состояние и перспективы
- 36 **Ильдарханова Ф.А.** Семья в демографическом измерении: этнорегиональный аспект
- 42 **Макаров Г.Н.** Центр исследований истории, культуры крещеных татар (кряшэн) и нагайбаков при Институте истории им. Ш. Марджани АНТ
- 46 **Миннуллин К.М.** Форпост гуманитарной науки (вехи деятельности ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова)
- 59 **Миргалеев И.М.** Центр исследований истории Золотой Орды им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ: итоги и перспективы исследований
- 62 **Мусина Р.Н., Сулова С.В.** Академическая этнология в Татарстане: этапы становления и развития
- 67 **Мухаметшин Р.М., Шагавиев Д.А.** Исламоведение в Татарстане: проблемы и перспективы
- 73 **Сулейманов Д.Ш.** Татарский язык в киберпространстве
- 81 **Султанова Р.Р.** Искусствоведение Татарстана на современном этапе
- 86 **Хайрутдинов Р.Р., Салихов Р.Р.** Актуальные проблемы изучения истории татар и Татарстана в XX–XXI вв.
- 92 **Хузин Ф.Ш.** Болгарская цивилизация Восточной Европы и некоторые проблемы ее изучения
- 105 **Шагидуллин Р.Р., Иванов Д.В.** Институт проблем экологии и недропользования Академии наук Республики Татарстан: научное сопровождение решения актуальных экологических проблем Республики Татарстан
- ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
- 113 **Хакимов Р.С.** Евразия: история будущего (отрывки)

125-ЛЕТИЕ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

- 132 **Аминева В.Р.** Г. Тукай и Н.В. Гоголь: типологические параллели
- 146 **Михаэль Фридерих.** Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма (отрывки)
- 181 **Исламов Р.Ф.** О некоторых фотографиях-оригиналах Габдуллы Тукая

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

- 185 **Али Биринджи.** Габдулла Баттал-Таймас. История жизни одного ученого из Казани
- 191 **Хамидуллин Л.Х.** Некоторые уточнения и дополнения к очерку турецкого ученого Али Биринджи о Г.Г. Баттале
- 200 **Урманчиев Ф.И.** Основные проблемы современной фольклористики

ИСТОРИЯ

- 205 **Валеев Р.М.** Феномен университетского востоковедения в Казани (XIX–XX вв.)
- 219 **Загидуллин И.К.** Изменения в татарском общественном движении на рубеже XIX–XX столетий
- 229 **Макаров Г.Н.** Тамги кряшен

THE 20TH ANNIVERSARY OF THE ACADEMY
OF SCIENCES OF TATARSTAN

- 7 **Mazgarov A.M.** The twentieth anniversary of the Academy of Sciences of Tatarstan
- 17 **Vallev R.M., Nogmanov A.I., Ainutdinova L.M.** Development of encyclopaedic science in Tatarstan: traditions and perspectives
- 25 **Gabdrakhmanova G.F., Musina R.N.** Formation and development of the Centre of ethnosociological investigations of the Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
- 32 **Zagidullin I.K.** The study of medieval history of the Tatars: state and perspectives
- 36 **Ildarkhanova F.A.** Family in demographic measuring: ethnoregional aspect
- 42 **Makarov G.N.** Research centre of history and culture of christened Tatars (kryashens) and nagaybaks at the Institute of History in the name of Sh.Marjani
- 46 **Minnullin K.M.** Outpost of the humanities (Milestones of the activity of the Institute of Language, Literature and Art in the name of G.Ibragimov)
- 59 **Mirgaleev I.M.** Research centre of the Golden Horde history in the name of M.A. Usmanov of the Institute of History in the name of Sh.Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan: results and perspectives of investigations
- 62 **Musina R.N., Suslova S.V.** Academic ethnology in Tatarstan: stages of formation and development
- 67 **Mukhametshin R.M., Shagaviev D.A.** Islamic Studies in Tatarstan: problems and perspectives
- 73 **Suleimanov D.Sh.** The Tatar language in cyberspace
- 81 **Sultanova R.R.** Art-criticism of Tatarstan at the present stage
- 86 **Khairutdinov R.R., Salikhov R.R.** Urgent problems of studying the history of the Tatars and Tatarstan in the XX–XXI centuries
- 92 **Khuzin F.Sh.** Bulgarian civilization of Eastern Europe and some problems of its study
- 105 **Shagidullin R.R., Ivanov D.V.** The Institute of environmental problems and subsoil use of Tatarstan Academy of Sciences: accompaniment of solving urgent ecological problems of the Republic of Tatarstan

HISTORICAL LEGAL ASPECTS OF STATE FORMATION

- 113 **Khakimov R.S.** Eurasia: the history of the future (fragments)

125TH ANNIVERSARY OF GABDOULLAH TUKAY

- 132 **Amineva V.R.** G. Tukay and N.V. Gogol: typological parallels
- 146 **Michael Friderich.** Gabdoullah Tukay (1886–1913) – highly honoured poet at the service of the Tatar nation and Soviet socialism (fragments)
- 181 **Islamov R.F.** Original photos of Gabdoullah Tukay

CULTURAL HERITAGE

- 185 **Ali Birinji Gabdoullah Battal-Taimas.** Life history of one scientist from Kazan
- 191 **Khamidullin L.Kh.** Some more precise descriptions and additions to the outline of the Turkish scientist Ali Birinji about G.G. Battal
- 200 **Urmancheev F.J.** Main problems of modern folklore studies

HISTORY

- 205 **Valeev R.M.** Phenomenon of university oriental studies in Kazan (XIX–XX centuries)
- 219 **Zagidullin I.K.** Changes in the Tatar social movement at the turn of the XIX–XX centuries
- 229 **Makarov G.N.** Tribal signs of the kryashens

АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН – 20 ЛЕТ

А.М. Мазгаров, академик, доктор технических наук, профессор

В этом году исполняется 20 лет со дня создания Академии наук Татарстана. Исторический путь главного научного учреждения республики начался 30 сентября 1991 года, когда был принят указ Президента РТ об учреждении Академии наук Татарстана. Это решение явилось мощным стимулом не только для дальнейшего развития науки, но и для социально-экономического и духовного возрождения Татарстана.

Необходимо отметить, что прошедшие два десятилетия и для российской науки в целом, и для татарстанской были годами серьезнейших испытаний, связанных с глобальными изменениями в мировой экономике и с политическими событиями в России, объективно изменившими приоритеты общества. Развитие АН РТ пришлось на конец XX и начало XXI веков, когда мы все переживали сначала политический кризис в российском государственном устройстве, а затем кризис экономический, захвативший все международное пространство. Сегодня мы с полным правом можем утверждать, что ученые Татарстана вышли из этого испытания с честью.

Гарантом сохранения научного потенциала республики и его дальнейшего развития стали известные казанские научные школы, фактически послужившие «фундаментом» для создаваемой Академии наук Татарстана. А как известно, прочность и основательность фундамента предопределяет долговечность любого строения. Богатые традиции татарстанской науки были заложены многовековой историей просветительства и культуры, уходящей в глубь веков. Казань, еще будучи столицей могущественного Казанского ханства, поражала путешественников многочисленными

медресе, богатейшими библиотеками. Открытие Казанского университета ознаменовало собой начало становления и формирования Казани как одного из ведущих научных центров Восточной Европы. Именно в стенах Казанского университета зародились и успешно развивались отечественные школы востоковедения и тюркологии, математики, химии, астрономии, медицины, физиологии, биологии, лингвистики и географии. К 1917 году Казань являлась третьим по значимости, после Москвы и Петербурга, научным центром России. Заслуженно высокую репутацию имели крупные учебные заведения Казани – университет, ветеринарный институт, духовная академия, учительский институт.

История казанских научных школ связана с деятельностью таких выдающихся, известных всему миру ученых, как гениальный геометр Н.И. Лобачевский, целая плеяда замечательных химиков – Н.Н.Зинин, А.М.Бутлеров, А.Е.Арбузов и Б.А.Арбузов, давший своим гениальным открытием начало многим направлениям физики Е.К. Завойский и др.

Не только в России, но и далеко за ее пределами были известны джандистские медресе Казани и Казанской губернии, в которых работали знаменитые ученые-богословы Г.Баруди, М.Бигиев, Р.Фахретдинов, а также исламоведы, историки и просветители Ш.Марджани, Г.Саблуков, К.Насыри, Х.Фейзханов, К.Максуди, братья Губайдуллины и другие.

Стоит ли удивляться тому, что впервые о необходимости собственной Академии наук заговорили в республике уже в конце 1920-х годов. Важным стало

решение Наркомпроса ТАССР создать Академический центр, который начал заниматься координацией научных исследований, созданием научных структур и обществ, изданием монографий, учебников, научных журналов, подготовкой научных кадров с привлечением для этих целей крупных ученых из Москвы и Ленинграда. В конце 1920-х годов по решению Совнаркома ТАССР было учреждено общество по изучению Татарии, целью которого являлось «всестороннее изучение Татарии, ее природы, населения, быта, истории, культуры и производительных сил», что означало локализацию изучения татар границами автономной республики. Организованное на базе научного общества татароведения общество объединяло 98 ученых, в том числе 14 почетных членов, 74 действительных члена, 10 сотрудников, и поддерживало тесные связи с более чем 120 научными учреждениями СССР. По сути, общество являлось аналогом Академии наук Татарстана и осталось в истории татарской науки известным большими достижениями в области гуманитарных наук. Не потеряли своей актуальности монографии и изыскания историков М.Худякова, В.Ф.Смолина и Ф.Баллода, фундаментальные труды Гали Рахима и Г.Губайдуллина, Г.Сагди в области истории тюрко-татарской литературы и т.д. Общество прекратило свое существование в 1931 году после включения в состав Татарского научно-исследовательского института. Необоснованные репрессии вырвали из татарской науки крупнейших ученых – основателей целых научных направлений – Г.Ибрагимов, Ф.-С.Казанлы, М.Корбута, А.Рахима, Г.Нигмати, Дж.Валиди, Г.Губайдуллина, М.Худякова, В.Ф.Смолина и др.

В годы Великой Отечественной войны ученые республики, тесно взаимодействуя с Академией наук СССР, эвакуированной в Казань, внесли огромный вклад в укрепление обороноспособности страны и в дело Великой Победы. В столице Татарии в те годы

был сосредоточен огромный научный потенциал страны: 33 научных учреждения АН СССР, около 2 тыс. научных сотрудников, 85 академиков и членов-корреспондентов. Закономерным стало решение в 1945 году организовать в республике филиал АН СССР, что определенным образом способствовало развитию в Татарии новых отраслей промышленности, расширению высшего образования.

С годами славные традиции казанских научных школ приумножались и постепенно в республике сконцентрировались мощные научные силы. К моменту создания АН РТ в Татарстане функционировали 11 академических институтов, 19 вузов и их филиалов, десятки отраслевых НИИ, конструкторских и проектных бюро – в общей сложности насчитывалось более 15 тысяч научных сотрудников, около 9 тыс. докторов и кандидатов наук. Но для создания собственной академии наук необходимы были определенные политические предпосылки. Такими предпосылками стали события 1990-х годов в Российской Федерации, в частности большую роль сыграл факт обретения Татарстаном статуса суверенной республики.

Особая демократичная атмосфера тех лет, царившая в обществе, способствовала бурным дискуссиям в научных и творческих кругах республики, которые велись почти год. Ученые, научная интеллигенция спорили: какой быть Академии наук Татарстана? Одни считали, что она необходима для координации основных направлений развития научных областей, актуальных прежде всего для республики и Поволжского региона. Другие отмечали, что приоритет в ней должен быть отдан гуманитарным наукам. Третьи справедливо настаивали на необходимости тесного взаимодействия будущей республиканской академии с Академией наук СССР. Высказывались критические мнения и даже отрицательные по поводу самой идеи существования самостоятельной академии наук в Татарстане.

Все эти важные моменты, естественно, были учтены при принятии судьбоносного решения. Указ, увидевший свет 30 сентября 1991 года, гласил, что АН РТ учреждается «в целях обеспечения высокого уровня развития фундаментальных наук в республике, усиления их роли в решении актуальных проблем материальной и духовной культуры, народного хозяйства, координации научно-исследовательских работ». Учредителями Академии наук Татарстана выступили такие маститые известные ученые, как академики АН СССР (Российской Академии наук) Р.З.Сагдеев, К.А.Валиев, В.Е.Алемасов, И.А.Тарчевский, члены-корреспонденты АН СССР А.И.Коновалов, академик АПН СССР М.И.Махмутов, профессор К.М.Салихов, М.З.Закиев, С.Г.Дьяконов, И.Г.Терегулов, И.Х.Фахрутдинов, М.Х.Хасанов и другие ученые.

Первое Общее собрание состоялось 24 января 1992 года, на нем было избрано руководство Академии наук Татарстана. Первым президентом АН РТ стал Мансур Хасанович Хасанов – известный политик, общественный деятель, литературовед. Были определены и основные принципы формирования структуры Академии, которая должна была объединить академическую, вузовскую и отраслевую науку. АНТ должна была стать координирующим центром исследований и поисков татарстанских ученых, направив их усилия на решение приоритетных, самых актуальных задач социально-экономического и духовного развития республики, формирования материально-технической и информационной базы исследований, подготовки научных кадров, проведения научной экспертизы государственных программ, проектов и законов. Для этого были созданы семь отделений, координирующих исследования в таких отраслях науки, как гуманитарные; социально-экономические и правовые; сельскохозяйственные; биология и медицина; математика, механика и машиноведение; физика, энергетика

и науки о Земле; химия и химические технологии; а также шесть институтов и три научных центра, книжное издательство. Уже тогда под научно-методическое руководство перешли 5 научных учреждений. В составе АН РТ работали 32 действительных члена, 46 членов-корреспондентов, 6 почетных членов.

Через 10 лет ряды Академии наук Татарстана уже насчитывали 35 академиков и 65 членов-корреспондентов, 10 почетных академиков. Были созданы институты: Татарской энциклопедии; языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова; социально-экономических и правовых наук; истории; экологии природных систем; экспериментальной эстетики «Прометей»; в ведение академии перешел Институт проблем информатики. При президиуме и отделениях АН РТ действовали 38 научных советов по важнейшим проблемам естественных и общественных наук.

Оценивая исторический путь, который прошла Академия наук Татарстана, необходимо подчеркнуть, что без постоянной и активной помощи правительства и государственных органов республики вряд ли удалось в условиях перманентных кризисных явлений в стране в полной мере достичь стабильного, высокого уровня развития науки в Татарстане. Как отметил в одной из своих статей первый президент Академии Мансур Хасанович Хасанов, авторитет АН РТ «как крупного научного центра России, несомненно, укреплялся и этой всесторонней поддержкой, и отношением к развитию науки в республике как к особо важной государственной задаче».

В числе достижений первых 15 лет необходимо отметить успехи ученых республики в области ресурсосберегающих технологий в нефтяной и нефтехимической промышленности. В АНТ были созданы оригинальные методы и пакеты прикладных программ для анализа прочности железобетонных опор возводимого моста через Каму. Большой вклад ученые внесли в интенсификацию агропромышленного комп-

лекса, обеспечение продовольственной безопасности Татарстана. В республике налажено промышленное производство высокоэффективных кормовых добавок в животноводстве, разработаны многочисленные вакцины по профилактике инфекционных болезней животных. Большое внимание уделялось освоению энергосберегающих технологий, уменьшению затрат и нерационального использования энергии в промышленном и агропромышленном комплексах, исследованиям и опытно-промышленной проверке источников возобновляемой энергетики. Среди наиболее значимых достижений ученых гуманитариев, которые имели большой научный, общественно-политический резонанс в Татарстане, России в целом и за рубежом, можно назвать, прежде всего, установление даты основания Казани. Прорывной характер данного научного открытия мирового масштаба и его государственное значение были подчеркнуты указами Президентов России и Татарстан. Без всякого преувеличения, это событие стало свидетельством признания авторитета как Татарстана, так и Казани – крупнейшего промышленного, политического, научного и культурного центра. За 15 лет существования АНТ удалось укрепить весь научный потенциал республики идеями углубления традиционных казанских школ и создания новых направлений.

2006 год ознаменовался началом нового этапа в истории Академии наук РТ, характеризующегося коренными изменениями как в структуре академии, так и в деятельности ее составляющих.

Стержневой задачей периода стало развитие инновационной деятельности при одновременном формировании стратегических научных заделов, ориентированных на приоритеты республики.

Указом Президента РТ «О Стратегии развития научной и инновационной сферы Республики Татарстан» в 2007 году были расширены полномочия и ответственность Президиума АН РТ в государственном управлении научной и

инновационной деятельностью, а также переданы функции ряда республиканских комиссий, советов и комитетов. В состав президиума были включены руководители государственных органов и бизнеса.

В связи с этим были модернизированы структура и научные учреждения Академии наук РТ. По решению Кабинета Министров РТ в 2007 году был создан Научно-исследовательский центр семьи и демографии, который активно ведет исследования демографических процессов в нашей республике. В 2008 году образован Институт проблем экологии и недропользования путем объединения Института экологии природных систем и Центра проблем поиска и освоения горючих полезных ископаемых. Активно работает НИИ «Прикладной семиотики», созданный в 2009 году на базе СНИЛ «Проблемы искусственного интеллекта» и СНИИ «Прометей». В 2010 году учрежден Центр исламоведческих исследований.

По поручению руководства республики проведена инвентаризация научных учреждений, действующих в Татарстане, в результате 23 из них переведены под научно-методическое руководство Академии наук.

В настоящий момент основу Академии наук РТ составляют учреждения гуманитарного профиля, которые обеспечивают сохранение, изучение, развитие истории и культуры дисперсно расселенного 8-миллионного татарского народа. Ученые АН РТ прекрасно знают и соблюдают фундаментальную аксиому: «Исчезновение наций и языков – это разрушение генофонда всего человечества».

Гуманитарии вносят достойный вклад в расширение границ влияния Академии наук РТ. Созданы межведомственные и межрегиональные центры: естественнонаучных исследований в археологии (совместно с КФУ, Институтом археологии РАН и др.); Центр болгарской цивилизации (совместно с Институтом археологии НАН Украины, Варненским музеем Института ар-

хеологии АН Болгарии, Астраханским, Болгарским и Билярским музеями-заповедниками), где получили возможность работать зарубежные коллеги. Новый проект «Идель-Алтай», охватывающий территорию от Великой китайской стены до Дуная и период с VII в. до н.э. вплоть до наших дней предполагает организацию постоянных экспедиций на Горный Алтай и в Крым. Создание в Татарстане научных центров международного масштаба будет одним из перспективных направлений деятельности Академии наук.

С момента создания Института Татарской энциклопедии во главе с первым президентом Академии наук РТ М.Х.Хасановым вторая по численности титульная нация в Российской Федерации впервые за всю свою историю получила возможность разработки своей энциклопедии, которая стала визитной карточкой Татарстана. Это фундаментальное издание, пять первых томов которого на русском языке и первые два тома на татарском языке уже дошли до читателя, дало возможность обобщить и довести до мировой общественности сведения о самобытной материальной и духовной культуре народов Татарстана.

Институт языка, литературы и искусства системно ведет многогранные фундаментальные исследования в области татарского языкознания, литературоведения, фольклористики, музыковедения. Их результатом являются изданные и готовящиеся книги, такие как «Словообразование в татарском языке» Ф.А.Ганиева, «Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа» М.И.Ахметзянова, первые 3 тома научного свода «Татарское народное творчество», 2 тома 3-томного энциклопедического словаря «Татарская мифология» профессора Ф.И.Урманчеева. Готовятся 8-томная «История татарской литературы», 5-томный «Толковый словарь татарского языка», «Энциклопедия татарского театра» и др. Особо отметим выход двух томов академического 6-томного собрания сочинений Г.Тукая, 3-томного собрания

сочинений Г.Камала, подготовку антологии «Татарская литература 18 века. Проза» и др. Монографии академика М.З.Закиева и члена-корреспондента Ф.А.Ганиева, выпущенные в 2010 году в Турции на турецком языке, свидетельствуют о высоком уровне ученых-языковедов.

Масштабная деятельность Института истории по сохранению и изучению историко-культурного наследия татарского и других народов Татарстана дала возможность разработки объективной и правдивой истории, не обремененной административно-территориальными границами и идеологическими шорами. Семитомная «История татар с древнейших времен до наших дней» развивает традиции таких предшественников с ярко выраженной гражданской позицией, как Лев Гумилев и Михаил Худяков. Важным событием, позволяющим представить историю татар и Татарстана на международном уровне, стало издание в 2010 году при поддержке Организации «Исламская конференция» академического труда «Татарская история и цивилизация» на английском языке.

В 2010 году исполнилось 15 лет со дня создания Национального центра археологических исследований им. А.Х.Халикова, который является ведущей научной структурой в организации изучения памятников археологии. Большой резонанс вызвала успешно применяемая нашими археологами новая методика датировки основания городских поселений. Она стала ключевой при обосновании 1000-летия Казани и Елабуги.

Идут углубленные исследования болгарской и золотоордынской цивилизаций на территории Татарстана. Иницирование нового этапа музеефикации г.Булгар и острова-града Свияжск стало примером благотворного соединения научных изысканий с туристическим бизнесом. Исследования также ведутся в Казани, Биляре, Чистополе, Тетюшах, Набережных Челнах, Арске, Свияжске и других районах республики, а также в Астраханской, Нижегородской,

Пензенской, Рязанской, Ульяновской областях, республиках Чувашия, Мордовия, в г. Санкт-Петербурге.

Создание самостоятельного Института археологии позволит стать Казани одним из ведущих центров, разрабатывающих проблемы древней и средневековой археологии Евразии.

Приоритетным направлением исследований отдела общественной мысли и исламоведения является изучение татарской общественно-политической и философской мысли конца XVIII – начала XX веков. Успешно реализован проект «Антология татарской богословской мысли»: изданы труды Ш. Марджани, Г. Курсави, К. Насыри, Ш. Культияси, М. Бигиева и др.

Центр истории и теории национального образования получил международное признание исследованиями в области дидактики и истории педагогики. Он вошел в международный перечень научных учреждений – лидеров по этой проблематике. Центром подготовлена 2-томная «Антология педагогической мысли татарского народа», успешно ведется разработка учебников и методических пособий для татарских школ. Англо-татаро-русское мультимедиа пособие «История татарского народа» (до второй половины XVI века) доводит материал до широкой международной аудитории.

Новейшие изыскания в области этнографии и современных этносоциальных процессов отражаются в ежегодном сборнике «Этнологические исследования в Татарстане». Совместно с Институтом информатики разрабатывается новый метод сохранения и анализа материалов по традиционной культуре. Он не имеет аналогов в этнографической науке.

Нефтегазохимический кластер является в РТ базовым, приоритетным и бюджетообразующим. Фундаментом этого кластера является поиск, восполнение запасов и добыча нефти. Научным коллективом под руководством академика Р.Х. Муслимова ведутся широкомасштабные исследования по

изучению потенциала фундамента нефтегазоносных бассейнов как резерва пополнения ресурсов углеводородного сырья.

В декабре 2010 года в Академии наук с участием Президента Республики Татарстан было проведено заседание «круглого стола» по вопросам внедрения новых инновационных технологий добычи нефти на месторождениях ОАО «Татнефть» и малых нефтяных компаний РТ. Такие заседания станут ежегодными.

ОАО «Татнефть» и ученые республики (академик Ибатуллин Р.Р., член-корреспондент Юсупов И.Г., Тронов В.П., Хуснутдинов И.Ш., Романов Г.В.) являются пионерами в разработке технологий добычи и переработки природных битумов, запасы которых оцениваются от 2 до 7 млрд тонн.

Учеными АН РТ создана оригинальная сольвентная технология первичной промышленной переработки природных битумов с получением высококачественных дорожных битумов и маловязкой, облепченной нефти. Институты АН РТ могут внедрить данную технологию «под ключ» не только в РТ, но и во всей России и за рубежом.

Институтом проблем экологии и недропользования выполнены масштабные научно-исследовательские работы, на их основе разработаны рекомендации по эффективному проведению геологоразведочных работ с целью поисков и разведки залежей нефти, а также оптимизации эксплуатационного бурения. По результатам работ малыми нефтяными компаниями были открыты 4 месторождения нефти.

Ученые АН РТ занимают передовые позиции в мире в области химии и технологии очистки углеводородного сырья от сернистых соединений.

1. По заказу СП «Тенгизшевройл» разработан и внедрен новый процесс ДМС-4 для очистки от меркаптанов Тенгизской нефти без прямого контакта с воздухом взамен процесса ДМС-1. До настоящего времени на СП «Тенгизшевройл» успешно эксплуатировались

две установки ДМС-1 для очистки 13 млн тонн нефти в год, разработанные ВНИИУС в 1995–1996 годах. Новый процесс ДМС-4 позволил увеличить мощность установок до 16 млн тонн в год и полностью исключить потери легких углеводородов с отработанным воздухом.

2. Разработан и внедрен процесс ДМД-2 для очистки легкого бензина (фр. НК–70С) каталитического крекинга вакуумного газойля завода бензинов ТАИФ-НК. Установка мощностью 300 тыс. тонн в год введена в эксплуатацию в 2007 году. Она позволила использовать эту фракцию для производства пропана, пропилена, бутана и бутиленов на ОАО «Нижнекамснефтехим» и значительно сократить выбросы вредных веществ в атмосферу. Работа удостоена Государственной премии РТ в 2008 году. По этой технологии успешно введена в эксплуатацию установка мощностью 120 тыс. тонн для очистки бутановой фракции от меркаптанов в Болгарии.

3. В связи с вводом нового ГОСТа на нефть, лимитирующего содержание сероводорода и меркаптанов, проведены фундаментальные исследования по очистке карбоновых нефтей от сероводорода и разработан процесс ДМС-1МА. Первая в мире опытно-промышленная установка с этим процессом очистки тяжелых карбоновых нефтей от сероводорода мощностью 2 млн тонн в год построена и успешно пущена в НГДУ «Нурлатнефть». Широкомасштабное внедрение процесса ДМС-1МА позволит решить проблему очистки тяжелых нефтей от сероводорода до норм ГОСТа не только ОАО «Татнефть», но и всех нефтяных компаний России.

4. Разработана новая технология производства нашего лучшего в мире фталоцианинового катализатора ИВКАЗ, построена и успешно введена в эксплуатацию на территории ОАО «ТАСМА» установка мощностью 10 тонн в год, заключен контракт на поставку этого катализатора в Иран. Кроме России и Ирана катализатор ИВКАЗ покупает Болгария, компания «Шеврон», Гол-

ландия, Литва, Казахстан, Белоруссия. Это единственный российский катализатор, который экспортируется за рубеж.

5. Проданы лицензии на технологию производства одоранта, очистки газоконденсата от СОС (процесс ДМС-3) Иранской национальной газовой компании. В Иране по нашим технологиям будут построены более 20 промышленных установок.

6. Разработана технология, построен и произведен пуск комплекса очистки от сернистых соединений ($H_2S + RSH + COS + CS_2$), пропана (500 тонн/сутки), бутана (300 тонн/сутки), нефти (480 тонн/сутки) и сточных вод (процесс Serox) на заводе нефтехимической компании KHARG, Персидский залив, IRAN).

Физики исследуют формы материи, энергии и земных недр от вселенских масштабов в миллиарды световых лет до микромира с наноразмерами, процессы с длительностями от тысячелетий до наносекунд.

Исследования под руководством академиков Сюняева Р.А. и Сахибуллина Н.А. подтверждают мировой уровень казанских астрофизиков. Открыты новые галактики с активными ядрами, установлена уникальность объекта SS433, оптически отождествлены самые мощные в природе по энерговыделению объекты (гамма-вспышки). Астрономический комплекс телескопа РТТ 150, оснащенный современным оборудованием, не имеет аналогов в России, что обеспечило успешное участие наших ученых в престижном международном космическом проекте «ИНТЕГРАЛ».

Для решения ряда фундаментальных и прикладных задач разработаны новые методы атомной и молекулярной спектроскопии, квантовой оптики и электродинамики. Выпущена уникальная книга об электронном парамагнитном резонансе.

Выполнен комплекс работ по физическим методам в медицине. Разработаны и внедрены новые методические

подходы для медицинской диагностики на основе измерения кровотока и перфузии в головном мозге на МР-томографе. На основе ЭПР созданы новые малоинвазивные диагностические методы при атеросклерозе и биопротезировании.

Члены Академии — современные лидеры казанских школ математики, механики, устойчивости и теории управления развивают традиции исследований мирового уровня применительно к инновационному развитию приоритетных отраслей машиностроения.

Сформированный под руководством академика Закирова И.М. межведомственный коллектив из ученых и специалистов КНИАТ, КАИ, КХТИ, КГАСУ и ОАО «КВЗ» решает задачи модернизации компонентов вертолета «АНСАТ», ведут работы для КамАЗа по шумоизоляции кабины водителя, а для Газпрома — по снижению шума на газоперекачивающих станциях. Выполнен ряд работ совместно с французскими и немецкими компаниями, Дрезденским университетом. Готовится совместный проект Россия — Германия — Турция по фундаментальным и прикладным исследованиям использования новых материалов в трехслойных конструкциях.

В «НИИ Турбокомпрессор» (член-корреспондент Хисамеев И.Г.) создаются новые алгоритмы с программным обеспечением для оптимизации конструкций традиционных и уникальных агрегатов с использованием новых материалов и нанотехнологий. Цикл пионерских НИОКР по электромагнитным подшипникам и газодинамическим уплотнениям позволил создать уникальные безмасляные компрессоры. Они поставлены на многие компрессорные станции Газпрома. Завершаются НИОКР по уникальному винтовому компрессору для малой энергетики.

Академик Камиль Ахметович Валиев в отчетный период курировал исследования по квантовым компьютерам и алгоритмам. Издана первая в России книга в этой области. Сегодня Институт информатики использует эти результа-

ты в актуальных для РТ и РФ НИОКР, продолжая исследования на мировом уровне.

Учеными-биологами предложены эффективные биотехнологии переработки нефтяных шламов.

Разработаны и внедрены в лечебных учреждениях Казани и РТ новые комплексные методы диагностики и лечения в хирургии, урологии, онкологии и травматологии. Создано новое научное направление в изучении генетических и биохимических аспектов детского церебрального паралича. Для срочного оказания медицинской помощи при ДТП и других травмах разработана система устройств иммобилизации и вытяжения всех отделов позвоночника, конечностей, костей таза. Система, не имеющая аналогов в мире, широко применяется в республике. Разработаны методы выделения стволовых клеток из пуповинной крови. Предложена принципиально новая схема клеточной и генотерапии наследственных заболеваний печени с использованием аутологичных стволовых клеток.

В области агропрома созданы новые полифункциональные комплексы микроэлементов для эффективного питания растений, повышающие эффективность растениеводства. В республике организовано промышленное производство этих составов с перспективой поставок в РФ и другие страны.

В научном коллективе, возглавляемом академиком А.И.Коноваловым, разработана и прошла полевые испытания новая технология повышения урожайности растениеводства с использованием препарата Мелафен. В зависимости от способа обработки урожайность возрастает на 14–21% даже в условиях жары и засухи. Одновременно возрастает и качество сельхозпродукции.

Сформулирована и реализована концепция селекции гречихи в Среднем Поволжье. Разработана модель высокоадаптивного сорта со стабильно высокой семенной и нектарной продуктивностью, что сокращает сроки

вегетации, повышает устойчивость к полеганию и осыпанию, улучшает технологические характеристики зерна и питательность крупы.

На основе развития теории почвообрабатывающих машин создан и запатентован уникальный «Широкозахватный модульно-блочный сельскохозяйственный агрегат», выпускающийся на шести заводах Татарстана и четырех заводах РФ и использующийся в 37-и регионах страны.

Активно работает Центр перспективных экономических исследований АН РТ. По заказам руководства республики и муниципальных районов, министерств и ведомств разработан ряд отраслевых программ и стратегий социально-экономического развития, проведены исследования по качеству жизни населения, коррупции и по другим важным проблемам.

На машиностроительных предприятиях республики широко применяется методика оценки экономической эффективности внедрения «Бережливого производства».

Многодисциплинарным коллективом ученых создано программно-техническое обеспечение функционирования татарского языка в информационных системах наряду с другими мировыми языками, а также для изучения и развития самого языка с использованием компьютерных систем.

В республике сформирована инфраструктура инновационной деятельности, включающая практически все известные типы технопарковых структур. АН РТ активно взаимодействует с этими структурами в качестве экспертного и научно-организационного органа, способствующего появлению «посевных» предприятий и наполнению их проектами.

Члены академии активно участвовали в экспертизе проектов законов, программ социально-экономического развития республики и ее отраслевых кластеров. Ежегодно осуществляется экспертиза инновационных проектов в рамках республиканских конкурсов. По

соглашениям между Правительством РТ и Российскими фондами РФФИ и РГНФ экспертиза заявок проводится АН РТ, а затем этими фондами. В 2009 году паритетное финансирование проектов достигло 40 млн руб. в год. Это обеспечило реализацию 58 проектов, актуальных для РТ и РФ. О высоком уровне компетенции наших специалистов свидетельствуют также обращения Казахстана и Белоруссии о проведении экспертизы их проектов крупных госзакупок у иностранных партнеров.

За 2006–2010 годы укрепилось сотрудничество АН РТ с КНЦ РАН. Недавно подписано трехстороннее соглашение о сотрудничестве АН РТ, КНЦ РАН и Уральского отделения Российской Академии наук, а также договор о сотрудничестве АН Татарстана и Башкортостана.

Одним из важнейших направлений своей деятельности Академия наук считает работу с интеллектуально одаренными детьми и молодежью. Под ее научно-методическим руководством создан и успешно развивается социально-педагогический комплекс «Сэлэт», в проектах которого за прошедшие 5 лет приняло участие более 8 тысяч детей и молодежи Республики Татарстан и ряда регионов РФ. Более 30 воспитанников «Сэлэт» стали кандидатами наук.

Академия наук Республики Татарстан уделяет большое внимание развитию международных связей, расширению кооперации между отечественными и зарубежными учеными, что, в свою очередь, служит не только укреплению статуса Республики Татарстан на международной арене как центра развития науки и техники, но и формирует фундамент для развития и полноценного функционирования новых направлений как в естественных, так и в гуманитарных науках.

В этой связи необходимо отметить проведение XVI Научной конференции Академии наук исламского мира под патронатом Президента Республики Татарстан, организаторами которой были Академия наук исламского мира,

ЮНЕСКО и Академия наук Республики Татарстан.

Особого внимания заслуживает Всемирный форум татарских ученых, который во второй раз проходит в Казани при участии видных татарских деятелей науки. Участники конференции знакомятся с новейшими исследованиями татарских ученых в области гуманитарных и естественных наук и обсуждают проблемы и перспективы развития научных изысканий и внедрения новых технологий в Республике Татарстан.

В результате активной международной деятельности наших ученых растет популярность Академии наук РТ в мировом научном сообществе. Академики АН РТ часто выезжают за рубеж для обмена научным опытом, чтения лекций в известных вузах и с такой же регулярностью принимают иностранные делегации. Сегодня почетным званием иностранного члена АН РТ обладают 12 выдающихся зарубежных ученых, которые внесли неоценимый вклад в развитие науки и техники в Татарстане. Среди них есть такие титаны научного сообщества, как профессор Элизабет Танзи – профессор истории современной медицины, профессор Ганс Хогерзайл – директор департамента Всемирной организации здравоохранения и другие.

На сегодняшний день АН РТ сотрудничает с большим количеством как зарубежных, так и российских институтов на основе заключенных договоров и соглашений. Особая активность на-

блюдается во взаимодействии с научными учреждениями Германии, Ирана, Турции, Белоруссии, Азербайджана и других стран. Из российских регионов достаточно плодотворно складывается сотрудничество с учеными республик Башкортостан, Саха-Якутии, а также Новосибирской и Ульяновской областей.

Активность АН РТ на международной арене способствует органичному и продуктивному развитию науки и техники как внутри региона, так и за ее пределами, тем самым подчеркивая значительность вклада Республики Татарстан в мировое развитие.

Академия наук и научное сообщество республики располагают мощным потенциалом для решения стоящих перед ней задач. За истекший период учеными Татарстана совместно с представителями бизнеса проведен ряд крупных актуальных исследований и разработок. Существенно пополнился портфель наукоемких междисциплинарных проектов для приоритетных отраслей экономики.

Академия наук Татарстана, отмечая свой 20-летний юбилей, ставит перед собой большие задачи, неразрывно связанные с экономикой и благосостоянием республики. В качестве первоочередной задачи на предстоящий период представляется активная реализация имеющегося научно-производственного потенциала, ощутимый вклад в инновационное социально-экономическое развитие Татарстана.

РАЗВИТИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОЙ НАУКИ В ТАТАРСТАНЕ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Р.М. Валеев, доктор исторических наук, профессор;

А.И. Ногманов, кандидат исторических наук, доцент;

Л.М. Айнутдинова, кандидат исторических наук, доцент

Определяющей тенденцией в развитии различных отраслей научных знаний конца XX – начала XXI вв. является растущий интерес исследователей к энциклопедическому жанру. Обращение к нему широкой научной общественности обусловливается, с одной стороны, современными проблемами развития средств массовой коммуникации, с другой – необходимостью глобализации и универсализации познавательного процесса во всех циклах развития научной, образовательной и культуртрегерской сфер в России и мире в целом.

Энциклопедистика – это наука о науке, энциклопедия – информация и методы научно-справочной работы, унификация научной терминологии. Суть термина «энциклопедия» воспринимается неоднозначно: в переводе с греческого языка – это «круг знаний», но таким словом обозначали также перечень дисциплин, подлежащих изучению каждым свободным человеком. Д. Дидро – основатель и редактор великой французской «Энциклопедии...» эпохи Просвещения, характеризуя задачи энциклопедии, подчеркнул, что она призвана не только собирать знания, но и передавать их последующим поколениям, просвещать и облагораживать обыденное сознание.

Практика энциклопедического дела показывает, что энциклопедистика не только подводит некую черту под современным уровнем эволюции человечества, но и стимулирует его продвижение вперед. Именно в энциклопедии взаимодействие наук и их комплексность достигают всеобщих масштабов. Идеал

энциклопедичности – когда проблема исследуется комплексно, когда универсально «работают» все отрасли знаний, что достигается в основном новыми формами взаимодействия различных гносеологических и научно-практических методов. В центре универсальности энциклопедизма стоит человек – по своей природе «комплексное» существо. Человеческое познание и мировоззрение издревле исходило из антропоцентрической установки о соотносимости микро- и макрокосмоса. Сама структура энциклопедического знания определяется всем комплексом форм человеческой деятельности. Практика жизни человечества показывает, что в будущем произойдет интеграция знаний в единую науку, объединяющую вокруг человека в многомерном энциклопедическом пространстве различные его измерения. По мере всестороннего развития человека и овладения им своими развивающимися способностями энциклопедическая наука становится комплексной и со временем займет ведущее место в еще только формирующейся единой науке о человеке.

В качестве обозначения справочного издания термин «энциклопедия» в широком смысле стал применяться в XVIII в. Облик и структуру энциклопедических изданий последующих столетий предопределила «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», составителями которой являлись французские просветители Д.Дидро и Ж. Даламбер. В дальнейшем энциклопедия как вид издательской продукции стала распространяться

повсеместно, начала приобретать этнические и региональные черты, формироваться в национальные энциклопедические школы. Сейчас под термином «энциклопедия» понимается «научное или научно-популярное справочное издание, содержащее систематизированную информацию по всем (универсальное) или по отдельным (отраслевое) областям знаний и практической деятельности». Энциклопедия является концентрированным отражением знаний и опыта, накопленных человечеством за время своего существования.

Отечественная энциклопедистика имеет двухсотлетнюю историю и богатые традиции. Первая российская энциклопедия была составлена священником Иоанном Алексеевым в 1793–1794 гг. и имела название «Пространное поле, обработанное и плодоносное, или Всеобщий исторический оригинальный словарь». Венцом развития российской дореволюционной энциклопедической науки стало фундаментальное издание «Энциклопедический словарь» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона (СПб., 1890–1907), занявшее достойное место не только в российской, но и в мировой энциклопедистике. Энциклопедические издания дореволюционного периода свидетельствуют о высоком уровне отечественного энциклопедического дела. Издания того времени отличались большой насыщенностью фактического и цифрового материала, высоким научным уровнем статей, что делает их востребованными и в наши дни.

В советской России практика издания энциклопедий была продолжена. В 1924 г. специальным постановлением Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение о создании Большой Советской Энциклопедии (БСЭ). Для ее написания было привлечено более 500 авторов, словник насчитывал 65 тысяч статей. Было выпущено три издания БСЭ, а также Малая Советская Энциклопедия. В то же время в СССР наблюдалась явная недостаточность энциклопедических и справочных изданий. Только в 1960-е гг. союзные республики

получили право на подготовку и издание национальных энциклопедий, при этом для автономных республик устанавливался негласный запрет.

На рубеже XX–XXI вв. в РФ наблюдается настоящий «бум» региональной энциклопедистики: вышло более 120 печатных региональных энциклопедий по 52 субъектам РФ (большинство из них увидели свет в последние пятнадцать лет). В них содержатся разнообразные сведения по региональной истории, географии, экономике, культуре, искусству, демографии и др., многочисленные биографии людей, жизнь и деятельность которых была связана с тем или иным краем.

Форма организации региональных энциклопедических изданий самая разная: это и научные редакции, и издательства (например, Научное издательство «Башкирская энциклопедия»), и отделы при НИИ (например, редакционно-издательский отдел при НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), и институты (например, ИТЭ АН РТ, НИИ региональных энциклопедий Тюменского государственного университета). В последние годы в РФ предпринимаются попытки объединения специалистов региональных энциклопедий в единую отраслевую организацию. Так, в Челябинске была создана «Академия российских энциклопедий», которая в качестве основных задач выдвигает развитие фундаментальных и прикладных основ энциклопедической науки; содействие созданию на федеральном и региональном уровнях энциклопедий и энциклопедической литературы любого типа и уровня на новой научной основе; формирование нового мировоззрения энциклопедического типа, способного изменить мир к лучшему.

Чаще всего современные энциклопедические издания составляются и издаются редакциями. Их сотрудники являются одновременно и редакторами, и менеджерами, организуют составление словариков, находят авторов и рецензентов, редактируют и коррек-

тируют статьи. Эти специалисты обычно знакомы только с теми научными и производственными задачами, которые они решают. Главным положительным аспектом такого подхода является привлечение к участию в работе над энциклопедией наиболее компетентных в своей сфере специалистов.

В отличие от редакций научно-исследовательский институт в своей деятельности исходит из задач составления всеобъемлющей энциклопедии, в процессе которой должны быть даны ответы на все вопросы. Институт не только решает проблемы, но и ставит их, а его сотрудники должны быть учеными, компетентными в широком круге информации, ведущими самостоятельные исследования по истории отдельных отраслей знания.

Идея создания «Татарской энциклопедии» созревала давно. Тюрко-татарская энциклопедическая традиция прошла и долгий, и сложный путь становления и развития. Первые попытки разработки общемусульманской энциклопедии были предприняты еще в XIX в. известным татарским просветителем и философом Шигабутдином Марджани, подготовившим в процессе многолетней работы фундаментальный энциклопедический труд «Вафийат аль-аслаф тахийат аль-ахлаф» («Достаточное о предшественниках и приветствие потомкам», 1838–1889 гг.). Он охватывал хронологический период с 663 по 1889 г., географические рамки от Поволжья до Йемена и от Индии до Испании, т.е. включал почти все страны, где проживали народы, исповедующие ислам.

Другой крупной разработкой в области энциклопедического жанра начала XX в. стал капитальный (четырёхтомный) энциклопедический труд Ризаэтдина Фахретдина «Асар» (в переводе с арабского языка «Следы»). В него было включено свыше 1200 биографий виднейших общественных и религиозных деятелей, ученых и писателей периодов Волжской Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства, а также периода XVII – начала XX вв. В 1900–

1908 гг. Р.Фахретдин смог издать лишь первые два тома в 15 частях; остальные тома долгое время остались в рукописях и увидели свет лишь в 2010 г. В «Асаре» сохранены энциклопедические традиции, заложенные Ш. Марджани. В отличие от первого энциклопедического свода, здесь, наряду с предоставлением сведений о религиозных и общественных деятелях, большое внимание также уделяется видным представителям интеллектуальных профессий.

В 1920-е гг. в Татарстане, в отличие от некоторых регионов страны, где наблюдался краеведческий «бум» и производилось массовое издание научно-справочных работ, делались только робкие шаги в этом направлении. Почти единственным изданием подобного типа является работа И. Рамиева «Татарская периодическая печать», увидевшая свет на татарском языке в Казани в 1925 г. В ней содержатся систематизированные научно-справочные сведения о татарских газетно-журнальных изданиях (1905–1925 гг.), издательствах, а также об издателях и редакторах.

Второй работой из этого же цикла, представляющей собой энциклопедический словарь, является «Фанни камуз» («Научный словарь») А.Н. Максудова. Словарь состоит из научных и общественно-политических терминов. Автор смог издать лишь 4 части 1-го тома, которые содержат 2300 терминов и понятий (предполагался выпуск 4 томов с 10 тыс. терминами). После этого работы по составлению научно-справочных изданий краеведческого характера прекратились до 1990-х гг.

С 1990-х гг. в рамках государственной программы Республики Татарстан начались фундаментальные работы по изданию многотомной Татарской энциклопедии (ТЭ) на русском и татарском языках. В основе концепции энциклопедии лежит принцип – «все о татарах» и «все о Татарстане». Эти две составляющие стали не только связующими моментами различных сторон энциклопедических знаний, но и научно-просветительскими и дидактически-

ми составными общеобразовательного процесса народов нашей республики и России в целом. Тома ТЭ содержат уникальный материал об истории местного края и проживающих в нем народах, а также о татарской российской и зарубежной диаспоре, видных представителях татарского народа.

Практика работы над многотомной Татарской энциклопедией показала, что для издания энциклопедической литературы необходимы соответствующий уровень развития науки, наличие обобщающих трудов по важнейшим отраслям науки, экономики, истории и культуры, разработанная научная терминология и приемы транслитерации понятий с одного языка на другой. Многотомная «Татарская энциклопедия» — это своеобразная вершина издательского дела в республике. Постепенно она становится книгой книг о Татарстане и его народах, «лицом» республики, ее рекламой и путеводителем. Она позволяет удовлетворять потребности населения республики, России и всего мира в энциклопедической и справочной литературе, связанной с Татарстаном и татарским народом. Создание энциклопедии способствовало обогащению духовной жизни людей, дало импульс для развития науки, культуры и образования, роста патриотических чувств и национального самосознания всего татарского народа.

Функции энциклопедии:

1) справочная — совокупность универсальных и отраслевых энциклопедий, взятых в систему, является наиболее распространенным источником информации по всем отраслям науки и практической деятельности, позволяющим удовлетворить запросы читателей в поиске необходимой информации по интересующим его вопросам при возможно минимальной затрате времени;

2) научная — совокупность упорядоченных научных знаний, способствующих обобщению накопленных знаний и опыта, причем в энциклопедиях нередко содержатся ранее неопубликованные научные данные, поднимают-

ся нерешенные проблемы науки. При обобщении обширного материала нередко выявляются связи между различными отраслями знаний, обозначаются новые научные проблемы, особенно на стыке научных дисциплин, что, несомненно, способствует развитию науки в целом;

3) просветительская — совокупность упорядоченных научно-образовательных знаний, способствующих просвещению широких масс читателей, а также специалистов различных отраслей науки и практической деятельности;

4) идеологическая — совокупность мировоззренческих установок, отражающих идейные и общественно-политические течения разных эпох: с одной стороны, энциклопедия является зеркалом своего времени и создавшего ее народа, отражает мировоззрение своей эпохи, социальных групп, которые ее создают, с другой — является изданием, ориентированным на изменение духовного, идейного и этнического самосознания народных масс или определенных социальных групп.

Ведущей организацией, осуществляющей комплекс работ по подготовке многотомной Татарской энциклопедии и других энциклопедических изданий на территории Республики Татарстан, является Институт Татарской энциклопедии (ИТЭ) АН РТ. Он представляет собой специализированное научно-издательское учреждение, созданное и функционирующее в рамках структуры Академии наук Республики Татарстан. Институт создан в 1994 г. в соответствии с постановлением Кабинета министров РТ № 185 от 3 мая «О дополнительных мерах по подготовке и изданию многотомной Татарской энциклопедии». В ИТЭ работает 107 человек, из них научных сотрудников — 82, в том числе 10 докторов и 31 кандидат наук. Директором института с 1994 по 2010 г. являлся выдающийся государственный деятель, организатор и первый президент Академии наук РТ — академик М.Х.Хасанов. В настоящее время институт возглавляет

доктор исторических наук, профессор Р.М.Валеев.

Институт выполняет комплекс задач по становлению и развитию в Татарстане такой отрасли научного знания, как энциклопедистика. В его функции входит разработка теоретических, методических и практических проблем подготовки и издания энциклопедических трудов, прежде всего энциклопедий универсального, отраслевого, национального, регионального, тематического типов. В рамках решения поставленных задач выполняется масштабная работа по сбору, анализу, систематизации и на основе этого верификации и кодификации комплекса знаний о наработанных столетиями достижениях нашей республики.

В своей работе научный коллектив ИТЭ призван сочетать интересы и ценности науки, государства, различных общественных страт, общества в целом, ставить и решать задачи на уровне выявления тенденций и закономерностей, концентрировать внимание на уникальных и специфических явлениях, а также подчеркнуть личностный компонент исторического процесса.

Важнейшим этапом в становлении института как научно-исследовательского и издательского учреждения стало издание Указа Президента РТ М.Ш.Шаймиева от 10 февраля 1997 г. «О программе «Татарская энциклопедия». В соответствии с ним постановлением Правительства РТ № 376 от 4 мая 1997 г. была утверждена программа конкретных мер по созданию штатных, финансовых и др. условий для разработки Татарской энциклопедии. 29 декабря 2007 г. вышло Распоряжение Кабинета министров РТ № 2329-р, которым была утверждена программа разработки и выпуска энциклопедических изданий до 2015 г. включительно.

Сочетая научные и издательские функции, Институт реализует проекты по разработке энциклопедических трудов от идеи до готового информационного продукта на необходимом потребителю носителе. За последние годы

увидели свет следующие издания ИТЭ: «Населенные пункты Республики Татарстан. Краткий справочник» (1997), «Татарский энциклопедический словарь» (1999), «Татар энциклопедия сүзлеге» (2002), «Татарская энциклопедия» (т.1, 2002; т.2, 2005; т.3, 2006; т.4, 2008; т.5, 2010), «Татар энциклопедиясе» (т.1, 2008, т.2, 2010), иллюстрированные очерки «Республика Татарстан: природа, история, экономика, культура, наука» (2010), справочник «Центральные органы государственной власти и управления Татарстана (1920–2010 гг.)» (2010). Все они вызвали большой читательский интерес, получили высокую оценку научной общественности.

В рамках своей деятельности институт решает проблемы становления совершенно новой отрасли – татароведческой энциклопедистики. В связи с тем, что ИТЭ готовит издания на двух государственных языках РТ – русском и татарском, помимо общей проблематики энциклопедической работы, коллектив института разрабатывает и обобщает опыт по решению вопросов перевода на татарский язык современной научной терминологии, по разработке академического стиля изложения на татарском языке и т.д.

За разработку «Татарского энциклопедического словаря» на русском и татарском языках Указом Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева ведущим научным сотрудникам ИТЭ М.Х.Хасанову, Г.С.Сабирзянову, Р.Н.Даутову, Р.М.Мухаметшину, Р.В. Шайдуллину, В.Г. Абзаловой, А.В.Гарзавиной присуждена Государственная премия Республики Татарстан 2005 г. в области науки и техники.

В силу уникальности поставленных задач ИТЭ – единственный в регионе ведет работу по подготовке научных кадров в области энциклопедистики, выпускает методическую литературу, формирует научное сообщество профессионалов и энтузиастов энциклопедического дела в республике, своей работой способствует интеграции науки Татарстана в общероссийское и ми-

ровое научное сообщества. Авторами большинства статей в изданиях института являются его научные сотрудники. Для работы привлекаются также ученые и специалисты из организаций и учреждений РТ, Москвы, Санкт-Петербурга, других городов и регионов РФ. ИТЭ сотрудничает с Государственным научным издательством «Большая Российская энциклопедия», энциклопедическими издательствами республик, краев и областей России, а также ряда зарубежных стран.

Сегодня в структуре института основное место занимают десять научно-отраслевых отделов (истории и общественной мысли; истории населенных пунктов РТ и мест компактного проживания татар за ее пределами; экономики и истории народного хозяйства; науки, образования и культуры; языкознания и литературы; истории средств массовой информации; биологии, географии и геологии; естественно-технических наук; медицины, здравоохранения и спорта; по подготовке энциклопедических изданий на татарском языке).

Важную роль в процессе подготовки изданий ИТЭ в печать играют сотрудники отдела научно-информационного обеспечения и библиографии, групп литературного редактирования текстов на русском и татарском языках. Работа по подготовке в печать многотомной Татарской энциклопедии была бы невозможна без отдела иллюстраций и картографии, а также компьютерной группы, осуществляющей макетирование изданий. В целом институт сложился как вполне продуманный, хорошо отлаженный механизм, способный решать масштабные задачи.

Будучи ведущим учреждением по энциклопедистике, институт занимается координацией работы учреждений, вузов, научных обществ Республики Татарстан. При нем на общественных началах функционируют Главная научно-редакционная коллегия, состоящая из крупных ученых, руководителей вузов, НИИ, главных редакторов республиканских средств массовой информа-

ции (33 чел.) и 35 научно-отраслевых коллегий (св. 200 чел.).

С целью подготовки высококвалифицированных научных кадров в ИТЭ создана аспирантура по специальностям «Отечественная история»; «Литература народов РФ» (татарская литература), «Политология»; в аспирантуре обучается 18 человек (2011 г.). За период 2000–2010 гг. диссертации на соискание ученых степеней защитили следующие сотрудники ИТЭ: доктора наук – Зиятдинов Ф.С., Мухаметшин Р.М., Усманов Р.Г., Шайдуллин Р.В.; кандидата наук – Айнутдинова Л.М., Ахунов А.М., Барабанова И.И., Батыршин Р.Р., Булатова Г.Н., Валиуллин И.Р., Ибрагимов Р.Р., Калимуллина Ф.Г., Мусабекова Р.Р., Сайфетдинова Э.Г., Хабибуллин М.З., Яруллина А.Г. Выпускники аспирантуры ведут научную и преподавательскую работу в Казанском федеральном университете, Российском исламском университете, в вузах и научно-исследовательских учреждениях Казани и других городов РТ.

Уникальность изданий ИТЭ состоит в том, что большинство содержащихся в них статей-справок подготовлены на основе не известных до сих пор документов региональных архивов, являются результатом многолетних кропотливых изысканий ученых и краеведов. Круг потребителей содержащейся в них информации не исчерпывается жителями того региона, которому они посвящены. Изданиями активно пользуются люди, проживающие в других регионах России, а также за рубежом, что связано с повсеместным оживлением интереса к региональной истории, с расширением деловых и культурных связей между различными регионами России, с развитием туризма.

ИТЭ принимает активное участие в популяризации энциклопедических изданий, привлекает к сбору краеведческого материала интеллектуальную общественность края. В этой связи одной из главных проблем является недоступность данных изданий за пределами того региона, где они выпускаются. Пробле-

му можно решить двумя путями: расширять Интернет-сайт института, помещая на нем наиболее интересные материалы энциклопедии; заключая соглашения о распространении с представительствами РТ в других регионах РТ и за рубежом.

За время работы в институте сформировался богатый архив, в котором собраны уникальные сведения по различным областям научного знания, тысячам персоналий, картотеки научных публикаций и т.д. Институт обладает базами данных по населенным пунктам РТ и местам компактного проживания татар за пределами Татарстана, промышленным и сельскохозяйственным предприятиям, объектам здравоохранения, науки, образования, культуры, спорта и т.д. Эти материалы активно задействованы не только в работе над многотомной Татарской энциклопедией, но и предоставляются на безвозмездной основе органам государственной власти РТ, министерствам и ведомствам, сотрудникам других институтов АН РТ, КазНЦ РАН, вузов, учреждений образования и культуры РТ, работникам родственных учреждений в других регионах РТ.

Перспективный план развития ИТЭ наряду с традиционными направлениями, такими как *разработка, подготовка и издание универсальных энциклопедий на русском и татарском языках*, предусматривает создание отраслевых энциклопедий, перечень которых был утвержден Распоряжением Кабинета министров РТ №2329-р от 29.12.2007 г.

Он включает в себя энциклопедии и энциклопедические словари «*Татарстан*» (историческая энциклопедия); «*Населенные пункты Республики Татарстан*»; «*Культура и искусство Республики Татарстан*»; «*Образование и наука Республики Татарстан*»; «*Промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство Республики Татарстан*»; «*Медицина и здравоохранение Республики Татарстан*»; «*Физическая культура и спорт Республики Татарстан*»; «*Татарская детская энциклопедия на русском и татарском языках*».

В рамках подготовки к Универсиаде 2013 г. несомненный интерес представляют разработка и издание энциклопедии «*Казань*», энциклопедического справочника «*Физическая культура и спорт Республики Татарстан*».

Издания ИТЭ выполняют информационную функцию и предоставляют возможности для быстрого поиска систематизированной информации в различных областях знаний. Коллектив института обладает необходимыми возможностями для разработки справочных изданий, ориентированных на специализированную (профессиональную) аудиторию. В перечень перспективных изданий входят справочники «*Государственные органы и учреждения РТ*»; «*Лауреаты Государственных премий РТ*»; «*Учреждения культуры РТ (Казани)*»; «*Музеи и музейные объекты РТ (Казани)*»; «*Памятники природы и охраняемые территории РТ*»; «*Реки, озера и болота РТ*»; «*Средства массовой информации*»; «*Флора и фауна Татарстана*».

Энциклопедии, создаваемые институтом, выполняют общеобразовательную функцию и адресованы широкой аудитории. Поэтому одним из важных направлений деятельности ИТЭ являются *разработка, подготовка и издание учебно-справочных пособий для общеобразовательных, профессиональных и высших учебных заведений*, которые можно использовать в качестве дидактических пособий при проведении учебного процесса. Первым практическим шагом в данном направлении является проект иллюстрированной энциклопедии для школьников «*История Татарстана с древнейших времен до наших дней*», реализуемый сотрудниками института по линии Российского гуманитарного научного фонда.

Отличительной чертой сегодняшнего времени являются бурное развитие информационных технологий, создание разнообразных электронных баз данных с целью накопления, хранения и передачи информации. В Интернете представлено большое количество разных ЭБД, в том числе в энциклопеди-

ческом формате («Википедия» и др.). ИТЭ является единственным в РТ учреждением, способным на высоком научном уровне создавать и поддерживать в актуальном состоянии подобный информационный продукт. Он может использоваться не только для внутренних нужд института, но также передаваться другим подразделениям АН РТ, государственным учреждениям и ведомствам, общественным организациям, частным лицам, выставляться в Интернете для всеобщего доступа.

Одним из важных направлений деятельности ИТЭ в будущем будет являться научно-методическое руководство и практическая помощь в разработке словарей и написании статей для краеведческих изданий (энциклопедий городов и районов и др.), издаваемых муниципальными органами власти РТ.

Юбилей Академии наук РТ Институт Татарской энциклопедии встречает

значимыми достижениями. По оценкам экспертов издательства «Большая Российская энциклопедия», издания института отвечают самым высоким стандартам энциклопедистики, а по таким параметрам, как фундаментальность, научность, содержательность, широта охвата различных проблем, полиграфическое исполнение, превосходят аналогичные издания в других российских регионах.

Академия наук Республики Татарстан, имея в своем составе Институт Татарской энциклопедии, закладывает основы институализации такой формы универсального знания, как энциклопедизм. Институт является просветительским учреждением, распространяющим научные знания о состоянии большинства отраслей науки в прошлом и настоящем, о значимых сферах жизни Республики Татарстан, а также центром популяризации среди населения научных достижений.

Аннотация

В статье рассматриваются состояние и перспективы развития энциклопедической науки в Республике Татарстан. На основе характеристики деятельности Института Татарской энциклопедии АН РТ показана значимость выпускаемых им изданий для развития науки, культуры и образования в Татарстане, обогащения духовной жизни его населения, роста патриотических чувств и национального самосознания татарского народа.

Ключевые слова: наука, энциклопедическая наука, Республика Татарстан, Институт Татарской энциклопедии.

Summary

The article deals with the state and prospects of development of encyclopedic science in the Republic of Tatarstan. On the basis of the activities of the Institute of Tatar Encyclopedia Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan shows the importance of publications issued for the development of science, culture and education in Tatarstan, enrich the spiritual life of its population, the growth of patriotic sentiment and national consciousness of the Tatar people.

Key words: science, encyclopedic science, the Republic of Tatarstan, the Institute of Tatar Encyclopedia.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЦЕНТРА ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН РТ

Г.Ф. Габдрахманова, кандидат социологических наук;

Р.Н. Мусина, кандидат исторических наук

Одним из важнейших направлений российской науки является этническая социология. В 1990-е гг. на волне суверенизации в России сформировались региональные Академии наук. Так произошло и в Татарстане. Здесь 30 сентября 1991 г. была образована Академия наук Республики Татарстан. Несмотря на это, этносоциология в Татарстане всегда развивалась и развивается сейчас как неотъемлемая часть российской науки, внесшая значительный вклад в изучение этносоциального поля России. Пройдя в своем развитии несколько этапов, этносоциология в Республике Татарстан получила свое институциональное оформление в виде Центра этносоциологических исследований (ЦЭСИ), образованного в 2006 г. на базе отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ (ИИ АН РТ).

Сама история становления отечественной этносоциологии связана с Татарстаном. В 1967–1968 гг. в Татарской АССР под руководством Ю.В. Арутюняна был реализован первый в СССР масштабный этносоциологический проект «Оптимизация социально-культурного развития наций». Исследование, осуществленное сотрудниками сектора конкретных социальных исследований Института этнографии им.Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ИЭ АН СССР), было направлено на изучение проблем социальной структуры и социальных перемещений, культуры и семейного быта, языковых процессов и национальных отношений основных этнических групп ТАССР – русских и татар.

С организации в ИЭ АН СССР (сейчас – Институт этнологии и антропологии им.Н.Н. Миклухо-Маклая РАН) сектора конкретных социальных исследований и реализации первого масштабного этносоциологического исследования в ТАССР начинается институционализация отечественной этносоциологии как нового научного направления, изучающего социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах.

Важным фактором институционализации этносоциологии в РТ стали республиканские специалисты, появившиеся в 1970 – начале 1990-х гг. и ставшие впоследствии сотрудниками ЦЭСИ. Р.Н. Мусина прошла обучение в аспирантуре ИЭ АН СССР, где ею под руководством Л.М. Дробижевой была подготовлена диссертационная работа. Позднее на рубеже 1980–1990-х гг. Л.М. Дробижева и Ю.В. Арутюнян стали соруководителями диссертационных исследований и других республиканских этносоциологов – Л.В. Сагитовой и Р.М. Ахметова. Последующее развитие этносоциологии в РТ, которое в итоге привело к образованию ЦЭСИ, выстраивалось на плодотворной научно-исследовательской деятельности первых татарстанских этносоциологов и воспитаний ими нового поколения специалистов ИИ АН РТ в 1990–2000-х гг.

Одними из первых этносоциологических исследований будущих сотрудников ЦЭСИ стали исследования 1970–1980-х гг. Р.Н. Мусина, представляя историко-компаративный анализ

семьи и семейно-брачных отношений у татар, провела сравнительный анализ татарской семьи с семьями других народов СССР. Внимание З.А. Исаковой привлекла проблема функционирования национальных языков, речевого поведения рабочих-татар.

Но, пожалуй, самым крупномасштабным этносоциологическим проектом стало исследование «Современные этносоциальные и этнодемографические процессы в ТАССР» («СЭПТ», рук. Л.М. Дробижева, Д.М. Исаков, Р.Н. Мусина). Осуществленное в 1989–1990 гг. сотрудниками Института языка, литературы и истории Казанского научного центра АН СССР, оно было дополнено исследованиями творческой интеллигенции республики – научной (рук. Д.М. Исаков, Я.З. Гарипов) и художественно-творческой (рук. Д.М. Исаков, Р.Н. Мусина) [1].

Этносоциологическое исследование «СЭПТ» объединило специалистов разной тематики и дало импульс к научному творчеству для нового поколения этносоциологов. Так, Л.В. Сагитова начала разработку темы «Татарская интеллигенция в этносоциальных процессах в Татарстане (конец 1980-х – середина 1990-х гг.)». Тема, привлекшая внимание Р.М. Ахметова, – «Социальная структура татарского общества в XX в.», при разработке которой он первым в республике проблематизировал тему татарской элиты, главным образом политической.

1990-е гг. отмечены всплеском научных исследований в области этнолингвистики. Принятие Конституции РТ, провозгласившей два государственных языка в республике, Закона «О языках народов Республики Татарстан» способствовало изменению статуса татарского языка, что, в свою очередь, стимулировало научно-исследовательский интерес. Проблемы реализации языковых законов, особенности формирования двуязычия и многоязычия в республике, становление и развитие национального образования, роль языка в сохранении межнациональной ста-

бильности – вот неполный перечень вопросов, затронутых исследователями в этот период. Большой блок вопросов по этноязыковым процессам у татар и русских был заложен в исследовании «СЭПТ», по результатам которого опубликован ряд работ З.А. Исаковой, в том числе монография [2]. Этноязыковое поведение молодежи, наряду с религиозным и этническим самосознанием, изучалось также в рамках республиканского проекта «Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность» (1999 – 2000 гг., рук. Р.Н. Мусина) [3].

С начала 1990-х гг. активизируется изучение религии и межэтнических отношений. Так, исследовательский интерес Р.Н. Мусиной был направлен на выявление религиозного сознания, проявление религиозного фактора в этнической культуре и межэтнических отношениях. В 1993–1994 гг. ею был реализован авторский проект «Ислам и проблемы этноконфессиональной толерантности». Г.И. Макарова исследовала межэтнические отношения в рамках проекта «Роль культурной политики в сохранении социальной стабильности полиэтничного общества (пример Республики Татарстан)».

В качестве самостоятельной темы формируется проблема конструктивистского влияния СМИ на этнические чувства населения. Основоположником этой темы является Л.В. Сагитова. В 1996–1998 гг. она провела исследование «Роль республиканской прессы в формировании новой системы ценностей в условиях социально-экономической трансформации общества в Татарстане», по результатам которого ею была подготовлена монография [4] и защищена диссертация.

Значительное внимание этносоциологов ИИ АН РТ в 1990-е гг. уделялось изучению этнодемографических процессов и миграции. Дезинтеграция СССР, взрыв национализма, экономические перемены изменили природу миграций, все более приобретающих

этническую окраску. Основным объектом исследования стали потоки недобровольных мигрантов — репатриантов, беженцев и вынужденных переселенцев, а также факторы, вызывающие эти потоки. В 1997 г. Г.Ф. Габдрахмановой было проведено исследование «Социокультурная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Татарстан», на материалах которого защищена диссертация, а в 2003 г. выпущена монография [5].

1990-е гг. в истории ЦЭСИ отмечены укреплением межрегиональных и международных связей. Целый ряд проектов был реализован совместно с московскими этносоциологами и коллегами из других регионов России. Сотрудники приняли активное участие в разработке и осуществлении международных научно-исследовательских проектов, инициированных и руководимых Л.Н. Дробижевой: «Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» (1993–1996 гг.) и «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997–1998 гг.). Целью первого проекта было проведение компаративных исследований в районах межэтнического напряжения разного типа с последующим выявлением связи конфликтов в институциональной сфере с состоянием отношений в социальной и психологической сфере. Второй был нацелен на изучение этнических границ и их соотношение с административными границами на территории современной России. Результаты исследований отражены в научных сборниках и коллективных монографиях, подготовленных при участии этносоциологов ЦЭСИ [6].

В целом исследования 1990-х гг. сотрудников ЦЭСИ показали, что этничность в период парада суверенитетов в Татарстане, как и в других национальных субъектах РФ, проявляла себя на двух уровнях: институциональном и групповом. Был собран уникальный материал, связанный с ролью национальных элит в этносоциальной истории пост-

советского Татарстана. Этносоциологи фиксировали актуализацию этнических чувств татарстанцев, хотя было выявлено, что число людей с гиперэтническими установками в этот период оставалось незначительным. Сотрудники ЦЭСИ, вместе с учеными из других регионов России, направляя усилия на выявление факторов, способствующих предупреждению перерастания межэтнической напряженности в межгрупповые конфликты, внесли определенный вклад в сохранение позитивных межэтнических отношений в РТ.

Первое десятилетие 2000-х гг. характеризуется, прежде всего, осмыслением этносоциологами ЦЭСИ динамики этничности 1990-х — начала 2000-х гг. в Татарстане [7]. Начинают формироваться новые направления этносоциологических исследований.

Анализу результатов десятилетней этноязыковой политики Татарстана посвящена специальная монография, подготовленная сотрудниками ЦЭСИ [8]. Данная работа представляет попытку эмпирического изучения феномена языка в различных сферах жизнедеятельности татарстанского сообщества, определения его современного состояния и доминирующих тенденций развития. С целью выявления содержания и причинно-следственных связей этносоциальных проблем, связанных с реализацией языковой политики в РТ в сфере образования, был предпринят исследовательский проект «Государственные языки в школьном образовании Республики Татарстан» (2006–2008 гг., рук. Р.Н. Мусина). Результаты отражены в коллективной монографии [9].

Одним из важных направлений исследований стало изучение проблем культуры и культурной политики, чем активно занимается Г.И. Макарова. В рамках ряда авторских проектов на основе изучения программ, концепций национально-культурного развития, Законов о культуре, статистических данных, оценок респондентами осуществляемой РФ и РТ языково-культурной политики, ею анализируются

этнические аспекты культурной политики РТ, ее соотношение с культурной политикой федерального Центра. Итоги исследований изложены в монографии [10].

Продолжается изучение проблем национальной идеологии и этнического самосознания. В ЦЭСИ в 2008 г. был реализован проект «Этнические и религиозные идентичности у татар и русских» (рук. С.Каплан). Г.И. Макарова разрабатывает эту тему в рамках проекта «Многообразие в интеграции: динамика соотношения и развития этнокультурных, региональных и общероссийской идентичностей (на примере РТ)» (2010–2011 гг.).

Продолжается изучение проблем религии. Р.Н. Мусиной реализован проект «Ислам и православие в контексте этноконфессионального взаимодействия в трансформирующейся России» (2002–2004 гг.). Роли конфессионального фактора идентичности татар и межэтнических отношений посвящен ряд статей и коллективная монография, подготовленная при участии специалистов ЦЭСИ [11].

Этнические конфликты в республиках бывшего СССР и проявляющееся напряжение по оси «старое – новое» в самых разных сферах социальной жизни – от политической до культурной подвели российское общество к осознанию необходимости формирования толерантного мышления. В 2002 г. в рамках Федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе этносоциологи ИИ АН РТ участвовали в исследовании «Этнические стереотипы и границы межкультурного понимания: на примере регионов Приволжского федерального округа: Нижегородская область, Республика Татарстан, Республика Удмуртия» (рук. А.М. Зинуров). Его целью было корпоративное изучение социально-психологической и социальной функции этнических стереотипов в молодежной среде у русских, татар, удмуртов и межэтнических отно-

шений в полиэтнической среде ряда субъектов ПФО. Другой подход – изучение инструментальной роли средств массовой информации в формировании толерантности/интолерантности был осуществлен в ходе реализации ряда проектов, в которых приняла участие Л.В. Сагитова. В 2007 г. исследователями Центра аналитических исследований и разработок и ЦЭСИ был осуществлен проект «Межнациональные отношения в Республике Татарстан» (рук. А.Л. Салагаев, Р.Н. Мусина).

В первом десятилетии нового века изучение миграций в этносоциологическом плане приобрело новый ракурс. Этносоциологи ЦЭСИ совместно с Центром изучения проблем вынужденной миграции в 2004 г. участвовали в реализации исследовательского проекта «Новая миграционная политика России и права мигрантов» (рук. Ж.А. Зайончковская). В условиях актуализации проблемы трудовых мигрантов начинающий этносоциолог Э.А. Сагдиева обратилась к изучению социальных и этнических ресурсов в экономических стратегиях трудовых мигрантов. По этой теме ею защищена диссертация. Важным выводом исследовательницы стало то, что этничность, рекрутируемая мигрантами и лидерами этнических общин, может играть позитивную роль в реализации экономических целей миграции и придании прозрачности нелегальным миграционным потокам. Проблемы трансформации идентичности трудовых мигрантов изучались в рамках проекта «Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей (Санкт-Петербург – Узбекистан – Казахстан – Татарстан)» (рук. С.Абашин, Е.Чекадзе) (2007 г.), в реализации которого приняли участие Л.В. Сагитова (рук. по РТ) и Э.А. Сагдиева. Одним из итогов изучения трудовой миграции в ЦЭСИ стала монография [12].

В 2000-е гг. продолжается сотрудничество этносоциологов ЦЭСИ с учеными из регионов России. В рамках

научно-исследовательского проекта «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999–2001 гг., рук. Л.М. Дробужева), наряду с учеными из Башкортостана, Республики Саха (Якутия) и Оренбургской области, участвовали исследователи ЦЭСИ. Этносоциологи стремились ответить на вопросы: насколько обоснованы представления об этническом неравенстве; почему ситуация отбора на рынке труда, неизбежная в условиях социально-экономической конкуренции, воспринимается в общественном сознании как проявление этнического неравенства. Результаты исследования опубликованы в коллективной монографии, подготовленной при участии ЦЭСИ [13].

Важным направлением деятельности ЦЭСИ в 2000-х гг. стало участие в разработке государственных программ, оказание помощи и участие в работе общественных советов при органах государственной власти и управления. Была проведена работа по разработке Концепции государственной национальной политики Республики Татарстан, утвержденной Указом первого Президента РТ М.Ш. Шаймиева 3 июля 2008 г. Содержание Концепции и аналитический материал, послуживший основанием для ее разработки, представлены отдельным изданием [14].

Сегодня в ЦЭСИ формируются новые направления исследований. Одно из них — это глобализационные процессы и адаптация к ним этнических культур (Л.В. Сагитова). Г.Ф. Габдрахманова исследует влияние этнокультурных ресурсов на социально-экономическое развитие российского общества. В 2008–2010 гг. ею было проведено исследование «Экономические практики народов в рыночных условиях: этнокультурный базис и стратегии целеполагания» и подготовлена монография [15].

С актуализацией в обществе проблемы этничности возрастает значимость этносоциологии в системе научного знания, в том числе при подготовке специалистов-социологов и представите-

лей других гуманитарных наук. В вузах Татарстана подготовлены программы и читаются курсы по этносоциологии, этнопсихологии, оригинальные авторские спецкурсы. Л.В. Сагитова разработала спецкурсы «Этничность и глобализация в отражении СМИ» и «Этнические проблемы в журналистике» для студентов факультета журналистики, а также курс лекций «Этносоциология и национальная политика» в Институте госслужбы при Президенте РФ. Г.И. Макарова читает курс «Социология культуры» в Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова, Г.Ф. Габдрахманова — «Социология» в Казанском филиале Российского государственного университета туризма и сервиса.

Современная этносоциология в России и в Татарстане, в частности, переживает новый этап своего развития. Современная этничность в отличие от периода «лающих национализмов» приобрела латентный характер, но не потеряла своего значения. Сегодня этносоциологи анализируют дискурсы, связанные с переписными кампаниями, изменением национально-регионального компонента в образовательной системе, выявляют ситуации инструментализации русского и татарского языков, изучают особенности социальных, экономических, политических взглядов этнических групп. Массовые этносоциологические исследования фиксируют повседневный шаблон восприятия ряда социальных ситуаций в этнических категориях. Наблюдения показывают ситуации приобретения этнической культурой качества социально-экономического ресурса. Изменяющееся этнополе требует новых методологических и методических подходов к его изучению.

Этносоциальная проблематика сейчас привлекает внимание социологов, политологов, психологов, других специалистов-обществоведов со своими собственными подходами и методами исследования, что, несомненно, дает новый импульс развитию этносоциоло-

гической науки. Формируются новые направления на стыке этнической и экономической социологии, менеджмента: изучается рынок этнических товаров и услуг (Г.Ф. Габдрахманова), этнический туризм (Л.В. Сагитова). Больше внимания стало уделяться культурной и визуальной антропологии. Наряду с массовыми опросами начали активно использоваться качественные методы – биографический, свободного интервью, фокус-группы, наблюдение, этнопсихологическое тестирование.

Этническая социология в Республике Татарстан, сформировавшись в

благоприятных условиях и перейдя на уровень институционализации в виде ЦЭСИ, имеет шансы для дальнейшего успешного развития. Проведенная в г.Казани в 2008 г. Международная научно-практическая конференция «Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества» [16], приуроченная к 40-летию юбилею первого в СССР этносоциологического исследования, проведенного в ТАССР, стала знаковым событием, показавшим состоятельность и перспективность татарстанской этносоциологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Современные межнациональные процессы в ТССР: Программа исследования и инструментарий. – Казань: Татполиграф, 1991; Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. I. – Казань: Татполиграф, 1992; Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. II. – Казань: Татполиграф, 1994.

2. *Исхакова З.И.* Двужычие в городах Татарстана (1980–90-е годы). – Казань: Фикер, 2001.

3. Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана: язык, религия, этничность / Р.Н. Мусина, Я.З. Гарипов, Р.И. Зинурова, Р.М. Мухаметшин, Л.В. Сагитова. – Казань: РИЦ «Школа», 2000.

4. *Сагитова Л.В.* Этничность в современном Татарстане. – Казань: Изд-во «Татполиграф», 1998.

5. *Габдрахманова Г.Ф.* Социокультурная адаптация беженцев и вынужденных переселенцев в Республике Татарстан. Монография. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003.

6. Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х гг. – М., 1994; Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика. – М., 1995; Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.

7. Этносоциологические исследования в Республике Татарстан / Сост. и ред. Р.Н. Мусина, Л.В. Сагитова. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008.

8. Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан / Отв. ред. Р.Н. Мусина. – Казань: Магариф, 2002.

9. Государственные языки в школьном образовании: информационно-аналитический материал по результатам этносоциологического исследования в г.Казани / Отв. ред. Р.Н. Мусина. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006.

10. *Макарова Г.И.* Этнокультурная политика федерального Центра и Республики Татарстан: стратегии интеграции. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009.

11. Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования / Отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009.

12. *Сагдиева Э.А., Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н.* Освоение пространства. Социально-экономические практики трудовых мигрантов в России. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.

13. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002.

14. Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в Республике Татарстан / Рук. проекта и отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008.

15. *Габдрахманова Г.Ф.* Этнокультурные ресурсы экономического развития. — Казань: Казан. ун-т, 2010.

16. Этносоциология в России: научный потенциал в процессе интеграции полиэтнического общества: Материалы Международной науч.-практ. конф. — Казань, 26–28 июня 2008 г. / Отв. ред. Р.Н. Мусина. — Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009.

Аннотация

Одним из значимых направлений в деятельности Института истории им.Ш.Марджани АН РТ являются этносоциологические исследования. На становление татарстанской этносоциологии как одного из самых крупных и успешно развивающихся центров российской этнической социологии оказал влияние ряд факторов. Их анализу посвящена представленная статья. Наряду с выделением этапов развития этносоциологии в Татарстане, ее институционализации в форме Центра этносоциологических исследований ИИ АН РТ, раскрываются основные направления научно-исследовательской деятельности этносоциологов, показываются новые междисциплинарные подходы к изучению этнического поля.

Ключевые слова: этносоциология, Татарстан, Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, Центр этносоциологических исследований.

Summary

One of the most significant trends in the activity of the Institute of History in the name of Sh.Marjani of the Academy of Sciences of Tatarstan are ethnosociological investigations. A number of factors had an impact on the formation of Tatar ethnosociology as one of the largest and successfully developing centres of Russian ethnic sociology. This article is devoted to their analysis. Along with distinguishing the stages of the development of ethnosociology in Tatarstan and its institutionalization in the form of the Centre of ethnosociological investigations of the Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences the article deals with the major tendencies of scientific research activity of ethnosociologists and new interdisciplinary approaches of the ethnic field study.

Key words: ethnosociology, Tatarstan, the Institute of History in the name of Sh.Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Centre of ethnosociological investigations.

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ТАТАР: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Перемены в политической жизни России последних двух десятилетий выразились в трансформации сложившихся точек зрения и стереотипов на многие вопросы тюрко-татарской истории. Одна из главных причин формирования «нового взгляда» на средневековую тюрко-татарскую историю была обусловлена общественно-политическим фактором. После падения коммунистического режима исчезли идеологические «клише», не позволявшие ранее объективно излагать научную информацию. Появление на политической карте мира после распада СССР новых государственных образований тюркских народов активизировало деятельность историков этих стран по определению места своих народов в мировом сообществе.

Школой в изучении средневековой истории татар и основой переосмысления исторического прошлого татарского народа стал проект по написанию фундаментальной семитомной «Истории татар с древнейших времен».

Важно отметить, что последние обобщающие работы по истории Татарской Республики были написаны в 1950–1960-е гг. За последние полвека шла разработка отдельных тем, сюжетов в условиях запрета изучения целых исторических эпох. Из обобщающих работ по «Истории ТАССР» традиционно выпадали древнетюркский и золотоордынский периоды, изложение истории Волжской Булгарии и Казанского ханства строилось на классовом подходе и изолированно от соседних тюркских народов и тюрко-татарских государственных образований.

Поэтому новым явлением в освещении и осмыслении древней истории

современных татар стал первый том «Народы степной Евразии в древности» (Казань, 2002), научным руководителем которого был приглашен известный ученый-востоковед, зав. сектором тюркологии и монголистики тогдашнего Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН С.Г. Кляшторный. С целью обсуждения узловых научных проблем тома и координации деятельности участников проекта отделом средневековой истории были проведены: всероссийский семинар «Место Поволжья и Приуралья в истории степей Евразии (1 тыс. до н.э. – 1 тыс. н.э.)» (2000) и всероссийская конференция «Древнетюркский мир: история и традиции» (2001).

В данном коллективном труде впервые древняя и средневековая история татар предстала как часть истории Евразии и стала восприниматься как история евразийского масштаба, что самым существенным образом повлияло на последующие археологические изыскания казанских историков, способствовало географическому расширению научных контактов, переходу археологических раскопок из Татарстана в соседние регионы. Первый том «Истории татар с древнейших времен» подготовил научную основу учредительного съезда Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей в Казани (2007) и современных международных проектов Института истории им. Ш.Марджани: «Идель-Алтай: истоки мировых цивилизаций» и «Булгарский форум». Благодаря этому изданию читателю стали понятны общие корни тюркских народов, роль и место Гун-

нского и Тюркских каганатов в последующем развитии Восточной Европы и Центральной Азии, в судьбе тюркской цивилизации.

II том под названием «Волжская Булгария и Великая степь» (Казань, 2005), ответственным редактором которого является Ф.Ш. Хузин, позволил не только удачно обобщить накопленный материал по социально-экономической, общественно-политической истории и культуре, международным связям Волжской Булгарии, но и представить самые последние достижения болгароведов. Важно отметить, что история Волжской Булгарии рассматривалась на фоне общественно-политических событий в Великой Булгарии, Хазарском каганате и Дунайской Болгарии, истории тюркских народов Северного Кавказа, Западной Сибири, финно-угорских народов в Волго-Камье, развития мусульманской цивилизации. Впервые как самостоятельный объект исследования освещались: хозяйство, общественный строй, племенной состав и культура народов степей Евразии в X – начале XIII вв., позволившие воссоздать панораму событий прошлого на территории расселения печенегов, гузов, торков, кимаков и кыпчаков.

Издание позволило рассматривать территории, заселенные болгарскими и тюркскими племенами, как общую историко-культурную территорию, выявить общие черты и особенности в их материальной и духовной культуре.

III том «Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – сер. XV в.» (Казань, 2010) под научным руководством М.А.Усманова появился, можно сказать, на начальном этапе активного изучения данного евразийского государства. Книга имеет большое значение в освещении средневековой истории современного Российского государства и призвана разрушить сложившиеся стереотипы о Золотой Орде и средневековых татарах, запечатленные в современных школьных и вузовских учебниках и общественном сознании населения.

Успех названных коллективных трудов обеспечивался привлечением ведущих отечественных и зарубежных специалистов – написание истории татар стало предметом международного сообщества, ученых историков и научных центров.

Рассмотрение прошлого современных татар домонгольского периода как этапа истории после распада Тюркских каганатов, существование позднезолотоордынских тюрко-татарских государств и Московского государства – наследников Золотой Орды создают методологическую основу для осуществления научных изысканий на принципиально новых подходах.

Сегодня в Казани изучение истории средневековой государственности татар выросло в самостоятельное научное направление, по данной теме издается большое количество монографий и научно-популярных книг. Систематическое проведение с 2008 г. конференций по истории и культуре позднезолотоордынских тюрко-татарских государств и Золотой Орды, издание ежегодников «Золотоордынская цивилизация» (с 2008 г.) и «Средневековые тюрко-татарские государства» (с 2009 г.), книг из серий «Археология евразийских степей» и «BIBLIOTHECA TATARICA» позволили аккумулировать вокруг научных проблем ведущих российских и зарубежных ученых, знакомить научную общественность с последними достижениями археологов, историков, источниковедов, искусствоведов, филологов.

Наследие Гуннского, Тюркских, Хазарского каганатов, Волжской Булгарии, Золотой Орды и средневековых тюрко-татарских государств является неотъемлемой частью истории и культуры народов Российской Федерации и СНГ. Московское государство «выросло» из Русского улуса Золотой Орды. На современном этапе востребованы кооперация усилий историков и археологов, комплексное изучение исторических событий в региональном измерении, обмен новой информацией и дискуссии с целью выявления общих

тенденций и специфических особенностей в эволюции социально-экономических, общественно-политических, этнодемографических и социокультурных процессов, протекавших в эти исторические эпохи. Проведение научных форумов с приглашением специалистов позволяет проводить круглые столы и обсуждать самые различные проблемы, начиная от концептуальных вопросов средневековой евразийской истории и заканчивая отдельными сюжетами.

Одной из нерешенных проблем остается формирование в Казани научного направления по изучению истории и культуры древнетюркских народов. Также стало очевидным необходимость изучения истории болгар и Волжской Булгарии, начиная со времени Гуннского каганата, с многократным расширением географии научных изысканий. На современном этапе важно сотрудничество ученых, занимающихся источниками, историей, материальной и духовной культурой Хазарского каганата, Великой Болгарии, Волжской Булгарии, Дунайской Болгарии, болгарских племен на Северном Кавказе и в Восточной Европе. Сегодня большую активность на этом поприще проявляют археологи, между тем востребованы междисциплинарный подход, укрепление междисциплинарных связей. Надеемся, что проведенный Институтом истории им.Ш.Марджани и Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в этом году в Чебоксарах научный семинар под названием «Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие» станет началом систематически проводимых научных конференций, основанных на междисциплинарном подходе и посвященных истории и культуре болгар и тюркских народов с существенным расширением состава ее организаторов и участников, географических и хронологических рамок, тем и проблем, выносимых на обсуждение.

Накопленный материал по средневековой истории татар позволяет поставить на повестку дня реализацию новых

подходов к оценке прошлого: изучению повседневной жизни и становлению этнографии как науки о быте и традициях народов средневековья. Актуальным представляется изучение племенных и феодальных элит тюркских народов, военного дела, хозяйственного уклада, межкультурных связей, мифологии и других научных тем.

Успех в изучении евразийской империи, например, Золотой Орды, возможен только при тесном взаимодействии различных научных центров и ученых. Сегодня востребовано рассмотрение Улуса Джучи не только как тюрко-татарского государства, но и через призму продолжения традиций государственности монголов в Восточной Европе, включая монгольскую империю и его осколков.

Примечательно, что сегодня термин «средневековые тюрко-татарские государства» имеет несколько смыслов. В узком значении это Большая и Ногайская Орды, Крымское, Казанское, Касимовское, Астраханское, Сибирское ханства, в широком – все тюрко-татарские государства, существовавшие после Улуса Джучи. Такой подход важен в изучении истории народов в культурологическом плане. Скажем, религиозно-образовательные центры и традиции городской культуры в Средней Азии золотоордынского периода продолжали оказывать влияние на соседние народы в последующие столетия, уже в новых общественно-политических условиях. Без учета таких факторов невозможно верно оценивать духовное и материальное наследие мусульманских народов в позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах.

Составление к томам семитомной «Истории татар с древнейших времен» в качестве приложения списка источников и стоящие амбициозные задачи по изучению древней и средневековой истории тюрко-татар поставили на повестку дня выявление, получение электронных копий источников на арабском, персидском, тюркских, латинском и европейских языках, из библиотек и ар-

вихохранилищ зарубежных стран и России, системное изучение и подготовку к изданию их текстов на татарском и русском языках. Решение этой важнейшей задачи представляется возможным при создании Программы по подготовке и изданию источников, имеющих отношение к средневековой истории Восточной Европы и тюркским народам, с привлечением на равноправных началах заинтересованных сторон, ученых и научных центров, в которых хранятся эти раритеты, издававших и изучающих эти раритеты.

В последние два десятилетия в национальных республиках Волго-Уральского региона приоритетным направлением стало изучение этнической истории и культуры, изыскания о различных сторонах духовной жизни и социально-экономическом развитии регионов и проживающих в них народах отошли на задний план. Между тем народы Поволжья и Приуралья объединяют единство исторических судеб, стремление сохранить и возродить национальные традиции и культуру. С целью восстановления утерянных традиций отдел средневековой истории начал проводить научные конференции по теме «Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья». Первый научный форум был приурочен к 80-

летию главного научного сотрудника Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, доктора исторических наук С.Х.Алишева (2009), второй, под названием «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье», состоится 4–6 октября с.г.

Важнейшей проблемой остается популяризация национальной истории и культуры. В этом плане огромные возможности имеют ресурсы Интернета. С целью обеспечения доступности массовому читателю статей и книг, опубликованных в малодоступных изданиях или издательствах, в 2011 г. на сайте www.tataroved.ru Института истории им. Ш.Марджани АН РТ отделом средневековой истории созданы разделы: «Средневековые тюрко-татарские государства-online» и «Татарские мурзы и дворяне-online», в которых помещаются публикации ведущих специалистов по указанным темам.

Развитие изучения средневековой истории тюрко-татар стало приоритетным направлением в деятельности руководства Института истории им.Ш.Марджани. Накопленный опыт в этой области исторических знаний, по сути, является примером нового подхода к изучению средневековой истории народов современной России.

Аннотация

В статье освещается состояние изученности средневековой истории татарского народа, отмечается новизна первых трех томов «Истории татар с древнейших времен», посвященных древнетюркскому периоду, Волжской Булгарии и Великой степи X – начала XIII вв. и Улусу Джучи (Золотой Орде), определяются основные темы и актуальные проблемы изучения важнейшего периода национальной истории.

Ключевые слова: средневековая история татар, средневековые тюрко-татарские государства.

Summary

The article deals with the state of study of medieval history of the Tatar people, novelty of the first three volumes of “The History of the Tatars from ancient times” devoted to the ancient Turkic period of Volga Bulgaria and Great steppe of the X the beginning of the XIII centuries and Ulus of Jochi (the Golden Horde). Moreover, the main topics and urgent problems of the study of the most significant period of national history are considered in the article.

Key words: medieval history of the Tatars, medieval Turkic Tatar states.

СЕМЬЯ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ЭТНОРЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ф.А. Ильдарханова, доктор социологических наук

На демографическую ситуацию оказывает влияние ряд факторов: уровень благосостояния населения, доступность жилья, образования, безработица. Узловой проблемой, в которой фокусируется вся совокупность демографических процессов и явлений, является состояние и тенденции развития семьи.

В рамках Концепции научно-исследовательской деятельности «Института семьи в контексте демографического развития Республики Татарстан в начале XXI века (этнорегиональный аспект)» Научно-исследовательским центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан были проведены исследования по наиболее актуальным вопросам функционирования современной семьи: семья в условиях кризиса, адаптация семьи к ЕГЭ, причины разводов, брачно-репродуктивные установки молодежи, демографическое поведение татарской семьи, этнокультурные традиции семьи, создание автоматизированной информационной системы «Геодемографическая инфраструктура Республики Татарстан».

В ходе эмпирического исследования «*Семья в условиях кризиса*» изучались последствия кризиса для татарстанской семьи, условия сохранения и способы выживания татарстанских семей. Ситуацию в нашей стране респонденты Республики Татарстан охарактеризовали следующим образом: «жить трудно, но пока еще можно» – 60,1%, «для нашей семьи ситуация благоприятная, трудности удается преодолеть» – 23,7%, «жить трудно, терпеть бедственное положение уже невозможно» – 6,2%.

По данным опроса в РТ, для половины респондентов помощь со стороны

государства желательна. Совершенно необходимой считают ее 38%. И лишь 14% не нуждаются в помощи государства, они сами со всем справляются. Сельские жители, как правило, нуждаются в данной помощи больше, чем горожане Республики Татарстан.

Опрос показал, что многие респонденты в трудных ситуациях рассчитывают лишь на себя (67,2%), небольшая часть опрошенных ждет помощи от своих родителей (13,6%) и родственников (12%). В то же время на помощь детей рассчитывает лишь 0,7% опрошенных. Доля же граждан, ждущих помощи исключительно от государства, составляет только 2,4%.

Кризис переживает и система образования в целом, и среднее образование, в частности; семья несет на себе бремя затрат на подготовку ребенка к итоговому испытанию. Введение ЕГЭ затронуло интересы практически каждой российской семьи в лице родителей, детей или внуков. Отношение татарстанской семьи к ЕГЭ представляет особый интерес. Исследование «*Семья и школа: ожидания и риски ЕГЭ*» направлено на выяснение отношения родителей, учащихся выпускного класса средних общеобразовательных школ, первокурсников г. Казани к ЕГЭ.

По данным опроса, только 20,8% родителей и 25,1% старшеклассников выбрали бы ЕГЭ в качестве формы итоговой аттестации, отдав предпочтение устному экзамену (31,8% и 31,9% соответственно). В то же время студенты-первокурсники, которые уже сдали ЕГЭ, отдают ему предпочтение (41,8%). В общей сложности ЕГЭ как приемлемый вариант воспринимают

почти 2/3 опрошенных вчерашних школьников.

Весьма значимым для оценки ЕГЭ является вопрос об ответственности различных субъектов образовательного процесса за успешную сдачу ЕГЭ. При ответе на вопрос «Должна ли школа нести полную ответственность за подготовку школьника к ЕГЭ?» мнения родителей г. Казани разделились почти поровну. 45,2% указывают, что «именно школьные педагоги отвечают за подготовку к ЕГЭ», 47,9% отмечают, что «школа должна разделить ответственность за подготовку ЕГЭ с родителями».

Характерно то, что, несмотря на падение жизненного уровня семей, связанного с последствиями экономического кризиса, более половины опрошенных родителей оплачивают занятия ребенка с репетитором и учебу на подготовительных курсах. На вопрос: «В чем выразилась Ваша помощь в подготовке ребенка к ЕГЭ?» большинство опрошенных родителей из Казани (65,1%) ответили: «подобрали и оплачивали репетиторов или подготовительные курсы». Каждый четвертый родитель (27,2% родителей Казани) ориентировался на свои силы в подготовке ребенка к ЕГЭ («помогал ему готовиться к заданиям (проверял, контролировал)»).

Среди положительных моментов введения ЕГЭ можно отметить то, что у детей повысилось чувство личной ответственности за результаты образования. Так высказались 43,8% опрошенных родителей, 38,2% старшеклассников, 37,8% первокурсников.

Еще один аспект социальных рисков ЕГЭ связан с коррупцией. При обосновании концепции ЕГЭ большие надежды связывались с его возможностью повлиять на устранение протекционизма и взяточничества в школе и в вузах. Однако, как видно из результатов исследования, практически среди всех опрошенных групп негативные оценки возможностей ЕГЭ снизить данный риск, служить инструментом антикоррупционной меры превышают

позитивные оценки. Почти половина опрошенных родителей (49,3%), первокурсников (46,4%) и 45,1% старшеклассников уверены, что «ЕГЭ не может снять проблему коррупции; махинаций вокруг ЕГЭ не меньше, чем вокруг традиционных экзаменов; и многие за деньги смогли купить хорошие баллы». Лишь 9,7% родителей, 12,3% первокурсников, 10,2% школьников отмечают, что ЕГЭ обеспечил равные возможности для учеников: «все выпускники оказались в равном положении, и обеспечена прозрачность».

Согласно статистическим данным в России на 10 браков приходится в среднем 6 разводов. В Республике Татарстан схожая ситуация: на 2 зарегистрированных брака — 1 регистрация развода. Несмотря на то, что в 2009 г. в целом по республике зафиксировано снижение количества разводов (по итогам 10 месяцев на 8%), это не снимает проблему разводов как проявление кризиса российского института семьи. Исследование Центра на тему «*Разводы в Республике Татарстан: состояние, причины и ресурсы укрепления семьи*» направлено на выявление мнений самих разведенных супругов. Среди наиболее распространенных причин разводов респонденты назвали: непонимание между супругами (38,7%), неудовлетворенность материальным положением семьи (стесненные жилищные условия, нехватка денег) (30%), измену (26,7%), алкоголизм (23,4%), вмешательство родственников (19,3%).

Однодетные семьи составляют половину опрошенных разведенных семей, каждая четвертая семья — двухдетная, каждая пятая пара не имеет детей. 70% пар, проживших вместе менее 1 года, не имеют детей, 30% имеют одного ребенка. Сохранение полной семьи является залогом устойчивого демографического развития страны. Молодые семьи (до 5 лет) имеют большой потенциал для рождения первых и последующих детей. Результаты показывают, что наличие детей является сдерживающим от развода фактором.

Распад семьи – это не только проблема социализации детей, психологической травмы, но и нереализованность репродуктивного потенциала семьи. Поэтому только полная семья является определяющим ресурсом преодоления демографического кризиса.

Исследование *демографического сознания молодежи* РТ показало, что семья занимает одно из первых мест в системе ценностей молодежи (76%), уступая только здоровью (86%). В первую пятерку вошли также любовь (71,4%), материальная обеспеченность (57%), надежные друзья, круг общения (48%).

Корень всех демографических проблем – рождаемость. Вопросы этого блока представляют особый интерес. Оказалось, что установки на идеальное и желаемое число детей фактически совпадают. Почти 2/3 опрошенных ориентируются в будущем на рождение двоих детей, считая это идеальным вариантом, 30% – на рождение трех и более детей. Подобные установки молодежи явно недостаточны для возможного преодоления депопуляции.

Демографы считают, что для достижения простого воспроизводства населения необходимо, чтобы в половине семей было двое детей, в половине – трое детей.

Изменения, происходящие в обществе, либерализация брачно-семейных отношений отразились на установках молодежи. Значительная часть респондентов (40%) лояльно относится к гражданскому браку, считая его допустимым, причем юношей среди них больше, чем девушек (соответственно 45% и 39%). Как и следовало ожидать, горожане в этом отношении либеральнее сельчан. При этом жители крупных городов – Казани, Набережных Челнов – более терпимо относятся к гражданскому браку, чем жители средних городов.

Как известно, *этнокультурные традиции и духовные ценности* придают устойчивость и прочность семейным отношениям. Семья, основанная на традициях, передаваемых из поколения

в поколение в течение длительного времени, способна сохранить целостность этноса, воспитать всесторонне развитую личность. Изучению этнической семьи, ее традиций, роли родного языка в воспитании следующих поколений были посвящены такие исследования, как «*Татарская семья в демографическом измерении*» и «*Этнокультурные традиции как основа укрепления семьи*».

Демографическое поведение татарской семьи было рассмотрено через репродуктивное, брачное, бракоразводное и родительское поведение.

Большинство татарских семей ориентировано на средне- и малодетность. Желаемое число детей, как и идеальное, для большинства респондентов составляет два ребенка. На втором месте установка на троих детей, на третьем – на одного ребенка, на четвертом – на четверых и более детей. В работе выявлены высокие установки по показателю «среднее идеальное число детей в семье» у школьников (2,74), в отличие от других категорий респондентов. Следовательно, у молодежи заложен потенциал на высокую детность, который необходимо использовать для преодоления демографических проблем в обществе. При создании соответствующих условий и осуществлении определенных программ для сохранения высокой ориентации молодежи на детей можно было бы использовать потенциал, заложенный в этническом сознании.

В основе желания родить ребенка у большинства опрошенных татар лежат психологические, социальные мотивы. Наибольшую ценность представляют такие психологические и социальные мотивы, как желание продлить себя в детях, продолжить свой род, что традиционно свойственно татарскому этносу, который старается привить культуру своего этноса, воспитать традиции, обычаи народа, обучить детей своим навыкам, умениям.

Исследование выявило слабую связь деторождения с экономическими мотивами для татарской семьи, на первый план выходит эмоциональная сторо-

на. Большинство респондентов среди социальных мотивов отдали предпочтение такому, как продолжение рода; чуть меньшая доля опрошенных считает, что наличие детей позволяет жить по-семейному, кроме того, это рассматривается как моральный долг человека. Также было отдано предпочтение таким вариантам, как «укрепляет веру, что дети добьются того, что не удалось мне», «повышает авторитет и уважение у окружающих», «иногда помогает избежать жизненных неприятностей».

Среди экономических мотивов наиболее ярко выделилась такая причина, как «рождение детей гарантирует благополучную старость». Таким образом, мотивы, выбранные большинством респондентов, позволяют говорить о сохранении традиционных взглядов на рождение детей.

При изучении брачного поведения татарской семьи были выделены объективные и субъективные критерии выбора брачного партнера. К объективным критериям можно отнести образование, род занятий, возраст, этническую принадлежность.

Традиционно для татар не свойственны ранние браки, что показывают и наши исследования. Женщины-татарки, как правило, выходят замуж в 21–25 лет, а мужчины – до 30 лет.

Татары брачного партнера выбирают по схожести таких социальных характеристик, как образование, род занятий, возраст.

Стремление поддержать статусный признак – традиционное стремление татар, которые, выбирая брачного партнера по схожести (одного социального статуса), стараются сохранить преемственность поколений, обычаи, принятые в их семьях. Во многих аспектах брачного поведения татары сохраняют традиционные взгляды: они проявляются и в стремлении создать моноэтническую семью.

Субъективными критериями выбора брачного партнера можно назвать внутренние качества будущего супруга. Для татар важными характеристиками суп-

руга выступают трудолюбие, хозяйственность, уважительное отношение к старшим, надежность, чуткость, внимательность, доброта, ум, гостеприимность и др.

Также было выявлено, что при создании семьи для татар огромную роль играет мнение родителей. Для них родительская семья выступает в качестве некоего эталона, ориентира.

В современной татарской семье в основном сохраняется традиционное распределение обязанностей в семье – мужчина-добытчик, материально обеспечивает семью, а женщина выполняет все домашние дела. В сельских семьях традиционное разделение обязанностей выражено ярче, чем в городских.

В настоящее время в результате трансформации семейных ценностей в обществе и экономической независимости женщины, происходит и изменение ролей супругов в семье. Особенно ярко это выражается в городских семьях. Городские татарские семьи отличаются тем, что там практически все домашние дела, обязанности в семье в равной степени выполняются обоими супругами. В городе в основном оба супруга занимаются материальным обеспечением семьи, организацией семейного досуга, воспитанием детей. Однако, несмотря на совместное выполнение домашних обязанностей, и в городских татарских семьях за женщиной закреплены дополнительные «женские» дела: это поддержание чистоты в доме, покупка продуктов, приготовление еды и создание благоприятной эмоциональной обстановки.

Устойчивость брака зависит от тесных родственных связей. Было выявлено, что большинство разводов происходит в первые пять лет совместной семейной жизни. Определенную роль в сохранении брачных союзов продолжает играть мнение родителей, общественное мнение, сохранившее негативное отношение к разводам.

Семейные традиции в татарской семье играют важную роль, которые передаются из поколения в поколение.

Они являются механизмами передачи следующим поколениям правил, норм внутрисемейного поведения и взаимодействия, сближают членов семьи.

Благодаря тесным родственным связям осуществляется передача этнокультурных ценностей, традиций и общения на родном языке. Для семьи татарский язык — это средство приобщения детей к родной культуре, возможность близкого общения со старшими родственниками, а также легким приобщением в учебный процесс.

Таким образом, демографическое поведение татарской семьи в российском обществе трансформируется, что выражается в сочетании в нем установок и практик современной и традиционной семьи. Она демонстрирует, с одной стороны, свою способность осуществлять рациональный выбор при решении важнейших брачно-семейных проблем, с другой — готовность культивировать традиционные семейные ценности как важнейшее условие реализации своего воспроизводственного потенциала, укрепления своей стабильности. Именно на таком фундаменте строится модель современной татарской семьи.

Социологическое исследование, проведенное в Тетюшском районе, показало, что благодаря национальным традициям, среди которых значительное место занимают такие, как ценность семьи, тесные и теплые отношения между родственниками, уважительное отношение к старшему поколению, сохраняется прочная и большая семья. Особенно эта касается сельской местности, где живет в основном коренное население. В регулировании отношений в семье большая роль отводится представителям старшего поколения, хранителям национальных традиций. Состав семьи не имеет особого значения в передаче этнокультурных ценностей.

Было выявлено, что язык выполняет основную роль в передаче этнокультурной специфики народа. Развитие этноязыковой самобытности народов, проживающих на территории Республики

Татарстан, является одной из приоритетных задач законодательства о культуре. На территории республики, где проживают представители различных этносов, исторически было заложено знание языков соседей. Такое явление было особенно характерно для районов, где компактно проживают представители этнических меньшинств. В этом плане уникален Тетюшский муниципальный район, исторически являющийся полилингвальной средой, где издавна проживали представители русского, татарского, чувашского и мордовского этносов, сумевшие на протяжении веков сохранить языковую самобытность. Это уникальное явление и в настоящее время не потеряло свое значение, особенно ярко оно проявляется в селах, где компактно проживают представители нескольких этносов. Результаты социологического опроса показали, что наряду с родным языком, довольно распространенным явлением оказалось знание татарского языка, что обусловлено этническими контактами и обязательным преподаванием в школах второго государственного языка республики.

В семьях при помощи родного языка происходит передача этнокультурных ценностей народа. Об этом свидетельствуют и результаты нашего исследования: для большинства респондентов родной язык отождествляется с этнической общностью (43,5%), второе место в данной иерархии занимает язык, на котором преимущественно говорили в семье, в которой воспитывался опрошенный (34,2%).

В русских и татарских семьях статус и знание родного языка более высок, в них преимущественно говорят на родном языке. В чувашских и мордовских семьях наиболее распространена ориентация на два родных языка: национальный (35,5%) и русский языки (33,7%). Здесь необходимо отметить, что ответы родителей и школьников несколько отличаются: статус родного языка среди молодого поколения несколько снижен в пользу русского языка.

У каждого из народов, населяющих многонациональный Тетюшский район, сформировалась своя система правил и норм поведения, которая составляет основу этнического и культурного своеобразия каждого из них. В условиях распространения массовой культуры многие обычаи и традиции уходят в прошлое или существенно деформируются. Однако заметна и положительная тенденция, отражающаяся в возрождении этнокультурных ценностей семьи, в возврате к истокам своих культур, приобщении к национальным традициям. На основе проведенного исследования мы пришли к выводу, что этнокультурная жизнь современных семей представляет собой синтез национального и инонационального, но в пользу доминирования национального.

Преимущество религиозных убеждений родителей и детей показывают и наши исследования. В семьях, где среднее и старшее поколение систематически говорят о необходимости сохранить национальные, в том числе и религиозные традиции, дети наиболее активно включаются в этнокультуру своего народа.

Таким образом, исследование этнокультурных ценностей современных семей на примере Тетюшского муниципально-

ципального района Республики Татарстан позволяет сделать вывод о том, что современная семья еще сохраняет устойчивые, стрессоустойчивые элементы своей уникальной и неповторимой культуры, однако идет необратимый процесс утраты традиционных ценностей. Только целенаправленный и системный подход, охватывающий семью, образовательные учреждения и государственные и региональные органы может препятствовать этой утрате.

Все проведенные в НИЦ семьи и демографии АН РТ исследования лягут в основу проекта «Геодемографическая инфраструктура Республики Татарстан», целью которого является углубленное изучение социально-экономических процессов в Республике Татарстан. Результатом проекта станет интерактивная электронная карта, позволяющая проводить комплексный демографический анализ по заданным параметрам как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Анализ будет включать социально-экономические данные, данные о доходах, данные о численности населения. Кроме того, необходимыми составляющими будут базовые пространственные данные и данные об инфраструктуре, они важны для анализа пространственного поведения населения.

ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ КРЕЩЕННЫХ ТАТАР (КРЯШЕН) И НАГАЙБАКОВ ПРИ ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ им. Ш. МАРДЖАНИ АНТ

Г.М. Макаров, кандидат искусствоведения

Центр изучения истории, культуры татар-кряшен и нагайбаков начал свою работу с января 2010 г. в составе трех научных сотрудников и лаборанта. Деятельность центра направлена на обеспечение государственной политики, региональных программ по изучению, сохранению, использованию и пропаганде исторического и этнокультурного наследия татарско-кряшенской части татарского народа.

В основе деятельности центра лежит представление о фундаментальной роли научных исследований в сохранении историко-культурного национального наследия, решении актуальных задач по этнологическим исследованиям, исходящих из нужд практики современных реалий, стабильности общественно-политических, межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Татарстан.

Центр занимает важное место в деле исследования и возрождения культурно-исторического наследия татар-кряшен, нагайбаков как части татарского народа. В сфере гуманитарных исследований Татарстана, касающихся истории и культуры татарского народа, к настоящему времени имеются актуальные темы в сфере истории, образования, культуры кряшенской этноконфессиональной группы. Эти темы затрагивают вопросы: кряшенской общественной мысли XIX–XX веков, письменного церковно-татарского языка, истории светского и религиозного просвещения, книгопечатания и публицистики, оценки места и роли христианской составляющей татарского народа. Данные темы направлены на обогащение и расшире-

ние представлений о реальных границах татарской цивилизации и востребованы в сфере науки, национальном образовании, культуре и искусстве.

Руководителем центра назначен кандидат искусствоведения, фольклорист-этномузыковед Геннадий Макаров. Старшим научным сотрудником является кандидат исторических наук Радик Исхаков, являющийся специалистом в области межконфессиональных отношений в Волго-Камье последней трети XVIII – начале XX вв. Им разрабатывается тема «Этнокультурные и религиозные процессы среди татар-кряшен в XIX – начале XX вв.». Научный сотрудник центра Ольга Бятикова работает по теме «Картина мира кряшен: взаимодействие языка, культуры, религии».

Сосредоточенный в центре интеллектуальный потенциал позволит обеспечить грамотную разработку важнейших научно-исторических проблем, отвечающих интересам Татарстана. Совместная работа историков, этнографов, культурологов и филологов на базе центра будет способствовать разработке и изданию фундаментальных трудов, эффективному внедрению и популяризации лучших научных результатов, достигнутых учеными. Поэтому одними из приоритетных направлений являются развитие совместных исследовательских работ, укрепление диалога специалистов, обмен перспективными идеями, открытиями, новыми подходами к разработке нерешенных проблем.

Научные изыскания центра основываются на следующих важнейших положениях:

история и культура кряшен и нагайбаков являются частью глобального исторического процесса и неотделимы от истории тюрко-татарских этнических образований, проживавших во все исторические эпохи на территории Татарстана и Волго-Уральского региона;

татары-кряшены и нагайбаки – составная часть татарского народа, чей антропологический облик и этнический тип формировались на субстратной, местной основе и несут в себе старотюркские этнические ценности с включением православно-христианской культуры.

Приоритеты научного развития. Основной задачей центра является создание трудов, раскрывающих процессы развития татар-кряшен и нагайбаков, в контексте истории и культуры татарского народа.

Одним из самых универсальных индикаторов уровня интеллектуального развития народов является культура. Поэтому данное направление носит характер фундаментальных исследований, когда на первый план выходит изучение истории культуры в ее материальном и духовном аспектах. Этому способствует богатейшая фактологическая база, основанная на обширном материале исторических, полевых этнографических источников по кряшенам и нагайбакам.

Фундаментальное исследование истории и культуры стало насущной проблемой для Татарстана, которое нуждается в воссоздании объективной картины собственного культурного прошлого. Существенное значение здесь имеют вопросы трансформации культуры кряшен и нагайбаков в новое и новейшее время.

Реализация задач и целей центра даст возможность показать богатство и многогранность культурного наследия, которым располагает Татарстан к началу XXI века и может не только обогатить интеллектуальную, духовную жизнь общества, но и задать вектор развития татар-кряшен и нагайбаков как части татарского народа в будущем.

Для этнологов приоритетной темой современности является тема этнокультурных изменений и ее динамики в среде татарского этноса. В предшествующие периоды собран большой этнографический материал, сделаны разработки отдельных аспектов этой темы, однако комплексного ее изучения до настоящего времени не проводилось. В исследовании будут рассмотрены проблемные вопросы, а также различные факторы, способствовавшие консолидации кряшен в состав татарского народа, большое место будет отведено таким проблемам, как национально-государственное строительство, роль государственных структур, государственной политики в процессе становления этнической идентичности татар и сохранения этнокультуры татар-кряшен.

Задачей сохранения и развития кадрового потенциала центра является создание условий для привлечения талантливой молодежи через предоставление возможности учебы в аспирантуре и работы в центре.

Международная деятельность центра – это осуществление научного и практического сотрудничества с зарубежными научными центрами и фондами. Центр налаживает связи с международными научными центрами. 12–14 мая 2010 г. была организована встреча Г.М. Макарова с руководителями и педагогами, студентами кафедры теологии Государственного университета Анкары (Турция), на которой была дана информация о работе Центра исследований татар-кряшен и нагайбаков при Институте истории им Ш.Марджани

Издательская деятельность. Центр планирует в рамках разрабатываемых фундаментальных, прикладных проектов подготовить и издать серию монографий, брошюр, учебников и учебных пособий по истории и традиционной культуре для вузов, лицеев и колледжей и средних школ.

В основу работы центра закладывается сочетание фундаментальных исследований с практикой региональных

и полевых исследований и внедрения результатов работы.

К настоящему времени центр осуществляет следующие научно-исследовательские задачи в соответствии с планами по обеспечению государственных программ в сфере науки, образования, культуры:

- подготовлена к переизданию монография Ю.Г.Мухаметшина «Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX – начало XX в.)» – М.: Наука, 1977 – 184 с.;

- Г.М. Макаровым подготовлена нотная хрестоматия этнических песен татар-кряшен «Сандугачлар сайрый жамансы». Объем 15 а.л.;

- проводится совместная работа с Государственным архивом Татарстана по оцифровке и поставке на архивный учет магнитофонных аудиоматериалов с музыкальным фольклором татар-кряшен;

- осуществляется общий проект с Государственным фольклорным ансамблем в сфере научного руководства и обеспечения музыкально-этнографическими материалами, народно-песенным репертуаром, записями народных танцев;

- начат совместный проект с ансамблем кряшен «Бәрмәнчек» по научному обеспечению, реконструкции и изготовлению старинных этнических музыкальных инструментов тюрков Волго-Камского региона.

Проведены фольклорно-этнографические экспедиции в Чебаркульский и Нагайбакский районы Челябинской области (21–27 августа 2010 г.), Мамадышский район РТ (6–16 августа 2011 г.).

Сотрудники центра являются консультантами по фольклору татар-кряшен, а Г.М.Макаров – ведущим документальных этнографических фильмов «Возрождая звук», «Путь нагайбаков», «Питрау» кинорежиссера Салавата Юзеева.

Практическая значимость исследования связана со сферой образования, культуры, гармонизации межэтнических, межконфессиональных, внутринациональных общественных отношений, сохранением и развитием традиционной культуры и искусства. Пропаганда научных достижений центра проводится через публичные выступления на различных конференциях, симпозиумах, круглых столах, презентациях.

Материально-техническое обеспечение центра решается через помощь ООО «Ак Барс холдинг», Общественной организации кряшен Республики Татарстан через передачу для пользования центром офисной техники: компьютера, фотоаппарата, множительной техники.

Центр укрепляет связи с научной общественностью исследовательских, культурно-просветительских, учебных учреждений Татарстана, Российской Федерации, ближнего и дальнего зарубежья, принимает активное участие в работе государственных и общественных организаций. Научные сотрудники Центра исследований истории, культуры татар-кряшен и нагайбаков получили благодарственные письма от кафедры теологии государственного университета Анкары, от Общественной организации татар г.Петербурга, от исполкома Общественной организации кряшен Республики Татарстан.

Центр исследований истории, культуры татар-кряшен, являясь, в первую очередь, координационным научно-методическим центром, работает в направлении объединения усилий ученых, краеведов, педагогов, деятелей культуры в исследованиях и доведении до общественности сведений по истории, этнографии, материальной, духовной культуре самобытных этнических подгрупп кряшен Поволжья и Приуралья.

Аннотация

Статья посвящена деятельности Центра истории, культуры татар (кряшен) и нагайбаков при Институте истории им.Ш.Марджани АН РТ. В ней характеризуются основные направления научных исследований по профильной проблематике. Особое внимание уделяется изучению и популяризации историко-культурного наследия, издательской работе, взаимодействию с научными и общественными организациями.

Ключевые слова: татары, кряшены, нагайбаки, Центр истории, культуры татар (кряшен) и нагайбаков при Институте истории им.Ш.Марджани АН РТ, наследие, фольклор.

Summary

The article is devoted to the activity of the centre of history, culture of the Tatars (kryashens) and nagaybaks at the Institute of History in the name of Sh.Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. The main tendencies of research studies of core problems are characterized in the article. Special attention is paid to the study and popularization of historical cultural heritage, publishing work and interaction with scientific and social organizations.

Key words: the Tatars (kryashens, nagaybaks), the centre of history, culture of the Tatars (kryashens) and nagaybaks at the Institute of History in the name of Sh.Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, heritage, folklore.

ФОРПОСТ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ (вехи деятельности ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова)

К.М. Миннуллин, доктор филологических наук, профессор

Интерес к народам Поволжья и Приуралья, в том числе к культуре и быту татар, имеет давнюю историю. Открытый в 1829 г. в Казанском Императорском университете Восточный разряд являлся центром изучения восточных народов, особенно тюркских, вплоть до 1855 г., когда был переведен в Санкт-Петербургский университет. Впоследствии его деятельность была продолжена «Обществом археологии, истории и этнографии», созданным при Казанском университете в 1878 г. Общество активно работало до 1929 г. и имело свое издание — «Известия». С Обществом сотрудничали такие известные татарские ученые, как Ш.Марджани, К.Насыри, Х.Фаезханов, Г.Ахмеров, Р.Фахретдинов, Г.Губайдуллин, Х. Атласи и др.

В связи с образованием в мае 1920 г. Татарской Республики исследования значительно расширяются, выходят за рамки вузов, организуются специальные научно-исследовательские общества и центры. Самым значительным из них был Академический центр, образованный при Наркомпросе Татарстана в 1921 г. Ученые, объединенные вокруг этого центра, выпускали журналы «Вестник научного общества татароведения», «Татарстан», монографии, учебники и учебные пособия. Первым председателем центра стал Г.Максудов (1922—1924). После него эти обязанности исполняли Г.Ибрагимов (до марта 1927 г.), М.Тагиров (до 1929 г.), С.Атнагулов (1929—1930 гг.). В центре была развернута активная деятельность по изучению истории края, истории татарской литературы и языка, сбору и публикации образцов народного творчества,

изучению вопросов терминологии и орфографии, составлению словарей, написанию учебников и программ для школ. Среди его сотрудников были такие известные ученые, как Е.Чернышев, Н.Фирсов, М.Худяков, Г.Губайдуллин, М.Курбангалиев, Х.Бадиги, Г.Рахим, Ж.Валиди, Г.Алпаров, М.Фазлуллин.

Большая часть ученых, работавших в Академическом центре, впоследствии стали сотрудниками ИЯЛИ, а то, что институт носит имя классика татарской литературы, писателя, ученого, педагога, общественного деятеля Галимджана Ибрагимова, несет в себе глубокое символическое значение, подчеркивая идею преемственности. 16 апреля 1937 г. Президиум Центрального Исполнительного Комитета ТАССР принимает постановление о создании Татарского научно-исследовательского института языка и литературы. По постановлению СНК от 29 августа 1939 года были утверждены устав, штатное расписание, смета института, и 7 октября он начал свою работу. Обязанности директора были временно возложены на М.А.Нигматуллина — заместителя директора по учебной работе Института повышения квалификации учителей (без отрыва от основной работы).

На протяжении более чем 70-летней истории института в разные годы его директорами работали: Х.А.Шабанов (1939—1942), Х.Х.Ярмухамметов (Х. Ярми) (1942—1944), М.Х.Гайнуллин (1944—1953; 1959—1961), Х.Ф. Хайруллин (Хасан Хайри) (1953—1959), К.Ф. Фасеев (1961—1963), М.К. Мухаррямов (1963—1982), Я.Г.Абдуллин (1982—1986), М.З.Закиев (1986—2000), Н.Ш.Хисамов (2001—2006). С ок-

тября 2006 г. институтом руководит К.М. Миннуллин.

Отдел языкознания был организован в первые же дни существования института. Его первым руководителем стал известный ученый-лингвист Латиф Заляй. Впоследствии отделом руководили: В.Хангильдин (1951–1953), М.Гайнуллин (1953–1955), параллельно с исполнением обязанностей директора), вновь Л.Заляй (1956–1961), Л.Махмутова (1961–1986), М.Закиев (с 1986 г.).

Одновременно с отделом татарского языкознания был создан и сектор русского языка. В сентябре 1941 г. он был закрыт, вновь открыт в 1945 г. и объединен с сектором татарского языка. Сектором русского языка руководили М. Сударчиков (1939–1941) и Р.Газизов (1945).

Диалектология всегда находилась в центре научных интересов отдела татарского языкознания. Пионером этого дела стал Л.Заляй. Именно он написал первый учебник для вузов, организовал первые диалектологические экспедиции, издание сборников материалов экспедиций (за период с 1955 по 1990 г. увидели свет 9 выпусков).

Среди научных достижений отдела можно назвать коллективные сборники «Исследования по исторической диалектологии татарского языка» (1979, 1982, 1985), монографии «Термины родства и свойства в татарском языке» в двух частях (1991), «Восточные диалекты татарского языка» (2006), «Вопросы татарской диалектологии» (2008) Д.Рамазановой; «Названия пищи в татарском языке» (1993) Т.Хайретдиновой; «Зоонимическая лексика татарского языка» (1994) З.Садыковой, «Повседневные обряды татарского народа» (1996), «Кряшены. Особенности языка и обрядовая поэзия» (1997), «Сибирские татары. Духовное наследие: семья, быт, обрядовая терминология и фольклор» (2001), «Лексика пищи и народных традиций» (2007), «Этнокультурная лексика в татарских диалектах сибирского ареала» (2010) Ф.Баязитовой и десятки других книг.

Особого упоминания достойны коллективные труды наших ученых-диалектологов «Татарские народные говоры» в двух книгах (2008), «Большой диалектологический словарь татарского языка» (2009), готовый к печати «Атлас татарских народных говоров».

Поскольку историческая грамматика неразрывно связана с диалектологией, то и первыми историками языка в институте стали диалектологи. Большой научный интерес представляют труды по исторической фонетике и исторической морфологии Л.Заляя. В стилистическом и текстологическом аспектах историей языка успешно занимались И.А.Абдуллин, Г.С.Амиров, Х.Р.Курбатов, И.Б.Баширова, М.Г.Мухаммадиев, Я.С.Ахметгалиева, Ф.С.Фасеев. Под текстологической редакцией Ф.С.Фасеева был издан капитальный труд «Кысса-и Юсуф» Кул Гали. В 1992–2002 гг. коллективом авторов под руководством Х.Р.Курбатова была написана и издана «История татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX вв.)».

В сфере топонимики, находящейся в тесной связи с историей языка, успешно работает Ф.Г.Гарипова, которая опубликовала ряд серьезных трудов: «Словарь гидронимов Татарстана» (1984, 1990), «Исследования по гидронимии Татарстана» (1991), «История в названиях» (1995), «История городов и сел» (1995), «Татарская гидронимия: вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии» (1998), «Наша духовная столица: знаменитые татарские села» (2005), «Словарь татарских топонимов» (т. 1, 2010) и другие.

Большим достижением отдела стало составление и издание академической грамматики татарского языка, работа над которой началась в 1980-е гг. под руководством М.З.Закиева. Выход этого трехтомного труда в свет (в 1992–1993 гг. – на татарском языке, в 1998–2002 гг. на русском) стал значительным событием в научной жизни не только института, но и республики. В 1994 г. основные авторы грамма-

тики — М.З.Закиев, Д.Г.Тумашева, Ф.А.Ганиев, К.З.Зиннатуллина — были удостоены Государственной премии РТ в области науки и техники.

Большой вклад в изучение проблем этнических корней булгаро-татар и в целом тюрков внес М.З.Закиев. Работая над проблемой тюрко-татарской этнолингвистики, он выдвинул идею создания нового направления в истории и лингвистике, а именно тюркской лингвистической археологии — изучения древних языковых данных для получения информации об этническом составе древнего населения дописьменного периода. Основные положения этнолингвистики изложены им в монографиях «Татары: проблемы истории и языка» (1995), «Происхождение тюрков и татар» (1998), «История татарского народа (этнические корни, формирование и развитие)» (2008).

История отдела общей лингвистики тесным образом переплетена с историей отдела языкознания. Он был создан на базе отдела языкознания и отдела лексикологии и лексикографии в 2007 г. (заведующий отделом — кандидат филологических наук, доцент Ш.Н.Асылгараев). Приоритетными направлениями научно-исследовательской работы в отделе являются: история татарского литературного языка, функциональная грамматика татарского языка, фонетический строй татарского языка, изучение языковой ситуации в РТ и РФ. Среди значительных достижений последнего времени следует назвать работы Ф.А. Ганиева: «Функциональное словообразование в современном татарском литературном языке» (2009), «Толковый словарь составных глаголов», (ч.1, 2009), «Словообразование в татарском языке» (2010); И.Б.Башировой: «Татарский литературный язык кон. XIX — нач. XX в. (жанры-стили, норма и вариативность в отдельных грамматических категориях)» (2008), «Татарский литературный язык. Семасиология» (2010); Э.Х.Кадировой: «Татарский литературный язык: сти-

лика. Учеб. пособие для студентов» (2010) и др.

С первых же дней в составе отдела языкознания была организована группа лексикографов. Ее возглавил крупный специалист в этой области Риза Газизов. Для участия в работе по составлению татарско-русских и терминологических словарей в качестве внештатных сотрудников были приглашены видные ученые и специалисты — Наки Исанбет, Гаяз Ишмухаметов, Касим Хамзин, Хамит Муштари, Габбас Сайфуллин и др. Результатом коллективных усилий стали «Татарско-русский словарь» (1950), вобравший в себя около 20 тысяч слов и выражений, и «Русско-татарский словарь» в 4 т. (1955—1959). В последнем труде были учтены практически все лучшие традиции и принципы лексикографии того времени, словарь был высоко оценен общественностью.

В 1958 г. группа была преобразована в сектор лексикографии под руководством Г.С.Амирова. Сектор начал интенсивную работу по двум направлениям, определившим содержание его деятельности и будущие достижения на много лет вперед — созданию «Большого татарско-русского словаря» и «Толкового словаря татарского языка» в 3 т.

Вместе с этим шла активная работа и по другим проектам. Так, в 1962 г. Ш.С.Ханбикова опубликовала «Словарь синонимов» татарского языка, в 1966 г. в Москве был издан капитальный «Татарско-русский словарь», подготовленный сектором лексикографии и включавший около 38 тысяч слов и выражений. Этот словарь и поныне считается базовым и находит активное применение среди широкого круга пользователей. В 1969 г. учеными отдела был издан «Диалектологический словарь татарского языка» (вторая книга была издана в 1993 г.), в 1971 и 1984—1985 гг. дважды издан «Русско-татарский словарь».

Группа лексикографов под руководством М.Г.Мухаммадиева, работавшая над трехтомным «Толковым словарем

татарского языка», собрала картотеку, состоящую из 3 миллионов слов и словоформ. В 1977–1981 гг. словарь вышел в свет. Труд был оценен как значительное достижение не только татарской лексикографии, но и всей тюркологии и назван лучшим среди подобных словарей других тюркских языков.

В 1991 г. сектор лексикографии был преобразован в самостоятельный отдел лексикографии и лексикологии. Под руководством заведующего отделом проф. Ф.А.Ганиева (1991–2004) и при его непосредственном участии была завершена работа по составлению однотомного «Толкового словаря татарского языка» (2005), рассчитанного на широкого читателя. По значимости словарь сопоставим с известным словарем С.И.Ожегова. Он включает в себя 58 тысяч слов и выражений, в том числе 6 тыс. фразеологических единиц. В нем широко представлены аналитические слова – сложные лексемы, особенно составные глаголы, отражающие агглютинативно-аналитический характер татарского языка. К тому же словарь оснащен 4 приложениями грамматического и иного характера, что делает его незаменимым учебным пособием для вузов.

Начиная с 90-х гг. XX века в соответствии с Законом РТ «О языках народов Республики Татарстан» и «Государственной программой РТ по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан» под научно-методическим руководством отдела было составлено и издано около 30 русско-татарских лексических минимумов, терминологических словарей по различным отраслям народного хозяйства и общественной жизни. Несомненным успехом лексикографов ИЯЛИ стали «Толковый словарь татарского языка» (2005), «Татарско-русский словарь» в 2-х т. (2007), а также большое количество изданий русско-татарских и татарско-русских словарей.

Ярким примером международного сотрудничества ученых-лексикогра-

фов стал выход двух объемных словарей: «Татарско-турецкого словаря» (1997) и «Турецко-татарского словаря» (1998), составленных турецким ученым Х.Ачыкгёзом и нашими языковедами Р.Ахметьяновым, Ф.Ганиевым, Ф.Нуриевой, Р.Мухаметдиновым.

В 2006 г. отдел был преобразован в отдел лексикографии. С конца 2007 г. им руководит доктор наук А.А.Тимерханов. Основной круг интересов отдела сегодня сосредоточен вокруг создания 5-томного «Толкового словаря татарского языка». Сданы в печать «Татарско-русско-английский учебный словарь» (33 а.л.) и «Школьный толковый словарь» (70 а.л.).

Большое внимание в отделе уделяется внедрению в практику компьютерных технологий, что даст новые возможности для создания более объемных многофункциональных электронных словарей различных типов, интерактивных учебных словарей и т.д.

Сектор литературы существовал со дня создания Татарского научно-исследовательского института. Первым его заведующим стал педагог Я.Х.Агишев. В разные годы сектором руководили Г.М.Халитов (Гали Халит) (1942–1953), М.Х.Гайнуллин (1953–1956), Х.Ф.Хайри (1956–1958 и 1966–1973), Н.Г.Юзеев (1973–1986). Ученые-литературоведы занимались разработкой актуальных проблем истории татарской литературы, созданием учебников, изданием сочинений классиков. Уже в 1940-е гг. вышел ряд монографий: «Народный поэт Габдулла Тукай» (1939), «Творчество Маджита Гафури (Критические очерки)» (1941), «Вопросы реализма в татарской литературе (Критические очерки)» (1948) Г.Халита; «Г.Камал: жизнь, творчество, его место в татарской литературе и татарской культуре» (1941) М.Гали; «Габдулла Тукай-патриот» (1942) Я.Агишева; «Горький и татарская литература» (1944), «Каюм Насыри: научная и просветительская деятельность» (1945); Х.Хайри «Хади Такташ (Жизнь и творческий путь)» (1949) М.Гайнуллина.

Первым среди ученых-литературоведов института изучением средневековой литературы занялся Б.А.Яфаров. Предметом его исследований стали произведения Махмуда Гали аль-Булгари «Нахдж ал-фарадиз» (Дорога в рай) (XIV в.), «Нуры содур» (Свет сердец) поэта Мухаммедьяра (XVI в.), стихи Габдерахима Утыз Имяни (XVIII в.) и др.

Серьезным достижением татарского литературоведения 1950-х гг. по праву может считаться коллективный труд «Татарская литература начала XX века. Очерки» (Г.Халит, Х.Хисматуллин, Б.Гиззат, 1954). Авторы не стали в угоду идеологическим установкам времени увлекаться вульгарным социологизмом, уделив достаточно большое внимание эстетической стороне литературных произведений. Хотя надо отметить, панорама татарской литературы начала XX века не представлена в должной степени. Роль отдельных писателей и поэтов (например, Фатиха Амирхана, Сагита Рамиева, Наджипа Думаи) в литературном процессе заметно принижена. Однако во втором издании труда «Татарская литература. XX век» (1965) этот недостаток постепенно преодолевают и авторы (М.Гайнуллин, Ж.Вазиева) уделяют большее внимание творчеству Г.Тукая и М.Гафури.

В 1960–1970-е гг. в отделе успешно продолжается традиция написания очерков по истории татарской литературы. Один из таких трудов – «История татарской советской литературы: Очерки» – вышел в 1965 г. на русском языке в Москве. Книга стала первым опытом издания истории национальной литературы в столице.

Безусловно важным моментом в деятельности татарских литературоведов было участие в научных проектах всесоюзного масштаба. Так, в 1970–1974 гг. Г.Халит, Р.Башкуров, Б.Гиззатуллин, Н.Гиззатуллин, В.Воздвиженский, Н.Юзеев, Х.Хайруллин, А.Ахмадуллин, Р.Сверигин приняли участие в работе над фундаментальной многотомной историей многонациональной

советской литературы, издаваемой институтом мировой литературы имени А.М.Горького.

В 1971 г. литературоведы ИЯЛИ начали работу над шеститомной фундаментальной «Историей татарской литературы» (вышла в свет в 1984–2001 гг.). К работе были привлечены ученые из Казани, Ленинграда, Уфы, Оренбурга. Это было, по сути, первым комплексным исследованием тысячелетней истории татарской литературы. При всех своих недостатках, о которых говорили в свое время, этот труд, несомненно, является той основой, фундаментом, на котором будут появляться новые исследования, свободные от идеологических и прочих внелитературных тенденций.

Одновременно с работой над многотомной историей литературы в отделе продолжались исследования жизни и творчества классиков татарской литературы. Заметным явлением в татарском литературоведении стали научные сборники «Из истории средневековой татарской литературы» (1982) и «Поэт-гуманист Кул Али» (1987), монография Н.Ш.Хисамова «Произведение с великой судьбой» (1984), посвященные 800-летию великого поэта-родоначальника нашей письменной литературы.

Достойны также упоминания труды ученых-литературоведов ИЯЛИ: монографии Г.Халита «Певец жизни и свободы: очерк о жизни и творчестве Маджита Гафури» (1980), «Поэзия дерзаний: (Творчество Хади Такташа и вопросы метода, героя и стиля в татарской поэзии 20-х годов)» (1980), «Портреты и проблемы» (1985); книга М.В.Гайнутдинова «В бури и ветра...» (1989), посвященная жизни и творчеству Х.Туфана; книга Н.Г. Юзеева «Татарская поэзия: Критические статьи» (1991); монографии Н.Ш. Хисамова «Живительные ключи: Литературно-критические статьи, рецензии» (1987), «Сюжет Йусуфа и Зулейхи в средневековой тюрко-татарской поэзии XIII–XV вв.: Проблемы версий» (2001), «На страже памяти: Литературно-научные статьи, творческие портреты и публи-

цистика» (2004); а также ряд тематических сборников, посвященных классикам татарской литературы: М.Джалилю (1978), Г.Тукаю (1979, 1997), Г. Ибрагимову (1980), Г.Камалу (1981), М.Гафури (1981), Г.Кулахметову (1986), Х.Такташу (1983).

Возвращение доброго имени и наследия Гаяза Исхаки поставило перед литературоведами задачу исследования его творчества и подготовки его произведений к изданию. В 1991 г. увидел свет его первый сборник — «Зиндан» (составители Л.Р.Гайнанова, Х.К.Махмутов). Книга Ф.М.Мусина «Гаяз Исхаки (Жизнь и деятельность)» (1998) стала первым монографическим исследованием, охватывающим многогранную деятельность писателя.

В 2003 г. вышел в свет коллективный труд «История татарской литературы нового времени (XIX—нач. XX в.)», в котором были преодолены, насколько возможно, прежние идеологические стереотипы, литература указанного периода рассмотрена с позиций нового времени. В книге дан всесторонний и полный анализ татарской литературы XIX — нач. XX вв., рассмотрены вопросы традиции и новаторства, творческой индивидуальности, жанрового многообразия. Особое внимание уделено современному подходу к творчеству классиков.

Самый масштабный проект отдела литературоведения последних лет — подготовка к печати 8-томной «Истории татарской литературы», работа над которой завершается. К реализации проекта были привлечены ученые-литературоведы из Казани, Москвы, Уфы и др. городов.

Деятельность отдела литературоведения с первых дней существования Института была неразрывно связана с проблемами текстологии. Первым серьезным успехом в этой области стало 2-томное издание произведений Г.Тукая (1943, 1948). Его составители — Х.Хисматуллин и Я.Агишев — впоследствии подготовили и выпустили 4-томное издание произведений Тукая

(1955–1956), приуроченное к 70-летию поэта.

В конце 1950-х гг. в связи с либерализацией некоторых сфер общественной жизни появилась возможность вернуть публике определенную часть литературного наследия: были подготовлены и изданы книга-хрестоматия «Древняя татарская литература» (1963), поэмы (1966) и стихи (1977) Мухаммедьяра (составитель Ш.Абилов), «Избранные произведения» К.Насыри в 2 т. (1974–1975), собрания сочинений М.Джалиля и Г.Тукая в 4 тт. (1975–1976).

В 1976 г. в составе сектора литературоведения появилась специальная группа текстологов под руководством З.З.Рамиева. В 1987 г. на базе отдела литературоведения были созданы два отдела — литературоведения (руководитель — Ф.М.Мусин) и текстологии (руководитель — Н.Г.Юзеев). В этот период ведется активная работа по исследованию наследия классиков литературы и подготовке их многотомников к печати. В течение 1978–1988 гг. были подготовлены и опубликованы произведения Тукая в 5 т., Ф.Амирхана в 4 т., Г.Ибрагимова в 8 т., М.Гафури в 4 т., Г.Камала и Х.Такташа — в 3 т. Не осталась без внимания и литература ранних периодов многовековой истории татарской литературы, самой большой удачей в этом направлении, пожалуй, стал выход в 1983 г. шедевра литературы периода Волжской Булгарии — поэмы «Кысса-и Йусуф» Кул Гали (текстологическую подготовку, описание многочисленных рукописей поэмы, комментарии выполнил Ф.С.Фасеев). Коллектив текстологов под руководством М.И.Ахметзянова подготовил два тома с произведениями XVIII века (один издан). Результатом тщательного изучения татарских рукописных книг и сборников стали «Сборник хикаятов» (1994), «Достоинство месяцев, или Добрые деяния» Дж.Бикташи (1994), «Поучительные хикаяты» (2004), «Калила и Димна» Ибн ал-Мукаффы (2008) (подготовлены Н.Ф.Исмагиловым); «Хавасе набатат» (Целебные травы) (1999) К.Насыри

(подготовлен З.Р.Шайхисламовым). После серьезной текстологической подготовки были изданы: «Татарская литература XVIII века: Поэзия» (2006) (составитель, автор комментариев и пояснений М.И.Ахметзянов, тексты подготовили: М.И.Ахметзянов, А.А.Алеева, Ш.Ш.Абилов, М.В.Гайнутдинов); Ф.Халиди «Тысяча и один рассвет» (2005) (составитель, автор вступ. статьи, комментариев и пояснений З.Г.Мухаметшин); С.Сунчалай «Сочинения и письма» (2005) (составление, подготовка текста, пояснений и комментариев — З.З.Рамеев).

С начала 1990-х гг. текстологи ведут большую работу по подготовке к изданию 15-томного Собрания сочинений Г.Исхаки. 8 томов изданы, часть томов сдана в издательство, завершается работа над последними томами.

Среди изданных в последнее время трудов отдела текстологии можно назвать произведения Г.Камала в 3 тт. (2010), «Избранные произведения» М.Гафури (2010), «Тысяча и одна ночь» в 3 кн. (в 2010 г. вышли две).

Один из самых знаковых проектов последних лет — подготовка к изданию 6-томного академического собрания сочинений Г.Тукая, два первых тома которого были выпущены к 125-летию поэта и вызвали положительный общественный резонанс. Также достоин упоминания словарь-справочник «Произведения Г.Тукая», подготовка которого также была завершена к юбилейным торжествам.

Сектор фольклора, ныне отдел народного творчества, появился в составе Татарского научно-исследовательского института языка и литературы в год его возникновения — в 1939-м. Первый заведующий сектором — Х.Х.Ярмухамметов (Хамит Ярми) — еще в 1940 г. организовал экспедицию в Сибирь, назвав ее «По следам академика Радлова». Результаты поездки оказались весьма впечатляющими — были записаны варианты эпоса «Идегей». В 1945—1958 гг. фольклорные экспедиции, организованные Институтом, охватили все районы республики

и близлежащие области и республики, где компактно проживали татары.

В 1961 г. в составе института был создан «расширенный» сектор народного творчества и истории искусства, куда вошли фольклористы, театроведы, музыковеды. Заведующим сектором с 1961 по 1972 г. был первый доктор наук по татарской фольклористике Х.Х.Ярми. В 1951—1972 гг. под его руководством был издан ряд солидных сборников и монографий по татарскому народному творчеству: антология «Татарское народное творчество» (1951, 2-е изд. — 1954), «Татарские народные сказки» (в 2-х кн., 1946, 1956), «Татарские народные песни» (1965), «Игровые и плясовые песни татарского народа» (1968) и др.

В 1948—1970-е гг. в отделе велась работа по собиранию и изучению русского фольклора в республике. Этой работой занималась В.Ф.Павлова, которая издала несколько фольклорных сборников.

Благодаря многолетним и систематическим экспедициям в фондах сектора накопился богатейший материал, который позволил фольклористам подготовить уникальное издание — много томный свод татарского народного творчества. Работа велась под руководством заведующего сектором И.Н.Надирова (1972—1990 гг.). В течение 1976—1988 гг. вышли в свет 12 томов, вобравших в себя основные жанровые формы фольклора. В 1989 г. основные участники проекта И.Н.Надиров, Х.Х.Ярмухамметов (посмертно), Х.Ш.Махмутов, Л.Ш.Замалетдинов и Ф.В.Ахметова стали лауреатами Государственной премии РТ имени Г.Тукая.

В 1970—1990 гг. в отделе велась работа по подготовке к изданию научных сборников по отдельным проблемам татарского народно-поэтического творчества: «Жанры татарского фольклора» (1978); «Проблемы древнего татарского фольклора» (1984), «Социальные мотивы в татарском фольклоре» (1986), «Современное состояние татарского народного поэтического творчества» (1988), «Поэтика татарского фоль-

клора» (1991), «Типология татарского фольклора» (1999) и т.д.

Последнее десятилетие в работе отдела также ознаменовалось многочисленными публикациями. Среди них — труды Х.Ш.Махмутова: «Неписанные законы: Вопросы нравственности в фольклоре» (1995), «Крылатое слово — заветное слово (Почему мы так говорим?)» (1999), «Слова предков» (2002), «Страницы из истории крылатых выражений: Этимологические разыскания» (2008); А.Х.Садековой: «Фольклор в эстетике Галимджана Ибрагимова» (1995), «Идеология ислама и татарское народное творчество» (2000); К.М.Миннулина: «Поэзия и песня» (1998), «Поэтическая природа песен: Пособие для изучения песенной поэзии» (1999), «Печатное слово и татарские песни» (2000), «У каждой эпохи свои песни» (2003), «Песенное творчество татарского народа» (2006).

Особо хотелось бы назвать уникальное издание «Татарская мифология. Энциклопедический словарь» в 3 т. Ф.И.Урманчеева (2009–2010).

Сегодня отдел народного творчества (кроме научно-теоретических исследований и организации ежегодных экспедиций) живет двумя большими проектами — подготовкой к изданию 25-томного свода «Татарское народное творчество» (на татарском языке) и 15-томного свода в переводе на русский язык (тт. 1–3 вышли в 2009–2010 гг.).

Существенным скачком в развитии национального искусствоведения следует считать открытие в 1968 г. на базе сектора фольклора ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФАН СССР самостоятельного отдела искусства. Его первым заведующим был назначен Ф.Н.Гиззатуллин (Баян Гиззат). В наше время эстафету успешно продолжил доктор искусствоведения М.Г.Арсланов. Отдел начинал свою деятельность по трем основным направлениям: театральное искусство, музыкальная культура, декоративно-прикладное и изобразительное искусство татарского народа.

Благодаря кропотливому изучению материалов периодической печати до-революционного и последующих периодов, архивных и музейных фондов, постоянной работе с информаторами — деятелями культуры старшего поколения — стало возможным появление таких серьезных коллективных исследований, как «Татарский советский театр» (1975), «Дооктябрьский татарский театр» (1988), «Галиасгар Камал: драматург и время» (2005); «Актерское искусство современного татарского театра» (1978) и «Межнациональные связи татарского театра» (1985) И.И.Иляловой; «Гульсум Болгарская» (1981), «Габдулла Шамуков» (1985), «Мензелинский татарский государственный драматический театр им. Сабира Амутбаева» (2007) Д.А.Гимрановой; «Хусаин Уразиков» (1986), «Татарское режиссерское искусство (1906–1941)» (1992), «Татарское режиссерское искусство (1941–1956)» (1997), «Татарское режиссерское искусство (1957–1990)» (2002), «Режиссер Ширьяздан Сарымсаков» (2004), «Актер. Режиссер. Драматург. Педагог» (2006), «Волшебство. Татарский театр: режиссеры и драматурги» (2008) М.Г.Арсланова, а также книга «Габдулла Кариев» (2011) (Автор-составитель М.Г.Арсланов).

Музыковеды отдела ведут свои исследования в контексте традиций национальной художественной культуры. Результатами многолетней экспедиционной и научно-исследовательской работы стали книги: «Татарские народные песни» (1970), «Народные песни волжских татар» (1982) М.Нигмедзянова; «Татарско-мишарские песни» (1979) З.Сайдашевой и Х.Ярми; «Фарид Яруллин и татарский балет» (1987) А.Алмазовой; «Музыкальная драма Салиха Сайдашева» (1988) Ф.Салитовой; «Татарская народно-песенная культура Нового времени: проблемы традиционного мышления и жанровой атрибуции» (2005) Э.Каюмовой; «Национальные мелодии. Татаро-тюркские мелодии (по материалам Султана Габяши)» (2002), «Традиционные духовые музыкаль-

ные инструменты Волго-Камья» (2006) Г.Макарова. В этих исследованиях представлены многие классические образцы татарского музыкального фольклора и зафиксирована народная манера их исполнения. В трудах, посвященных профессиональной музыке, вводятся в научный оборот ценнейшие материалы о жизни и творчестве выдающихся деятелей татарской культуры, анализируются их произведения по признакам жанровой принадлежности и стилистического единства, рассматривается процесс обогащения татарской музыки выразительными средствами мирового музыкального искусства.

Традиции исследования татарского народного декоративно-прикладного искусства, заложенные в свое время искусствоведом П.М.Дульским, историками Н.И.Воробьевым, Н.Ф.Калининым, А.П.Смирновым, Г.В.Юсуповым, художником П.Г.Сперанским, после организации в 1968 г. в ИЯЛИ отдела искусства были успешно продолжены Ф.Х.Валеевым. За период работы с 1968 по 1973 г. им был собран и систематизирован значительный материал по татарскому народному искусству, который позднее вошел в такие труды, как «Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья и Приуралья» (1975), «Архитектурно-декоративное искусство казанских татар (сельское жилище)» (1975), «Народное декоративное искусство Татарстана» (1984), «Древнее искусство Татари» (1987, в соавторстве с Г.Ф.Валеевой-Сулеймановой).

Область исследований татарского изобразительного и декоративно-прикладного искусства в конце 1970-х гг. расширилась благодаря работам Д.К.Валеевой, Г.Ф.Валеевой-Сулеймановой, Ф.Ф.Гуловой. В книгах «Искусство волжских булгар (X – начало XIII вв.)» (1983), «Монументально-декоративное искусство Советской Татари» (1984), «Декоративное искусство Татарстана (1920-е – начало 1990-х гг.)» (1995), «Татарская народная вышивка» (1980), «Татарская национальная обувь (искусство кожаной мозаики)» (1983)

конкретизируется и обогащается общая картина развития искусства Евразии с древнейших времен до наших дней, раскрывается проблема взаимоотношения народных художественных традиций и современного декоративного искусства.

В 2007 г. на базе отдела искусствоведения был создан новый отдел – изобразительного и декоративно-прикладного искусства, руководителем которого стала кандидат искусствоведения Р.Р.Султанова. Ученые отдела ставят перед собой задачу рассматривать искусство республики как целостное явление с учетом закономерностей и особенностей его развития на разных исторических этапах, с точки зрения эволюции его стилового своеобразия, взаимодействия с искусством других народов, прежде всего тюркских, определения его места в мировой художественной культуре.

Впервые в искусствоведении Татарстана ведется систематизированное исследование истории сценографии татарского театра, татарского театрального костюма; искусство волжских булгар изучается в контексте искусства тюркских и финно-угорских народов Евразии; выявляются национальные и региональные особенности архитектуры и градостроительства Татарстана.

В перспективе – издание 2-томного труда «Искусство книги Татарстана» (XVIII–XX вв.), многотомного библиографического словаря «Художники Татарстана. XX век», включающего мастеров Татарстана и татарской диаспоры.

В 2007 г. в ИЯЛИ был создан самостоятельный отдел – отдел рукописей, научный и архивный фонд (Мирасханэ). Его заведующим стал известный археолог, доктор наук М.И.Ахметзянов. В сокровищнице отдела хранится более 170 личных архивов известных татарских писателей, композиторов, театральных деятелей и т.д.; более 7 тысяч рукописных книг, более 3 тысяч редких книг, несколько десятков тысяч рукописей. Все это – уникальная источни-

коведческая база для специалистов гуманитарного профиля. Среди единиц хранения – материалы не только по древней литературе, но и по медицине, астрологии, юриспруденции, в том числе по мусульманскому правоведению. Достойны внимания документы, написанные на различных восточных языках, особенно на арабском и персидском, многие из них имеют прямое отношение к татарской литературе и культуре. С целью создания наиболее благоприятных условий для хранения материалов отделу рукописей, научному и архивному фонду решением руководства республики и Академии наук РТ в 2008 г. были выделены помещения в здании Манежа в Казанском кремле. Поскольку фонды отдела пополнились большим количеством музыкально-этнографических записей, материалами по музыкальному искусству татарского народа, в 2011 г. отдел был реорганизован в центр письменного и музыкального наследия (заведующий – доктор наук Р.Ф.Исламов). Сейчас Центр переживает новый этап развития, связанный с оснащением его современными техническими средствами, позволяющими в перспективе вводить имеющиеся материалы в компьютерную сеть.

Сотрудники отдела выполняют большую работу по введению в оборот рукописей, документов, фактов, имеющих прямое отношение к татарской национальной культуре. Среди значимых публикаций последнего времени, подготовленных учеными центра, следует назвать книги М.И.Ахметзянова: «Татарские шеджере. 1 кн.» (1995), «Татарская рукописная книга» (2000), «История села Большой Менгер» (2000), «Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа» (2002), «Мирасханэ: Указатель фондов и коллекций» (2005), «Просвещение, археографические изыскания» (2009), «Касимовские татары (по генеалогическим и этнографическим материалам)» (2010), «Татарская археография. Отчеты о результатах археографических экспедиций (1972–2010 гг.)». Ч.1

(2011); С.М.Гилязутдинова: «Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства». Вып.1–3 (2002, 2006, 2007).

В 1941 г. Институт языка и литературы расширил свои функции и стал Институтом языка, литературы и истории. Постепенно сектор истории разросся: появились самостоятельные отделы археологии, этнографии, истории общественной мысли, свода памятников, татарской энциклопедии. Таким образом, история этих отделов, а по сути – вся современная татарская историческая наука и энциклопедистика, выражаясь образно, «вышли из шинели» ИЯЛИ.

Отдел истории был создан в феврале 1941 г., в первые послевоенные годы в отделе работали А.Н.Григорьев, А.А.Тарасов, Е.И.Чернышов, Х.Г. Ги-мади, Н.Ф.Калинин, Н.И.Воробьев.

Практически с самого начала в отделе, помимо основного, базового направления, разрабатывались археологические, этнографические и даже общественно-философские темы, уделялось большое внимание истории Татарстана. В конце 1980-х гг., когда открылись возможности для изучения истории нации, отдел стал координационным центром по решению научных проблем в масштабах всего Средневожско-Уральского региона.

Национальный центр археологических исследований им. А.Халикова, ныне являющийся одним из важнейших подразделений Института истории АН РТ, также берет начало в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова – с 1942 г. в связи с деятельностью Н.Ф.Калинина, который организует планомерные археолого-этнографические обследования территории РТ. Это имело принципиальное значение для формирования археологии Татарстана и Среднего Поволжья. В 1962 г. археологическая группа под руководством Н.И.Воробьева была преобразована в сектор археологии и этнографии, который с 1965 г. возглавил А.Х.Халиков. В период его работы произошел количественный и качест-

венный рост числа археологов, расширился круг исследовательских задач.

Археологами за период работы в ИЯЛИ были сделаны крупные открытия в изучении прошлого Урало-Поволжья. Особое место в этом ряду занимает создание археологической карты Татарстана, составление которой началось в 1945 г. по инициативе Н.Ф.Калинина. Результатом многолетней работы стала изданная 6-томная карта (1988), содержащая описание около 5 тысяч археологических памятников. Это была первая подобная монографическая работа в бывшем СССР. Коллектив археологов (П.Н.Старостин, Ф.Ш.Хузин, Е.П.Казаков, Т.А.Хлебникова, Р.С. Габяшев, Г.В.Юсупов) в 1994 г. был удостоен Государственной премии РТ в области науки и техники.

Отдел этнологии нынешнего Института истории АН РТ как самостоятельное научное подразделение начал свою деятельность в 1987 г., выделившись из сектора археологии и этнографии, существовавшего в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова с 1961 г. Группой этнографов в разные годы руководили Н.И.Воробьев (до 1967 г.), Г.М. Хисамутдинов (1967–1972), Р.Г. Мухамедова (1972–1986). Одним из крупнейших достижений этнографов ИЯЛИ стала коллективная монография «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» (1967), подготовленная под руководством Н.И.Воробьева. В книге нашли освещение важнейшие стороны истории и этнографии народа (происхождение, численность, размещение и т.д.), общественных и семейных отношений, хозяйственной, материальной и духовной культуры, народного творчества. Этот труд стал важным событием в культурной жизни татарского народа.

В апреле 1975 г. в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова было создано самостоятельное научное подразделение – сектор истории общественной мысли (с 1993 г. – отдел истории общественной мысли и исламоведения). Инициатором создания и его первым руководителем в течение 11 лет (1975–1986) был доктор

философских наук Я.Г.Абдуллин. Приоритетным направлением исследований в отделе стало изучение татарской общественно-политической и философской мысли конца XVIII – начала XX века. Практически впервые были проанализированы философские и богословские труды таких крупных татарских мыслителей, как Г.Курсави, Ш.Марджани, М.Бигиев, К.Насыри, Г.Баязитов, Р.Фахретдинов. Были написаны первые серьезные исследования по джадидизму, татарской просветительской мысли, мусульманскому реформаторству, истории средневековой татарской общественно-философской мысли.

В 1989 г. в составе ИЯЛИ Г. Ибрагимова была создана временная творческая группа, в начале 1990 г. она была преобразована в хозрасчетный отдел Свода памятников истории и культуры республики (руководитель – доктор наук Ю.И.Смыков), в котором сконцентрировалась работа по подготовке и изданию «Атласа историко-культурного наследия РТ». Сотрудниками отдела были исследованы районы Татарстана, выявлены, зафиксированы и паспортизованы все наиболее значимые объекты историко-культурного наследия, опубликовано более 20 монографий. Также были исследованы татарские населенные пункты в 15 регионах России. По сути, отдел Свода памятников ИЯЛИ Г.Ибрагимова в 1989–1997 гг. заложил основы научного памятниковедения в Татарстане.

В середине 1990-х гг. в обществе произошли большие изменения, и появилась реальная возможность создания на базе ИЯЛИ новых институтов. Ныне самостоятельные научные учреждения – Институт истории им. Ш.Марджани и Институт Татарской энциклопедии АН РТ – вышли из стен ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова. Таким образом, наш институт дал жизнь двум новым учреждениям гуманитарного направления, одновременно сохранив свою самобытность и многопрофильность. Базовый Институт языка, литературы и истории

стал называться Институтом языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова, сохранив прежнюю аббревиатуру.

Богатый исследовательский опыт ученых Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова, унаследовавших лучшие традиции отечественной и национальной гуманитарной науки, является благотворной школой для воспитания достойной смены. Понимая это, еще в 1946 г. при институте была открыта аспирантура. Сегодня здесь проходят послевузовскую профессиональную подготовку аспиранты очной и заочной форм обучения по шести специальностям: литература народов РФ (татарская литература), языки народов РФ (татарский язык), фольклористика, театральное искусство, музыкальное искусство, изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура.

В институте созданы все условия для выпускников аспирантуры – будущих диссертантов. С 1981 г. при ИЯЛИ функционирует совет по защите кандидатских, а с 1998 г. – докторских диссертаций по специальностям «литература народов РФ (татарская литература)», «языки народов РФ (татарский язык)» и «фольклористика». За эти годы в ИЯЛИ получили ученую степень около 280 человек, более 20 из которых получили докторскую степень. Все они ведут активную научную и общественную деятельность в Татарстане и в других регионах Российской Федерации. В этой связи открываются новые возможности для активизации научных исследований, прежде всего в области изучения духовно-культурного наследия народов Татарстана и других республик и областей России. В последние годы в институте защищались соискатели из Башкортостана, Сибири, Йошкар-Олы, Саранска, Ижевска, Ульяновска и др. Таким образом, ИЯЛИ стал центром притяжения для ученых-тюркологов всего Волжско-Уральского региона РФ.

Работу любого научно-исследовательского учреждения невозмож-

но представить без тесных контактов, плодотворного, взаимообогащающего сотрудничества с профильными НИИ и вузами. И в этом отношении в ИЯЛИ ведется самая активная работа. Только в последние годы установлены и подписаны соглашения о сотрудничестве с академическими структурами и вузами Москвы, Санкт-Петербурга, Удмуртии, Мордовии, Марий Эл, Чувашии, Тувы, Казахстана, Украины и др.

Ученые Института поддерживают деловые контакты с Турецким лингвистическим обществом, Стамбульским государственным университетом, Билкентским университетом Турции, турецким обществом «Новая Турция», Институтами по изучению тюркского мира Стамбульского, Эгейского университетов (г.Измир), Южнокалифорнийским, Висконсинским университетами (США) и др.

Важным звеном научно-исследовательской работы, эффективной формой пропаганды достижений науки, укрепления связей являются конференции, симпозиумы, совещания и т.д. Они проводились в ИЯЛИ в далекие 1940-е гг. и стали устойчивой традицией его сегодняшней многогранной деятельности. За более чем 70 лет существования Института здесь проведено более 300 крупных научно-теоретических конференций по важнейшим проблемам исторической науки, языкознания, литературоведения, фольклористики, искусствознания с широким привлечением научной общественности Татарстана, видных ученых из городов и регионов России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Такие встречи – это еще и возможность наладить новые научные контакты, сотрудничество. Только в последние годы были проведены такие крупные научные форумы, как международный симпозиум «Искусство войлока в тюркском мире: история и современность» (2009); выставка «Татарский шамаиль: слово и образ» в Государственном музее искусства народов Востока (Москва, 2009); международная научно-практическая конференция «Актуальные про-

блемы современной фольклористики» (2009); Годичное собрание Российского комитета тюркологов и обсуждение проблемы «Синтаксические конструкции» (2009), международная научно-практическая конференция «Наследие Габдуллы Тукая в контексте национальных культур» (2011).

Продолжая традиции предыдущих поколений ученых, эффективно используется такая форма сбора материалов, как полевые исследования. В последние годы в институте возобновились комплексные экспедиции в районы Татарстана и регионы РФ, где компактно проживает татарское население, – Курганскую, Тюменскую области Сибири, в Башкортостан, Марий Эл, Пермский край, Оренбургскую область и т.д. Результатом таких экспедиций становятся коллективные сборники серии «Из сокровищницы научных экспедиций», в которых исследуемый район или регион предстает во всем многообразии своей духовной и материальной культуры: языка, песен, обрядов, фольклорных жанров, ремесел и т.д. Уже подготовлены и изданы три сборника, посвященные Актанышскому и Апастовскому районам РТ, Нижегородской области.

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ унаследовал и приумножил наилучшие традиции татарской гуманитарной науки по исследованию истории, просвеще-

ния и культуры татарского народа, заложенные Академическим центром, успешно функционировавшего в 20-е и 30-е гг. XX века. В непростые для науки годы ученые института неустанно продолжали проводить исследования, направленные на сохранение и изучение духовных ценностей татарского народа, подготовку высококвалифицированных специалистов в области татароведения.

Сегодня институт является одним из ведущих научно-исследовательских учреждений, входящих в систему татарстанской академической науки.

Коллектив ИЯЛИ живет в атмосфере плодотворной научно-исследовательской деятельности и творческого сотрудничества, нацеленный на конкретные задачи, стоящие перед национальной гуманитарной наукой.

Создание Академии наук Республики Татарстан вдохнуло новые силы в развитие и углубление традиционных для института направлений. В современных условиях развития общества перед ИЯЛИ стоят важные задачи. В первую очередь – это сохранение, изучение и всестороннее развитие родного языка, национальной идентичности и культуры. И нет сомнений, что институт, который уже давно перешагнул рамки чисто научного учреждения и превратился в центр большой общественной значимости, успешно справится с этими задачами.

**ЦЕНТР ИССЛЕДОВАНИЙ ИСТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
им. М.А. УСМАНОВА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
им. Ш. МАРДЖАНИ АН РТ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ**

И.М. Миргалеев, кандидат исторических наук

История центра уходит еще в начало 2003 г., именно в этом году в связи с необходимостью координации научных исследований истории Золотой Орды по решению ученого совета Института истории АНТ был создан «Центр исследований золотоордынской цивилизации» при Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ. Фактическую свою деятельность центр начал с 1 февраля 2006 года, а 30 декабря 2009 г. на базе центра был создан Центр золотоордынских исследований с выделением первоначально 4 штатных единиц. Заведующим центром был назначен И.М.Миргалеев. В октябре 2010 г. ученым советом Института истории им. Ш.Марджани АН РТ было принято решение о смене названия Центра золотоордынских исследований. Учитывая огромный вклад профессора М.А.Усманова в изучение истории Золотой Орды и выражая свою безмерную благодарность и признательность крупнейшему деятелю татарского народа, безвременно ушедшему из жизни 11 октября 2010 г., Центру исследований истории Золотой Орды ИИ АН РТ было присвоено имя профессора Миркасыма Абдулахатовича Усманова.

Современные тенденции в исследованиях Золотой Орды показывают, что лет через 5–10 мы придем к тому рубежу, когда будут пересмотрены многие аспекты золотоордынской истории. Поэтому нам вместе с накоплением фактических данных проблематики необходимо постепенно вырабатывать теоретическую основу и развивать мето-

дологию исследований. К сожалению, мифы все еще господствуют не только в школьных и вузовских учебниках истории, которые уже абсолютно не отвечают современным знаниям в этой области, но и в умах части историков. Нельзя сказать, что в России Золотая Орда все еще воспринимается как часть отечественной истории, хотя в нашей тематике больше всех представлены российские специалисты. В этом отношении позиция казанских историков особенно важна. Для нас Золотая Орда является именно тюрко-татарским государством, ее ключевым этапом национальной и государственной истории, главным предшественником постордынских – татарских ханств.

Мы вместе с коллегами из других научных центров Российской Федерации и зарубежных стран, сотрудничая, не только исследуем фактические моменты золотоордынской истории, но и формируем общие подходы к ее истории, что очень важно в современных условиях развития исторической науки. И у нас есть шанс быстрее, чем в других направлениях, избавиться от субъективизма, однобокости в суждениях, от поверхностных подходов трактовки средневековой истории Евразии. Наша деятельность, думаем, напрямую способствует решению этих задач.

За время своего недолгого существования Центр исследований истории Золотой Орды проделал огромную работу, которая находит свое отражение не только в многочисленных публикациях, но и в организации всевозможных научных мероприятий.

За последние несколько лет в серии «История и культура Золотой Орды» центром было издано около двух десятков монографий, авторами которых являются не только отечественные, но и зарубежные специалисты. Готовится к изданию очередной, четвертый выпуск ежегодника «Золотоордынская цивилизация», который уже успел стать одним из главных периодических изданий по истории Золотой Орды. Сборники материалов конференций публикуются центром в серии «Золотоордынское наследие», уже готов к печати второй выпуск этого издания. Мы надеемся, что наши публикации займут достойное место среди академических изданий по истории Золотой Орды. Следует также отметить, что сотрудники центра приняли участие и в подготовке третьего тома «Истории татар с древнейших времен», который был полностью посвящен золотоордынскому этапу исторического развития татарского народа.

В будущем предполагается создание под эгидой центра временных трудовых коллективов для реализации проектных исследований по различным аспектам истории Улуса Джучи. Сегодня идет сбор базы данных о современных исследователях золотоордынского наследия. Второе направление — это составление научно-библиографического свода по историографии истории Улуса Джучи, в который должна быть включена вся библиография (в том числе и архивные материалы) отечественных и зарубежных работ по золотоордынской теме. В текущем году начата подготовка научного сборника «Сражение на Синих Водах: проблемы изучения», посвященного 650-летию этого события.

Центром исследований истории Золотой Орды проводится большая работа по изучению источников. Нами уже подготовлены к изданию «Умдет алахбар» А. Кырыми, Утемиша-хаджи и «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-Дина. В этом году совместно с азербайджанскими коллегами мы опубликовали труд Хафиза Абура «Зайл-и джами ат-тава-

рих-и Рашиди». В сфере интересов нашего центра находятся и многие другие источники. Начиная с этого года, мы запустили новый сборник «Нумизматика Золотой Орды», первый выпуск которого получил высокую оценку специалистов. Мы полагаем, что большой интерес, в академических кругах, вызовет издание сборника «Военное дело Золотой Орды».

Благодаря активной деятельности центра, Казань становится одним из признанных центров изучения золотоордынского наследия. Подтверждением этому служит проведение международных конференций. 17 марта 2009 г. в Казани состоялась Международная научная конференция «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» и уже 29–30 марта 2011 г. под эгидой центра был проведен Международный золотоордынский форум, в рамках которого была организована вторая Международная конференция «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» и научная конференция «Нумизматика Золотой Орды», которые стали успешным продолжением, начатой еще в 2009 г., практики проведения постоянных (раз в два года) конференции по истории Золотой Орды. Об успехах и достижениях нынешней конференции могут свидетельствовать состав и количество ее участников, на которой были представлены исследователи из разных стран и многих регионов Российской Федерации. Весьма широким и интересным был спектр докладов и сообщений, которые затронули практически все аспекты золотоордынской истории.

Учитывая, что 2013 г. соответствует 700-летию прихода к власти хана Мухаммед Узбека, усилившего исламизацию Золотой Орды, предполагается на следующем форуме уделить большое внимание религиозной ситуации в Золотой Орде. Уже сегодня ЦИИЗО запустил тематический сборник «Власть и Ислам в Золотой Орде», где предполагается рассмотреть не только взаи-

моотношения исламских институтов и властных структур, но и осветить всю религиозную мозаику Золотой Орды. Планируется издать сборник к следующему форуму.

Центром установлены тесные связи с ведущими российскими специалистами по золотоордынской истории, а также с зарубежными коллегами, среди которых Озьетгин Мелек (Анкара, Турция), Хайрунниса Алан (Стамбул, Турция), отдельно с Институтом истории Турции (Анкара, Турция), с Мари Фаверо (Французский институт восточной археологии (Париж, Франция, Мария Иванич (Сегед, Венгрия), Иштван Вашари (Венгрия, Будапешт), Пламен Павлов (София, Болгария), Георги Владимиров (София, Болгария), Юлай Шамильоглу (Висконсин-Мэдисон, США), Чхао Чху-ченг (Тайбей, Тайвань), Содномын Цолмон (Улан-Батор, Монголия), Энхчимег Цендмаа (Улан-Батор, Монголия), Айболат Кушкумбаев (г. Кокшетау, Казахстан), Канат Ускенбай (Алмата, Казахстан), А.В.

Евглевский (Украина), Сабухи Ахмед оглы (Баку, Азербайджан) и др.

Сотрудники центра также выступают экспертами по золотоордынской тематике, отвечают на многочисленные вопросы, обращения и письма граждан, и запросы различных государственных учреждений.

Особое внимание уделяется подготовке аспирантов, выделяя при этом приоритеты источниковедческого характера, так как мы исходим из того положения, что введение в научный оборот новых источников и критический анализ уже имеющихся, позволят дать более объективную оценку историко-культурному наследию Золотой Орды, что является нашей главной целью.

Мы возлагаем большие надежды и предпринимаем огромные усилия для того, чтобы Центр исследований истории Золотой Орды стал одним из признанных центров изучения истории и культуры золотоордынского государства, не только в России, но и за ее пределами.

Аннотация

Статья посвящена деятельности Центра золотоордынских исследований им. М.А. Усманова Института истории им.Ш.Марджани АН РТ с момента его возникновения по сегодняшний день. В ней характеризуются основные направления исследований золотоордынского наследия, координация исследовательской работы с ведущими российскими и зарубежными научными центрами, обозначены важнейшие перспективы научного поиска по всему спектру проблем истории золотоордынской цивилизации.

Ключевые слова: Центр золотоордынских исследований им. М.А. Усманова Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, Золотая Орда, история, наследие.

Summary

The article is devoted to the activity of the Centre of Golden Horde investigations in the name of Usmanov M.A. of the Institute of History in the name of Sh.Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan since the moment of its formation to the present day. The main tendencies of investigations of the Golden Horde heritage are characterized in the article as well as coordination of the research work with leading Russian and foreign scientific centres, moreover, the most important perspectives of the scientific search on the entire range of problems of the history of the Golden Horde civilization are considered.

Key words: Centre of Golden Horde investigations in the name of Usmanov M.A. of the Institute of History in the name of Sh.Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the Golden Horde, history, heritage.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ В ТАТАРСТАНЕ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Р.Н. Мусина, кандидат исторических наук;

С.В. Суслова, кандидат исторических наук

Современная этнология – сложносоставная, комплексная наука о народах мира – зародилась как этнография – наука о живой старине, описывающая быт и культуру народов. Первые научные работы по этнографии поволжских татар появляются в XIX столетии, что в значительной степени было связано с учеными-тюркологами Казанского университета и его Восточного разряда (1829–1855 гг.). Значительно расширились этнографические исследования и публикации с образованием в 1878 г. при университете Общества археологии, истории и этнографии, а позднее, в 1895 г., и городского музея. В этих и других научных учреждениях и обществах работали или сотрудничали с ними многие ученые, в той или иной степени затрагивавшие проблемы этнографии (Г.Ахмаров, К.Фукс, Ш.Марджани, К.Насыри, Н. Катанов, Х.Фаисханов, Г.Губайдуллин и др.). По сути, они и были основоположниками этнографического татароведения.

Предыстория организационного оформления этнографов Татарстана начинается в первые послеоктябрьские годы, когда образуются Академический центр Татнаркомпроса (1921 г.), а также Общество татароведения (1922 г.) и Общество изучения Татарстана (1925 г.) при нем, сосредоточившие научные кадры республики.

С 1939 г. центром научных исследований культуры и быта татар становится Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова, который в 1946 г. вошел в состав Казанского филиала АН СССР. В секторе истории находи-

лась и группа этнографии, в составе Н.И.Воробьева и Г.М.Хисамутдинова, которая в послевоенные годы возобновила исследования по этнографии татар, главным образом в сельской среде. В 1961 г. в институте был создан сектор археологии и этнографии под руководством Н.И. Воробьева.

С именем Н.И.Воробьева связан начальный этап становления академической этнографии в республике. Заслуга профессора Воробьева в том, что в отличие от предшествующих исследователей, эпизодически обращавшихся к этнографии татар, он заложил основы системного изучения их культуры и быта. В его основных трудах «Материальная культура казанских татар», «Казанские татары» [1; 2] дается тщательное описание традиционной материальной культуры – поселений и жилища, одежды и украшений, пищи – казанских татар. Сопоставляя культуру разных групп – татар и крышен, он связывал причину этнокультурных различий между ними с влиянием религий – ислама и православия [3].

Н.И. Воробьев является автором первой развернутой и достаточно обоснованной этнокультурной дифференциации волго-уральских татар, в основу которой были положены изученные на тот период времени языковые и культурно-бытовые различия. В полном виде она была опубликована в стержневой для татарской историографии монографии «Татары Среднего Поволжья и Приуралья» [4]. Многие годы именно эта классификация была отправным инструментом исследований отечественных этнографов. В своих трудах уче-

ный вплотную подошел к пониманию важности изучения системы жизнеобеспечения этноса (жилище, одежда, ткачество и др.) на базе типологической классификации, что позволило ему проследить эволюцию ряда этноспецифических элементов культуры, наметить истоки и аналоги им у других народов и тем самым поставить вопрос о генезисе традиционной культуры татар. Позднее в 1970–1990-е гг. типологический подход к изучению традиционной культуры был успешно реализован в трудах его учеников и последователей. Это известные монографии Р.Г. Мухамедовой «Татары-мишари» [5], Ю.Г. Мухаметшина «Татары-кряшены» [6], С.В. Сусловой «Женские украшения казанских татар» [7], Ф.Л. Шарифуллиной «Касимовские татары» [8], а также ряд коллективных работ, составленных по принципу описания традиционной культуры локальных групп татарского народа [9].

Эти работы явились фактически базовыми в становлении следующего наиболее важного этапа татарской этнографической науки, связанного с проведением фундаментального исследования традиционной материальной и духовной культуры волго-уральских татар в рамках сбора информации и подготовки к изданию Историко-этнографического атласа татарского народа в 1970–1990-е гг. (руководитель проекта Р.Г. Мухамедова). Количественно расширявшаяся за эти годы группа этнографии в 1987 г. выделилась в лабораторию этнографии, которая в 1988 г. была переименована в отдел этнографии. В эти годы в ходе работы по этому крупномасштабному проекту сотрудниками отдела этнографии Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР было проведено более 30 экспедиций с охватом около 500 населенных пунктов во всех регионах компактного расселения татар, были изучены фонды 30 музеев и 20 архивов, что позволило собрать богатейший и уникальный материал. Этот систематизированный в научном ката-

логе материал, хранящийся в фонде отдела этнологии, уже сам по себе представляет большую научную ценность, являясь солидной базой для нынешних и предстоящих исследований.

Составление национальных историко-этнографических атласов, как известно, представляет собой трудоемкое, но важное и весьма перспективное звено в комплексе современных историко-этнографических исследований. Их основная цель заключается в создании обширного и репрезентативного с научной точки зрения корпуса этнорегиональных источников, в разработке на его основе принципов типологической классификации основных категорий традиционной культуры, в картографировании выделенных типов и выделении региональных этнокультурных комплексов. Этот этап завершился публикацией серии томов Атласа, в которую вошли монографии Н.А. Халикова «Хозяйство татар Поволжья и Урала» [10], Ф.Ш. Сафиной «Ткачество татар Поволжья и Урала» [11], С.В. Сусловой, Р.Г. Мухамедовой «Народный костюм татар Поволжья и Урала» [12], Р.К. Уразмановой «Обряды и праздники татар Поволжья и Урала» [13]. В завершающем томе Атласа «Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования» [14] авторами на основе представительного типологического и картографического материала опубликованных томов выделяются локальные комплексы традиционной культуры, рассматривается влияние природных, социально-экономических, конфессиональных факторов на сложение историко-культурных ареалов. В этом томе уточнена и более четко обоснована этническая классификация волго-уральских татар.

Материалы Атласа явились фундаментальной источниковой базой при становлении, начиная с 2000-х гг., следующего, современного этапа этнографических исследований – исторической этнографии, связанного с проведением углубленных этнорегиональных изысканий по традиционной культуре татар

с применением диахронного и синхронного методов исследования. Этнорегиональный аспект, как известно, позволяет выявить особенности формирования и функционирования народной культуры у различных структурных подразделений этноса, что является важнейшим условием полноценного изучения этнической истории и истории формирования народной культуры в целом. В современных историко-этнографических исследованиях этот аспект является одним из приоритетных, позволяющих установить векторы этнокультурного взаимодействия и причины изменения их направлений, выявить специфику территориальных этнокультурных контактов, определить характерные особенности этнокультурного взаимодействия в переходных зонах, понять степень влияния основных цивилизационных центров на формирование этнической культуры. Этнорегиональный подход, основанный на этнокультурном районировании традиционной татарской культуры, предполагает системное и комплексное использование региональных историко-этнографических источников, типологию основных категорий культуры и жизнеобеспечения, картографирование выделенных типов и региональных этнокультурных комплексов и их историко-генетическую интерпретацию. Таким этнорегиональным исследованием является монография С.В. Суловой «История татарского костюма: этнографическое исследование», подготовленное к изданию в рамках издательских проектов Тюркской академии 2010 г. (г. Астана, Казахстан). Этот современный этап исследований характеризуется использованием казанскими исследователями и методов ряда смежных дисциплин, в частности, этноархеологии. Именно в рамках этноархеологических (диахронных) подходов необходимо наиболее продуктивно исследовать вопросы формирования тра-

диционной культуры народа, генезис ее этнотерриториальных комплексов. Методы этноархеологии позволяют достаточно эффективно решать и вопросы, связанные с реконструкцией ранних этнографических и древних форм традиционной культуры.

Особым вектором национальной исторической этнографии можно обозначить многочисленные труды доктора исторических наук Д.М. Исхакова по историко-демографическому и статистическому изучению татар и их предков [15]. Им (иногда в соавторстве с И.Л.Измайловым) были выявлены основные особенности становления и функционирования средневекового татарского этноса в Улусе Джучи и в позднесолотоордынских тюрко-татарских государствах XV–XVI вв. Им же были изучены этнические аспекты образования татарской общности национального типа с выделением и характеристикой основных этапов этого процесса. Следует отметить, что с применением этнологических методов Д.М. Исхаковым были исследованы и такие специфические области истории средневекового тюрко-татарского населения, как клановая организация Золотой Орды и позднесолотоордынских тюрко-татарских государств [16].

Кроме традиционной и исторической этнографии в г.Казани интенсивно развивается этносоциология — новое научное направление на стыке этнологии и социологии, связанное с изучением современных этносоциальных процессов. Предтечей этого направления в республике стало диссертационное исследование Р.К. Уразмановой «Быт рабочих-нефтяников татар юго-востока Татарии», проведенное в начале 1960-х гг. [17]. Сосредоточием этносоциологии в г.Казани является Центр этносоциологических исследований Института истории им.Ш.Марджани Академии наук РТ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воробьев Н.И.* Материальная культура казанских татар. — Казань, 1930.
2. *Воробьев Н.И.* Казанские татары. — Казань: Татгосиздат, 1953.
3. *Воробьев Н.И.* Кряшены и татары (Некоторые данные по сравнительной характеристике быта) // Отдельный оттиск из журнала «Труд и хозяйство». — Казань, № 5, 1929.
4. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. — М.: Наука, 1967.
5. *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари. — М.: Наука, 1972.
6. *Мухаметшин Ю.Г.* Татары-кряшены. — М.: Наука, 1977.
7. Сулова С.В. Женские украшения казанских татар середины XIX — начала XX вв. Историко-этнографическое исследование. — М.: Наука, 1980.
8. *Шарифуллина Ф.Л.* Касимовские татары. — Казань: Татполиграф, 1991.
9. Пермские татары / Отв. ред. А.Х. Халиков. — Казань: Татполиграф, 1983; Историческая этнография татарского народа / Отв. ред. С.В. Сулова. — Казань, 1990; Астраханские татары / Отв. ред. Д.М. Исхаков. — Казань: Татполиграф, 1992; Молькеевские татары / Отв. ред. Д.М. Исхаков. — Казань: Татполиграф, 1993; Нагайбаки / Отв. ред. Д.М. Исхаков. — Казань: Татполиграф, 1995; Сибирские татары / Отв. ред. С.В. Сулова. — Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002.
10. *Халиков Н.А.* Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. — Казань, 1995.
11. *Сафина Ф.Ш.* Ткачество татар Поволжья и Урала (конец XIX — начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа / Отв. ред. Ю.И. Смыков. — Казань: Фэн, 1996.
12. *Сулова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа / Отв. ред. Р.К. Уразманова. — Казань: Фэн, 2000.
13. *Уразманова Р.К.* Обряды и праздники татар Поволжья и Урала. Годовой цикл. (XIX — начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа / Отв. ред. С.В. Сулова. — Казань: Фэн, 2001.
14. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования / Ред. Р.К. Уразманова, Н.А. Халиков. — Казань: Фэн, 2002.
15. *Исхаков Д.М.* Расселение и численность татар в Поволжско-Приуральской историко-этнографической области в XVIII—XIX вв. // Советская этнография, 1980, № 4. — С. 25—39; *Исхаков Д.М.* Историческая демография татарского народа (XVIII — начало XX вв.). — Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1983; *Исхаков Д.М.* Введение в историческую демографию волго-уральских татар. — Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1993; *Исхаков Д.М.* Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). — Казань: ИЯЛИ АН Татарстана, 1993.
16. *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV—XVII вв.). Научное издание. — Казань: Мастер-Лайн, 1997; *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (XIII — середина XVI вв.). Научное издание. — Казань: РИЦ «Школа», 2007; *Исхаков Д.М.* Исторические очерки. — Казань: Фэн, 2009.
17. *Уразманова Р.К.* Быт рабочих-нефтяников татар юго-востока Татарстана (1950—1960 гг.). — Альметьевск, 2002.
18. *Мусина Р.Н.* Этносоциологические исследования в Татарстане // Этносоциология и этносоциологи. Исследования, поиски, воспоминания. — М.: Старый сад, 2008. — С. 262—278.
19. Современные межнациональные процессы в ТССР: Программа исследования и инструментарий / Отв. ред. Р.Н. Мусина. — Казань: Татполиграф, 1991.
20. Этносоциологические исследования в Республике Татарстан / Сост. и ред. Р.Н. Мусина, Л.В. Сагитова. — Казань: Ин-т истории АН РТ, 2008.
21. Татары / Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. — М.: Наука, 2001.
22. Тартарика. Этнография / Отв. ред. Р.Н. Мусина, Р.Р. Салихов, Р.Р. Хайрутдинов. — М.: ДИК, 2008.

Аннотация

Отдел этнологии Института истории им.Ш.Марджани АН РТ является ведущим научным центром этнологических исследований традиционного быта, культуры татарского народа, а также современных этнокультурных, этнополитических и этносоциальных процессов. В статье основное внимание уделяется одному из направлений деятельности отдела – этнографическим исследованиям. Авторы раскрывают историю выделения этнографии татар как самостоятельного академического направления, ее структурное оформление, итоги научной деятельности ведущих ученых-этнографов отдела этнологии ИИ АН РТ.

Ключевые слова: академическая этнология, Татарстан, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, татары, Историко-этнографический атлас.

Summary

The department of ethnology of the Institute of History in the name of Sh.Marjani of Tatarstan Academy of Sciences is the leading scientific centre of ethnological investigations of traditional way of life, culture of the Tatar people as well as modern ethnocultural, ethnopolitical and ethnosocial processes. Main attention is paid to one of the directions of the department's activity – ethnographic investigations. The authors reveal the history of separation of the Tatars' ethnography as an independent academic direction, its structural formation and the results of the scientific activity of the leading scientists-ethnographers of the department of ethnology of the Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences.

Key words: academic ethnology, Tatarstan, the Institute of History in the name of Sh.Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the Tatars, historical ethnographic atlas.

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ В ТАТАРСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Р.М. Мухаметшин, доктор политических наук;
Д.А. Шагавиев, заведующий отделом общественной мысли
и исламоведения Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Ислам как одна из традиционных конфессиональных общностей в России играет все более заметную роль в ее общественно-политической жизни. Будучи фактором формирования общественного сознания, а также и поведенческих стереотипов, ислам оказывает существенное воздействие и на ход политических событий, включая и имеющие место в некоторых регионах России конфликты. Это свидетельствует об универсальности ислама как этноконфессионального фактора, который в различных ситуациях может проявить себя по-разному. А это в принципе что вполне естественно, поскольку и сложившиеся в течение многих веков местные традиции проецируются в современных процессах, и общественно-политическая ситуация в регионах вносит свои коррективы в общую ситуацию возрождения ислама в России. Поэтому при исследовании различных проявлений исламского фактора, особенно в изучении его роли в общественном сознании, нужно исходить из того, что в России ислам не представляет собой единого социокультурного монолита. Исламские традиции в различных регионах проявляются по-разному, имеют множество оттенков. Необходимо учитывать, что наряду с выявлением общих тенденций функционирования ислама в России большое значение имеют исследования, анализирующие ситуацию в конкретных регионах, особенно многоконфессиональных. В этой связи религиозная ситуация в Поволжском регионе представляет огромный интерес. Не только потому, что с этнической точки

зрения среди мусульман России на первом месте по численности находятся народы тюркского языкового корня (татары, башкиры, ногайцы и др.) и татары в стране по численности занимают второе место. И не только потому, что мусульмане России в основном являются суннитами ханафитского мазхаба и в большей части проживают именно в этом регионе. А в первую очередь потому, что именно среди мусульман этого региона ислам в течение многих веков проявил многие свои потенциальные и интеллектуальные возможности и, без преувеличения, внес свой вклад в становление российского полиэтнического и поликонфессионального общества и российской государственности.

Изучение ислама в России всегда шло по двум направлениям. Во-первых, само исламоведение, имевшее научное и миссионерское направления. Во-вторых, мусульманское богословие, имевшее свою многовековую историю.

Мусульманское богословие в дореволюционный период представлено исследованиями самих татарских ученых, труды которых можно рассматривать как важнейшую источниковедческую базу для изучения истории ислама среди татар, а с другой стороны, эти исследования во многом определили характер становления мусульманского богословия и внутренние закономерности формирования мусульманского сообщества у татар с его многовековыми ханафитскими традициями. В частности, труды Абдулнасра Курсави, Габдрахима Утыз Имяни, Шигабутдина Марджани, Мусы Бигиева, Зии Камали, Габдуллы

Буби, Галимджана Баруди и др. стали основополагающими в определении основных направлений татарской богословской мысли и соответственно — идеологической основой формирования национального самосознания и определения места ислама в структуре общественного сознания.

Дореволюционный период и исламоведение в регионе имели глубокие традиции. Исследования Г.С. Саблукова, Н.И. Ильминского, Я.Д. Коблова, Е.О. Малова, М.А. Машанова, А. Можаровского, Н.П. Остроумова, Н.А. Фирсова и других содержат много ценного фактического материала и дают возможность обозначить основные направления исследований в российском исламоведении в одном из крупнейших миссионерских центров — в Казани.

Рассматривая особенности российского исламоведения дореволюционного периода, иногда утверждают, что главное отличие российского исламоведения от западных исламоведческих школ — это его неконфронтационный характер.

Такая точка зрения не характеризует действительное положение вещей. Особенно когда мы говорим о казанской школе исламоведения, которое в своей основе было миссионерским и поэтому элемент конфронтационности, безусловно, был. Возможно, поэтому исламоведение и мусульманское богословие были совершенно самостоятельными направлениями в исследовании ислама. Точек соприкосновения между ними нельзя сказать что не было. Но они не были в русле выработки единых подходов в изучении общего объекта, а наоборот, преобладала критика, вплоть до неприятия догматических основ самой религии со стороны исламоведов.

Правда, к середине XIX в. ситуация несколько изменилась, о чем свидетельствует деятельность Ш.Марджани, Х.Фаизханова, которые поддерживали связи с российскими востоковедами, правда, больше с историками и филологами, чем с исламоведами. Но эта

ситуация тем не менее кардинально не изменилась.

Что касается советского периода, то в отечественном исламоведении традиционно существовали два подхода к изучению ислама. Во-первых, исследователей ислам привлекал как важнейшая составляющая общественно-политической жизни мусульманских государств, без научного осмысления которого невозможно было проводить продуманную внешнюю политику советского государства в том или ином регионе мусульманского Востока. Поэтому было написано очень много трудов по истории и духовной культуре отдельных мусульманских государств, регионов (Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Центральной Азии и др.), где исламский фактор рассматривался как важнейший элемент общественно-политической жизни. Во-вторых, хотя и изредка, но появлялись труды, продолжавшие лучшие традиции европейского и отечественного исламоведения. Однако по установившейся в мировом востоковедении традиции исследователи ограничивались преимущественно классическим исламом и практически не рассматривали период Нового и Новейшего времени. При этом в основном исходили из того, что тюркский мир, тем более Поволжье, является периферией мусульманской цивилизации и поэтому не представляет большого интереса для изучения классического ислама.

Если эти тенденции проецировать на изучение российского, особенно «поволжского», ислама, то можно увидеть, что ни с точки зрения формирования «большой» политики, ни в плане изучения различных аспектов классического ислама он не привлекал внимания специалистов. Поэтому вполне естественно, если не считать атеистических исследований, в бывшем Советском Союзе ислам изучался в приграничных с другими мусульманскими государствами зонах (Средняя Азия, Кавказ), а центральные регионы страны практически оказались за пределами научных

интересов исламоведов. Поэтому не случайно, что практически единственным исследованием, полностью посвященным исламу в России, можно назвать книгу Л. Климовича «Ислам в царской России» (М., 1936), которая хотя и входит в разряд атеистической литературы, тем не менее в ней используются многочисленные источники, архивный материал, раскрывает основные формы проявления религиозной политики государства по отношению к исламу.

В постсоветский период в обществоведческой науке произошли кардинальные изменения. В исламоведении также наметились новые тенденции. Одна из них — попытка синтеза классического исламоведения с современными исследованиями, стремление преодолеть известную ограниченность, выражавшуюся в рассмотрении религии как замкнутого феномена, мало подверженного внешним воздействиям, в том числе и политическим. Возрос интерес к российскому исламу. Правда, видимо, еще рано говорить о том, что методологические стереотипы, идеологические и психологические предубеждения, сложившиеся за годы советской власти по отношению к исламу, окончательно преодолены. Ислам в России, превращающийся в важнейший фактор ее внутренней и внешней политики, сегодня изучается в основном историками и политологами. Поэтому пока преобладает выявление характера мусульманского фактора в общественно-политической жизни того или иного региона или государства в целом. Анализ ислама как этноконфессионального и культурного феномена в истории России и ее мусульманских народов еще не стал заметным явлением в отечественном исламоведении.

Если первая половина 1990-х гг. стала периодом осмысления новых процессов и освоения новых методологических подходов, то во второй половине 1990-х гг. уже появились серьезные исследования, которые открыли новую страницу в российском исламоведении. В последние годы появились и первые

учебные пособия по истории мировых религий, ценность которых заключается в том, что они историю религий в России рассматривают в контексте их общей истории.

В 1990-е гг. заметно активизировались социологи и этнологи, которые рассматривают ислам в контексте этнической мобилизации и идентичности, выявляя многие его возможности, которые по-разному могут проявить себя в тех или иных ситуациях. С этой точки зрения, данные исследования имеют и большое прикладное значение для прогнозирования всевозможных проявлений мусульманского фактора.

В постсоветский период и в Татарстане появились исследования, предпринимающие попытки по-новому осмыслить исламский фактор в истории общественной жизни татар. Правда, сразу нужно оговориться, что в постановке многих ключевых проблем, дающих возможность выявить особенности ислама в татарском обществе, до сих пор преобладают традиционные методологические подходы. Например, такие ключевые для осмысления процессов, происходящих в татарском обществе, явления, как джадидизм, кадимизм, мусульманское реформаторство, все еще нуждаются в серьезных исследованиях.

Самым слабым местом исследований по исламу является их источниковедческая база. Дело в том, что имеющиеся источники, написанные на арабском языке, со сложным богословским содержанием, еще малодоступны, скорее всего из-за непривычного понятийного аппарата.

Татарские ученые, воспитанные на традициях казанской школы истории общественной мысли, рассматривают ислам в основном в контексте развития прогрессивной философской мысли, не анализируя традиционное татарское сообщество, которое во многом формирует общественное сознание.

В свете вышесказанного исламоведение остается перспективным направлением в сфере гуманитарных наук в на-

шей республике. Спектр исследований, связанных с исламом, широк и имеет сложную составляющую, что открывает большие возможности для ученых. В настоящее время в республике действует три научных подразделения, где ведутся исламоведческие исследования. Это отдел истории общественной мысли и исламоведения ИИ АН РТ, центр исламоведческих исследований АН РТ и кафедра регионоведения и исламоведения ИВ КФУ. Два последних начали работать лишь в этом году и поэтому пока рано говорить об их результатах и достижениях. Пожалуй, единственным исследовательским центром в регионе в указанной области за последние 10 лет был Институт истории АН РТ в лице отдела истории общественной мысли и исламоведения.

Отдел работал и продолжает работать над двумя основными проблемами: «История татарской общественной мысли: история и современность» и «Ислам в истории и культуре татарского народа». В рамках первого направления рассматриваются актуальные проблемы формирования и развития татарской общественной мысли с древнейших времен по настоящее время, выявляются роль и вклад крупнейших татарских мыслителей в развитие духовной культуры. В рамках второй анализируются наиболее значимые аспекты распространения, развития и функционирования ислама в Среднем Поволжье, выявляются закономерности формирования основных тенденций татарской богословской мысли и определяются роль и место ее крупнейших представителей. Сотрудники отдела совместно с преподавателями Российского исламского университета и ТГГПУ принимали активное участие в реализации федеральной программы по углубленному изучению ислама в качестве экспертов издаваемой литературы и как авторы учебных пособий. В рамках этой программы в 2010 г. с участием практически всех сотрудников отдела было издано учебное пособие «История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе» (15 п.л.).

Этот коллективный труд включил в себя изложение и анализ основных мусульманских концепций, появившихся на территории Поволжья и Урала за тысячелетнюю историю развития ислама в регионе с 922 г. до начала XXI века.

Важно отметить, что исследования отдела с 2003 г. охватывают работу над подготовкой многотомной «Антологии татарской богословской мысли». Сотрудники отдела переводят и анализируют богословское наследие известных татарских ученых XVIII – нач. XX вв. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью определения роли и места крупнейших представителей татарской реформаторской мысли в развитии мусульманской богословской мысли. Несмотря на то что в обществе уже существует понимание роли и значения религии в жизни, пока нет концептуального осмысления ее места в ряду духовных ценностей. Такая ситуация связана с тем, что пока еще мало богословских источников введено в научный оборот. Восполнить этот пробел – первоочередная задача возрождающегося исламоведения в Татарстане. Поэтому главным достижением отдела за последние годы можно считать издание шести томов «Антологии татарской богословской мысли». Первый том был посвящен трактату «Наставление людей на путь истины» («Иршад ли-либад») Абу-н-Насра Курсави. Третий том включил в себя перевод печатных и рукописных произведений Габдрахима Утыз Имяни. Богословские трактаты Мусы Бигиева, среди которых самое известное «Доказательства божественного милосердия», в переводе увидели свет во втором и четвертом томах антологии. Следующий том включил в себя перевод главного догматического сочинения Шигабутдина Марджани «Зрелая мудрость» («ал-Хикма ал-балига»). Наконец, последний том антологии подготовлен старшим научным сотрудником отдела Лейлой Алмазовой и издан Татарским книжным издательством в 2010 г. Это фундаментальный труд татарского богослова начала XX в.

Зыяэтдина Камали под названием «Философия вероубеждения» с приложением «Справедливость Аллаха» из серии «Философия ислама». Автор изложил в этой работе свое концептуальное, философское прочтение основных проблем исламской догматики и ответил на наиболее остро стоящие перед мусульманами того времени вопросы. При этом решения, предлагаемые Зыяэтдином Камали, актуальны и для современной исламской уммы. Перевод труда снабжен биографическим очерком об авторе, вступительным словом, примечаниями и комментариями¹, делающими богословский текст максимально понятным для современного читателя. Несомненно, это издание, как и предыдущие, поможет еще более углубленно понять реформаторские идеи татарских богословов и сравнить их с современной исламской мыслью. Продолжается работа над подготовкой следующих томов вышеназванных мусульманских татарских ученых, а также работа над богословским наследием Галимджана Баруди.

Вышеупомянутые два направления останутся приоритетными в отделе, в то же время ожидается, что в Центре исламоведческих дисциплин АН РТ будут развиваться другие научные направления, это, во-первых, вопросы, связанные с исламской экономикой и системой исламского права. Исламское источниковедение также будет важной темой исследований центра. Подобными проблемами, видимо, будут заниматься и в Институте востоковедения КФУ, хотя на первом месте там будут стоять проблемы академического характера и изучения классического ислама.

История ислама татар и изучение их богословского наследия останутся в ведении Института истории, однако это не говорит о локальности или узости проводимых исследований, об ограниченном масштабе их важности. Исламский мир переживает сложный этап своей истории, страны Запада также все теснее сталкиваются с исламским фактором, возникает много вопросов о будущем мусульман и ислама, о взаимодействии разных цивилизаций. Во всем мире продолжается поиск моделей сосуществования ислама с другими религиями и культурами, проектов исламского образования². Поэтому роль исламоведов, работающих даже в рамках татароведения, на сегодняшнем этапе значительна. Потенциал татарской богословской мысли еще не раскрыт полностью, не изучен до конца феномен джадидизма и возможность его практической пользы для современной эпохи, причем в мировом контексте. Предстоит во всех деталях очертить исламское видение мира через призму идей джадидов, рассмотреть джадидизм как богословие и социальное явление, связать его с традициями татарского предпринимательства, изучить модель института татарской махали, способствовать разработке новой модели исламского образования на базе Российского исламского университета и т.п. Таким образом, джадидизм будет главным объектом исследований отдела, хотя традиционные формы бытования ислама среди татар также не останутся без внимания. Предстоит изучить подробнее и феномен татарского суфизма, который также повлиял на становление джадидизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Как и в предыдущих томах антологии.

² В качестве примера можно упомянуть деятельность суфийского шейха, доктора Абдулькадира ас-Суфи (Ян Даллас, европеец шотландского происхождения, принявший ислам в 1960-е гг., бывший английский драматург и актер), основателя мусульманского Всемирного движения Мурабитун. Он является инициатором новых программ, направленных на возрождение ислама, очищение его от всяческих девиаций, ведущих к терроризму и смертникам. С этой целью им была разработана концепция послешкольного («пост-медресе»)

мусульманского образования, чтобы подготовить молодых мусульман к лидерству в новом мире, созидательной деятельности, что воплотилось в образовательной программе «Даллас Колледж» в Кейптауне (ЮАР). Интересен список дисциплин этого колледжа: исламские знания (в рамках курса предусмотрено изучение арабского языка), английский язык и грамматика, римские классики, биополитика, политическая география, геополитика, Шекспир (риторика), медиа (см.: www.shaykhabdalqadir.com, www.sunnizm.ru). В этом нам видится современное проявление джадидистских идей в сфере мусульманского образования.

Аннотация

В данной статье рассказывается о проблемах и перспективах исламоведения в Татарстане. Авторы статьи кратко анализируют основные научные направления, над которыми работают сотрудники отдела истории общественной мысли и исламоведения Института истории АН РТ. Озвучиваются главные достижения и перспективы НИР этого отдела.

Ключевые слова: исламоведение, джадидизм, богословское наследие, Институт истории, Татарстан.

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Д.Ш. Сулейманов, академик АН РТ, профессор

В современном глобализирующемся мире, как никогда, остро встает вопрос сохранения и развития языков. Причем не только как когнитивного механизма, т.е. как средства концептуализации и описания воспринимаемой человеком действительности, и не только как коммуникативного механизма, т.е. средства общения и достижения взаимопонимания, но, что не менее важно, и как механизма передачи знаний из поколения в поколение, как средство передачи опыта народа, накопленного тысячелетиями и доступного только на языке этого народа. Вместе с тем, ситуация с языками иначе как тревожной не назовешь. По некоторым оценкам, половина из ныне существующих порядка 6000 языков прекратит существование к 2050 г. Как отмечает заместитель Генерального директора ЮНЕСКО по коммуникации и информации А.В. Хан в предисловии к книге [1], из всего многообразия существующих языков только 12 используются для написания 98% веб-страниц. Причем, судя по анализу специалистов, представители даже таких мощных, как славянские, тюркские, финно-угорские языки не могут быть спокойны за свое будущее. По оценке О'Нея, Лавуа и Бене, в 2003 г. 72% всей информации в Интернете размещалось на английском языке, и это доминирование в глобальной сети только с годами увеличивается. И даже те нации, языки которых обладают некоторыми признаками активности, являются ежедневным средством самовыражения и общения довольно большого круга населения, используются в средствах массовой информации, имеют формальные признаки поддержки со стороны государства (государственный

язык, отдельная Госпрограмма поддержки татарского языка в различных сферах), не могут быть уверены в своем будущем, если языки активно и полноценно не включены в систему образования и общественную сферу в целом. Сегодня в киберпространстве используются менее ста языков [1].

Очевидно, существование языка, а также его развитие и дальнейшее сохранение как культурного явления в значительной степени зависят от активности языка в компьютерных информационных технологиях.

В статье данный тезис рассматривается на примере внедрения татарского языка в так называемое киберпространство (то есть пространство взаимодействия человека и компьютерных систем и технологий). При этом, как будет показано ниже, обеспечение функционирования татарского языка в компьютерных системах и технологиях является актуальным не только в плане повышения его активности и конкурентоспособности среди других языков в качестве средства накопления информации и общения с компьютером, но и в плане создания новых технологий хранения и обработки информации на основе татарского языка в силу целого ряда когнитивных особенностей его структуры и лексического корпуса.

Очевидно также, что для обеспечения равного функционирования татарского и русского языков как государственных в Республике Татарстан, необходимо, чтобы татарский язык также, как и русский, стал рабочим языком компьютеров. Соответственно, наряду с задачей использования татарского языка в инфокоммуникационных технологиях и создания специальных программ

обработки татарского языка, ставится также задача татарской локализации их интерфейсной оболочки, т.е. средств общения компьютера с человеком.

Исследования и разработки по внедрению татарского языка в компьютерные технологии в Республике Татарстан начались практически с конца 1980-х годов, с разработки первых драйверов периферийных устройств, текстового редактора и татарского корректора, необходимых для компьютерного издания татарских книг, газет и журналов и ведения делопроизводства. В 1993 г. для решения задач в рамках научно-прикладной программы Академии наук РТ «Компьютерное обеспечение функционирования татарского языка как государственного» и для разработки средств компьютерного обеспечения татарского языка как государственного в рамках Государственной программы РТ по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан была создана Совместная научно-исследовательская лаборатория Академии наук РТ и Казанского государственного университета «Проблемы искусственного интеллекта». В настоящее время в соответствии с Постановлением Кабинета Министров РТ № 590 от 28.08.2009 на основе СНИЛ ПИИ АНТ и КФУ создан НИИ «Прикладная семиотика», работающий в составе Отделения социально-экономических наук АН РТ. В рамках института выполняются следующие фундаментальные и прикладные задачи: разработка лингвистического и программного обеспечения интеллектуальных информационных систем (машинный перевод для родственных языков, онтолингвистическое моделирование, обеспечение внедрения татарского языка в современные инфо-коммуникационные технологии, речевые технологии); разработка концептуальных моделей научных и образовательных электронных ресурсов (электронный корпус татарского языка, виртуальный музей-библиотека членов АН РТ); семиотическая база данных в гуманитарных приложениях, мульти-

медийные электронные учебники; когнитивные исследования инфо-коммуникационной образовательной среды (интеллектуальная система управления контрольно-диагностическим компонентом в образовательной среде, интеллектуальный потенциал общества, организации и личности, педагогика электронного образования, электронные учебники нового поколения).

Фундаментальные исследования и прикладные разработки по поддержке татарского языка в информационных технологиях изначально осуществляются в трех основных направлениях:

- 1) внедрение татарского языка в киберпространство,
- 2) разработка и адаптация информационных технологий для татарского языка,
- 3) использование когнитивных возможностей татарского языка для создания новых информационных технологий.

1. Внедрение татарского языка в киберпространство

Первое направление исследований и разработок непосредственно связано с проблемой сохранения языка, повышения его активности в мировом инфокоммуникационном пространстве, использования татарского языка в киберпространстве как когнитивного и как коммуникативного средства, т.е. средства представления, накопления и передачи информации, обеспечения паритетного функционирования татарского и русского языков как государственных в Республике Татарстан, а также предоставления возможности носителям языка прямого общения с компьютерными системами без языка-посредника. Данное направление работ включает базовую и полную локализации компьютерных систем, то есть адаптацию их под татарский язык.

В настоящее время эта задача решена в полном объеме для татарского языка на основе кириллической графики. Учеными Академии наук РТ и КФУ разработаны экранные и клавиатурные драйверы, драйверы печати и шрифто-

вое обеспечение для татарского языка на кириллической основе и предложены в качестве стандарта для применения в информационных технологиях в Республике Татарстан. На их основе принято Постановление КМ РТ «О стандартах кодировки символов татарского алфавита для компьютерных применений» (№ 1026 от 9 декабря 1996 г.).

Данное Постановление помогло унифицировать драйверы устройств, которые в первое время создавались различными группами и отдельными специалистами по своему усмотрению и практически, как вирус, распространились по различным компьютерам, закрепляя разную раскладку одних и тех же татарских букв на кодовых страницах, создавая «разночтение». Унификация кодовой страницы и драйверов устройств, помогла ликвидировать начавшийся хаос в делопроизводстве, когда татарские тексты, набранные на одной машине, на другой – не читались или отображались некорректно.

На базе принятых стандартов по соглашению с фирмой Microsoft были разработаны соответствующие драйверы устройств и внедрены в операционную среду Windows NT и Office-2000. В настоящее время пакет драйверов TATWIN, включенный в программный комплекс поддержки татарского языка TatSoft 2, позволяет вести делопроизводство на татарском языке на кириллической основе во всех приложениях операционной системы **WINDOWS'95, '98, '2000, 'XP, Vista, 7, а также работать** в Интернете. **Соответствующая информация** имеется на web-сайте фирмы Майкрософт. Таким образом, татарский язык стал вторым тюркским языком (после турецкого языка), подготовленным для реализации специалистами самой республики (а не разработчиками фирмы) и доступным в среде Windows при ее инсталляции на любом рабочем месте.

Сотрудничество Академии наук РТ с Московским бюро фирмы Майкрософт, начавшееся уже в 1995 г. с татарской локализации ОС Windows'95,

нашло перспективное продолжение. В 2005–2010 гг. осуществлена полная татарская локализация основных продуктов фирмы Майкрософт Windows XP, Windows Vista, Windows 7 и офисных приложений. Научно-исследовательским институтом «Прикладная семиотика» Академии наук РТ и лабораторией «Проблемы ИИ» КФУ разработан татарский интерфейс операционной системы и, таким образом, татарский язык, наряду с такими мировыми языками, как английский и русский, стал родным языком для операционной системы Windows и таких активно используемых пользовательских программ, как Word, Exel, Power Point.

Татарская локализация операционной среды MS Windows и ее приложений ведет к активному внедрению татарского языка в инфокоммуникационные технологии, развитию татарского языка и распространению его в мировом информационном пространстве. Очевидно, что, только становясь языком компьютерных технологий, языком накопления, обработки, передачи информации, языком общения с компьютерными системами, татарский язык, впрочем, как и языки других народов, имеет возможность стать полнокровным государственным языком в республике, языком культуры, языком науки, языком общения в киберпространстве.

Разработана также опытно-эксплуатационная версия пакета драйверов и шрифтового обеспечения для татарского языка на основе латиницы. По представлению Академии наук РТ, принято Постановление КМ РТ «О стандартах кодировки символов татарского алфавита на основе латинской графики и базовых программах для компьютерных применений» (№ 625 от 27 сентября 2000 года). Разработан программный пакет **TATLAT, позволяющий вести делопроизводство, издательское дело на татарском языке на основе латинской графики во всех приложениях операционной системы Windows'95 '98 '2000 'NT4. Однако активное внедрение этих**

пакетов программ, продолжавшееся в течение нескольких лет после принятия соответствующих документов закона РТ, указа Президента РТ, постановления Кабинета Министров РТ, Государственной программы реализации, а также множества образовательных инициатив, в настоящее время приостановлено по известному решению Госдумы РФ.

2. Разработка и адаптация информационных технологий для татарского языка

В рамках *второго направления* разработаны пакеты прикладных программ для работы с татарским языком, программные средства, позволяющие компьютеризировать делопроизводство, издание газет и журналов, проверять корректность татарских текстов, автоматизировать рабочие места специалистов. Осуществляются исследования теоретических и прикладных проблем компьютерной лингвистики применительно к татарскому языку, к его грамматике, лексикологии и лексикографии, к различным проявлениям в речи, с целью построения прагматически-ориентированных лингвистических моделей и создания на их базе систем автоматизированной обработки татарского языка. Важными и активно разрабатываемыми и, очевидно, судьбоносными являются вопросы татарской терминологии в киберпространстве.

В настоящее время создана полнофункциональная компьютерная модель морфологии татарского языка, причем, учитывая структурную специфику татарского языка и исходя из прикладных задач, разработаны три различные модели морфологии. Генеративная модель морфологии, основанная на правилах словоизменения, хотя и уступает другим моделям по быстродействию, обеспечивает полноту анализа словоформы, позволяя в полной мере учитывать агглютинативный характер языка, распознавая словоформы потенциально неограниченной длины. Парадигматическая модель татарской морфологии обеспечивает быстрое распознавание

словоформ и анализ корректности татарских словоформ с точностью до 95%, используется в поисковой системе УИС «Россия» (ЦИТ МГУ, г. Москва) и в среде MS Windows и ее офисных приложениях. Причем скорость распознавания составляет 100 слов в 0.014 секунд, что перекрывает требования заказчика на целый порядок. Кроме того, в рамках совместного проекта с Белкентским университетом (Турция) разработана двухуровневая модель морфологии татарского языка, реализованная в среде известной программной оболочки PC KIMMO и используемая в составе татарско-турецкого машинного переводчика. Создана также структурно-функциональная модель татарских аффиксальных морфем, являющаяся «инвентарной базой» для построения различных прагматически-ориентированных морфологических моделей и на ее базе построен интегрированный программно-информационный комплекс «Татарская морфема». Данный комплекс практически является автоматизированным рабочим местом (АРМом) для разработчиков различных лингвопроцессоров, а также для осуществления учебно-исследовательской деятельности в татарском языкознании, может быть успешно использован как исследовательский инструмент и в других языках.

Еще одна полезная программа – татарско-русский машинный переводчик татарских фамильно-именных групп, созданная на основе словаря компонент и правил, учитывающих специфику образования татарских собственных имен, является незаменимым инструментом в автоматизированных системах ЗАГС и Паспортно-визовой службы, а также для автоматической генерации татарских имен и фамилий на основе модели компонент татарского имени. Специалистами института осуществлена татарская локализация оптического распознавателя текстов FineReader московской фирмы АBBYY. Данная программа благодаря встроенной морфологии татарского языка

распознает татарские тексты с такой же точностью и быстротой, как русские и английские.

Важной задачей, которая выполняется институтом, является создание и поддержка электронного корпуса татарского языка, практически представляющего собой машинный фонд татарского языка (МФТЯ) в сети Интернет со следующими корпусами: а) электронные неформатированные тексты (газеты, журналы, книги, документы и др.); б) размеченные тексты, словари, тезаурусы; в) программные модули: лингвопроцессоры (машинные переводчики, синтезатор речи, распознаватель текста и речи и др.), АРМы специалиста (учителя, редактора, лингвиста и др.), интеллектуальная многоязычная машина поиска. Задача создания электронного корпуса татарского языка является фундаментальной научно-практической проблемой, решение которой даст возможность быстрого и удобного доступа к различным лингвистическим ресурсам большого объема посредством использования вычислительных машин. Реализация данного проекта приведет к формированию соответствующей инфраструктуры (татарский контент и средства работы с татарским контентом) для полноценного представления татарского языка в сети Интернет.

Одним из интересных и полезных продуктов, разработанных институтом совместно с фирмой АВВУУ и ИЯЛИ АН РТ, является Многоязычный электронный словарь Lingvo'x3 с татарским языком, представляющий собой практически настольную библиотеку из 154 различных словарей на 12 языках мира, в числе которых имеется и татарский язык. Ценность данного электронного словаря для татароязычного пользователя, кроме многих других возможностей, заключается в том, что через татарско-русскую языковую пару доступны переводы во всех 154 словарях на 11 языках мира (то есть, включив татарско-русский словарь объемом порядка 60 000 словарных статей, потенциал-

но мы получили татарско-английский, татарско-французский, татарско-испанский, татарско-немецкий, татарско-китайский, татарско-турецкий и др. двуязычные словари).

Незаменимым инструментом в делопроизводстве и издательском деле является программа **WordCorr** – морфологический корректор татарских текстов для Microsoft Word, который позволяет находить и исправлять ошибки в татарских текстах, при этом предлагая возможные корректные варианты. Функционирует во всех операционных системах MS Windows'95 '98 '2000 'XP, Vista, 7 и приложениях, причем в последнем продукте татарский спелчеккер является встроенным и разработан совместно со специалистами фирмы Майкрософт.

Практически с 1990-х годов осуществляется активная работа по разработке электронных обучающих программ татарскому языку, а также программ обучения предметов на татарском языке. Ряд последних разработок доступны в Интернете, среди них: Татар Телле Заман (ТТЗ) – мультимедийный электронный учебник по татарскому языку (в процессе заполнения контента и разработки некоторых блоков контроля и лингвистических игр) (<http://ttz.fossilabs.ru/>), Татар-онлайн – мультимедийный Интернет-учебник по татарскому языку (<http://dev.tol.tatar.ru/>), мультимедийный учебник 5 класса для дистанционного Интернет-обучения татарскому языку (<http://distat.stage.metastudio.ru/>).

Локальный вариант программы «Татар Телле Заман» уже реализован в виде компакт-диска и активно используется в школах республики. Программа содержит более 2000 татарских слов, более 2500 рисунков и фотографий, озвученные диалоги на различные темы и 11 увлекательных лингвистических игр, три типа различных упражнений, позволяющих тестировать знания обучаемого, возможности для совершенствования татарского произношения вслед за диктором. Многоязычный интерфейс (русский, татарский (*кириллица, латиница*),

английский) системы позволяет изучать татарский язык как в русскоязычной, так и англоязычной среде. Татарские версии электронных мультимедийных учебных пособий Химия-8 и Физика-7, разработанные совместно с московской фирмой «Просвещение-Медиа» при содействии Министерства образования и науки РТ и Издательства «Магариф», благодаря комплексу разнообразных мультимедийных возможностей (видео-сюжеты, анимация, звук, качественные иллюстрации, сотни интерактивных заданий и т.д.) обеспечивают увлекательный и эффективный процесс обучения. Разработано и передано в школы республики электронное мультимедийное учебно-методическое пособие «Татар теле-5». Электронное пособие содержит учебный материал по 6 темам, 123 упражнения, разделенных на 27 типов; включает гипертекстовый справочный материал по татарскому языкознанию, руководство пользователя и анимационную контекст-подсказку по запросу пользователя в он-лайн режиме. Программное обеспечение и технологии разработки и реализации мультимедийных учебных пособий, разработанные с ориентацией на татароязычную среду, в основе своей являются универсальными, независимыми от языка и успешно могут быть использованы также при создании электронных учебных пособий для других проблемных областей и для других языков.

В настоящее время нами реализован пакет программ поддержки татарского языка в инфокоммуникационных технологиях TatSoft 2, который включает перечисленные выше программные средства работы с татарским языком и дает возможность любому пользователю установить их на своем компьютере.

Среди перспективных работ института в плане поддержки татарского языка в компьютерных технологиях можно выделить следующие проекты.

1. Разработка Интеллектуальной многоязычной поисковой машины (ИМПМ). Актуальность работ по со-

зданию ИМПМ связана с необходимостью создания машинного фонда (ресурса электронных коллекций) татарского языка, сложившейся языковой ситуацией в Республике Татарстан, появлением новых лингвистических и интеллектуальных технологий многоязыкового поиска, основанных на глубоком разрешении лексической многозначности. Кроме того, потребность в многоязыковых поисковых технологиях обусловлена тем фактом, что ряд развитых государств имеют несколько официальных языков, что дает проекту перспективу дальнейшего коммерческого использования.

2. Разработка программы распознавания татарской речи (включая русскую и английскую). Как прогнозируется специалистами, одним из основных направлений развития в сфере высоких технологий в ближайшие годы будут речевые технологии, особенно, автоматическое распознавание речи (АРР). Ожидается широкое внедрение технологий АРР в ведущие сектора экономики. По оценкам аналитиков, объем рынка продукции, использующей АРР, будет сравним с рынками таких высокотехнологичных товаров, как микропроцессоры, персональные компьютеры, программное обеспечение.

3. Разработка татарско-русского машинного переводчика, а также машинных тюркоязычных переводчиков в паре с татарским языком. Если особая актуальность машинных переводчиков первой группы объясняется необходимостью доступа к англоязычным базам знаний в Интернете через русский язык (априори предполагается, что русско-английский переводчик имеется) и необходимостью поддерживать равное функционирование татарского и русского языков как государственных в Республике Татарстан, то вторая группа — среди родственных языков — привлекательна в силу относительной простоты и малой затратности решения этой задачи (в некоторых случаях практически это простая конвертация текстов, например, для татарско-башкирской

пары языков), а также благодаря культурологической функции такого переводчика, помогающего сближению родственных народов.

3. Использование когнитивных возможностей татарского языка для создания новых информационных технологий

Третье направление исследований связано с актуальной задачей создания интеллектуальных операционных систем и интеллектуального программного инструментария на основе использования потенциала естественных языков, их семантических и синтаксических конструкций, а также лексического корпуса. Очевидно, что естественный язык является основой любой символической системы, определенным образом организованной, имеющей свой синтаксис и свою семантику (сюда же включается любая логика, математика и др.). Соответственно вместе с языком в этих системах реализуется и ментальность языка (точнее, ментальность этноса, передаваемая через язык).

Что является важным для компьютерных технологий? Известно, что критичными, соответственно важными для компьютерных технологий являются такие показатели, как *время обработки информации, объем памяти* для хранения информации (сжатие информации), *активность знаний* и возможность задания нечетких команд (однозначно воспринимаемых в определенном контексте). Последние два свойства являются необходимыми характеристиками для интеллектуальных систем и технологий. В связи с этим весьма актуальными и перспективными являются когнитивные исследования в языке с целью определения таких структур, схем, формул, которые в естественном языке реализуют указанные свойства и могут быть эффективно использованы при создании искусственных языков и систем программирования, а также любых других средств описания, хранения и обработки информации.

Как известно, операционные системы, языки программирования, средства обработки информации, практически

все программное обеспечение, используемое сегодня, разработаны на основе английского языка и соответственно на основе менталитета английского языка (менталитета, отражаемого через английский язык — западного менталитета). Английский язык является языком флективно-аналитического типа (флексия — когда допускается и префиксное, и инфиксное и постфиксное изменение формы слова; аналитический тип — когда новое значение образуется сочетанием слов), практически с нулевой морфологией (по сравнению с агглютинативными языками). Отсюда следует, что сложный смысл образуется словосочетаниями и это приводит к большой комбинаторике при анализе. А это, в свою очередь, ведет к увеличению самых критичных показателей в вычислительных системах — объема требуемой памяти и времени при обработке информации. Выход из такой ситуации — исключение большого контекста, глубины конструкций, в итоге — упрощение смысла, семантики, соответственно и «интеллектуальных показателей». Таким образом, в основе самого английского языка заложен «интеллектуальный» тупик для вычислительных машин, заставляющий их не уметь, а искать выход через повышение скорости действия системы и увеличение памяти, т.е. через развитие «физики», а не «мозгов».

Еще один недостаток технологий, основанных на английском языке, заключается в том, что сам строй языка, его синтаксис, «сопротивляется», даже противоречит одному из главных свойств интеллектуальности системы — *активности знаний*. Английский язык относится к языкам типа SVO (Subject-Verb-Object). То есть «**Субъект: Действие — Информация**» (*I'll go to the cinema tomorrow afternoon with my friend ...*). Таким образом, сначала требуется выполнить, потом рассуждать, анализировать. Решение принимается не на основе информации, а информация подается в рамках выбранного действия, то есть не информация диктует, какое именно

действие необходимо совершить, какие методы, алгоритмы применять для ее обработки, а наоборот, действие, средство, схема, алгоритмы заставляют форматировать, структурировать, модифицировать информацию.

В отличие от индо-европейских языков, тюркские языки относятся к языкам типа SOV (Subject – Object–Verb). Соответственно реализуется схема: «Субъект: Информация – Действие». Например, смысл английского предложения, приведенного выше, будет передаваться следующим татарским предложением: *Мин ... иртәгә төштән соң дустым белән кинога барам.* То есть в татарском предложении сначала раскрывается информация, анализ ситуации, а затем уже в конце предложения приводится действие, отображаемое, как правило, глаголом.

Как показывают исследования, проводимые в НИИ «Прикладная семиотика» АН РТ, тюркские языки как агглютинативные языки, обладающие регулярной морфологией [2] и вместе с тем естественной сложностью, разрешаемой по контексту, являются эффек-

тивным инструментом для создания интеллектуальных систем обработки информации [3–5]. В силу минимальных показателей временных и емкостных оценочных функций для генерации и анализа цепочек словоформ (за счет регулярности) достигается оптимальность при накоплении и обработке информации. Компактность передачи смысла текста на поверхностном, лексическом, уровне объясняется также возможностями языка синтетически, т.е. словоформой, кодировать смысл, который для других языков (английский, русский) формируется аналитически, чаще всего, несколькими предложениями.

Агглютинативность языка, алгоритмические закономерности, минимальность исключений, наличие мощного мета-аппарата, достаточная жесткость синтаксиса и активность информации позволяют ставить задачу возможности построения языка промежуточной трансляции, т.е. языка-посредника на базе татарского языка, и даже разработки новых операционных систем на основе новой идеологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЮНЕСКО. «Программа для всех». Как обеспечить присутствие языка в киберпространстве? – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества (МЦБС) 2007. – 64 с.
2. Heintz J. and Schonig C. Turcic Morphology as Regular Language // Central Asianic Journal (CFJ), 1989. – P.1–24.
3. Suleymanov D.S. Natural possibilities of the Tatar morphology as a formal base of the NLP // In Proceedings of the First International Workshop «Computerisation of Natural Languages» (Varna, Sept. 3-7, 1999). – Sofia (Bulgaria): Information Services Plc, 1999. – P.113.
4. Сулейманов Д.Ш. Естественные когнитивные механизмы в татарском языке //Тр. Междунар.семинара Диалог-2002 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» (г.Протвино, 6–11 июня 2002 г.): в 2 т. / Под ред. А.С.Нариньяни. – М.: Наука, 2002. – С. 500–507.
5. Suleymanov D.S. Natural cognitive mechanisms in the Tatar language // In the Collection of the Vienna Proceedings of the Twentieth European Meeting in Cybernetics and Systems Research. Edited by Robert Trappel. Vienna, Austria, 6–9 April, 2010. – P. 210–213.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ТАТАРСТАНА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Р.Р. Султанова, кандидат искусствоведения

Основы искусствоведения Татарстана как науки были заложены с самого начала образования Татарской Республики. В 1920-е гг. центром изучения изобразительного и декоративно-прикладного искусства стал художественный отдел Центрального музея Татарской Республики (ныне Национальный музей РТ). Исследования искусствоведов П.М.Дульского и П.Е.Корнилова, посвященные анализу как русского, так и татарского искусства, в 1920–1930-е гг. стали основополагающими ориентирами для дальнейшего изучения художественной культуры нашего региона. Во второй половине XX века искусствоведы Музея изобразительных искусств ТАССР (ныне Государственный музей изобразительных искусств РТ) Г.А.Могильникова, А.И.Новицкий, Е.П.Ключевская, Р.Г.Шагеева, В.А.Цой, О.Г.Вербина и др. внесли весомый вклад в изучение художественных коллекций музея и истории искусства казанского края. С конца 1960-х гг. в Институте языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова ведутся целенаправленные исследования татарского искусства. Неоценимый вклад в развитие искусствоведения Татарстана внес Фуад Хасанович Валеев, первый доктор искусствоведения в Поволжье, создавший фундаментальные труды по истории древнего искусства, татарского орнамента, архитектуры и другим направлениям. Его достойными преемниками стали научные сотрудники, успешно защитившие кандидатские и докторские диссертации, Г.Ф. Валеева-Сулейманова, Д.К. Валеева, Ф.Ф. Гулова и другие. В 1970-1980-е гг. изучению истории искусства Татарстана посвя-

тила свои труды доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств С.М.Червонная (Москва), создавшая наиболее полные на тот период монографии, посвященные как древнему, так и современному изобразительному искусству, словари, альбомы о творчестве отдельных художников.

С 2007 г. в Институте языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан создан самостоятельный отдел – научно-исследовательское подразделение, занимающееся проблемами изучения изобразительного и декоративно-прикладного искусства, архитектуры Татарстана и татарской диаспоры. Кроме того, научно-теоретическими проблемами истории искусства и художественной культуры занимаются ученые других гуманитарных вузов (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казанский государственный университет культуры и искусства и др.).

Искусствоведение Татарстана на современном этапе находится в состоянии поиска теоретических и методологических подходов. Продолжают развиваться традиционные технологии искусствоведческого исследования, опирающиеся на описание, наблюдение, констатацию (историко-описательный подход). Это закономерный процесс, поскольку искусствоведение всегда опирается на факты. Но на основе этих описаний сложно выявить серьезные глубокие закономерности (они не предполагают обобщения). Чаще всего задачей такого исследования становится включение татарского

искусства в историко-культурные контексты. В результате таких наблюдений искусство предстает как одна из граней национальной культуры.

Наблюдаются попытки систематизации описываемого материала. С этой целью используется системно-комплексный метод: попытка выстроить некие иерархические структуры внутри отдельных видов искусств, национального искусства в целом. В последнее время такого типа исследования приобретают еще более широкие масштабы: татарское искусство рассматривается в различных контекстах (общетюркских, общероссийских, мировых).

Д.К.Валеева, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, в своей книге «Искусство Волжской Булгарии периода Золотой Орды»¹, привлекая материалы археологических раскопок, новых письменных источников, музейных коллекций от Астрахани до Казани, вводит искусство Волжской Булгарии в контекст золотоордынского искусства. В очерке «Искусство города Булгар»², включенном в коллективную монографию, она впервые дает картину развития искусства города Булгар домонгольского и золотоордынского периода. В книге «Искусство Татарстана XX века»³ ею дано представление о широком спектре стилистических разновидностей реализма в современном татарском искусстве.

Книга Р.Р.Султановой «Искусство новых городов Республики Татарстан»⁴ (2001) посвящена региональному аспекту изучения искусства. Искусство новых культурных центров (Набережные Челны, Елабуга, Нижнекамск, Альметьевск, Бугульма) рассматривается автором с учетом социодинамики их развития. В искусствоведческое исследование включен и социологический аспект. С одной стороны, прослеживается процесс индустриальной урбанизации, которая приводит к развитию искусства в новых условиях. С другой стороны, искусство выражает духовную сторону процесса индустриального развития в республи-

ке. Наиболее важные задачи исследования — выявление основных этапов становления и развития станковой живописи, графики, монументально-декоративного искусства, скульптуры, места и роли в этом процессе наиболее ярких мастеров и в результате определения общих закономерностей развития и ведущих тенденций.

Д.И. Ахметова, научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, в своем исследовании «Стилевое многообразие в ситуации современной художественной культуры» (2011) изобразительное искусство Татарстана вводит в контекст развития современной художественной культуры. Вопрос о стилевом многообразии актуален для татарстанского искусства, поскольку при доминировании реалистического искусства в нем существуют и различные художественные направления, являющиеся прямым отражением современного мира в его текучести, изменчивости и неопределенности.

Проблемам проявления постмодернизма в татарском искусстве посвящена кандидатская диссертация Г.Р.Файзрахмановой (2008), в которой на примере творчества художников (в основном татарских) Урало-Поволжья выявляются предпосылки формирования тенденции и определенного движения в сторону этнорегиональной специфики постмодернистского направления⁵.

В рамках системно-комплексного подхода активно развивается процессуально-динамический аспект. Нередко он имеет сугубо исторические формы (описываются исторические этапы того или иного искусства). В исследованиях Г.Ф.Валеевой-Сулеймановой «Декоративное искусство Татарстана. Истоки национальных традиций, история современного развития» (докторская диссертация в виде научного доклада, 1998)⁶, «Декоративное искусство Татарстана» (1995)⁷ впервые предлагается систематизированное изложение истории татарского декоративного искусства на всем протяжении его существования.

Материалы исследования включают комплекс монументально-декоративных и декоративно-прикладных видов искусства, развивавшихся в двух типах творчества – народном и профессиональном. Декоративное искусство татар и Татарстана рассматривается не столько с точки зрения процесса развития, но как целостное явление, детерминированное историческими, этническими и социально-экономическими факторами, как развитая художественная система, внутри которой дается хронологическая, типологическая и видовая дифференциация. Прослеживая генезис декоративного искусства, автор раскрывает инвариантное ядро в наследовании художественных традиций, выявляя его в симбиозе оседлой и кочевой, этнической и мусульманской культур. Предлагается типология взаимодействия в рассматриваемых явлениях «салтовского» (болгаро-аланского), средневекового мусульманского (период Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства) и общенационального искусств татар Среднего Поволжья XVIII – начала XX вв. Раскрывается роль этноэстетических критериев развития художественного языка в образительных принципах искусства, в формировании его национальных особенностей.

К такому же типу исследований относятся работы О.Л. Улемновой, Т.Н. Кривошеевой, Л.Н. Дониной.

В диссертации О.Л. Улемновой «Искусство графики Татарстана 1920–30-х годов»⁸ (2005) исследован один из важнейших периодов, определивших становление национального образительного искусства республики, проанализированы станковая графика (рисунок, гравюра), производственная графика, плакат, книжная и журнальная графика. Автор делает вывод о том, что в казанской графике 1920–1930-х гг. произошел сложный синтез татарских народных традиций с русскими и западноевропейскими формами авангардного искусства, взаимное обогащение которых породило интересный и само-

бытный вариант национального авангарда.

В кандидатской диссертации Т.Н. Кривошеевой «Особенности развития скульптуры Татарстана (истоки, становление, продолжение традиций)»⁹ (2010) впервые поставлена масштабная по историко-культурному охвату проблема истоков и особенностей формирования татарской скульптуры. Реконструкция особенностей становления и сложнейшей эволюции татарской скульптуры на протяжении пяти периодов развития от доисламского до постсоветского периода позволила автору провести анализ особенностей образно-пластического языка скульптуры в историческом развитии, раскрыть константные морфологические признаки, характерные для исторически значимых периодов, а также обозначить современные тенденции. Т.Н. Кривошеева смогла убедительно обосновать положение, что татарская скульптура на протяжении своего развития смогла выработать уникальные принципы преемственности с традиционной культурой, благодаря сохранению мировоззренческих основ, отражающих специфические черты тюркского этноса. Для татарских скульпторов, воспринявших европейские жанры и формы пластики, остались основополагающими этнокультурные традиции и духовные константы народа. Автор смог раскрыть синтез европейских и традиционных элементов в скульптуре XX века, показать органичное сочетание инновационных и традиционных элементов в современной пластике. Л.Н. Дониная в своей кандидатской диссертации «Татарский костюм в театре: проблемы интерпретации и реконструкции»¹⁰ (2010) впервые в изучении проблем бытования татарского традиционного, общенационального, исторического (булгаро-татарского и золотоордынского) костюмов применила искусствоведческий и историко-этнографический методы.

Очень интересный аспект – рассмотрение татарского национального искусства в контексте мусульманского

и мирового искусств. С.М. Червонная в своем комплексном труде «Искусство и религия: современное исламское искусство народов России»¹¹ (2008), опираясь на разработанную в мировой и отечественной литературе теорию исламского искусства, предлагает свою исследовательскую концепцию. Автор рассматривает архитектуру и дизайн новых мечетей, мемориальные памятники на мусульманских кладбищах, возрождение искусства шамаиля — традиционных форм живописных или графических произведений с графическим текстом Корана. Исследователь также уделяет большое внимание отражению в современной живописи, графике и декоративно-прикладном искусстве норм мусульманской этики, мотивов мусульманской мифологии, стилистически основанных на современной системе изобразительности от традиционной для России реалистической школы до авангардистских течений модернизма. Важное место в монографии отведено анализу творчеств известных татарских художников: Т.Г. Хазиахметова, И.К. Зарипова, А.И. Тумашева, Х.М. Шарипова, Р.И. Шамсутова и др.

В том же русле работает кандидат искусствоведения Р.И. Шамсутов. Он изучает искусство татарского шамаиля и каллиграфии, взятое в историческом времени и развитии, охватывающее широкий спектр вопросов философии, культурологии и религии. В его монографии «Искусство татарского шамаиля середины 19 — начала 20 веков»¹² (2001) впервые знаковая система шамаиля раскрыта как модель пространства Вселенной, уделено внимание проявлению суфийской и шиитской символики, даны примеры малых литературных жанров в текстах шамаиля, представляющие материал для изучения «народного» ислама татар-мусульман. Другая книга Р.И. Шамсутова «Слово и образ в татарском шамаиля: от прошлого до настоящего»¹³ (2003) охватывает более чем вековой период развития искусства татарского шамаиля. Здесь дан обзор арабо-графических произведений

90-х гг. XX столетия во взаимосвязи с художественными традициями шамаиля, созданных в XIX веке. В книге большое внимание уделяется вопросу степени соотношения изобразительных мотивов и текстового содержания, что позволило раскрыть проблему их типологии. Однако С.М. Червонная считает, что систематизировать, классифицировать, вписать обширный материал татарских шамаиля в какие-либо четкие жанровые рубрики по содержательным, чисто формальным признакам или по материалам техники чрезвычайно затруднительно. Во-первых, как она утверждает, до сих пор этот материал никто систематически не изучает, поэтому любые типологические конструкции оказываются неубедительными. Вторая важная причина, по ее мнению, «заключается в самом характере этого искусства, занимающего промежуточное положение... между искусством народным, самодеятельным и профессиональным, — очень часто выступающего как самодеятельное искусство, а потому упрямо не подчиняющееся каким-либо стереотипам, вполне устоявшимся в стабильной сфере как народного, так и профессионального искусства»¹⁴. Нельзя не согласиться с таким аргументом.

Сейчас возникают очень интересные тенденции, связанные с процессуально-динамическим подходом, новыми принципами и технологиями: например, вероятностные теории, в частности, разрабатывается синергетический подход. Есть попытки применения этой теории к татарскому искусству. В книге профессора КФУ, доктора филологических наук Ю.Г. Нигматуллиной «Синергетический аспект в исследовании художественного творчества»¹⁵ (2008) рассматриваются процессы организации и самоорганизации в литературе и искусстве в синергетическом аспекте. Способы самоорганизации описываются также на примере татарского изобразительного искусства (произведения Б.И. Урманче, Х.М. Шарипова и др.).

Стремление обобщить наблюдаемые факты, выявить глубинные закономер-

ности татарского искусства диктует необходимость использовать данные эстетики и культурологии. Все чаще в самых разных работах возникает идея ментальных структур национального сознания и связанных с ними архетипов. На основе этих теорий в последнее время делаются попытки создать модель национального художественного мышления и применить ее для анализа искусства, в том числе разных видов изобразительного искусства. Основоположником этого течения является Ю.Г. Нигматуллина, обосновавшая «нюансовость» мышления и специфику эстетического идеала татар¹⁶. В книге «Запоздалый модернизм в татарской литературе и изобразительном искусстве» (Казань, 2002) она объясняет причину возникновения модернизма в татарском национальном искусстве. На

основе анализа литературы и живописи она выявляет изоморфные, эквивалентные процессы, исследует их своеобразие и механизм взаимодействия.

Серьезным теоретическим обоснованием изучения этого же аспекта стала работа доктора философских наук Е.В. Синцова «Природа невыразимого в искусстве и культуре: к проблеме жесто-пластических оснований художественного мышления в визуальной орнаментике и музыке»¹⁷ (2003). В этой работе на основе сопоставления татарского музыкального фольклора и орнаментики выделяются три антропоморфных архетипа художественного мышления татар. Эти идеи могут стать серьезным теоретическим обоснованием национального своеобразия художественного мышления, в частности, его пластических форм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Валеева Д.К. Искусство Волжской Булгарии периода Золотой Орды. — Казань, 2003.

² Валеева Д.К. Искусства города Булгар // Город Булгар. — М.: Наука, 2008.

³ Валеева Д.К. Искусство Татарстана XX века. — Казань, 1999.

⁴ Султанова Р.Р. Искусство новых городов Республики Татарстан (Живопись, графика, монументально-декоративное искусство, скульптура). — Казань, 2001.

⁵ Файзрахманова Г.Р. Постмодернизм в изобразительном искусстве Башкортостана и Татарстана // Известия Уральского государственного университета. — № 47 (2006). — С.184–190.

⁶ Валеева-Сулейманова Г.Ф. Декоративное искусство Татарстана. Истоки национальных традиций, история современного развития: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения (в виде науч. докл.). — Казань, 1998.

⁷ Валеева-Сулейманова Г.Ф. Декоративное искусство Татарстана — Казань, 1995.

⁸ Улемнова О.Л. Искусство графики Татарстана 1920-30-х годов: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Казань, 2005.

⁹ Кривошеева Т.Н. Особенности развития скульптуры Татарстана (истоки, становление, продолжение традиций): Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Казань, 2010.

¹⁰ Донина Л.Н. Татарский костюм в театре: проблемы интерпретации и реконструкции: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Казань, 2010.

¹¹ Червоная С.М. Искусство и религия: Современное исламское искусство народов России. — М.: Прогресс-Традиция, 2008.

¹² Шамсутов Р.И. Искусство татарского шамаила середины 19–начала 20 веков. — Казань, 2001.

¹³ Шамсутов Р.И. Слово и образ в татарском шамаиле: от прошлого до настоящего. — Казань, 2003).

¹⁴ Червоная С.М. Современное исламское искусство народов России. — М.: Прогресс-Традиция, 2008. — С.346.

¹⁵ Нигматуллина Ю.Г. Синергетический аспект в исследовании художественного творчества. — Казань: Фэн, 2008.

¹⁶ Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. — Казань, 1970.

¹⁷ Синцов Е.В. Природа невыразимого в искусстве и культуре: к проблеме жесто-пластических оснований художественного мышления в визуальной орнаментике и музыке. — Казань, 2003.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ТАТАР И ТАТАРСТАНА В XX–XXI ВВ.

Р.Р. Хайрутдинов, кандидат исторических наук;

Р.Р. Салихов, член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук

Одним из важнейших направлений в научно-исследовательской работе Института истории им.Ш. Марджани АН РТ является изучение истории татар России и народов Татарстана в новое и новейшее время. Данная проблема предусматривает раскрытие важных и разнообразных аспектов прошлого и настоящего Республики Татарстан, Российской Федерации в целом, связанных с социально-экономическими, политическими и культурными процессами.

Отдел новой и новейшей истории Института истории им.Ш. Марджани АН РТ, специализирующийся на разработке этой тематики, осуществляет целенаправленные комплексные исследования отечественной государственности, социальной структуры, историко-культурного наследия, взаимодействие этно-конфессиональных общин в досоветский, советский и современный периоды развития.

За последние годы под руководством Р.У. Амирханова, Р.Р. Салихова, Р.Р.Хайрутдинова сотрудники отдела достигли существенных результатов в подготовке фундаментальных научных трудов, проведении симпозиумов и конференций по указанной проблематике. При этом приоритетной задачей являлось написание седьмого тома «Истории татар с древнейших времен», посвященного событиям XX века и современности. По принятому редакционной коллегией варианту том охватывает эпоху начала XX столетия, советский и постсоветский период развития татарского народа и Республики Татарстан. Очевидная теоретическая, источниково-

вая, авторская нагрузка ложится именно на последнюю книгу многотомника, совмещающую в себе три разных общественно-экономических формации, сопряжение которых в едином концептуальном ключе является непростой задачей для современных историков. Основным посылом данной концепции заключается в возникновении в начале XX в. политической истории татар, которая затем и определяла весь вектор развития нации на протяжении столетия.

В этой связи, важными являются исследование и оценка основных процессов джадидистского движения, мощного национально-культурного возрождения во всеуслышанье заявившего о себе после Манифеста 1905 г., когда у татар появилась сеть современных новометодных учебных заведений, начала формироваться светская интеллигенция, появились книгоиздательства, национальная пресса, крупные благотворительные и культурно-просветительские организации. Немаловажным фактором в этот период выступало интенсивное развитие татарской буржуазии, переживавшей промышленный переворот и проявлявшей высокое этно-политическое сознание.

Высокая деловая активность татарской буржуазии позволила ей сконцентрировать солидные материальные и финансовые ресурсы, значительная часть которых направлялась на социальные цели: благотворительность, реформу конфессиональной школы, создание различных общественных институтов.

Джадидистское движение, охватившее все стороны жизни татарского

народа, стремительный рост самознания обусловили активную борьбу мусульман России за гражданские права, способствовали органичному их взаимодействию с основными политическими силами империи. Поэтому в особом рассмотрении нуждается сложная картина становления первых татарских политических партий, претендовавших на лидерство во всем тюрко-мусульманском сообществе, специфика этно-конфессиональной политики государства, столкнувшегося с масштабным и всесторонним освободительным движением. Несмотря на серьезные идеологические противоречия в самой мусульманской среде по поводу социально-культурных преобразований и путей дальнейшего развития нации, татарской элите удалось провести три общероссийских мусульманских съезда в 1905–1906 гг. Их решения определили единый курс на достижение национально-культурной автономии, что стало первым серьезным шагом к самоопределению народа.

Особенностью тома является сочетание территориального и экстерриториального подходов. Расселение татар занимает огромную территорию по всему евразийскому континенту, поэтому ее невозможно ограничить рамками только Татарстана. В то же время Казань, являясь традиционным политическим, экономическим и духовным центром татарского народа, на протяжении многих столетий играла роль главного города многонационального Казанского края и губернии, имевших ярко выраженный поликонфессиональный и мультикультурный характер. Всемирно известный Казанский университет, Казанская духовная академия, Казанская инородческая семинария, многие другие учебные заведения являлись образовательными и духовными очагами для русского, чувашского, мордовского, марийского и многих других народов России. Уникальная интернациональная среда, обусловленная крепкими хозяйственными и социальными связями, традициями добрососедства и

взаимодействия, во многом определяла характер развития татарской нации, ее открытость, стремление к реформам и прогрессу. Вот почему исследователи, освещающие образовательные и культурные достижения татар в начале XX в., одновременно, характеризуют Казанскую губернию как важный научный и культурный регион Российской Империи, оказавший сильнейшее воздействие на судьбы не только народов Поволжья, но и всего многонационального государства.

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война коренным образом изменили политический ландшафт России. Жесткие классовые сражения сопровождались мощным национально-освободительным движением, пытавшимся реализовать исторический шанс на самоопределение народов бывшей империи. Впервые за несколько столетий татары получили возможность возродить собственную государственность, определить свое место в быстроменяющемся мире. Провозглашение в 1918 г. «Идель-Урал штата» стало первой попыткой создания национального государства. Несмотря на неудачу этого проекта, сорванного контрмерами большевиков, идеологическая борьба и организационная работа политических лидеров татарского народа привели к образованию ТАССР.

Сегодня, безусловно, необходим новый уровень обобщений при анализе основных этапов становления Татарской автономной советской социалистической республики. Этому событию предшествовала многолетняя многогранная деятельность национальной интеллигенции, предпринимательства, духовенства, выразившаяся в проекте Идель-Урал штата, Татаро-Башкирской республики. Создание ТАССР стало реализацией вековых чаяний народа, важным шагом к национальному самоопределению, способствовало появлению феномена полиэтнического государственного образования в рамках РСФСР. Выдающуюся роль в этом про-

цессе сыграл один из лидеров и теоретиков национально-освободительного движения Мирсаид Султангалиев. Его идеи, сочетавшие принципы классовой и антиколониальной борьбы, своеобразного «исламского социализма», не нашедшие поддержки у большевиков, стали в XX в. знаменем освободительной борьбы народов мира, находившихся в колониальной зависимости.

Противоречивость государственности советского Татарстана, уже в 1920-х гг. выразившаяся, с одной стороны, в формировании собственных институтов власти, коренизации аппарата, развитии национального образования и культуры, укрепления экономики, с другой – в политических репрессиях, эмиграции старорежимной интеллигенции, уничтожении национальной буржуазии как класса, борьбе с духовенством и религией, отражала насильственное, искусственное прерывание идеологических и культурных традиций, что неминуемо вело к постепенному «вымыванию» национального компонента государственности. Дальнейшее ужесточение политики, направленное на уничтожение в масштабах СССР сети татарских школ, изданий, культурных учреждений, замыкало духовную жизнь татар в рамках республики, а в самом Татарстане давало все меньше возможностей для ее реализации.

Индустриализация экономики и коллективизация сельского хозяйства превратили Татарстан в развитый промышленный и аграрный регион страны, однако жесткая централизация хозяйственной жизни, фактическое отсутствие экономических прав, республиканской собственности, а также гуманитарные издержки, касающиеся прав крестьянского населения, нивелировали статус автономии, вызывали острые социальные протесты.

Одним из положительных факторов образования ТАССР стало формирование многочисленной, талантливой научной и творческой интеллигенции. Расцвет татарской профессиональной советской литературы, музыки, театра,

изобразительного искусства, академических исследований и вузовской науки способствовал в непростых условиях государственной политики сохранению национального самосознания, родного языка, культуры, освоению достижений мировой цивилизации.

Одной из ключевых проблем современной исторической науки является объективное и всестороннее освещение событий Второй мировой войны, нередко являющихся предметом политических спекуляций в зарубежной историографии. Не подлежит никакому сомнению определяющая роль Советского союза в победе над фашистской Германией. С первых месяцев боевых действий в ТАССР начала формироваться важнейшая военно-промышленная тыловая база страны, получила развитие авиационная промышленность, стали формироваться наукоемкие производства. В Казани трудились видные советские конструкторы А.Н.Туполев, С.П. Королев, В.М. Петляков, В.П. Глушко и другие, создавшие знаменитый пикирующий бомбардировщик Пе-2, работавшие над исследованиями в области реактивных двигателей, что явилось впоследствии основой для создания космической промышленности СССР.

Около 700 тысяч человек было призвано из Татарстана в ряды действующей армии. Золотыми буквами в летопись сражений вписаны имена татарстанцев, проявивших беспримерное мужество и героизм: П.Гаврилова, М.Девятаева, Г.Гафиатуллина, Г. Загитова, М.Сыртлановой и многих других. Среди 11 519 советских воинов, удостоенных Золотой Звезды Героя Советского Союза, татары занимают 4 место по численности после русских, украинцев и белорусов. Олицетворением высокого гражданского и боевого духа, стойкости и патриотизма советских людей стал бессмертный подвиг поэта-героя Мусы Джалиля и его соратников, организовавших активное антифашистское сопротивление среди военнопленных, находившихся в Германии.

Серьезные задачи стоят и перед исследователями истории послевоенного Татарстана, которая характеризовалась бурными процессами модернизации, неуклонного роста научного и культурного потенциала. Становление и развитие нефтедобывающей и нефтехимической промышленности, авиационного производства, автомобилестроения, сельского хозяйства и других отраслей экономики, успехи академической и вузовской науки превратили республику в один из самых индустриально развитых регионов Советского Союза.

Однако было очевидно, что усеченная автономия Татарстана, определявшаяся принципом политического ранжирования, существенно сдерживала возможности дальнейшего социально-экономического и культурного развития. Нараставший этнический кризис, вызванный искусственным идеологическим ограничением национальной культуры, языка, гуманитарных исследований, проявлялся в разрыве традиционных связей между татарскими общинами на территории СССР, а в самой республике существенным сужением возможностей для обогащения традиций, реализации духовных прав и достижений татарского народа. В общественном сознании народов республики все большую популярность приобретала идея повышения государственного статуса Татарстана.

Авторский коллектив, изучающий новейший период в политической истории татар и Татарстана, исходит, в первую очередь, из того, что провозглашение Декларации о государственном суверенитете в 1990 г., стало естественным продолжением процесса восстановления государственности, обозначенного Декретом об образовании ТАССР 1920 г. В результате перестройки, социально-экономических реформ 1990-х гг. республика приобрела самостоятельность в политике, экономике и культуре, международных связях, у нее появилась собственная логика исторического развития. В Татарстане сформировалось полиэтничное

и поликонфессиональное общество с уникальным опытом сотрудничества и толерантности.

Многолетняя, успешная деятельность первого президента республики М.Ш.Шаймиева позволила представить мировой общественности реализованную на практике «Модель Татарстана» как пример уникального регионального государственного строительства в рамках Российской Федерации, эффективного взаимодействия с федеральным центром, продуманной экономической стратегии, социальной и международной стабильности.

Все эти ключевые и во многом новые проблемы для отечественной науки предусматривают оценку перестроечных процессов в стране и республике, сложной общественно-политической ситуации в СССР и других факторов, подготовивших почву для провозглашения государственного суверенитета Татарстана. Особое внимание уделяется становлению новых взаимоотношений Республики Татарстан и Российской Федерации, сложному периоду в развитии государственности республики. В поле зрения исследователей находятся главные политические вехи 1990-х гг.: референдум 1992 г., договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» 1994 г., принятие Конституции РТ, реализация национальной политики в РФ и развитие международных отношений в Татарстане и др. Российская Федерация, подписав двухсторонний Договор, де-юре признала акт самоопределения народов РТ.

Одним из главных завоеваний этого периода стала активная внешняя деятельность республики, ее сотрудничество с международными организациями, способствовавшие повышению авторитета РТ на мировой арене.

Успехи в государственном строительстве, экономике и культуре сыграли основополагающую роль в консолида-

ции татарской нации не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Татарстан стал центром духовного притяжения многомиллионного народа, разбросанного волею исторических судеб по всем континентам. В то же время в татарских общинах, развивающихся по принципу национально-культурных автономий, появились собственные возможности для сохранения и возрождения родного языка, культуры и самобытности. В книге характеризуются этно-культурное состояние татарского мира, роль Всемирного конгресса татар в выражении интересов татарского народа, отмечается возрастающая влияние татар в рамках РФ и СНГ.

Новый статус Татарстана открыл широкие горизонты для развития культуры, системы образования татарского и других народов республики. Несомненные достижения в этой сфере получили высокое признание мирового сообщества. Татарстан стал очагом новаторских инициатив, пилотных проектов в области народного образования, профессионального искусства, проведении международных форумов по самым актуальным проблемам современности. Празднование 1000-летия города Казани стало не только событием, коренным образом изменившим облик столицы республики, ее инфраструктуры, но и поворотным моментом в историческом самосознании татарстанцев. Признание Казани одним из древнейших городов планеты с высоким уровнем военной, градостроительной и производственной культуры, органичным сплавом ислама и православия, тюркской, славянской и финно-угорской цивилизаций прочно закрепило за ним статус третьей столицы России – крупного центра мирового культурного наследия.

В 2004 г. Казанский университет отмечал свое 200-летие. Существование этого прославленного учебного заведения сформировало особые традиции вузовской науки и образования в Татарстане. Создание в Татарстане Академии наук дало новый импульс фундаментальным исследованиям по самым раз-

ным отраслям знания, стало одним из важнейших условий современного экономического и культурного развития.

Самостоятельная социально-экономическая политика Татарстана, направленная на повышение уровня жизни населения, приближения его к европейским стандартам, диктует новые подходы в стратегии и тактике. Главными условиями эффективности экономики являются отход от сырьевой зависимости, создание инновационных производств на основе имеющихся научно-технических и промышленного потенциалов республики. В томе раскрываются приоритеты социально-экономического развития РТ в условиях рыночных реформ. Следует отметить, что самостоятельность Татарстана позволяла и позволяет решать масштабные социальные проекты, такие как Программа ликвидации ветхого жилья, программа социальной ипотеки, газификации населенных пунктов и многое другое.

Этот курс остается неизменным и сегодня, в условиях новой общественно-политической ситуации в стране. В 2010 г. новым Президентом Татарстана был избран опытный политик и экономист Р.Н.Минниханов, под руководством которого продолжают эффективно развиваться нефтехимический комплекс, жилищное строительство, автомобильная и авиационная промышленность, сельское хозяйство, культура, а республика готовится к событиям международного уровня – Универсиаде 2013 г., Чемпионату мира по футболу 2018 г. и другим.

Таким образом, при работе над седьмым томом «Истории татар с древнейших времен» подведены итоги исследовательской работы отдела новой и новейшей истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ за последние десятилетия, проанализирован и введен в научный оборот разноплановый комплекс документальных источников, обозначены актуальные направления исторической науки, требующие новых методологических подходов и обобщений.

Аннотация

Статья посвящена работе отдела новой и новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ над созданием седьмого тома «Истории татар с древнейших времен». В ней обозначены основные задачи, стоящие перед исследователями при изучении истории татар и Татарстана в XX–XXI вв.

Ключевые слова: Новая и новейшая история, джадидизм, ТАССР, Великая отечественная война, Декларация о государственном суверенитете РТ.

Summary

The article is devoted to the work of the department of modern and contemporary history of the Institute of History in the name of Sh.Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan on the creation of the seventh volume of «The History of the Tatars from ancient times». The main challenges set to the research workers studying the history of the Tatars and Tatarstan are pointed out in the article.

Key words: modern and contemporary history, jadidizm, TASSR, the Great Patriotic War, Declaration on state sovereignty of the Republic of Tatarstan.

БОЛГАРСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

*Ф.Ш. Хузин, член-корреспондент АН РТ,
доктор исторических наук, профессор*

В последние годы волжско-болгарскую цивилизацию вполне обоснованно стали рассматривать в системе средневековой тюрко-татарской цивилизации¹. Волжско-Камская Болгария, начало существования которой относится к рубежу IX–X столетий, принадлежит к числу тех государств (Хуннская/Гуннская держава, Тюркские каганаты, Великая Болгария, Хазарский каганат, Золотая Орда, Казанское ханство и другие постордынские государства), история которых самым тесным образом связана с историей современных татар. Следует лишь уточнить, что если государственные образования древних хунну и тюрков, а также Золотая Орда являются общим достоянием истории практически всех современных тюркоязычных народов Евразии, то Волжская Болгария являет собой начало самостоятельной государственности прямых предков поволжских татар. Заметим также, что именно с Волжской Болгарии, официально с 922 года, начинается вхождение болгаро-татар в более обширную исламскую цивилизацию. Как одно из ответвлений тюркского сообщества исламского мира, Волжская Болгария сыграла немалую роль в мусульманизации части населения Волго-Камского региона, а позднее и Улуса Джучи.

Территория этого государства, достаточно четко определяемая на основании письменных источников и путем картографирования археологических памятников (около 170 городищ, более 700 селищ, сотни местонахождений и могильников), располагалась в основном в Среднем Поволжье и Приуралье, в пределах Республики Татарстан, вос-

точной и юго-восточной части Чувашии, а также соседних областей – Ульяновской, Самарской и Пензенской. Поселения со следами значительного болгарского присутствия обнаружены в Мордовии и Пермском крае, т.е. на землях финно-угорских племен. На некоторых из них болгарский материал преобладает (Рождественское городище и Кыласово городище в Предуралье – соответственно, Афкуль и Чулыман арабоязычных источников)², на других – составляет около 20–30% от общего количества находок (Жуковское II городище в Мордовии)³. В бассейне Суры изучены сельские поселения, основанные местной мордвой и превратившиеся в конце XI–XII вв. в болгарские (селище Круталатка II)⁴.

Благодаря начавшимся в 1990-х гг. исследованиям поселенческих памятников домонгольского времени в Астраханской области, один из районов расселения болгар X – начала XIII вв. есть некоторые основания локализовать в Нижнем Поволжье (я имею в виду второй слой раскапываемого под руководством Э.Д. Зиливинской городища Самосделка⁵). В округе Самосделки разведочной экспедицией Института истории им. Ш. Марджани АН РТ в последние годы открыт ряд памятников дозолотоордынского времени, также свидетельствующих о возможном болгарском присутствии в этих районах⁶. Кроме того, о значительном болгарском населении в городах Итиль, Саксин сообщают восточные источники и русские летописи⁷.

Из вышесказанного следует, что Волжская Болгария занимала достаточ-

но обширную территорию в пределах Восточной Европы, а ее население имело дисперсное расселение, т.е. болгары еще в домонгольское время занимали в основном те регионы, где проживают их современные потомки (кроме сибирских татар).

Место и роль болгарской цивилизации в Восточной Европе убедительно обосновал в свое время А.П. Смирнов, отметивший, в частности, что без глубокого изучения истории Болгарского государства нельзя понять ни этногенеза тюркоязычных и финно-угорских народов Урало-Поволжья, ни истории Древней Руси и русских княжеств⁸. Более широко освещен этот вопрос в специальных работах⁹, особенно во втором томе недавно вышедшей «Истории татар» под названием «Волжская Булгария и Великая степь» (Казань, 2006), что избавляет нас от необходимости подробно останавливаться на фактах, характеризующих эту цивилизацию. Перечислим лишь основные моменты.

Болгарскую цивилизацию характеризует, прежде всего, высоко развитая для того времени экономика: пашенное земледелие, часть продукции которого шла на экспорт (палеоботаниками определено более 20 видов зерновых и технических культур); животноводство (высокопородные мелкий и крупный рогатый скот, лошади, резко отличающиеся от лесных мелкопородных у финно-угорских народов и населения Руси); городское ремесло, в том числе черная и цветная металлургия, ювелирное дело, производство стекла и поливной посуды, строительного кирпича; внутренняя и внешняя торговля, документированная как письменными, так и археологическими и нумизматическими источниками. Торговыми партнерами выступали Киевская Русь и русские княжества, страны Западной Европы и Востока.

Наличие городов является признаком любой цивилизации. «Волжская Булгария — великое и могущественное царство с богатыми городами», по определению венгерского миссионера

Юлиана, посетившего страну в 1235 г.¹⁰, — с X в. становится вторым после Древней Руси центром урбанизационных процессов в Восточной Европе. В стране насчитывалось, по разным оценкам, до 30—50 крупных и малых городов¹¹.

В числе городов-гигантов средневековой Европы значится Биляр — Великий город русских летописей с укрепленной площадью более 620 га. Административно-политическое значение города подчеркивала построенная в год прибытия Багдадского посольства деревянная с белокаменным пристроем Соборная мечеть площадью около 2500 кв.м. Аэрофотосъемками городища выявлены следы около 30 кирпичных зданий, часть которых исследована археологами («дом феодала» у здания мечети, баня в «караван-сараяе» у главных ворот внутреннего города и др.). Кирпичные здания были открыты также в Суваре (т.н. «суварский дворец»), Хулаше, на Муромском городке (четыре сооружения, аналогичные билярским), Красносундюковском I городище. Следует упомянуть также каменную мечеть-крепость с сохранившейся до наших дней угловой башней на Елабужском городище. В крупных городах Болгарии археологически прослежены элементы городского благоустройства: деревянные и кирпично-каменные мостовые на улицах и площадях, колодцы, мусорные ямы, свидетельствующие о достаточно высоком уровне благоустройства и градостроительной культуры домонгольских болгар.

Достижения в области духовной культуры позволяют рассматривать болгар в числе цивилизованных стран средневекового Востока. Из слов арабского энциклопедиста и географа Ибн Русте мы знаем о существовании еще в конце IX в. в болгарских селениях мечетей с начальными школами при них. В религиозных школах изучали не только основы ислама, получали в них и светское образование. Дальнейшее обучение шакирды продолжали в культурных центрах Востока: Бухаре, Самарканде, Мерве, Нишапуре, Бал-

хе, Багдаде и др., где они проходили специальную подготовку у знаменитых ученых. В мусульманском мире были известны имена Абу-л-Аля Хамида ибн Идрис ал-Болгари, Бурхан ад-Дина ибн Йусуф ал-Болгари, Бурхан ад-Дина ибн Хамида ал-Болгари, Сулеймана ибн-Дауда ас-Саксини, Тадж ад-Дина ибн-Хусаина ал-Болгари и многих других, написавших труды по богословию, логике, философии, астрономии, медицине, юриспруденции, самые ранние из которых относятся ко второй половине XI в.¹² Сочинения двух последних упомянутых выше ученых сохранились и были обнаружены в 90-х гг. прошлого столетия в библиотеках Тегерана и Стамбула¹³. Отрывки из сочинения Йакуба ибн-Нугмана «История Булгарии» приведены в книге Абу Хамида ал-Гарнати, дважды посетившего страну болгар в XII столетии.

Высочайшим достижением письменной культуры домонгольских болгар является поэма Кул Гали «Кыйсса-и Йусуф», написанная в 1233 г. с использованием богатой литературной традиции своих предшественников.

Такая цивилизация, естественно, не могла оставаться незамеченной в тогдашнем мире, она становится объектом внимания арабо-персидских географов, русских летописцев, западноевропейских путешественников и торговцев. Равноправные партнерские отношения в области международной деятельности были обусловлены высоким экономическим и духовным потенциалом, которым обладала Волжская Болгария, стоявшая примерно на одной ступени социально-экономического развития, что и другие страны Запада и Востока. Письменные источники, освещающие внешнеполитические, экономические и культурные связи домонгольской Болгарии малочисленны, однако при этом достаточно показательны. Для X в. это знаменитое «Рисале» Ибн Фадлана о контактах болгарского хана Алмуша / Джа'фара ибн Абдаллаха с Арабским халифатом и рассказ венгерского Анонима о переселенцах из Биляра, занявших

впоследствии важные государственные посты в Венгерском королевстве. Одиннадцатым веком можно датировать сообщения скандинавских источников о «Вулгарии» как части Гардарики — «страны городов». Далее идет сообщение персидского историка XII в. Бейхаки о посылке болгарским ханом Ибрагимом денег и подарков в Хорасан на строительство мечетей в Себзеваре и Хосровджерде (1024/1025 г.). К XII в. относится подробное описание Болгарии Абу-Хамидом ал-Гарнати, выходцем из Андалусии, и, наконец, к первой половине XIII в. — рассказ венгерского миссионера Юлиана о его путешествии в Болгарию в поисках своих сородичей, пребывающих в язычестве. Имеются, кроме того, фрагментарные известия о болгарях в трудах представителей классической арабской географической школы: Ибн Русте, ал-Балхи, ал-Джайхани, ал-Истахри, ал-Масуди, Ибн-Хаукаля, ал-Мукаддаси, ал-Марвази, ал-Идриси и др., а также сведения древнерусских летописей, по которым можно в подробностях представить динамику болгаро-русских взаимоотношений X — начала XIII в.¹⁴

Еще один очаг болгарской цивилизации раннего средневековья располагался на Дунае, где болгары хана Аспаруха, оказавшись после распада их прежнего военно-политического объединения в приазовских степях среди местного фракийского и пришлого славянского населения, сумели создать свое самостоятельное государство со столицей в Плиске, способное противостоять притязаниям Византийской империи¹⁵.

Многие аспекты истории и археологии болгар дозолотоордынского (домонгольского) времени нашли достаточно полное освещение в научной литературе. Однако если чуть расширим нижние хронологические рамки исследования, то столкнемся с рядом нерешенных проблем, которые интересуют всех болгароведов, прежде всего, татарстанских, в связи с подготовкой нового обобщающего труда «Средневековая болгарская цивилизация». На

наш взгляд, можно выделить следующие проблемы, решение которых потребует совместных усилий и тесного сотрудничества российских, украинских, молдавских и болгарских ученых: 1) происхождение болгар и их прародина; 2) выявление этноопределяющих признаков материальной культуры (массовая керамика, украшения, оружие, погребальный обряд и пр.); 3) миграции болгар на Среднюю Волгу и в другие регионы Европы; 4) проблема седентаризации и время появления ранних поселений; 5) картографирование археологических памятников болгар разных хронологических периодов; 6) определение степени участия домонгольских болгар в сложении материальной и духовной культуры золотоордынского населения Восточной Европы и т.д.

Болгары, ранняя история которых связана с огурскими племенами теле, занимавшими первоначально территорию от Центральной Монголии до Северного Казахстана, как показывает комплекс имеющихся у нас источников, изначально были тюрками и принадлежали, по мнению лингвистов, к западнохуннской группе тюркских языков¹⁶.

Начиная, по крайней мере, с конца V в. мы находим ранних болгар (праболгар) на обширных просторах причерноморско-прикаспийских степей, а также на Северном Кавказе, в Подунавье и на Балканах. Однако первое их упоминание в сочинениях древних авторов (Вхндур Булкар – «Начальная история Армении» Мар Абаса Катины по Мовсесу Хоренаци; *Vulgares* – анонимный хронограф 354 г.) относится еще ко времени до гуннских вторжений в Европу¹⁷. Некоторые ученые с легкостью приняли дату переселения болгар с Северного Кавказа в Армению во второй половине II в. до н.э., приведенную в труде Мар Абаса Катины, другие, учитывая сомнительность его сведений из-за наличия анахронизмов и позднейших редакций, с недоверием отнеслись к столь ранней дате появления их в данном регионе.

А.П. Смирнов, а позднее болгарский археолог Д. Димитриев, опираясь на сведения древних авторов, писали о сарматском (сармато-аланском) происхождении болгар, тюркизированных в эпоху гуннов и Тюркских каганатов¹⁸. Н.Я. Мерперт, выступив против «автохтонной» теории А.П. Смирнова, считал их группой тюркоязычных племен, пришедших из Азии через Северный Прикаспий задолго до появления в Европе основной массы гуннов¹⁹. В современных исследованиях точка зрения об автохтонности тюрков и, в частности, болгар, вновь реанимирована. Особенно активно защищают ее М.З. Закиев²⁰ и А.А. Глашев²¹, которые находят истоки тюркской культуры даже у скифов.

Византийский историк Приск Панийский, сведения которого признаются достоверными, писал о появлении в степях Причерноморья, около 463 г., неизвестных дотеле племен огуров, оногуров и сарагуров, объединенных позднее в болгарский племенной союз. В хронике Иоанна Антиохийского сообщается о болгарях, приглашенных в 480 г. византийским императором Зеноном на помощь в борьбе с остготами²². В.Ф. Генинг справедливо полагал, что «болгары, выступившие в 480 г. на Балканах в союзе с Византией, обитали здесь уже раньше, но именовались общим названием гуннов, в состав объединения которых они входили»²³. В современной историографии эта точка зрения преобладает. Так, по мнению А.П. Новосельцева, «первоначально болгары представляли собой тюркизированных (когда – неясно) угров и были одним из их племен, обитавших, скорее всего, где-то в северной части современного Казахстана и увлеченных на запад в период гуннского нашествия»²⁴. Близкую точку зрения высказывал и А.Х. Халиков, искавший огурско-праболгарские племена среди гунно-тюркских племен, вышедших во II в. н.э. к северному побережью Каспийского моря²⁵. «Одним из самых сильных этносов в гуннском союзе, особенно активизировавшихся после распада импе-

рии, возглавляемой Аттилой», назвала болгар С.А. Плетнева²⁶.

С.Г. Кляшторный склонен, однако, считать, что болгары появились в Восточной Европе лишь после распада державы Аттилы в Паннонии, т.е. не раньше второй половины V в. Именно в это время, по мнению известного ученого, из нескольких огузских группировок, вышедших из племенного объединения теле, «при решающей роли оногурских племен где-то в Приазовье или на Западном Кавказе возник племенной союз болгар»²⁷.

Таким образом, гипотеза автохтонного происхождения булгар от поздних сармато-алан, тем более скифов, на чем настаивают некоторые исследователи, не находит документального подтверждения (лингвистические источники при этом не играют существенной роли). Тем не менее, роль поздних сармат в формировании культуры ранних болгар отнюдь не отрицается. Как писал А.Х. Халиков, огузско-праболгарские племена оказывали самое серьезное воздействие на ираноязычных сармат, что отразилось на некоторых изменениях в их погребальной обрядности, стиле украшений и пр., привнесенных с востока. Более того, сами исследователи сарматской культуры находят в ней «значительную восточную примесь из Сибири, Казахстана и Средней Азии, в том числе и ранних тюрок, входящих в состав грозного и мощного гуннского союза»²⁸. В последние годы исследователи более уверенно говорят о сарматском компоненте в формирующейся именьковской культуре²⁹. Позднесарматскими определил Е.П. Казаков известные в Татарстане Тураевский и Коминтерновский II могильники второй половины V–VI вв. Поздние модификации сармато-аланских культовых изделий найдены в раннеболгарском Танкеевском могильнике³⁰. Сарматские мотивы в оформлении кувшинообразных сосудов (зооморфные ручки) встречаются и на памятниках волжских болгар. Кстати, антропологи не исключают участия сармат в формировании

отдельных болгарских групп и находят их истоки в регионах юго-востока Западной Сибири, Казахстана и Алтая эпохи раннего железа³¹.

Еще в совместной с А.Х. Халиковым монографии, посвященной публикации материалов Больше-Тарханского могильника, В.Ф. Генинг пытался обосновать гипотезу о возможных истоках погребальной обрядности протоболгар среди населения раннего железного века Восточного Казахстана и Западной Сибири³². Этой точки зрения он придерживался, по сути, и позднее, когда предлагал искать место формирования протоболгар «на юго-востоке Западной Сибири и Восточного Казахстана, вероятно, в бассейне верхнего Иртыша»³³. Один из крупнейших специалистов по данной проблеме болгарский ученый Рашо Рашев локализовал прародину болгар, рассматриваемых им как симбиоз иранских, угорских и тюркских языковых групп, в степной и лесостепной области между Уралом и Алтаем³⁴.

В целом вопрос еще далек от своего решения. Предлагаемые разными авторами гипотезы не подкреплены археологическими источниками. Теоретически, вроде бы, все понятно: для того чтобы нащупать истоки болгарской культуры, говоря проще, найти их прародину, нужно, в первую очередь, определить этноопределяющие признаки материальной культуры путем сопоставительного изучения погребальной обрядности, бытовой керамики, оружия, конского снаряжения, украшений, а также антропологии тюркоязычного населения, существовавшего в период Великой Болгарии, Хазарского каганата, ранних болгар Поволжья и Дуная, а потом искать эту специфику в других регионах возможного их расселения, прежде всего, в восточных. Однако как раз эта проблема пока еще трудно разрешима, что вполне объяснимо. Начиная с так называемого Великого переселения народов, с II–IV вв. н.э. и позже, степной пояс Евразии был занят родственными по происхождению тюрко-

язычными племенами и народами, очень близкими по культуре в силу их почти одинакового образа жизни (кочевники и полукочевники), традиционных верований, обычаев и обрядов и т.д. Кроме того, как известно, материальная культура более подвержена изменениям, связанным с чужеродными влияниями, внешними заимствованиями, многократными переселениями, в результате которых осваивались новые территории, отличные по своим природно-географическим характеристикам от прежних мест обитания.

Тем не менее попытки археологической идентификации праболгар предпринимались неоднократно. Так, о возможной принадлежности Борисовского могильника у Геленджика на Черноморском побережье утигурам В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков писали еще в 1960-х гг.³⁵. Позднее, рассматривая памятники гуннской эпохи южнорусских степей, И.П. Засецкая выделила хронологические группы вещей (ХГЗ-1б, ХГЗ-2), принадлежавшие, по ее мнению, сарагурам, оногурам и урогам, раньше входившим в могущественный племенной союз гуннов³⁶. Взяв в качестве модели для сравнения в ретроспективном плане черты погребального обряда болгар Дунайской Болгарии и зливкинского варианта салтово-маяцкой культуры, Р. Рашев небезуспешно пытался выделить погребения праболгар VI–VII вв. (впускные курганные погребения с северо-восточной ориентацией, иногда с остатками полного, чаще головы и ноги коня)³⁷. По-видимому, следует согласиться с Р. Рашевым в том, что «погребальный обряд, как самый консервативный элемент культуры, является более надежной основой» в поисках этнических корней раннесредневековых кочевников³⁸.

Интересные исследования в этом направлении проводят и другие археологи³⁹. Надеемся, что проблемы поиска этноопределяющих признаков праболгар — одна из важнейших в современном болгароведении — будут обсуждаться в дальнейшем с привлечением

новых материалов и новых подходов к их интерпретации.

Следующая проблема, не менее важная, которую мы должны решать совместными усилиями, связана с этапами миграции болгар с юга на Среднее Поволжье. В историографии установилась точка зрения, основанная на археологических и письменных источниках, о нескольких волнах переселений болгар на будущую территорию Волжской Болгарии⁴⁰. Следует заметить, что они в целом совпадают по времени с миграциями болгар на Дунай⁴¹.

Первое переселение связывают с распадом Великой Болгарии Кубрата (Курта?) в 660-х гг.⁴²; археологические памятники — могильники новинковского типа конца VII — первой половины VIII вв., изученные в Самарской и Ульяновской областях⁴³. Правда, не все исследователи признают «новинковцев» болгарами, но практически никто не сомневается в их принадлежности к тюркскому населению, может быть, хазарам⁴⁴. В «новинковцах» С.А. Плетнева склонна была видеть хазар (погребения в курганах с ровиками) и праболгар (курганы с каменной наброской): «хазарские воины могли прийти сюда, как и в Приднепровье, вместе с праболгарами»⁴⁵. Д. Димитров также допускал возможность появления болгар в Среднем Поволжье во второй половине VII в.⁴⁶. Эту дату поддерживает и С.Г. Кляшторный⁴⁷.

Вторая миграционная волна болгар из районов Подонья началась в середине VIII в. после крупного поражения Хазарского каганата от арабов в 737 г. Археологические памятники в Среднем Поволжье — Больше-Тарханский, Кайбельский, Уреньский и некоторые другие могильники середины VIII — первой половины IX вв., погребальный обряд и инвентарь которых находят ближайšie параллели среди салтово-маяцких древностей Юго-Восточной Европы⁴⁸.

В связи с миграциями болгар VIII в. хотелось бы обратить внимание исследователей еще на одну интересную проблему, поставленную в свое время

И.А. Барановым в его монографии «Таврика в эпоху раннего средневековья». «Могилы с заплечиками, открытые досками, а также погребения в деревянных ящиках-гробовинах», которые принадлежат болгарам степного Крыма, а также поясные украшения волго-уральского и сибирского типов из этих погребений свидетельствуют, по его мнению, о миграции в VIII в. этнических групп, скорее всего, кутригуров, успевших уже частично ассимилировать местные финно-угорские племена, с европейского Северо-Востока, преимущественно из Среднего Поволжья и Приуралья⁴⁹ (о поясных наборах приуральского типа см. также статью А.И. Айбабина⁵⁰). Появление приазовских кутригуров на Средней Волге И.А. Баранов относит ко второй половине VII в.⁵¹ Частичная откочевка их обратно в степи Северного Причерноморья и Таврики — весьма примечательный факт, заслуживающий дополнительных исследований. Смущает в построениях И.А. Баранова одно обстоятельство — слишком быстрый отход болгар из Поволжья, к тому же с укоренившимися финно-угорскими чертами в погребальной обрядности и культуре.

Третья волна переселений болгар с территории Хазарского каганата произошла во второй половине IX в. По мнению С.А. Плетневой, толчком к новой миграции послужили смуты (восстание кабаров), начавшиеся после принятия каганом иудейской религии⁵². В указанное время часть болгар эмигрировала и в Дунайскую Болгарию⁵³. Археологические памятники представлены Танкеевским, Тетюшским и некоторыми другими могильниками, свидетельствующими одновременно о вливании в состав населения ранней Болгарии еще одного мощного этнического компонента — финно-угров из Верхнего Прикамья и Приуралья в лице носителей кушнаренковской, ломоватской и ломоватовской культур⁵⁴. Часть угорского населения, по всей вероятности, была уже тюркизирована.

Причиной четвертой волны переселений конца IX — начала X вв. стало наступление на Хазарский каганат печенегов, под ударами которых погибли города, были разгромлены и сожжены неукрепленные поселения⁵⁵. Археологические памятники представлены стационарными поселениями с горшковидной посудой шамотного и песочного теста, с волнистым орнаментом по плечу и рифлением по тулову, насечками по краю венчика, характерной для населения степного (болгарского) и лесостепного (аланского) вариантов салтово-маяцкой культуры Подонья и Приазовья⁵⁶. Заметим, что в материалах ранних поселений преобладает керамика, присущая памятникам лесостепной зоны Хазарии, относимой Г.Е. Афанасьевым к «ираноязычным» буртасам — прежним аланам, мигрировавшим с Северного Кавказа в лесостепную зону Среднего Дона в середине VIII в.⁵⁷

В связи с этим утверждением небесполезно было бы, на мой взгляд, проверить следующую гипотезу, вполне логичную с исторической точки зрения, но лишенную пока строгих научных доказательств. Как известно, с IV—V вв. н.э. основными обитателями степных, частично и лесостепных территорий Восточной Европы стали тюркоязычные племена и народы — сначала гунны, савиры, барсилы, потом болгары и хазары, создавшие свои государственные объединения, а еще позднее гузы/торки, печенеги и кыпчаки/половцы. При такой этнической ситуации потомкам поздних сармат — аланам лесостепного Дона вряд ли удалось избежать ассимиляции среди численно преобладающего тюркоязычного населения. В конце концов, из огромной массы ираноязычных племен, обитавших на огромных просторах евразийских степей, начиная с конца эпохи бронзы, и даже раньше, остается лишь один народ — осетины (аланы) Северного Кавказа. Трудно представить, что аланы-долихокраны, хоронившие своих умерших в катакомбах, и болгары-брахикраны, которым принадлежали ямные погребения, —

эти два соседствующих народа в составе достаточно развитого для своего времени тюркского государства — Хазарского каганата — говорили на разных языках. Эти этнические группы имели практически единую материальную культуру, отличающуюся лишь в деталях. Иногда на одном и том же могильнике встречаются как катакомбы, так и ямные погребения со смешанным антропологическим типом погребенных⁵⁸. Археологические материалы свидетельствуют не только о сложном этническом составе населения каганата, но и активных этнокультурных связях между аланами и болгарами, приведшими, в конечном счете, к созданию единой культуры⁵⁹.

Как справедливо подчеркивал в свое время М.И. Артамонов, «в том, что в состав тюркского по языку населения степей Восточной Европы вошли ассимилированные тюрками древние местные сармато-аланские племена... не может быть сомнения... Ввиду этого вполне можно допустить, что прямые физические потомки алан, представленные салтовской культурой, к хазарскому времени могли быть уже отюречены и говорили не на аланском, а на тюркском языке»⁶⁰. Эту же мысль, но в более категоричной форме он высказывал и в более ранних своих работах, посвященных итогам работ на Саркеле-Белой Веже: «...носители салтовской культуры в массе своей не только писали, но и говорили на языке тюркского типа, следовательно, не были ираноязычными аланами», «в это время они были уже болгарами и хазарами, этнически обособленными от алан-осетин»⁶¹. О значительной булгаризации и тюркизации алан писал также Д. Димитров⁶². В недавно вышедшей монографии А.А. Глашева, посвященной этногенезу карачаево-балкарцев, приведены более полные, правда, не всегда бесспорные, доказательства в пользу тюркоязычности алан⁶³. В свете вышеизложенного есть определенные основания считать население, оставившее в лесостепном Подонье свои памятники с горшечной посудой шамотного теста, преимущест-

венно болгарами или алано-болгарами, находящимися на стадии глубокой ассимиляции.

Окончательная гибель Хазарского каганата в результате походов древнерусского князя Святослава и вторжений новой группы кочевников могли привести, как полагает Е.П. Казаков, к новым переселениям болгар в последней четверти X в. С этим переселением ученый связывает появление в массовом виде постоянных поселений волжских булгар, кардинальные изменения в экономике (распространение пашенного земледелия) и материальной культуре (распространение красноглиняной посуды, прежде всего, узкогорлых кувшинов с наибольшим диаметром в середине или верхней трети тулова) и т.д.⁶⁴ Исходя из своей концепции седентаризации, Е.П. Казаков пересмотрел и дату возникновения волжско-болгарских городов, в том числе и столичных⁶⁵. Данную точку зрения поддержали П.Н. Старостин⁶⁶, Е.А. Беговатов⁶⁷ и К.А. Руденко⁶⁸.

Доказательная часть концепции Е.П. Казакова вызывает ряд возражений. Прежде всего, не поддается логике его утверждение о том, что переселившись на Среднюю Волгу, болгары в течение почти трех веков круглогодично кочевали и жили в юртах — природно-географические и климатические условия региона совсем не способствуют этому⁶⁹. Вопреки мнению Е.П. Казакова, потомки «черных болгар» Подонья не были уже сплошь кочевниками, они строили неукрепленные поселения и крепости, активно изучаемые археологами в последние десятилетия⁷⁰. Переселившись на Среднюю Волгу в конце IX — начале X вв., они, надо полагать, не превратились обратно в кочевников, а продолжали прежний образ жизни, приступив к устройству постоянных мест обитания.

Комплекс имеющихся источников как письменных (см. сочинения Ибн Русте о болгарских селениях с мечетями в конце IX в., Ибн Фадлана о выращиваемых зерновых культурах, ал-Балхи

и более поздних восточных географов первой половины X в. о городах Болгаре и Суваре и т.д.), так и археологических (не характерный для кочевников Танкеевский могильник с более 5 тыс. могил; см. также работы самарских ученых о ранних поселениях булгар IX в.⁷¹) позволяет считать конец IX – первую четверть X вв. завершающим этапом оседания болгар на землю, временем массового появления стационарных поселений, в том числе и городов.

Что касается своеобразия материальной культуры болгар X в., в частности, так называемой «постантичной», по терминологии Е.П. Казакова, посуды приазовских «черных болгар», якобы идентичной красноглиняной керамике поселений домонгольской Булгарии, то ни в памятниках Приазовья, ни в памятниках степного и лесостепного Подонья она, за исключением херсонесских амфор, не зафиксирована⁷². Поэтому причины кардинальных изменений, наблюдаемых в материальной культуре волжских булгар при переходе от догосударственного к государственному периоду их истории, не следует искать исключительно в передвижениях населения. Постепенная модификация культуры, в частности, гончарства в первую очередь связана, на наш взгляд, с развитием новых, более прогрессивных технологий производства. Кроме того, в сложении специфичной культуры домонгольских булгар нельзя отрицать роли государственной идеологии в виде ислама, культурных контактов с соседними народами, прежде всего, со странами Востока. В связи с этим было бы весьма интересным сопоставительное изучение продукции болгарских гончаров, выпускавших красноглиняную посуду, с продукцией керамических центров Средней Азии – параллели, указывающие на истоки «постантичной» керамики у волжских болгар, непременно обнаружатся.

Очень мало у нас сведений о болгарях южных регионов Восточной Европы после распада Хазарского каганата, последовавшего, как принято считать,

за походом Святослава 965 г. Понятно, что болгары, составлявшие значительную часть населения каганата, не могли исчезнуть бесследно и так быстро сойти с исторической арены – «история не знает примеров тотального уничтожения населения в периоды даже самых жестоких войн и самых страшных нашествий»⁷³. Нельзя исключать определенных трансформаций материальной культуры болгар в новых этнополитических условиях. Возможны миграции и ассимиляция среди иноэтничного или близкородственного населения. Как известно, со второй половины XI в. хозяевами степей становятся кыпчаки, поглотившие разрозненные орды некогда могущественных печенегов, гузов, а также, очевидно, болгар и алан. По мнению С.А. Плетневой, «первым компонентом, безусловно влившимся в половецкую этническую общность и в какой-то степени повлиявшим на изменение физического облика кыпчаков, было незначительное численно, но устойчивое культурно население, входившее ранее в Хазарский каганат», т.е. болгары и аланы, что доказывается, в частности, присущими этим народам элементами погребальной обряда у кыпчаков (меридиональная ориентировка покойников, наличие в могилах подсыпки из мела или угольков и т.д.) и близким антропологическим обликом кочевников VIII–XIII вв.⁷⁴ Сохранялись, скорее всего, небольшие «островки» чисто болгарского населения, свидетельством чему является вышеупомянутое городище Самосделка на Нижней Волге, культура которого (красноглиняная гончарная посуда с лощением, некоторые типы жилищ и пр.) имеет почти полные аналогии в материалах Биляра, Сувары и других болгарских памятников Среднего Поволжья⁷⁵.

Приведенные материалы, правда, пока немногочисленные, могут внести определенные коррективы в понимание роли местного населения, в данном случае болгар, в генезисе золотоордынской культуры, причем не только лесо-

степной (средневожской), что понятно и в степной, центральной части империи. Как видим, проблема только поставлена, необходимы теперь специальные исследования в этом на-

правлении. Результатом этих исследований должно стать составление Свода археологических памятников болгар VII–XIII вв. на всех территориях их проживания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хузин Ф.Ш. Булгарская цивилизация и ее международное значение // Великий Волжский путь. Материалы круглого стола и Международ. науч. семинара. — Казань, 2001; Исхаков Д.М., Измайлов И.Л., Гилязов И.А., Гибатдинов М.М. История татарского народа. Учеб. пособие для 10 кл. общеобразовательной школы. — Казань: Магариф, 2009.

² Белавин А.М. Камский торговый путь: Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. — Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000; Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Рождественское городище. — Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2000.

³ Беговаткин А.А. Характеристика основных этапов развития отношений между мордвой и Волжской Булгарией в домонгольское время // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. — Казань, 2006. — С. 270.

⁴ Загайнова Л.П., Зеленева Ю.А., Зеленцова О.В. Новые данные о проникновении культуры волжских болгар в мордовские земли // Средневековая археология евразийских степей. (Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 3). — М.; Йошкар-Ола, 2006. — С. 161 и сл.

⁵ Зиливинская Э.Д. Исследования слоев домонгольского времени на городище Самосделка в Нижнем Поволжье // Древность и средневековье Волго-Камья (Материалы третьих Халиковских чтений). — Казань; Болгары, 2004.

⁶ Валеев Р.Р., Мирсиянов И.Р., Мухамадиев А.Г., Ситдинов А.Г. Средневековые поселения Нижнего Поволжья (исследования 2008–2009 гг.) // Золотоордынское наследие. Вып. 1. — Казань, 2009. — С. 339–346.

⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII–XIV вв. // Древности Восточной Европы (МИА № 169). — М., 1969. — С. 253–261.

⁸ Смирнов А.П. Волжские болгары. — М., 1951. — С. 3.

⁹ Хузин Ф.Ш. Булгарский город в X — начале XIII вв. — Казань, 2001. — 480 с.; он же. Ранние болгары и Волжская Булгария (VIII — начало XIII в.). — Казань, 2006. — 583 с.

¹⁰ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. — М.; Л., 1940. — Т. III. — С. 72.

¹¹ Хузин Ф.Ш. Булгарский город..., с. 39 и сл.

¹² См. подробнее: Давлетшин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура (X — начало XIII в.). — Казань, 1990.

¹³ Таджаддин ал-Булгари. Большой тирйак (Большое противоядие). — Казань, 1997; Усманов М. Новые письменные источники по истории Поволжья (предварительное сообщение) // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международ. науч. конф. — Казань, 2000; Шарафутдинов Д.А. Произведение Сулеймана ибн Дауда ас-Саксини «Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад» («Красота садов и утешение страдающих сердец») // Восток. Oriens. — 2003. — № 2.

¹⁴ См. подробнее: История татар с древнейших времен. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. — Казань, 2006 (приложения); Хузин Ф.Ш. Волжские болгары, славяне и Древняя Русь: культурно-экономические и этнополитические связи в раннем средневековье // Сложение ранней государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. (Тр. Гос. Эрмитажа. Т. XLIX). — СПб., 2009. — С. 227–234.

¹⁵ История на България. Т. 2. Първа Българска държава. — София, 1981. — 505 с.; Рашиев Р. Первое Болгарское царство на Дунае // История татар с древнейших времен. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь. — Казань, 2006. — С. 48–59.

¹⁶ Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. — М., 1969. — С. 210 и сл.; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей: от древности к новому времени. Изд. 3-е, испр. и доп. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. — 432 с.

¹⁷ См.: *Сиротенко В.Т.* Основные теории происхождения древних болгар и письменные источники IV–VII вв. // Уч. зап. Перм. гос. ун-та. – 1961. – Т. XX, вып. 4. – С. 14–16.

¹⁸ *Смирнов А.П.* Волжские болгары..., с. 9–12; *Димитров Д.* Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. – Варна, 1987. – С. 60.

¹⁹ *Мерперт Н.Я.* К вопросу о древнейших болгарских племенах. – Казань, 1957. – С. 32–35.

²⁰ *Закиев М.З.* История татарского народа. Этнические корни, формирование и развитие. – М.: Инсан, 2008. – С. 80–81, 115 и сл.

²¹ *Глашев А.А.* Аланы и этногенез карачаево-балкарцев. – М., 2010. – 294 с.

²² *Сиротенко В.Т.* Основные теории происхождения древних болгар..., с. 20.

²³ *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге: Больше-Тарханский могильник. – М.: Наука, 1964. – С. 107.

²⁴ *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С. 72.

²⁵ *Халиков А.Х.* Татарский народ и его предки. – Казань: Таткнигоиздат, 1989. – С. 59.

²⁶ *Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. – 1997. – № 1. – С. 32.

²⁷ История татар..., с. 182; *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – С. 167–168; *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей..., с. 169–171.

²⁸ *Смирнов К.Ф., Попов С.А.* Савромато-сарматские курганы у с. Липовка Оренбургской области // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. (МИА. № 153). – М., 1972. – С. 26.

²⁹ *Сташенков Д.А.* Оседлое население Самарского лесостепного Поволжья в I–V веках н.э. – М., 2005. – С. 47.

³⁰ *Казаков Е.П.* К проблеме выявления древностей средневековых сармат Урало-Поволжья // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала. Материалы III Халиковских чтений. – Казань, 2006. – С. 157–158.

³¹ *Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С.* Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. – Симферополь, 1994. – С. 570.

³² *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге..., с. 133–137.

³³ *Генинг В.Ф.* Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989. – С. 8.

³⁴ *Рашев Р.* Прабългарите през V–VII век. – София, 2004. – С. 27.

³⁵ *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге..., с. 122–123.

³⁶ *Засецкая И.П.* Некоторые итоги изучения хронологии памятников гуннской эпохи в южнорусских степях // АСГЭ. – 1986. – № 27. – С. 89.

³⁷ *Рашев Р.* О возможности выделения самых ранних археологических памятников пра-болгар в степях Восточной Европы // Татарская археология. – 1998. – № 2(3). – С. 65–72; *он же.* Прабългарите през V–VII век..., с. 64–153.

³⁸ *Рашев Р.* О возможности выделения..., с. 66.

³⁹ *Комар А.В.* Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. – Донецк, 2006. – С. 7–244; *Хрисимов Н.* Вознесенский комплекс: проблемы хронологии и интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. – Донецк, 2009. – С. 9–42.

⁴⁰ *Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях..., с. 41 и сл.; *Хузин Ф.Ш.* Ранние болгары и Волжская Булгария..., с. 36–42.

⁴¹ *Плетнева С.А.* Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска – Плескав. Прабългарската култура. Т. 2. – София, 1981. – С. 17–18; *Димитров Д.* Прабългарите..., с. 260 и сл.; *Тотев Б., Пелевина О.* Археологические данные о контактах населения Хазарского каганата и дунайских болгар // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. – Донецк, 2009. – С. 47.

⁴² По мнению А.В. Комара, «первый эльтебер болгар Курт» (Кубрат) умер около 662 г. См.: *Комар А.В.* Перещепинский комплекс..., с. 187.

⁴³ *Матвеева Г.И.* Могильники ранних болгар на Самарской Луке. — Самара, 1997. — 226 с.; *Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков татар Волго-Камья. — Самара, 1998. — 286 с.

⁴⁴ *Казаков Е.П.* К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. — Казань, 1999. — С. 65.

⁴⁵ *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии. — М.; Иерусалим, 2000. — С. 201.

⁴⁶ *Димитров Д.* Прабългарите..., с. 108.

⁴⁷ *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Уйгурского каганата..., с.170.

⁴⁸ *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге; *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. — М.: Наука, 1992. — 33 и сл.

⁴⁹ *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья. — Киев: Наукова думка, 1990. — С. 141–145.

⁵⁰ *Айбабин А.И.* Погребения конца VII — первой половины VIII вв. в Крыму // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII вв. — М., 1982. — С. 171, 172, 175, 178, 184.

⁵¹ *Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья..., с. 145.

⁵² *Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях..., с. 46.

⁵³ *Димитров Д.* Прабългарите..., с. 262 и сл.

⁵⁴ *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии..., с. 87 и сл.

⁵⁵ *Плетнева С.А.* Древние болгары в восточноевропейских степях..., с. 48.

⁵⁶ *Хлебникова Т.А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. — М.: Наука, 1984. — С. 27 и сл.

⁵⁷ *Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. — М.: Наука, 1987. — С. 155 и сл.

⁵⁸ *Плетнева С.А.* Очерки хазарской археологии..., с. 43–44; *Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С.* Население салтово-маяцкой культуры..., с. 565 и сл.; *Балабанова М.А.* Антропология населения Нижнего Поволжья (конец V — первая половина X в.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. — Донецк, 2005. — С. 62–63.

⁵⁹ *Красильников К.И.* Новые данные об этническом составе населения степного Подонцовья VIII — начала X в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. — Донецк, 2001. — С. 320.

⁶⁰ *Артамонов М.И.* — История хазар. — Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. — С. 313.

⁶¹ *Артамонов М.И.* Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // Советская археология. — 1940. — Т. VI. — С. 162; *он же.* Саркел — Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. (МИА, № 62). — М., 1958. — С. 47.

⁶² *Димитров Д.* Прабългарите..., с. 165.

⁶³ *Глашев А.А.* Аланы и этногенез карачаево-балкарцев...

⁶⁴ *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии..., с. 304.

⁶⁵ *Казаков Е.П.* О ранней дате столичных городов домонгольской Волжской Болгарии // Finno-Ugrica. — 2008. — № 10. — С. 34–39.

⁶⁶ *Старостин П.Н.* О раннем Болгаре // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тез. науч. конф. — М., 1999. — С. 99–101.

⁶⁷ *Беговатов Е.А.* Торгово-ремесленные центры Волжской Булгарии на рубеже X–XI вв. (по материалам II Билярского селища) // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. — СПб., 2006. — С. 146.

⁶⁸ *Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI — начале XIII вв.: поселения и материальная культура. — Казань, 2007. — С. 37.

⁶⁹ Более подробно см.: *Хузин Ф.Ш.* О времени возникновения оседлости у волжских булгар // Научный Татарстан. — 2010. — № 4. — С. 114–126.

⁷⁰ *Красильникова Л.И.* Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях степного Среднедонья VIII — начала X в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. — Донецк, 2001. — С. 323–332; *Кравченко Э.Е., Давыденко В.В.* Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. — Донецк, 2001. — С. 233–322; *Кравченко Э.Е., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н., Давыденко В.В.* Исследования археологического комплекса у с. Сидорово (материалы

экспедиции 2001–2003 гг.) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. – Донецк, 2005. – С. 261–356.

⁷¹ Семькин Ю.А. К вопросу о поселениях ранних булгар на Самарской Луке // Культура степей Евразии во второй половине I тысячелетия н.э. Тез. науч. конф. – Самара, 1996. – С. 67; Ермаков С.Ф., Матвеева Г.И. Севрюкаевское селище // Вопросы древней истории Волго-Камья. – Казань, 2002. – С. 49.

⁷² Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии..., с. 24 и сл.

⁷³ Плетнева С.А. Половцы. – М.: Наука, 1990. – С.37–38.

⁷⁴ Там же, с. 38.

⁷⁵ Зиливинская Э.Д. Исследования слоев домонгольского времени..., с. 75–77; Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Рудаков В.Г. Раскопки в средневековых городищах в Астраханской области // Археологические открытия 2004 года. – М., 2005. – С. 291–292.

Аннотация

В статье обсуждаются некоторые важные проблемы исследования археологии и истории болгар Восточной Европы в рамках международного сотрудничества ученых России, Украины, Молдовы и Болгарии по подготовке атласа «Средневековая болгарская цивилизация».

Ключевые слова: ранние болгары, Волжская Болгария, этногенез и истоки культуры, этнокультурные признаки, этапы миграции, свод археологических памятников.

Summary

Some important problems concerning the investigation of archeology and the history of the Bulgarians of Eastern Europe are discussed in the article in frames of international cooperation of scientists from Russia, Ukraine, Moldova and Bulgaria in preparing the atlas «Medieval Bulgarian civilization».

Key words: early Bulgarians, Volga Bulgaria, ethnogenesis and origins of culture, ethnocultural features, stages of migration, set of archaeological monuments.

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ЭКОЛОГИИ И НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: НАУЧНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

*Р.Р. Шагидуллин, кандидат физико-математических наук;
Д.В. Иванов, кандидат биологических наук*

Институт проблем экологии и недропользования образован в 2008 г. и является одним из «молодых» структурных подразделений Академии наук Республики Татарстан. Специалистами ИПЭН проводятся фундаментальные и прикладные научные исследования в области экологии, геологии, недропользования и охраны окружающей среды. В институте функционирует 13 научно-исследовательских лабораторий, в том числе 9 — экологического направления: биомониторинга, гидробиологии, гидрологии, биогеохимии, эколого-аналитических измерений и мониторинга окружающей среды, экологических биотехнологий, экспериментальной экологии, агроэкологических разработок, правовых проблем недропользования и экологии.

В число основных научных приоритетов деятельности института в области экологии входят:

- фундаментальные и прикладные исследования структурно-функциональной организации наземных и водных экологических систем в градиенте их антропогенной трансформации;

- комплексные исследования закономерностей формирования стока, состояния и использования водных ресурсов, антропогенного воздействия на экологические системы бассейнов средних и малых рек и водохранилищ;

- разработка научных и практических основ экологического мониторинга, эколого-аналитического контроля и нормирования, а также рационального использования водных, воздушных,

земельных и биологических ресурсов Республики Татарстан;

- разработка технологий очистки сточных вод, атмосферных выбросов, обезвреживания отходов и реабилитации загрязненных территорий;

- работы по совершенствованию системы особо охраняемых природных территорий Республики Татарстан.

В рамках работ по исследованию механизмов внутриводоемных процессов формирования качества воды, биоразнообразия, гомеостаза сообществ гидробионтов разных уровней организации, токсикорезистентности изучены (*лаборатория гидробиологии, зав. лаб. д.б.н. А.А. Ратушняк*) механизмы адаптации высшей водной растительности к евтрофным нагрузкам по азоту, свинцу и их роль в регуляции качества воды, структурной организации бактерио- и фитопланктона. Выявлены закономерности функционирования высшей водной растительности, ее санирующей, альгицидной активности в неблагоприятных условиях среды обитания, которые могут быть использованы при разработке методических подходов к регуляции качества воды, определении границ адаптационных возможностей высшей водной растительности к действию различных загрязняющих веществ. По результатам исследований в 2011 г. опубликованы две монографии в престижном международном издательстве Lambert Academic Publishing.

В числе наиболее перспективных следует также отметить исследования, направленные на выявление физиоло-

гических и генетических механизмов адаптации нервных систем беспозвоночных животных к изменению климата Земли (*лаборатория экспериментальной экологии, зав. лаб. д.б.н., проф. М.Х.Гайнутдинов*).

Специалисты института принимают активное участие в научном экологическом обеспечении строительства объектов XXVII Всемирной летней Универсиады, выработке обоснованных и взвешенных решений возникающих природоохранных проблем. В части информационного обеспечения и позиционирования республики как региона, где активно занимаются решением вопросов охраны окружающей среды и обеспечением экологической безопасности, были разработаны проекты интерактивных табло на трех языках (татарском, русском, английском), сформированных на основе оценки биологического разнообразия. Для знакомства жителей и гостей города с природой Татарстана предлагается установить такие табло в местах массового скопления людей (площадь 1000-летия, Кремль, площадь Свободы, улица Баумана, крупные торговые центры).

Кроме того, ученые института выступили с инициативой разработки и установки образовательно-просветительских билбордов в местах отдыха горожан и гостей столицы с целью ознакомления с основными и редкими представителями флоры и фауны, обитающими на территории зеленых зон Казани и окрестностей (лесопарки Лебяжье и Нагорный, Голубые озера, ЦПКиО им. Горького, Пригородное лесничество и др.). Они призваны привлечь внимание населения к проблеме сохранения и восстановления природных богатств республики. В 2010 г. в с.Макаровка Лаишевского района были установлены 4 подобных билборда, отражающих биологическое разнообразие и местные перспективные маршруты экологического туризма.

Предлагается создать в Казани «Экологический ландшафтный парк» с представлением всего спектра местных

(включая редкие и занесенные в Красную книгу) древесных, кустарниковых и травянистых видов растений, а также островков ландшафтной архитектуры японской, китайской, европейской и иных флористических направлений дизайна.

В развитие экологического направления в туристическом бизнесе нами разработана концепция создания в Республике Татарстан «Музея реки». Музей может быть создан на реке Свияге в рамках республиканского проекта возрождения острова-града Свияжск, а также в столице республики (река Казанка). В случае положительного решения это будет единственный музей подобного рода в Российской Федерации.

В последние два десятилетия бурно развивается мировой рынок экологически безопасных (или органических) продуктов питания. Ежегодные темпы его роста в развитых странах составляют 20–30%. Можно выделить две основные причины этого явления: а) экологические пищевые кризисы последнего десятилетия и рост недоверия к обычным продуктам; б) общественные волнения по поводу вреда генно-модифицированных компонентов, содержащихся в продуктах питания. Возникновение и чистота такого рынка невозможно без стандартов экологического производства и независимой аккредитованной системы сертификации. Перед нами стоит задача создания в соответствии с общепринятыми международными требованиями российской нормативной базы – системы сертификации и маркировки в области экологического сельского хозяйства и признания ее в дальнейшем международными торговыми партнерами. Это обеспечит отечественным товарам преодоление технических барьеров при экспортных операциях в соответствии с требованиями ВТО. Татарстан, являясь регионом с благоприятными погодно-климатическими, природными, социально-экономическими условиями, земледельческими традициями, сильной научной школой, мог бы стать лидером в про-

изготовлении экологически безопасной продукции. Республика имеет все предпосылки для того, чтобы стать первым регионом в России, где будет разработана и, главное, внедрена в практику государственная система производства сертифицированной продукции, отвечающей высшим экологическим стандартам. Специалистами института (*лаборатория агроэкологических разработок, зав. лаб. к.б.н. доц. Б.Р. Григорьян*) обобщен международный и отечественный опыт сертификации экологически безопасной (органической) продукции. Разработаны структура и основные этапы формирования системы ее производства и сертификации, подготовлен проект технического регламента «Экологическое сельскохозяйственное производство и маркировка экологической сельскохозяйственной продукции» для РТ в части растениеводства.

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своем послании Федеральному собранию дал поручение до 1 октября 2011 г. разработать нормативы качества окружающей среды, учитывающие состояние и особенности конкретных территорий, положив их в основу системы нормирования воздействий хозяйствующих субъектов на окружающую среду. Для нашей нефтедобывающей республики наиболее остро стоит вопрос о разработке региональных нормативов допустимого остаточного содержания нефти и продуктов ее трансформации в почве (ДОСНП) после проведения рекультивационных и иных восстановительных работ. Нормативы ДОСНП являются нормативами качества окружающей среды и устанавливаются в конкретных субъектах РФ для различных типов почв с учетом природных факторов, категории и вида используемых земель, а также химического состава нефти и продуктов ее трансформации. Указанные нормативы применяются при разработке и экспертизе технологий, материалов, оборудования и иных средств ликвидации загрязнения нефтью, проектов рекультивации земель, подвергшихся загряз-

нению нефтью, а также при приемке земельных участков после проведения рекультивации.

В настоящее время для Республики Татарстан обеспечение разработки нормативов ДОСНП для всех основных типов и подтипов почв (а их в республике более 20) является актуальным как с экологической, так и экономической точек зрения. Это направление рекомендовано для включения в перечень прикладных научных исследований и разработок по приоритетным направлениям развития экономики на 2011 г. и дальнейший период. В 2010 г. специалистами института (*лаборатория экологических биотехнологий, зав. лаб. к.б.н. А.М. Петров, лаборатория эколого-аналитических измерений и мониторинга окружающей среды, зав. лаб. к.х.н. О.Ю. Тарасов*) разработаны ДОСНП в светло-серых и серых лесных тяжелосуглинистых и глинистых почвах для земель сельскохозяйственного назначения. Их использование позволит снизить как прямой, так и побочный экологический ущерб, возникающий при проведении работ по рекультивации земель, даст возможность выработать оптимальные природоохранные стратегии.

Исходя из поставленных правительством республики перед Академией наук задач специалисты института выполнили целый ряд инновационных проектов в области природопользования и энергоресурсосбережения. Здесь следует особо выделить расчеты эффективности использования гидроэнергетического потенциала малых рек (*лаборатория гидрологии, зав. лаб. к.г.н. А.Т. Горшкова*). Потенциальная энергия, которая определяет хозяйственно-экономическое значение рек РТ, составляет на сегодня 2,6 млрд кВт·час, а на 1 км² территории РТ приходится около 40000 кВт·час. При этом технически возможные гидроэнергоресурсы составляют 35% от потенциальных.

Расчеты водохозяйственного баланса показали, что годовых водных ресурсов бассейна реки Казанки достаточно для удовлетворения всех потребностей

территории в воде. Годовой баланс по длине реки остается положительным даже в маловодные годы. Меженные расходы воды в Казанке увеличились за последние 40 лет на 30%, а суммарная величина всей гидрографической сети ее бассейна — более чем на 150 км. Количество ее притоков за 50 лет возросло с 126 до 254. Такое изменение в гидрографии бассейна обусловлено сильным развитием природных эрозионных процессов на территории водосбора в результате усиливающегося антропогенного пресса на водосборный бассейн, а также усилением притока подземного питания с Вятского Увала.

В соответствии с Федеральным законом № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» в Российской Федерации предусматривается поэтапный переход от обычных ламп накаливания к энергосберегающим источникам света в основном на сегодняшний день, люминесцентным светильникам. Это повлечет за собой более широкое использование ртутьсодержащих ламп в быту, для освещения жилых помещений, и как следствие — проблему со сбором и утилизацией отработанных перегоревших ламп у населения, потому что их нельзя, как обычные лампы накаливания, выбрасывать в мусорные баки для ТБО. Люминесцентные лампы относятся к высокотоксичным отходам 1-го класса опасности и должны в обязательном порядке собираться и утилизироваться, к ним необходимо применять особые меры безопасности.

Для решения возникающих задач необходима стройная и доступная система сбора таких отходов. И если для предприятий и организаций республики система сбора создана уже давно и функционирует, то для населения такой системы нет, и механическое включение этого потока отработанных ртутьсодержащих отходов в существующий порядок является проблематичным.

Другой серьезной экологической и экономической проблемой, с которой человечество столкнулось еще в про-

шлом веке, — является появление нового типа бытового мусора, получившего название «электронные отходы», или «отходы электроники и электротехники». К этой категории относятся морально устаревшие или не подлежащие восстановлению компьютеры и другое бытовое электронное оборудование, нуждающееся, как и любой другой мусор, в утилизации.

По оценкам ООН, количество таких отходов растет в среднем в три раза быстрее, чем объемы других городских отходов. В ближайшие годы ежегодно по всему миру на свалку будет отправляться уже более 40 млн т электронного мусора, который включает в себя опасные химические вещества, представляющие угрозу окружающей среде и здоровью человека.

Старые электроприборы и электронные устройства содержат значительную массу вредных для окружающей среды веществ, например, тяжелые металлы — ртуть, свинец, кадмий, хром, органические пластмассы, фреоны, полибромбифенилы. Попадая на свалки, такие отходы деградируют под действием природных факторов с неконтролируемой эмиссией вторичных ксенобиотиков, отравляя воздух, воду и почвы. Кроме значительной опасности для природы и человека уже в недалеком будущем при захоронении таких отходов пропадают такие ценные виды сырья, как цветные и черные металлы, пластмассы, стекло, которые могли бы быть вовлечены в рециклинг и вторичное использование. Растущие цены на бирже металлов делают утилизацию электронных отходов коммерчески привлекательной.

По заданию Министерства экологии и природных ресурсов РТ институтом (*лаборатория экологических биотехнологий, лаборатория эколого-аналитических измерений и мониторинга окружающей среды*) на основе статистических и технических данных были проведены оценочные расчеты динамики и объемов образования отходов от отработанных компактных энергосберегающих ламп, бытовой техники, оргтехники и при-

боров как от населения, так и от предприятий и организаций. С учетом передового зарубежного и российского опыта была разработана концепция и предложена система сбора и утилизации отработанных энергосберегающих ламп и электронных отходов в РТ у населения, основанная на создании условий шаговой доступности этой системы для жителей, а также использовании различных способов стимулирования населения, предприятий и организаций в осуществлении раздельного сбора отходов, что будет способствовать снижению объемов полигонного захоронения отходов, уменьшению бюджетной составляющей затрат на санитарную очистку городов и населенных пунктов.

Предложены механизмы создания цивилизованного рынка вторичных ресурсов с использованием промышленного потенциала РТ, что позволит существенным образом снизить антропогенную нагрузку на окружающую среду.

Проблема глобального изменения климата в ее национальном и международном измерениях входит в число приоритетов политики РФ. Климатические изменения отражаются на жизни людей, состоянии животного и растительного мира во всех регионах планеты, в том числе и на территории РТ. Очевидно как положительное, так и отрицательное влияние этих изменений на экосистемы и экономику республики. Общий ущерб, наносимый ежегодно экономике и природным системам региона в результате климатических изменений, является весьма существенным.

Нами (*лаборатория биомониторинга, зав. лаб. к.б.н. О.В.Аськеев*) разработана концепция адаптационных программ развития экологических, социальных, экономических систем в регионе в условиях воздействия изменений климата. По прогнозам, ежегодные потери экономики от изменений климата будут возрастать. Поэтому нам представляется чрезвычайно важной разработка комплексной целевой программы с участием ученых и специалистов раз-

личных областей наук, формирование эффективной государственной политики по технологическому переоснащению сельского хозяйства и промышленности, способной обеспечить высокую адаптивную мобильность и устойчивость экономики в условиях глобальных тенденций изменения климата, возрастающего влияния техногенеза, постоянно растущего спроса на продовольствие в мире. Последние факты (а это аномальная жара лета 2010 г.) убеждают в необходимости более глубокого изучения механизмов влияния глобального климата на экосистемы регионального уровня, с целью не пропустить момента, когда последствия для региона станут угрожающе негативными.

В Татарстане в результате изменения климата в настоящее время появились представители более южной флоры и фауны. Особенно обогатился видовой состав насекомых, рыб, птиц. За последние 50 лет, в среднем на 6 дней раньше, наступает период вегетации и цветения. Анализ сроков прилета птиц за 200-летний период показал, что у большинства видов, зимующих как в Европе, так и в Африке, произошло существенное смещение времени весенней миграции на более ранние календарные даты. Есть основания полагать, что главной причиной долговременных изменений сроков прилета птиц является динамика климатических показателей. В настоящее время на территории Волжско-Камского региона идет процесс адаптации птиц к размножению в более ранние, чем обычно, сроки. При этом адаптации многих видов животных уже не в силах противостоять негативным явлениям, сопровождающим изменение климата.

В последние годы в связи с возрастающими экологическими проблемами возникает необходимость увеличения лесистости региона. Только подняв лесистость с 17% до оптимальных 30–35%, можно начать планировать широкомасштабное использование лесных ресурсов, не нанося существенного вреда экологической безопасности. Именно в

этом случае может быть обеспечено использование лесов и для целей получения древесины, и для целей рекреации и туризма, и для обеспечения сбалансированного сосуществования и устойчивого развития человека, животных и растений.

Как показали наши исследования, радиальный прирост деревьев Среднего Поволжья в первую очередь определяется климатическими изменениями. Если сохранится тенденция регионального изменения климата, это позитивно отразится на росте деревьев. Следует ожидать экспансию хвойных на юг, а лиственных на север, что приведет к более сложному перемешиванию лесной растительности Волжско-Камского региона.

Сейчас очень благоприятный период для проведения лесохозяйственных мероприятий, направленных на повышение лесистости территории и, в первую очередь, посадки хвойных (ель, пихта) и лиственных пород (дуб, липа). К сожалению, на этом фоне мы будем наблюдать, и уже наблюдаем, увеличение частоты, интенсивности и продолжительности вспышек численности насекомых – фитофагов, а также рост лесных пожаров.

Для совершенствования лесовосстановительных работ на территории РТ целесообразно проводить работы на землях разного назначения (как лесного фонда, так и сельскохозяйственных). Необходимо планировать лесохозяйственные мероприятия в границах элементарных водосборных бассейнов, равномерно распределять лесистость по площади бассейна, увеличивая залесенность от устья рек к верховьям. Следует внедрять в практику лесовосстановительных работ посадку смешанных древостоев, которые будут способствовать более равномерному формированию водного стока во времени и сохранению высокого биологического разнообразия. Учет региональной составляющей при разработке технологий и схем мероприятий по лесовосстановлению и лесопользованию позволит существенно повысить степень экологической бе-

зопасности и целостности природных систем.

Институт как координатор научно-образовательного лесного кластера РТ подготовил Целевую программу научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области лесного хозяйства, которую мы готовы реализовать совместно с Министерством лесного хозяйства республики.

Совместно с Министерством лесного хозяйства и Министерством экологии и природных ресурсов РТ специалистами института (*лаборатория биогеохимии, зав. лаб. к.б.н. Д.В.Иванов*) проводятся работы по созданию Красной книги почв Республики Татарстан. Основное назначение Красной книги почв – выявить, изучить и разработать экологическую, научно-организационную и правовую основы особой охраны и восстановления эталонных, редких и исчезающих почв. Основные аргументы для создания Красных книг почв: сохранение почв как особого природного тела и почвенного разнообразия; условия обеспечения разнообразия флоры и фауны; носителя памяти ландшафта и человеческой культуры. Красная книга почв необходима при решении многих практических задач: при мониторинге, разработке ландшафтно-адаптивных систем земледелия, изучении целинных и окультуренных, при восстановлении деградированных и загрязненных почв, где не обойтись без системы показателей их эталонных свойств. Роль и значение эталонов почв чрезвычайно многообразны и охватывают как биосферные, так и «потребительские» функции почв. В качестве одного из ожидаемых практических результатов по итогам исследований рассматривается и издание иллюстрированного Атласа почв Республики Татарстан.

В сфере недропользования исследования специалистов института сосредоточены на выявлении новых залежей и месторождений, обеспечении прироста запасов углеводородного сырья и других полезных ископаемых; повышении эффективности геологоразведочных

работ; совершенствовании и оптимизации методики поисков, разведки и разработки месторождений углеводородного сырья; литолого-генетических и литолого-фациальных условиях формирования ловушек, геологического строения, тектонике и оценке перспектив нефтегазоносности.

Геологическими подразделениями ИПЭН выполнены масштабные научно-исследовательские работы, на основе которых разработаны рекомендации по эффективному проведению геологоразведочных работ с целью поисков и разведки залежей нефти, а также оптимизации эксплуатационного бурения. По результатам работ малыми нефтяными компаниями были открыты 4 месторождения нефти в девонско-каменноугольных отложениях в пределах Южно- и Северо-Татарского сводов – Мензелинское (2005 г. – дебит нефти при опробовании составил 23 т/сут), Ахтарское поднятие на Нуркеевском месторождении (2007 г. – дебит нефти при опробовании составил 4,2 т/сут), Тимеровское (2009 г. – дебит нефти при опробовании составил более 100 т/сут), Ольгинское (2010 г. – дебит нефти при опробовании составил 156 куб.м/сут).

При исследовании малоизученного глубоководного рифейско-вендского осадочного комплекса в пределах Камско-Бельского авлокогена впервые детально разработаны методические приемы выделения объектов, перспективных на поиски залежей нефти в рифейско-вендских отложениях, основанные на комплексном анализе материалов гравиразведки, магниторазведки, сейсморазведки и глубокого бурения. К перспективным отнесены выделенные аномальные объекты, ассоциируемые с магматическими телами основного состава, а также объекты, приуроченные к межразломным зонам, часть из которых можно ассоциировать с эрозионными выступами кристаллического фундамента.

За фундаментальные исследования по «Оценке перспектив нефтеносности западной части Республики Татарстан

с разработкой рационального комплекса методов при поисках месторождений нефти» коллектив авторов под руководством И.А.Ларочкиной Указом Президента Республики Татарстан удостоен Государственной премии Республики Татарстан в области науки и техники 2009 г.

Особое место в деятельности академического института занимают научно-исследовательские и аналитические работы по правовым проблемам в области экологии, геологии, недропользования и охраны окружающей среды. Институт принимает активное участие в совершенствовании действующего федерального и регионального природноресурсного законодательства, в том числе в области нефтегазового сектора и топливно-энергетического комплекса. В частности, проведена совместная работа по разработке Концепции Федерального закона «О поддержке малого и среднего предпринимательства в нефтедобывающем комплексе Российской Федерации». Концепция была одобрена Президентом Республики Татарстан и направлена в аппарат Государственной Думы Российской Федерации.

Наконец, особо следует остановиться на деятельности института в области экологического образования и просвещения. Будучи академическим учреждением, мы тем не менее ставим для себя особую задачу участия в формировании экологического мировоззрения и активной социальной позиции в вопросах охраны окружающей среды у населения республики, и особенно школьников. Институт является организатором регионального этапа Российского национального конкурса водных проектов старшеклассников, совместно с Министерством образования проводит Поволжскую научную экологическую конференцию школьников, которые входят в приоритетный национальный проект «Образование». Ученые института успешно руководят научными исследованиями школьников, многие из которых ныне – студенты престижных вузов России.

Аннотация

В статье рассмотрены основные направления деятельности академического института в области охраны окружающей среды, направленные на решение вопросов экологической безопасности региона, а также фундаментальных проблем экологии.

Ключевые слова: экология, окружающая среда, Республика Татарстан.

Summary

The basic directions of the academic institute activity in the field of environment preservation which are directed on the problems decision in the area of ecological safety of Tatarstan, and also fundamental problems of ecology are considered.

Key words: ecology, environment, the Republic of Tatarstan.

ЕВРАЗИЯ: ИСТОРИЯ БУДУЩЕГО* (отрывки)

Р.С. Хакимов, академик, доктор исторических наук

Судьба этносов

Естественные границы

В концепции евразийства ландшафт, география, климат для судеб народов играют огромное, а порой решающее значение. Этносы для евразийцев социобиологические сообщества, чьи особенности вытекают из условий жизнедеятельности. «Человечество, — пишет Л.Н.Гумилев, — с момента своего становления было тесно связано с окружающей природой, черпая из нее средства существования. Приспосабливаясь к различным ландшафтам: тропическому лесу, сухой степи, тундре и т.д., люди вырабатывали систему навыков и обычаев, что повлекло разделение человечества как вида на разнообразные коллективы, которые называются этносами»¹. Без особых причин люди не покидали свои места обитания, поскольку с этим была связана их хозяйственная деятельность, а вместе с тем и весь образ жизни. Этносы тесно привязаны к ландшафту, особенно в период их формирования и становления.

В то же время на этносы действуют социальные законы, что делает их более независимыми от природных условий. Л.Гумилев утверждал: «Однако «человеческое» вовсе не тождественно «социальному». Этнос не существует не только вне социальных институтов, но и вне атмосферы, гидросферы (вода пронизывает все организмы) и биосферы. Более того, как научная категория «социальное» не включает в себя «кол-

лективное». Коллективы существуют и в мире животных: стаи, колонии, стада, косяки и др. сообщества. Поэтому коллективность — более общее свойство жизни, нежели социальность. Обязательными признаками последней являются, как известно, сознательные отношения между участниками и их способность к труду»². Здесь проходит тонкая грань между биологическим и социальным, из-за непонимания которой нередко слышатся обвинения Л.Гумилева в биологизаторстве. В эмоционально окрашенной статье В.Шнирельман и С.Панарин пишут: «Гумилев, взвешивая соотношение биологического и социального начал в феномене этнического, однозначно высказался в пользу первого начала. Какой же шок должен испытать поверивший ему на слово читатель, наткнувшись затем на дефиниции второго блока!.. Гумилев признавал, что этническая общность могла складываться на основе идеологии и религии или даже вырасти из социальной или политической группы. Можно найти в его работах и признание того, что человек усваивает традицию и идеалы этноса в младенчестве путем воспитания... О какой биологии вообще можно говорить, если человек обретает этническое посредством воспитания?»³. Значительная роль системы образования и воспитания для формирования этнического самосознания вовсе не отрицает значение биологических факторов. Такой авторитетный ученый, как Карл Густав Юнг, считает, что «коллективные образы обнаружи-

* Продолжение. Начало см.: Научный Татарстан. — 2011. — №№ 1, 2.

ваются повсюду и во все времена точно так же, как животные инстинкты сильно колеблются у разных биологических видов, однако служат одной и той же общей цели. Так же как и инстинкты, паттерны коллективной мысли человеческого разума являются врожденными и унаследованными. При необходимости они начинают действовать во всех нас более или менее одинаковым образом»⁴. Для Карла Юнга предметом исследования является не биологическое, а социальное и психическое, но он акцентирует на необходимости синтеза биологического и социального в поведении человека.

Этнос возникает в определенной природной среде, но дальнейшее его развитие оказывается все в большей зависимости от социальных причин. Городская среда добавляет свои черты, государство может выполнять ассимиляторскую функцию, религия, образование, воспитание формируют систему ценностей и норм поведения. Непосредственное влияние ландшафта на этнические процессы сохраняется только у коренных народов, живущих охотой, оленеводством, промыслом рыбы и т.д.

Евразийцы отрицали как «географический детерминизм», который все в человеческом сообществе сводит к влиянию географии, природной среды, ландшафта. Точно так же они не принимали «географического нигилизма», отрицающего какое-либо значение для истории географической среды. Следует оговориться, что природной среде придавали большое значение не только евразийцы. Например, В.О.Ключевский свой знаменитый курс русской истории предваряет такими словами: «Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, — природу его страны»⁵. Заслуга евразийцев в отличие от других исследователей заключается в том, что они обратили внимание на влияние природной среды на характерные черты цивилизации. Ландшафт стал рассматриваться не просто как воздействие внешней среды, а орга-

нической частью становления этноса и государства.

В современных трудах исследование общества в единстве со средой дает замечательные результаты. Достаточно назвать фундаментальный труд Фернана Броделя, посвященный Средиземному морю, в первой части которого рассматривается среда обитания, имея в виду моря, горы, равнины, реки, пустыни, острова⁶. «Сдвиги глобальных отношений между человеком и окружающей его средой, — пишет он, — сливаются с другими колебательными движениями — экономическими, тоже иногда протекающими медленно, но, как правило, более краткосрочными. Все эти процессы переплетаются друг с другом. И те, и другие всегда оказывают сложное воздействие на условия жизни людей». Ф.Бродель показывает, как разные народы сосуществуют в общей географической среде. Это важно иметь в виду при написании истории того или иного народа. Изолированных этнических историй не существует. Народы нельзя представлять так, будто они живут на отдельных островах. Среда обитания, пути сообщения, климатические условия оказываются связующим естественным основанием для контактов народов.

По мнению евразийцев, именно ландшафт во многом определяет становление Евразии. Н.С.Трубецкой утверждал, что на территории России (как ядра Евразии) «имеются четыре тянущиеся с запада на восток параллельные полосы: тундровая, лесная, степная, горная. В меридиональном направлении, т.е. с севера на юг или с юга на север, вся эта система четырех полос пересекается системами больших рек. Такова сущность внутреннего географического строения рассматриваемой географической области. Внешние очертания ее характеризуются отсутствием выхода к открытому морю и отсутствием той изорванности береговой линии, которая так типична, с одной стороны, для Западной и Средней Европы, с другой, — для Восточной и Южной Азии»⁷.

Изне Евразия очерчена границами Китая, Ближнего Востока и Ирана, а также Западной Европы.

В понятие географических границ Л.Гумилев включает и климат: «Иногда граница проходит по воздуху: так, Западная Европа отделяется от евразийского пространства отрицательной изотермой января (к востоку от этой границы средняя температура января отрицательна)»⁸. Насколько это серьезно может повлиять на государственное устройство, говорит тот факт, что Великая китайская стена проходит именно по климатической границе.

Учет ландшафта позволяет внести определенность в понятие «естественных границ», которым часто оперируют в политических целях, причем довольно произвольно. П.Н.Савицкий для понимания происхождения этнических границ ввел понятие «месторазвития»⁹, подчеркивающее органический характер процессов исторической жизни человеческих обществ на определенной территории. По его словам, «взаимное приспособление живых существ друг к другу... в тесной связи с внешними географическими условиями создает... *свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость*». Естественные границы, вытекающие из месторазвития, во многом предопределяют и территорию государства. «Прежде всего, — пишет Н.Н.Алексеев, — сюда должно быть отнесено месторазвитие государства, которое всегда представляет собою некоторый уникум в мире и которое поэтому всегда является вещью индивидуальной и незаменимой. Оттого народ, переселяясь на другую территорию, тем самым меняет свою природу, и переименное свою землю государство становится иным и новым. В тех природных свойствах, которыми наделена государственная территория, уже положены задатки, обуславливающие возможность усовершенствования государства, достижения им нормальной или даже преуспевающей жизни»¹⁰. Однажды сложившись в определенной среде, границы впоследствии могут меняться под воздействием

климатических изменений, переселения народов, социальных факторов, развития техники, военного дела, ведения хозяйства, изменения маршрута торговых путей, экспансии религии и т.д. Однако некоторые основные параметры могут оказаться устойчивыми. Возьмем, к примеру, границы Булгарского государства, сложившиеся в соответствии с ландшафтом, вокруг Волги и Камы, как торговых путей, с учетом сухопутных дорог, соединяющих с Азией. Само государство исчезло в 1236 году, но в рамках Улуса Джучи сохранился Булгарский вилайят, о котором неоднократно упоминают в источниках как о «Булгарской земле». После распада Золотой Орды территория Казанского ханства определяется во многом в тех же самых границах. Впоследствии в рамках Российской империи территория Казанской губернии, хотя и менялась трижды, но ядром сохранила очертания Булгарского государства. Административные границы Татарстана оказались меньше прежних, но очень возможно, что исторически сложившиеся «естественные границы» будут о себе напоминать в экономических и культурных взаимосвязях в Поволжье.

В новейшее время роль государств неуклонно возрастает, а мировые державы выстраивают новую конфигурацию международных отношений, в том числе и в Евразии. После распада СССР границы евразийского пространства стали быстро меняться, особенно на западе. Если на востоке сохраняется Великая китайская стена в качестве ориентира, то на западе можно условно говорить о Дунае. Украина, Белоруссия и Молдова, без которых трудно представить Евразию, стали буферной зоной между Россией и НАТО. Все более тесная интеграция Украины в Европу практически неизбежна. На Кавказе исторические связи с Россией дают о себе знать, но времена меняются и даже такой традиционно надежный союзник, как Грузия, сегодня находится в острейшем конфликте с Россией. Азербайджан неизбежно будет все тес-

нее сотрудничать с Турцией и Ираном. А что касается Армении, то для нее единственная историческая перспектива связана с хорошими отношениями с Турцией. В Средней Азии наиболее крупная страна Узбекистан не определилась в своих приоритетах. Остальные государства маловлиятельны. В постсоветском пространстве явным лидером становится Казахстан.

До революции 1917 г. главным определяющим фактором в Евразии была православная экспансия — куда дошли русские солдаты и православные миссионеры, там и была Евразия. В советское время содержательным элементом Евразии выступал социализм. Враги и друзья определялись исходя из идеологических критериев. Сегодня и то и другое исчезло. Нет идейных, мировоззренческих сцепок, нет общих задач обороны и даже торговля явно не на высоте. Осталось весьма аморфное постсоветское пространство, где пока еще не забыли русский язык и культуру, сохранился облегченный пограничный режим, существует миграция рабочей силы, в остальном каждая страна самостоятельно строит свое будущее. Евразийский союз как некая межгосударственная структура становится с каждым годом все более призрачным. Сегодня Евразию нужно понимать только как ментальность, доставшуюся странам суперконтинента в наследство от прошлого.

Источники пассионарности

Льва Гумилева, последнего в ряду блестящих классических евразийцев, много критиковали за не совсем марксистскую (точнее совсем немарксистскую) идеологию, за пренебрежение источниковедением, географический детерминизм и т.д. При том обилии материала, который использует Л.Гумилев, при его новаторских подходах, всегда можно найти предмет для критики.

Л.Гумилев не только наполнил исторические взгляды евразийцев конкретным материалом, но добавил принци-

пиально новые элементы. Он исходил из того, что человек не может «сменить свою этническую принадлежность — каждый принадлежит к какому-нибудь этносу, и только к одному. Не заставляет ли это предположить, что именно в недрах многообразной этнической стихии человечества сокрыты глобальные и объективные закономерности исторических процессов?»¹¹. Л.Гумилев анализирует происхождение самых разных цивилизаций и находит в каждом из них неожиданно бурное начало, подобно взрыву, что трудно поддается традиционному объяснению. Нет постепенности, нет накопления энергии, а присутствует его выброс из каких-то недр. Для объяснения подобных феноменов Л.Гумилев вводит понятие пассионарности, как характерологическую доминанту, «непреодолимое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной)»¹². Пассионарность выражается в гордости, жажде власти и славы, тщеславии, алчности, ревности, фанатизме. Моральные оценки в данном случае не имеют значения. Это важный методологический момент, которого не было у классических евразийцев до Л.Гумилева.

Не подлежит сомнению тот факт, что время от времени в разных регионах мира возникают очаги пассионарных всплесков, причем порой одновременно и совершенно независимо. Пассионарии формируют «ядро» этноса: Ромул в VIII в. собрал 500 бродяг, ставших основой римлян, Давид в XI в. — «верных», Чингисхан — людей «длинной воли», Карл Великий — баронов. Вокруг ядра объединяется этнос, приспособляя регион к своим потребностям. Такое пассионарное начало затем имеет продолжение, подобно цепной реакции, меняющей картину мира. Достаточно вспомнить Чингизхана, который начинал с небольшого отряда и сумел завоевать полмира. Сопоставление экономического, демографического, военного потенциала татаро-монгол с

мощью Китая, Средней Азии, Восточной Европы, Ирана, Индии не может объяснить причин победы полководцев Чингизхана. Цифры различаются на порядок, при этом не только численно. Например, китайская армия не только количественно превосходила татаро-монгольские войска, но она была оснащена прекрасным оружием, хорошо обучена и за ней стояла мощь 60 млн. населения, в то время как монгол было около 200 тыс. человек, остальные народы, оказавшиеся под влиянием Чингизхана, насчитывали примерно 700 тыс. Всего населения Монголии не хватило бы для создания гарнизонов в таком количестве стран, которые были завоеваны чингизидами. Ни численность воинов, ни «свирепость» кочевников не могут объяснить покорение многомиллионных стран и последующее управление ими.

Феномен пассионарности Л. Гумилев объясняет избытком энергии. Биохимическая энергия живого вещества, получаемая от солнца, распределяется неравномерно в силу астрономических законов, географических и др. факторов. «Эффект, производимый вариациями этой энергии, как особое свойство характера людей, — пишет Л. Гумилев, — мы называем “пассионарность”»¹³. Однако возникает вопрос об источнике энергии, или по его терминологии, «пассионарных толчков». Почему энергия распределяется неравномерно? По всей Африке солнца с избытком, но великие цивилизации появлялись только на севере. За объяснением подобных явлений Л. Гумилев обращается к космосу. «Налицо влияние космических частиц, — пишет он, — образующихся при особо сильных столкновениях потоков, что вызывает мутации... Итак, мутация — это смещение, толчок, а диссипация — это рассеяние энергии — от момента возникновения до исчезновения этнической системы под влиянием энтропийного процесса потери энергии пассионарности»¹⁴. Такие факты нельзя исключать, но их нужно доказать. Однако астрономические данные для под-

тверждения этого тезиса не приводятся, а потому пассионарный толчок выполняет функцию «Бога», «демиурга», а значит, оказывается за рамками науки. Сам автор признает, что «при нынешнем уровне знаний о ближнем космосе эта гипотеза не может быть строго доказана, но зато она не встречает фактов, ей противоречащих»¹⁵. Такое допущение весьма произвольно. Нет сомнений в наличии пассионарности как феномена, это явление следует воспринимать как самостоятельное и значимое, связанное с этнической активностью, но это вовсе не означает, что его источник находится в космосе. Для того чтобы ссылаться на космос, нужно знать, какие именно «космические частицы» и в каком количестве оказались именно в том месте, где появились пассионарии. Современная астрофизика достаточно развита, чтобы давать ответы на подобные вопросы. Но их нет.

С другой стороны, далеко не очевидно, что источник надо искать в космосе. Возможно, он кроется в структуре этноса в латентной форме, в социальных факторах? Во всяком случае, космос как источник пассионарности не более предпочтителен, чем другие потенциально возможные источники.

Какие же в принципе могут существовать источники пассионарности? Прежде всего, это психическая энергия, соединяющая биологическое и духовное начала человека. Не касаясь чистой психологии и теории мотивации человеческой деятельности, рассмотрим некоторые аргументы психоанализа, сторонники которого нередко обращаются не только к индивидуальному, но и коллективному поведению. Основатель этого направления Зигмунд Фрейд психическое объясняет через проявление либидо (сексуальное влечение). Несмотря на авторитет З. Фрейда, есть не менее авторитетные его противники. Выдающийся экономист, лауреат Нобелевской премии Фридрих Хайек пишет: «Наши отдаленные потомки называют нашу эпоху временем суеверий, связанных главным образом с имена-

ми Карла Маркса и Зигмунда Фрейда... Эпоха суеверий есть время, когда люди воображают, что знают больше, чем они знают на самом деле...»¹⁶. Его аргументация слишком серьезна, чтобы оставить ее без внимания. Он считает, что «самая большая угроза культуре исходит от психиатров, пытающихся лечить людей путем высвобождения их инстинктов... Зигмунд Фрейд благодаря своему воздействию на образование стал, вероятно, величайшим разрушителем культуры», — заключает Ф.Хайек. Освобождение от бремени культуры и даже создание контркультуры наглядно показали, что «естественные инстинкты суть инстинкты дикаря». Ф.Хайек причину таких результатов видит в переоценке достижений науки — «не в области сравнительно простых явлений, где, несомненно, наука достигла чрезвычайных успехов, но в сфере явлений сложных, где применение той же (при других обстоятельствах хорошо себя зарекомендовавшей) исследовательской техники привело к совершенно неверным выводам... Если век просвещения обнаружил, что роль, отводимая в прошлом деятельному человеческому разуму, была слишком мала, то мы теперь обнаруживаем, что наш век взвалил на него непосильную для него задачу конструирования новых общественных установлений»¹⁷. В России, как ни в какой другой стране, проявилось это бездумное конструирование произвольных политических, идеологических доктрин, уже приведших к распаду СССР и «атомизации» всего российского общества.

Несмотря на серьезную критику З.Фрейда, тем не менее следует отметить существенный момент в теории психоанализа — З.Фрейд обнажил механизм, который приводит человека к состоянию «дикости», что объясняет такой феномен, как религиозный и политический фанатизм.

Другой теоретик психоанализа Карл Густав Юнг, не отвергая значения сексуального влечения в человеческом поведении, тем не менее трактует либидо

совершенно иначе, нежели З.Фрейд, фактически он привносит новое содержание в это понятие, как и в слово «инцест» (кровосмешение). Порой даже кажется, что он пользуется термином либидо только из уважения к своему учителю¹⁸. Под либидо Карл Юнг понимает *намеренность* вообще, подчеркивая энергетический смысл данного понятия. «Мы знаем слишком мало о природе человеческих влечений и их психической динамике, чтобы брать на себя риск отдавать приоритет какому-то одному влечению, — пишет он. — Было бы лучше, говоря о либидо, посоветовать понять его как энергию и как ценность, позволяющую связать себя с любой областью деятельности, будь то власть, голод, ненависть, сексуальность или религия, без того чтобы представляться специфическим влечением»¹⁹. Он особо останавливается на творческой (креативной) силе человека, которая выводит бессознательное на уровень сознания. Бесспорно, первотолчок человеческой деятельности надо искать в психической энергии человека.

Не только психологи, но и этнологи, а также историки обращают все большее внимание не просто на события, а на человеческое поведение, индивидуальность, менталитет народа. Известный французский историк Люсьен Февр пишет: «Люди — единственный подлинный объект истории... История — наука о человеке. Наука о непрестанных изменениях человеческого общества, об их постоянных и неизбежных приспособлениях к новым условиям существования — материального, политического, морального, религиозного, интеллектуального»²⁰. Такой подход стал общепризнанным и многие исследователи делают акцент на антропологии, включающей интегрированные знания о человеке. Вместе с тем важно отметить, что человек включен в социальную структуру, которая регулирует его поведение.

Этнос не является простой суммой индивидов. Связи между людьми образуют структуру, которая становится

формой, ограничивающей поведение человека. Социальные отношения могут как сдерживать индивидуальную деятельность, так и давать простор для проявления активности. При нарушении сложившихся способов поведения человек оказывается в положении нарушителя, революционера, преступника и будет подвергнут остракизму.

Этнический уровень не только определяет новые качества, не сводимые к характеристике отдельных пассионариев, но и создает дополнительный энергетический источник в самой структуре. Общая энергия этноса не может быть сведена к простой сумме индивидуальных импульсов, она не совпадает с демографической активностью. К общей этнической массе, актуальной психической энергии индивидов следует добавить потенциальную энергию, накопленную в связях.

«Структурная энергия» до поры до времени не заметна, поскольку сдерживается иерархией норм и ценностей, но она дает о себе знать в ходе кризисов или социальных революций, когда в результате слома старого государственного и общественного порядка происходит выброс огромной энергии. Это иное явление, нежели попытки руководителей государств «выпустить пар», ослабляя на время жесткие законодательные нормы, т.е. это не сброс излишков пассионарной энергии индивидов, а нечто большее, а именно — освобождение энергии самой структуры. Здесь напрашивается аналогия с атомным ядром, чья энергия складывается не только из массы частиц, а кроется именно в связях, в поле притяжения частиц. В этом нет никакой мистики, но нет и простой арифметики, поскольку сами отношения или, точнее сказать, структура связей могут как дезорганизовать общество, так и создать каналы значительной концентрации энергии. Сегодня это можно наблюдать на примере конкуренции различных фирм — те, кто умеет эффективно построить свою работу, неожиданно становятся мировыми лидерами. Так произошло с фирмой

«Microsoft», созданной недоучившимся студентом. Билл Гейтс вместо привычной жесткой иерархии построил «горизонтальную», гибкую систему, благодаря чему не только открылся потенциал каждого участника, но и творческая активность разной направленности сконцентрировалась на решении стратегических задач. В результате итоговый эффект работы коллектива оказался не суммой индивидуальных способностей, а многократно превышал эту арифметическую сумму. Возник так называемый «кумулятивный эффект».

Подобный энергетический «взрыв» может оказаться как разрушительным, так и созидательным. Ослабленная, а порой разрушенная социальная структура может привести к тому, что называют открыть «ящик Пандоры» и тогда общество погружается во тьму, но эта же энергия благодаря новым правилам поведения может быть направлена на построение дотоле невиданных систем. Так возникали империи. В этом и кроется источник пассионарности. Иначе говоря, объяснение бурной деятельности этносов в определенные периоды истории следует искать в структурных переменах, резкой смене системы ценностей и установлении новых правил поведения людей.

Итак, этнос объединяется благодаря «полю» притяжения в виде норм, традиций, законов, мировоззрения, религии, философских и политических концепций. Именно это нормативное «поле» собирает вокруг ядра население и создает структуру, обеспечивающую возникновение больших систем под названием этнос. «Поле» создает причину для их солидарности и определенную структуру, становящуюся со временем консервативной, как и любая традиция. «Революционное» разрушение структуры приводит в движение огромные массы людей, поскольку снятие старых запретов высвобождает накопившуюся энергию, дает простор для самореализации, как в случае с Чингисханом, объявившим новые общественные цели и свод законов в виде «Великой Ясы».

Общество, накопившее энергию и не сумевшее обозначить интегративные цели для ее канализации, оказывается в ситуации хаоса, нескончаемых революций, религиозных войн и т.д.

Для знания причин эволюции народа существенно понимание взаимоотношения массы, энергии, т.е. знание не только демографической массы, но также состояния «ядра» и структуры, аккумулирующей во внутренних связях значительную часть энергии этноса.

«Слова, слова, слова...»

Судьбу этноса невозможно понять без соединения методов истории и этнологии, а также привлечения других гуманитарных дисциплин. При этом возникает вопрос об отношении субъекта к объекту исследования. Конструктивизм, исходивший из марксистского учения, показал свою несостоятельность. В свою очередь, критика марксизма породила иного вида конструктивизм, представляющий этнос как порождение не экономического базиса, а идеологов и политиков. В результате в российской гуманитарной науке не появилось доминирующего немарксистского направления, способного адекватно объяснить реальные процессы. В сложившейся ситуации лучше, не касаясь методологических проблем, избрать эмпирический подход, т.е. ограничиться наблюдением феномена и на этой основе вывести не столько теоретическую доктрину, сколько сделать практические выводы, сравнивая исторически оправданную модель развития народа с его сегодняшним состоянием.

Конечно, при таком феноменологическом подходе очень трудно в реальной жизни отделить «истинное» (исторически оправданное) от «наносного», созданного тем же конструктивизмом. Учитывая влияние государственных механизмов, экономических, идеологических структур, а также СМИ, приходится признать наличие явлений-однодневок. Тем не менее для исследователя они тоже реальность, сколь бы иллюзорными ни казались. Они достоверны

в качестве опыта (положительного или негативного), но для того, чтобы выйти за рамки простого описания практики, мы должны привлечь исторический материал, позволяющий отделить сиюминутное от непреходящего.

Отметим различие истории и этнологии в подходах к исследованию эволюции народов. Этнология, опираясь на описание и реконструкцию прошлого народа, создает модель ее дальнейшего развития. Она не изучает события, политику, экономику, исторические личности как таковые. Э.Тэйлор в своем классическом труде «Первобытная культура» отметил: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества. Явления культуры у различных человеческих обществ, поскольку могут быть исследованы лежащие в их основе общие начала, представляют предмет, удобный для изучения законов человеческой мысли и деятельности»²¹. Хотя это не является точным определением, но в нем содержится весь круг явлений, подлежащих исследованию. Этнология из частных фактов, описания ситуации делает обобщения, выявляющие факторы развития этноса.

Историк исходит из современных представлений, из той терминологии, которая сложилась к настоящему моменту, его личные представления являются изначальной площадкой для продвижения в глубь времени. «Представить же себе какой-нибудь язык — значит представить некоторую форму жизни», — утверждал Людвиг Витгенштейн²². Историк не может отвлекаться от сегодняшних представлений, поскольку у него нет другого языка, кроме того, которым мы пользуемся в обществе и благодаря которому хотим быть понятыми. Конечно, можно читать на древнегреческом, латыни, древнеславянском или тюркском, но мы не знаем всех тонкостей того образа жизни древ-

них людей, чтобы правильно понимать содержание понятий, ведь слова со временем меняют свое значение. Люсьен Февр пишет: «Нам неизвестны даже удивительные приключения слова, которое мы употребляем ныне для обозначения совокупности наших действий на ежедневном житейском ристалище»²³. Он рассматривает изменение смысла слова «труд» в ходе развития человеческого общества: «Всю эволюцию слова “труд” нужно уточнять, устанавливая в подробностях. Когда это действительно нужное дело будет выполнено, можно будет похвалиться тем, что мы, воспользовавшись одним-единственным словом, сделали разрез истории психологической и социальной через четыре века истории французской... В настоящее время за отсутствием серьезных и глубоких исследований мы можем дать лишь грубо упрощенную схему этого будущего разреза, точного и детального. Мы подменяем реальный срез – какой он получится, если исходить непосредственно из фактов, – подменяем его линией, проведенной жирно и размашисто, спрямленной, усредненной и приблизительной»²⁴. Л.Февр приводит в пример только одно слово, но можно точно так же обратиться ко всему «историческому» лексикону и увидеть удивительные метафоры понятий. Звуки остаются теми же самыми, буквы могут писаться так же, как и прежде, но их содержание меняется.

Историк сегодняшними методами реконструирует прошлое, его взор от настоящего обращен в прошлое, он не может смотреть на жизнь глазами патриция Древнего Рима или революционера времен Французской революции. В Древней Руси не было русского народа как сложившегося этноса, а в Тюркском каганате татары представляли собой множество племен, тем не менее мы ведем речь о прошлом русских и татар. Во всех этих случаях происходит наложение нынешнего мышления на прошлое. Несмотря на аберрацию дальности, тем не менее в своих основных логических конструкциях человеческое

мышление сохраняет универсальность. Известный историк Г.Ферреро пишет: «Человек не так быстро меняется; психология его, в сущности, остается неизменной; и если культура его в разные эпохи является весьма разнообразной, то от этого еще не меняется способ его мышления. Основные законы ума остаются неизменными, по крайней мере, в течение тех кратких исторических периодов, которые нам известны; и почти все, даже наиболее странные явления должны объясняться теми всеобщими законами ума, которые мы видим в самих себе»²⁵. В этом вопросе, видимо, следует различать само мышление, в основе довольно устойчивое и содержательное наполнение понятий, которое меняется от эпохи к эпохе. Понятие демократии в Древней Греции отличалось от выборов татарских ханов, демократия времен Французской революции несла иной смысл, нежели ее современное толкование.

Язык существует только в контексте своего времени, ведь смысл слов становится явным при их применении, он отражает обстоятельства жизни. Для лесоруба дуб обладает иным значением, чем для лесничего, ботаника, химика или поэта. Смысл слов оказывается разным для людей с разным социальным, политическим, религиозным, профессиональным опытом. Для того чтобы воспроизвести историю, мы должны знать структуру взаимоотношений, существовавшую в ту эпоху, ценность вещей, о которых сохранились свидетельства. Слова остаются, а содержание и отношение к ним меняются. Было бы гораздо понятнее, если бы на каждый случай вводился самостоятельный термин, но это не всегда делается, а потому ученые вынуждены каждый раз делать оговорки по поводу содержания используемых понятий.

Природа, жизнь людей много богаче, нежели язык. Мышление «движется» не в области причинности, а в сфере понятий; затем оно выходит за пределы этой сферы, оказываясь в области знаков и фигур. Заканчивается ли мыш-

ление как таковое в области, в которой нет места понятиям? — задается вопросом Фридрих Георг Юнгер. — Этого мы не знаем; нам известно лишь, что там заканчивается наше мышление, — ведь наши слова суть понятия»²⁶. За границей обыденного языка существует мир, который богаче наших представлений. Новейшие открытия в космосе или на атомном уровне показывают, что наш повседневный язык не может объяснить особенности мироздания во всей глубине. Для этого разрабатываются профессиональные языки, которые нам уже недоступны для понимания и требуют специального обучения.

Язык не сводится к суждениям, сухой логике, в словах присутствуют также эмоциональные аспекты, порой имеющие не меньшее значение, нежели строгие термины. Не надо доказывать, какую роль играет религия в жизни общества. Богословы пытаются как можно точнее истолковать божественные откровения, вникания в грамматические тонкости языка, в то время как смысл может содержаться в образах. Например, в Коране есть такие строки: «Горы разлетятся, как клочья крашеной шерсти» [101:5]²⁷; «Когда будет скручено солнце» [81:1]. Такие выражения не нуждаются в объяснении, они рассчитаны на эмоциональное восприятие. Вообще язык Корана поэтический, а не юридический. Священная книга была ниспослана в стихах, в которых немало образов и аллегорий, в них заложена смысловая многозначность, рассчитанная на индивидуальное восприятие, порой на бессознательном уровне. Приведем пример. В Коране немало стихов, чей смысл на первый взгляд совершенно ясен. Однако более внимательное прочтение находит в них вторичный смысл. Сказано: «Клянусь небом, совершающим свое обращение, клянусь землей, которая открывается (чтобы произрастать), что Коран есть слово разрешающее, а не пустая речь» [86:11–14]; «Клянусь солнцем и его светом; луною, когда она идет за ним вслед, днем, когда он выставляет его в

полном блеске, ночью, когда она покрывает его...» [91:1–10]; «Бог сотворил небо и землю, ниспослал воду с небес: при посредстве ее вырастил плоды, служащие вам в пищу; Он вам подчинил корабли, которые, по Его приказанию, двигаются в море; Он подчинил вам реки; Он подчинил солнце и луну, которые движутся в орбитах своих. Он подчинил для вашей пользы ночь и день, и дал вам все, что вы просили у Него» [14:32–34]. В этих аятах заключена характерная для многих народов мифология о происхождении мира, представлен пантеон богов в лице солнца, неба (у тюрков — Тенгри), земли, рождающей все, что нужно для существования человека, морей, рек, чьи образы занимают видное место в мифологии, как, например, «Волга-матушка». Даже образ корабля у некоторых народов служил символом движения Солнца-Бога по морю к закату и возрождения из воды с утренней зарей.

Читаем дальше: «Знаете ли, чему Бог уподобляет доброе слово? Доброму дереву, которого корни крепки в земле и ветви которого — в небе. Оно дает плоды во всякое время, по соизволению Господа своего. Бог говорит с людьми притчами, чтобы они размыслили. Дурное слово — как дурное дерево: едва вышло поверх земли и не имеет устойчивости» [14:24–26]. Дерево у гуннов, тюрков, славян и многих других народов было тождественно Богу. Г.М.Давлетшин и Ф.Л.Шарифуллина об архаичном мировоззрении предков татар пишут следующее: «Дерево, особенно высокое (высокий густолиственный дуб), по представлениям гуннов и сабир (сувар), считалось мировым деревом (яфан агачы) — звеном, связующим человека с главным божеством Тенгриханом, живущим на небе, и почиталось, как сам Тенгри... Тенгрихан и святое дерево были символами благополучия, безопасности страны»²⁸. Оказывается, наш язык полон символов, которые, отображая реальность, добавляют к ним еще дополнительный смысл, лежащий в подсознании. «Ког-

да мы исследуем символ, — пишет Карл Юнг, — он ведет нас в области, лежащие за пределами здравого рассудка. Колесо может привести наши мысли к концепции “божественного солнца”, но здесь рассудок должен допустить свою некомпетентность: человек не способен определить “божественное” бытие. Когда со всей нашей интеллектуальной ограниченностью мы называем что-либо “божественным”, мы всего лишь даем ему имя, которое основывается на вере, но никак не на фактическом свидетельстве»²⁹. Богословы ищут ответы в точном толковании Корана, все глубже проникая в тонкости лингвистики, упуская из виду эмоциональную, символическую природу языка, мифологичность сознания человека.

Многочисленные толкования Корана (тафсиры) не учитывают восприятие человеком многозначности слов и символов, заложенных в его контексте. Богослов, как и юрист, ищет предмет и лицо, которые находятся друг с другом в нормативном отношении. При этом человек с его мыслями, намерениями объективируется, он становится статьей в законе (шариате). «Понятие так называемого объективного описания, или объяснения, природы, — считает Фридрих Георг Юнгер, — подразумевает, что Бог и человек как бы выносятся за скобки»³⁰. В своде мусульманских законов остается голая формальность, чистота отношений, как в математических уравнениях, где вера исчезает за ненужностью, ведь любой правовой кодекс точно называет меру наказания за совершенные грехи. Места раскаянию не остается. Но Аллах в Коране ниспослал людям не только кодекс правил, но и мудрость мироздания, которая не поддается однозначной трактовке и полна противоречий.

Тафсиры заведомо ограничивают смысловое богатство Корана, но они неизменно вновь и вновь появляются. В этой борьбе за право на интерпретацию главным объектом становится не Господь, а социальный статус священнослужителя, чья жизнь в большей степени связана с обрядами, а не с верой.

Ритуалы — хороший инструмент для контроля над социальным миром, и они не нуждаются в доктринальном обосновании своей значимости. «Обряды, — пишет Пьер Бурдьё, — суть самоцельные практики, получающие свое осуществление в самом осуществлении; действия, делающиеся потому, что “так делается”, или потому, что “так надо делать”, но иногда еще и потому, что ничего другого не остается, как делать это, и нет нужды знать, почему и для кого это делается и что означает, как, например, погребальное благочестие»³¹. Как объект исследования они не имеют никакого другого смысла существования, кроме как быть или быть социально признанными, как заслуживающие существования. Их значение выходит за рамки собственного содержания, которого может и не быть, поскольку они просто инструмент в руках определенного социального слоя.

Это вовсе не означает, что ритуалы не нужны, напротив, они выполняют важную социальную функцию. В данном случае мы акцентируем внимание на словах, которые в лице интерпретаторов приобретают иной смысл, порой находящийся вне контекста Корана. Аяты оказываются лишь средством для достижения социальных целей, а человек при этом лишается права самому вникать в тайну божественного, для него вместе с нормативной интерпретацией исчезают святость, таинство, вера, а значит, исчезает и эмоциональная энергия, которая была заключена в символической связи человека с божеством. На любое произвольное видение ислама или неканоническое поведение имамами накладывается ярлык отступничества, ереси, язычества. Это отталкивает людей от религии, и они начинают искать веру в другом. Не случайно среди некоторых тюркских народов ходят разговоры о возвращении к тенгрианским корням, а финские народы снова начали поклоняться деревьям, на которые вешают ленточки со своими «бедами».

На примере священнослужителей хорошо видно, что человек в жизни зачастую не занимается поиском верного, правильного смысла своих действий, а ему просто нужна борьба за любой смысл, лишь бы это исходило от него. Это форма самоутверждения. В этом случае «слова» будут функционировать как инструменты признанной власти над социальным миром — власти, которую получают, присваивая себе инструменты интерпретации. Пьер Бурдьё пишет: «Так, нет ничего парадоксальнее утверждения, что люди, проводящие всю жизнь в борьбе за слова, станут пытаться любой ценой установить то, что им кажется единственно истинным смыслом символов, слов, текстов или событий, в то время как те объективно являются двойственными, переопределенными или неопределенными и обязаны своей долгой жизнью и интересом, который они представляют как объект исследования, тому факту, что они никогда не переставали быть ставкой в борьбе за установление единственного “верного” смысла»³². Из этого мы можем сделать вывод о сложности процесса познания общества. В объективную социальную реальность вмешивается практика жизни, которая имеет свою логику, а может ее и не иметь, а потому наше рациональное объяснение может погрязнуть в иррациональной практике или рациональности иного порядка, которая лежит вне обычных суждений и простой логики. Если внимательнее вникнуть в смысл событий, то мы сможем обнаружить за внешним смыслом слов, что фиксирует социология, иной подтекст, который не всегда очевиден. Много лет назад мне пришлось в Ташкенте побывать на встрече, которая по-узбекски называется «гэп», что в буквальном переводе означает «разговор». В ходе этого «разговора» я пытался понять смысл того, о чем говорили, и никак не мог уловить нить разговора, чтобы включиться в него. Только после следующего «гэпа» я понял, что смысл лежал не в словах, а в поддержке определенных отношений, поскольку в этот

круг приглашались не случайные люди, а только «свои» и их задачей было не обсуждать проблемы, а поддерживать отношения за абсолютно «пустым» разговором. Смысл «гэпа» вполне конкретно проявился впоследствии, когда жизнь требовала взаимной поддержки в каком-либо деле. Социология в этом случае может представить только протокол разговора, чье содержание мало значит для понимания самого феномена.

Язык познания общества не совпадает с нашим обыденным языком. Для задач этнологии существенно знание повседневной жизни не только по опросам или мнению участников обрядов, праздников, ритуалов и т.д., а с точки зрения их функционирования, если даже они не логичны на первый взгляд. «Обряд лучше всякой другой практики показывает, — пишет Пьер Бурдьё, — сколь ложны попытки заключить в рамки понятий такую логику, которая создана как раз для того, чтобы обходиться без понятий; попытки трактовать в качестве логических отношений и операций практические манипуляции и телесные движения; попытки говорить об аналогиях и гомологиях (что приходится делать, дабы нечто понять и дать понять другим) там, где имеют место всего лишь практические переносы схем, воплощенных в теле, чуть ли не в определенных телесных позах»³³. Жорж Дюби демонстрирует это на примере рыцарства, для которого религия всецело выражалась в обрядах, жестах, формулах: «Когда воин приносил присягу, то в его глазах важно было не обязательство, которое принимала его душа, а *телесная поза*, соприкосновение с сакральным, когда он возлагал руку на крест, евангелие или мешочек с мощами. Когда он выступал вперед, чтобы стать слугой сеньора, это также была особая *поза, особый жест рук*, ряд ритуальных слов, которые одним лишь фактом своего произнесения скрепляли заключенный договор»³⁴. В этом бесполезно искать что-либо общее с религией, но для рыцарей все носило

сакральный характер. Точно так же в разных магических, религиозных обрядах архаичного общества преследовались вполне практические цели. Жертвоприношения животных имели конкретный смысл, связанный с будущим урожаем, а жертвенный баран подменял человека — члена семьи. Так добивались благосклонности богов. Было бы наивно думать, что это осталось в прошлом. Например, смысл современного свадебного церемониала «никах» в Узбекистане никто не может до конца объяснить, он содержит рудименты, смысл которых затерялся в толще столетий, им следуют, потому что им следуют. Но в этом «потому что» должен быть современный подтекст. Видимо, человек символическими ритуалами, сакральностью действий, таинственностью слов компенсирует недостатки ставшей очень приземленной религии. Возможно и другое объяснение.

Любой национальный язык содержит противоречия, как и сама жизнь. Непротиворечивое означает мертвое, а вселенная развивается именно благодаря преодолению противоречий. «Язык как нечто универсальное никоим образом не ориентирован на соответствие требованиям непротиворечивости. Он не исключает противоречий, но вскрывает их. Его живой характер проявляется в том, что он включает в себя противоречащие друг другу высказывания», — пишет Фридрих Юнгер³⁵. Из всего сказанного выше ясно, насколько непросто исследователю воспроизводить историю, «какой она была на самом деле». Язык содержит не только суждения, жесткую логику, но и противоречия, аллегории, образы, символы, эмоции. Несмотря на всю смысловую многосложность языка, именно через него утверждается истина, однако поиск критериев истины возвращает нас к началу самой темы о возможности языка однозначно отображать действительность. Пытаясь через точные дефиниции определить истинность наших суждений, мы теряем глубину понимания действительности, а значит ту часть

«нерациональной» истины, которая может оказаться существенной для объяснения эволюции человека. Насколько это серьезно и одновременно может оказаться пустым делом, показывают средневековые схоластические споры богословов. Достаточно прочесть книги двух великих мыслителей аль-Газали и Ибн-Рушда, написанных в опровержении доводов друг друга, чтобы стала понятной бесплодность изощренных дискуссий о сути мироздания в рамках логики Аристотеля³⁶. Язык в этой дискуссии, как змея, кусающая себя за хвост, возвращает автора к тому, с чего он начал, без каких-либо реальных результатов. В таком качестве язык перестает работать как инструмент исследования. Людвиг Витгенштейн полагал, что те, кто поймет его предложения, признают, что они бессмысленны, поскольку вся цепь рассуждений представляет из себя лестницу, которую отбрасывают после того, как по ней поднимутся. На это возразил Фридрих Юнгер: «Предложения, пусть они и бессмысленны, должны вести к чему-то твердому и устойчивому; в ином случае лестницу просто невозможно отбросить. Для мышления здесь открыты два пути: один пролегает через реальный мир, второй ведет к символическому миру, в область знаков»³⁷. Для преодоления тавтологии земных понятий мы должны сменить парадигму, значит, с одной стороны, обратиться к причинности, с другой — к бессознательному.

Язык не ограничивается только речью, коммуникация может выражаться иными способами. В конце концов, глухонемой ничего не вербализует, а язык танца или музыки понятен без речевого сопровождения.

Способы установления отношений между людьми много шире речи, а порой они строятся на бессознательном уровне, что передается через традиции, предания, наследуется и принимается безотчетно, строится на основе мифов. Клод Леви-Стросс пишет: «Миф — это язык, но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу

удается, если можно так выразиться, *отделиться* от языковой основы, на которой он сложился»³⁸. Рассматривая характер и влияние традиций на современную жизнь, Пьер Бурдые пишет о «языке» обычаев: «Ритуальная практика всемерно пользуется полисемией основных действий — “мифических корней”, которые лишь частично покрываются корнями языковыми; соответствие, пусть и несовершенное, между языковыми и мифическими корнями достаточно прочно, чтобы служить одной из самых мощных опор для чувства аналогии — часто через посредство словесных ассоциаций, порой санкционированных и используемых в поговорках и максимах, которые в наиболее удачных своих образцах подкрепляют закономерную мифическую связь закономерной языковой связью»³⁹. В данном случае неважно, что сегодня мы к мифам относимся как к «преданиям старины далекой», воспринимаем как сказки. Сегодня мифы оказались в тени литературы и искусства, но они живут с нами, они не исчезли, более того, как считал Л.Гумилев, люди предпочитают мифы исторической правде и для этого существуют весьма веские причины.

Существует стойкий миф о том, что царица Сююмбике при завоевании Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г. бросилась с башни и погибла. Вокруг этого мифа появилась специальная литература, слагаются стихи, песни, даже оратории. Сама башня стала символом для татар всего мира. Однако достоверно известно, что Сююмбике выдали замуж за Шах-Али в 1551 г. и она была увезена вместе с сыном Утямышем в город Касимов, где и похоронена. В 1552 г. еще не существовало башни Сююмбике, хотя на этом месте была мечеть. Нет недостатка в научной литературе о времени завоевания Казани, но люди хотят услышать именно миф, им не интересна правда. Это не прихоть или невежественность. Гиды старательно преподносят туристам реальную историю, а журналисты пишут статьи с изложением достоверных фак-

тов, но люди пересказывают друг другу именно миф. Любопытно, что этот миф поддерживается не только татарами, но и представителями других народов, и это вполне объяснимо, ведь у каждого народа существуют сходные проблемы. Как пишет Карл Юнг, «передаются из уст в уста не всякие сообщения о старинных деяниях, а только те, в которых высказываются всеобщие и неизменно обновляющиеся мысли человечества»⁴⁰. В данном случае это тема жертвенности во имя народа. По этой же причине столь популярен Муса Джалиль, причем у самых разных народов.

У сюжета о Сююмбике есть и другой аспект. О судьбе царицы существует не только научная литература, но также и народная память сохранила о ней весьма реалистичные предания. До революции был популярен баит (сказание) от имени Сююмбике, где изложены точные исторические события:

*Еще одна война произошла
между Казанью и Москвой,
Побежденные жители Казани
согласились на мир.*

*О последнем перемирии повсюду
было оглашено Москвой,
Одним из условий перемирия было —
отправить меня в Москву.*

*Пошла на могилу хана моего,
слезы из глаз лились,
Говорила: «Видишь, какая участь моя,
продали меня»⁴¹.*

Однако сегодня, несмотря на знание правды, люди хотят услышать миф о царице и старательно его тиражируют. Карл Юнг по этому поводу замечает: «Фантазируют именно о том, чего не хватает, то есть речь идет о компенсации через фантазию»⁴². Иначе говоря, люди ждут жертвенности во имя своего народа. К таким фактам человеческого сознания нельзя подходить как к игре воображения, не стоящего внимания. Человек ищет смысла существования — вот в чем правда, он должен выйти за

пределы обыденного приобретения и потребления. Если он теряет этот смысл, то тотчас же делается жалким и потерянным. Если бы Мухаммед не поверил в свое пророческое предназначение, он так бы и водил караваны по пустыням Аравии. Он стал Божиим посланником, потому что поверил в свое предназначение.

Необходимость компенсации через фантазию хорошо иллюстрирует любопытная и весьма стойкая легенда о ханском золоте, якобы лежащем на дне озера Кабан. Она гласит, что при взятии Казани войсками Ивана Грозного хан утопил казну государства, которую до сих пор не могут найти. Эта современная легенда не подкрепляется никакими историческими свидетельствами. Более того, можно предположить, что хан, зная об угрозе со стороны русского царя, мог заранее позаботиться о своей казне. Тем не менее о золоте пишут статьи, книги, сценарии фильмов. Не помешало существованию легенды тщательное, но тщетное обследование дна озера.

Карл Юнг в работе «Архетип и символ» приводит гностический гимн, в котором повествуется о том, как родители посылают сына искать жемчужину, утерянную из короны его отца-короля. Она покоится на дне охраняемого драконом глубокого колодца, расположенного в Египте — земле сладострастия и опьянения, физического и духовного изобилия. Сын отправляется в путь, чтобы вернуть драгоценность, но забывает о своей задаче, о самом себе, предается мирской жизни Египта, чувственным оргиям, пока письмо отца не напоминает ему, в чем состоит его долг как наследника. Тогда он собирается в путь к водам, погружается в темную глубину колодца, на дне которого находит жемчужину. Она приводит его к высшему духовному блаженству.

Очевидна перекличка содержания гимна с «ситуацией» вокруг золота Кабана. Сегодняшние жители Казани как исторические наследники ищут потерянную драгоценность — ханское золо-

то. В мифологическом сознании золото связывается с божественной сущностью, точно так же, как солнце, его лучи, утренняя заря. Солнце — это аллегория золота. А солнце всегда божественно, у турков оно связано с Тенгри. В гимне отец посылает наследника короны за поиском жемчужины, а отец-король не что иное, как земной символ божества. Не случайно во Франции Людовика XIV называли «король-солнце». Однако, чтобы достигнуть божественного, нужно опуститься на самое дно озера или колодца. В данном случае основной смысл кроется в воде, в которой отражается облик ищущего. В мифологии вода, озеро — это жизненный символ пребывающей во тьме души. В воде, как в зеркале, человек видит свое отражение со всеми существующими реальными проблемами, но оказавшимися в подсознании из-за вытеснения со стороны рационального сознания. В этих глубинах воды таится опасность, для преодоления которой нужна смелость. Люди знают, что сокровище покоится в глубинах вод, и стремятся поднять его, но при этом должны сохранять точку опоры на земле, иначе говоря, осознавать свои проблемы и вести себя адекватно, т.е. не предаваться демоническим страстям.

Поиск золота Кабана — это не что иное, как поиск потерянной душевной опоры в результате неудовлетворенности существующей духовностью. Неудовлетворенность религией возникла еще до революции (достаточно вспомнить высказывания джадидов у татар и выступления Льва Толстого у русских), но особенно она обострилось в советский период. Так называемое «возрождение» религии в постсоветский период, очевидно, не удовлетворило ищущий дух жителей города, так как легенда не потеряла актуальность и сегодня. Теперь следует ожидать появления какого-нибудь приключенческого сериала на эту тему. К факту существования таких «разговоров», как о золоте на дне Кабана, святых озерах, излечивающих родниках, золотых кладях и т.д., следу-

ет относиться серьезно, не отмахиваясь как от суеверных фантазий, они нам дают сигналы о неблагополучии в душевном состоянии народа.

Естественно, архаичное подсознание взаимодействует или же подавляется рациональным сознанием, социальными нормами, современной религией, идеологией, но при этом прежние, казалось бы, устаревшие пласты полностью не исчезают, и в какой-то момент могут дать о себе знать. Приведем характерный пример. В XIX веке во время сильной засухи татары ритуально поливали землю из своеобразной лейки, представляющей собой сосуд с головой барана, сопровождая действия следующим заговором-песней:

*Дождик, лей, лей, лей!
Зарежу черную овцу,
Оставлю тебе ляжку,
Дам красивую ложку,
Дам вкусную кашку,
Дождичек мой, лей, лей!
Чтоб народ не умирал с голоду,
Чтоб много было трав,
Чтоб сыты были коровы,
Чтоб там было молоко⁴³.*

Существование в период полного господства ислама (и православия у крымцев) древнего культа неба, взывание к дождю как Богу, говорит о жизнестойкости подсознательных архетипов⁴⁴, сохраняющих свое влияние, несмотря на рациональные представления человека. Это объясняется страхом перед угрозой голода, что более значимо в структуре мотивов поведения, чем стремление к продолжению рода, жажда власти, наживы и т.д. Пищевой инстинкт в благоприятной среде может оказаться не актуальным, принять облик такой нормы, как равное распределение пищи, а в высшей форме в виде требования справедливости, социального равенства, но он не исчезает совершенно, а в кризисной ситуации становится доминирующим.

Для понимания этнических процессов необходимо учитывать мифологичность нашего сознания, независимо от

того, в какой форме это выражено — роман, опера, картина, скульптура, мультфильм или блокбастер о супергерое и т.д. Как утверждает Леви-Стросс, «миф объясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее и будущее»⁴⁵. Насколько глубоко мифы проникли в наше подсознание, говорит психоанализ — «Эдипов комплекс» встречается у людей, не знакомых с греческой мифологией. В данном случае важен не сам текст мифа, а некоторые формы поведения, которые переходят от поколения к поколению в течение тысяч лет. Именно в этом смысле наша жизнь мифологична. Карл Юнг считает, что в индивидуальном сознании то, что имеет «общее значение, завуалировано до неузнаваемости. Ведь сущность процесса сознания сводится к разворачивающемуся в мельчайших частностях процессу приспособления. Бессознательное же, напротив, есть то общераспространенное, что не только объединяет индивидов друг с другом в народ, но и связывает нас с предшествующими поколениями и их психологией»⁴⁶. Как мы покажем ниже, именно эта связь поколений через архетипы оказывается важнейшей составляющей этничности, объясняющей стойкость этнического самосознания даже в условиях потери таких, казалось бы, обязательных признаков народа, как язык, культура, религия. Это же объясняет феномен возврата этничности в условиях ассимиляции в США, демонстрировавшей совсем недавно успехи «плавильного котла».

Этнология и история по конечному смыслу направлены на объяснение будущего, но у них разные методы, которые не исключают, а дополняют друг друга. По словам классика этнологии Клода Леви-Стросса, «изучая один и тот же предмет — социальную жизнь, ставя перед собой одну и ту же цель — лучше понять человека и отличаясь друг от друга методологически только по количественному соотношению между различными способами исследований, история и этнология выбирают точки зрения, дополнительные по отношению

друг к другу: история обобщает данные, относящиеся к сознательным проявлениям общественной жизни, а этнология — к ее подсознательным основам»⁴⁷. Следует обратить внимание на последние слова Леви-Стросса о подсознательных основах. Этнография, этносоциология всего лишь фиксируют сказанное людьми, они могут перепроверить ответы с помощью перекрестных вопросов, но они в принципе не рассматривают то, что лежит в подсознании, оставляя эту задачу этнологии. В отличие от этнографии, которая описывает только прошлое, история и этнология преследуют цель объяснения будущего, что невозможно, если ограничиться конкретным периодом в жизнедеятельности этноса и не брать широкую историческую панораму. Поиск «осевого времени» (Карл Ясперс)⁴⁸ вынуждает перейти от этнографического описания к исследованию элементов, структуры и факторов развития этноса. При этом недостаточно иметь изложение событий, работать с архивными материалами, знать повседневность древних обществ, как и особенности менталитета народа в те или иные исторические периоды, недостаточно исходить из социологических данных, нужно также изучать глубинные процессы, порой скрытые за завесой логических суждений, нужно знать общество во всех проявлениях на уровне сознательного и бессознательного, человека со всеми его связями и глубинной психологией, что далеко не всегда фиксируется в документах.

Этнолог и историк изучают народы не ради объяснения их прошлого, не просто для того, чтобы рассказать о важных событиях, во что одевались люди, в каком жилище обитали, каким оружием сражались, а для объяснения настоящего и возможности предсказать будущее. Один из основателей школы «Анналов» Люсьен Февр утверждал: «История — это наука о прошлом и наука о будущем». Жан Поль Сартр выразил ту же мысль довольно витиевато: «Действительность не может быть диалектичной, если не диалектично время,

иначе говоря, если мы не осознаем некоторые проявления будущего в качестве таковых». Фернан Бродель во введении к книге «Что такое Франция?» сказал по-своему: «Наше сегодня имеет смысл, лишь если оно ведет в завтра, если мы “выходим за его порог”». И добавил: «Истории, следовательно, предлагается променять безмятежность науки, глядящей назад, на тревоги науки, смотрящей вперед». Обеспокоенный состоянием гуманитарных дисциплин, Фернан Бродель задавался вопросом: «Современные науки о человеке ставят сегодня один и тот же вопрос: каково место каждой из них в той огромной по своему объему совокупности старых и новых исследований, необходимость сведения которых в единое целое уже назрела? Устранит ли все трудности гуманитарных наук новая попытка синтетического определения их предмета или тяжелое ощущение кризиса будет все более усиливаться?»⁴⁹. Исследователи ищут возможности такого синтеза вокруг нового толкования антропологии, этнологии и самой исторической науки. Ясно, что традиционное понимание истории как описание того, как «все было на самом деле», устарело. Продолжая и развивая традиции школы «Анналов», Жак Ле Гофф пишет: «Переживая переломный этап в своем развитии, она ищет ныне новых междисциплинарных контактов с социальными науками и стремится заложить основы компаративистской, глобальной истории. Этот подход, намеченный еще Марком Блоком, предполагает создание истории, которую следует считать именно «общей», «тотальной» (*générale*), а не «всеобщей» (*universelle*)»⁵⁰. Историк нового типа внимательно следит за всеми науками о человеке. Именно это и делает границы истории такими расплывчатыми, а интересы историка такими широкими. К ней предъявляется требование заглянуть в будущее, используя свои методы, более того привлекая арсенал гуманитарных знаний в целом. Эмиль Дюркгейм предсказывал, что «придет день, когда история и социология бу-

дуг отличаться одна от другой лишь незначительными деталями». Возможно, этот день приближается. Во всяком случае, становится очевидным, что без более тесного взаимодействия гуманитарные науки окажутся в историческом тупике.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. — М., 1993. — С. 237—238.
 - ² Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... — С. 162.
 - ³ Виктор Шнирельман, Сергей Панарин. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? // Вестник Евразии. №3 (10). — М., 2000. — С. 13.
 - ⁴ К.Г.Юнг. Архетип и символ. — М., 1991. — С. 46. К.Юнг там же поясняет, что «наследуемое свойство должно быть, скорее, чем-то вроде возможности регенерации тех же или сходных путей».
 - ⁵ В.О.Ключевский. Сочинения в девяти томах. Т. I. — М., 1987. — С. 63.
 - ⁶ См. Фернан Бродель. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. I. Роль среды. — М., 2002.
 - ⁷ И.Р. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. — Берлин, 1925. — С. 5.
 - ⁸ Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... — С. 189.
 - ⁹ См.: П.Н.Савицкий. Россия особый географический мир. — Прага, 1927.
 - ¹⁰ Н.Н.Алексеев. Теория государства. — Париж, 1931. — С. 163.
 - ¹¹ Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... — С. 178.
 - ¹² Л.Гумилев. География этноса в исторический период. — Л., 1990. — С. 33.
 - ¹³ Л.Гумилев. География этноса... — С. 33.
 - ¹⁴ Л.Н.Гумилев. Ритмы Евразии... — С. 145.
 - ¹⁵ Л.Н.Гумилев. Тысячелетие вокруг Каспия. — Баку, 1991. — С. 26—27.
 - ¹⁶ Ф.А.Хайек. Общество свободных. — Лондон, 1990. — С.258.
 - ¹⁷ Там же. — С. 258—259.
 - ¹⁸ Карл Юнг о принципиальном расхождении своих взглядов с теорией З.Фрейда пишет в работе «Йога и Запад»: «Но стоит подойти к бессознательному, как наши пути расходятся. Для Фрейда оно представляет собой какой-то придаток сознания, куда свалено все то, что несовместимо с сознанием индивида. Для меня бессознательное есть коллективная психическая предрасположенность, творческая по своему характеру. Столь фундаментальное различие точек зрения ведет и к совершенно различной оценке символики и методов ее истолкования».
 - ¹⁹ Карл Густав Юнг. Символы трансформации. — М., 2009. — С.231.
 - ²⁰ Люсьен Февр. Бои за историю. — М., 1991. — С. 25—26.
 - ²¹ Э.Тэйлор. Первобытная культура. — М., 1989. — С. 18.
 - ²² Л.Витгенштейн. Философские работы (Часть I). — М., 1994. — С. 86.
 - ²³ Люсьен Февр. Бои за историю... — С. 364.
 - ²⁴ Там же. — С. 369.
 - ²⁵ Цит. по: Карл Густав Юнг. Символы трансформации... — С. 80.
 - ²⁶ Фридрих Георг Юнгер. Язык и мышление. — СПб., 2005. — С.179.
 - ²⁷ Тексты из Корана даны в переводе Д.Н.Богуславского. См.: Коран. — Стамбул, 2001.
- Ссылки даны последовательно на номер суры и аята.
- ²⁸ Тартарика. Этнография. — Казань — М., 2008. — С. 728.
 - ²⁹ К.Г.Юнг. Архетип и символ. — М., 1991. — С. 12.
 - ³⁰ Фридрих Георг Юнгер. Язык и мышление... — С. 53.
 - ³¹ Пьер Бурдьё. Практический смысл. — СПб., 2001. — С. 41.
 - ³² Пьер Бурдьё. Практический смысл... — С. 39.
 - ³³ Пьер Бурдьё. Практический смысл... — С. 179.
 - ³⁴ Цит. по: там же.
 - ³⁵ Фридрих Георг Юнгер. Язык и мышление... — С. 42.
 - ³⁶ См.: Абу Хамид ал-Газзали. Опровержение философов. — Душанбе, 2008; Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения. — Киев — СПб., 1999.

- ³⁷ Фридрих Георг Юнгер. Язык и мышление... – С. 42.
- ³⁸ Клод Леви-Стросс. Структурная антропология. – М., 2001. – С. 218.
- ³⁹ Пьер Бурдьё. Практический смысл... – С. 173.
- ⁴⁰ Карл Густав Юнг. Символы трансформации... – С. 85.
- ⁴¹ Татарский эпос: байты. – Казань, 2005. – С.242–243.
- ⁴² Карл Густав Юнг. Символы трансформации... – С. 78.
- ⁴³ Тартарика. Этнография... – С. 736.
- ⁴⁴ Карл Юнг архетип определяет как бессознательно воспроизводимые схемы, «архаические остатки», «первобытные образы».
- ⁴⁵ Клод Леви-Стросс. Структурная антропология... – С. 217.
- ⁴⁶ Карл Густав Юнг. Символы трансформации... – С. 292.
- ⁴⁷ Клод Леви-Стросс. Структурная антропология... – С. 28.
- ⁴⁸ Карл Ясперс. Смысл и назначение истории. – М. 1994.
- ⁴⁹ Ф. Бродель. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. – М., 2000. – С. 115.
- ⁵⁰ См.: Одиссей. Человек в истории. – М., 1991. – С. 26.

Аннотация

В данной статье дана попытка осмыслить состояние идейных течений в постперестроечные времена. Показан идеологический вакуум, ставший результатом дискредитации идей коммунизма и падения интереса в общественном мнении к либерализму. Рассматривается классическое евразийство с точки зрения сегодняшних событий, анализируются его историческое значение, недостатки и возможности использовать для интеграции стран в рамках СНГ. Отмечается, что история в современной политической обстановке используется как заменитель полноценной идеологии.

Ключевые слова: Российская империя, государственность, перестройка, распад СССР, СНГ, евразийство, история.

Summary

The attempt to understand the state of ideological tendencies in the post reformatory period is given in the article. Ideological vacuum is shown and it became the result of the discredit of the communism ideas and decrease of interest to liberalism. Classical eurasianism is considered from the point of view of present events, its historical significance is analyzed as well as disadvantages and the possibility to apply for the integration of countries in the context of CIS. History in modern political conditions is used as denominator of valuable ideology.

Key words: Russian Empire, statehood, reformation, disintegration of USSR, CIS, eurasianism, history.

Г. ТУКАЙ И Н.В. ГОГОЛЬ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ *

*В.Р. Аминова, доктор филологических наук, доцент ***

Тема «Г.Тукай и русская литература» исследуется в разных аспектах. Так, в монографии И.Г.Пехтелева «Тукай и русская литература» содержатся объяснение и оценка тех сторон творчества татарского поэта, которые органически связывают его с русской литературой. Близость Тукая к Пушкину, по И.Г.Пехтелеву, выразилась в понимании глубокого жизненного и художественного значения творчества русского поэта, в конкретных темах, образах и мотивах лирики классика татарской литературы, в переводах и свободном творческом истолковании отдельных произведений Пушкина. И.Г.Пехтелев указывает и на ряд произведений Тукая, представляющих собой переводы, поэтическую переработку известных стихотворений Лермонтова. «Идейное единство» Г.Тукая и Н.А.Некрасова, продемонстрированное в процессе сравнительного анализа стихотворений поэтов, позволяет ученому говорить о «близости их творческих позиций в целом»¹.

Г.Тукая интересовало творчество не только многих русских писателей (И.А.Крылова, басни которого он переводил, В.А.Жуковского, А.С.Грибоедова, И.И.Дмитриева, А.В.Кольцова, А.Н.Майкова, А.Н. Плещеева, И.С.Никитина, Н.А.Некрасова, Л.Н.Толстого, К.Д.Бальмонта и др.), но и выдающихся представителей ан-

глийской, немецкой и французской литератур – В.Шекспира, Д.Г.Байрона, Ф.Шиллера, И.В.Гете, Г.Гейне, П.Ж.Беранже. В этой сориентированности татарского поэта на творческий опыт разных и непохожих друг на друга авторов дало себя знать глубинное свойство его таланта – универсально-синтетический склад художественного мышления, умение избегать одностронности в видении мира. Синтетическую систему национального поэтического стиля, который сложился в творчестве Г.Тукая, Г.Халит рассматривает как результат обращения поэта к разным традициям – восточно-национальным, русско-европейским и народным: «Хотя сам поэт считал себя учеником Пушкина и воспел его идеальный образ (Пушкину, 1906), однако знатоки и почитатели его творчества находят в нем сходство то с Лермонтовым, то с Некрасовым, то даже с Гейне. А это свидетельствует о том, что татарский поэт, перекликаясь и сближаясь с такими корифеями классической поэзии, не перестает быть самим собою»².

Специальных исследований, посвященных теме «Г.Тукай и Н.В.Гоголь», нет. Можно встретить лишь сопоставительные характеристики творчества русского и татарского художников слова, имеющие самый общий характер. Так, Р.К.Ганиева, анализируя идейно-

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 10-04-29406а / В.

** Раздел, посвященный сопоставительному анализу поэм Г. Тукая «Шурале», «Су анасы» и цикла повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя, написан в соавторстве с соискателем кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации КФУ Д.Р. Агзамовой.

тематическое содержание и жанрово-стилистические особенности сатиры Г.Тукая, называет его «самобытным продолжателем традиций своего великого русского предшественника в татарской литературе»³. Сближение имен Н.В.Гоголя и Г.Тукая не случайно, несмотря на то, что они принадлежат к разным эпохам, различны их общественные и эстетические взгляды, жанровая природа произведений. Для Г.Тукая, как и для Н.В.Гоголя, характерен взгляд на жизнь сквозь «видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы», глубина познания действительности, суровый и бескомпромиссный ее анализ, гражданский пафос, трагическое значение комического. В стихотворении «Көлке түгел» («Не смешно», 1912) поэт признается:

*Көлке булса кайвакыт
шигыриятемнең кыйссасы,
Анда бар бер жанлы хәсрәт,
канлы ләгънәт хыйссасы⁴
(Если стих мой брызжет смехом,
глубже взгляни в него.
В нем кровавые проклятья,
горечь сердца моего⁵).*

Перевод В. Ганиева

Другая особенность сатиры Г.Тукая, сходная с природой комического у Н.В.Гоголя, – ее неотделимость от лиризма. Н.Х.Лаисов, анализируя стихотворение «Китмибез!» («Не уйдем!»), подчеркивает, что «политическое и гражданское чувство передается не декларативными рассуждениями, голыми сентенциями, а в форме страстного лирического монолога»⁶. В подобных сатирических стихотворениях поэта открыто субъективным мыслям и чувствам лирического «я» придается общенациональная универсальность, что проявляется в использовании местоименной формы «без» («мы»). Наконец, оба писателя довели до высокого совершенства искусство сатирического гротеска.

В примечании к поэме «Шурале» Тукай пишет, что при ее написании «он учел опыт Пушкина и Лермонто-

ва, обрабатывавших сюжеты народных преданий, широко распространенных в сельской местности»⁷. Однако особенности функционирования категории фантастического, уходящей корнями в фольклорную традицию славянских и тюркских народов, могут служить основанием для сопоставительного анализа поэм Г.Тукая «Шурале» («Шурале», 1907), «Су анасы» («Водяная», 1908) и цикла повестей Н.В.Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831–1832).

Фантастическое в «Вечерах...» инициирует направленные процессы смыслопорождения, связанные с реализацией двух коммуникативных стратегий – притчи и анекдота, однако степень их репрезентативности разная. Так, в повести «Ночь перед Рождеством» создается окказиональная в своей разомкнутости картина жизни, в которой герой выступает как субъект суверенной жизнедеятельности. Потусторонние силы стремятся «напакопить» человеку, сбить с истинного пути, погубить. Черт причиняет Вакуле, изображающего его на своих картинах со смешной и уродливой стороны, мелкие неприятности, насылая непогоду, пытается заполнить душу негодника и т.д. Но в пределах сюжета герой анекдота Вакула, оседлавший черта и полетевший на нем в столицу государства добывать черевички для гордой Оксаны, становится героем притчи: как и в других произведениях цикла, автор утверждает идею конечного торжества высоких моральных принципов над всяческими ухищрениями темных сил. Причем решающую роль в одолении зла играет благочестие Вакулы. Он усмиряет черта и заставляет его служить себе многократным наложением креста.

Анекдот в «Вечерах» высмеивает человеческие пороки, а притча диктует истинные ценности. Анекдотичность как проявление народной смеховой культуры гармонично дополняет притчевость, выражающую народную житейскую мудрость. Однако анекдот

разрушает и опредмечивает страшное, нереальное, фантастическое, что является смысловым полем для притчи, которая в свою очередь противостоит смешному назидательным, дидактическим пафосом.

Жанровые стратегии анекдота и притчи создают уникальный контрапункт и в поэме Г.Тукая «Шурале». Поэма начинается с описания гармонии и красоты природы деревни Кырлай и ее окрестностей. Этот волшебный райский пейзаж прекрасен, насыщен красочными деталями. Как и в сказке, после зачина, повествователь ведет рассказ о смелом герое, победившем «нечистую силу».

Образы Шурале, Су анасы («Водяная»), Дива («Сенной базар, или Новый Кисекбаш») восходят к космогоническим и героическими мифам тюрков и символизируют разные стихии: дерево (лес), воду (реки), ветер (воздух). В контексте художественного вымысла они сохраняют свое портретное и функциональное содержание. Шурале, как и Черт в повести «Ночь перед Рождеством», – не мистическое видение, а конкретное, материальное, даже быденное существо, имеющее некоторые дополнительные по отношению к людям физические свойства:

*Яп-ялангач, нәп-нәзек, ләкин кеше
тәсле үзе;
Урта бармак буйлыгы бар
маңлаенда мәгезе.
Кәкре түгелдер моның бармаклары –
бик төз төзен,
Тик килешсез – һәрбере дә ярты
аршынан озын⁸.*

*(Гольй весь, ужасно тощйй,
с человеком схож вполне,
Рог на лбу – со средний палец
по длине и толщине.
Пальцы вовсе не кривые,
а совсем наоборот,
Только каждый с пол-аршина, –
просто оторопь берет⁹).*

Перевод Г.Пагирева

Г.Тукай прибегает к гоголевскому приему дедемонизации и опрощения

злой силы. Обманутый Джигитом злой лесной дух выглядит не страшным, а глупым и смешным на фоне других шураля, порицающих его бестолковость. Узнав ложное имя своего обидчика («Былтыр», «Прошлый год»), Шурале ругает его своим собратям, ища поддержки. Так, желание посмеяться над Джигитом оборачивается тем, что сам Шурале оказывается посмешищем для других лесных духов. Комические ситуации, связанные с фантастическими персонажами, придают произведениям Н.В.Гоголя и Г.Тукая черты народной сказки.

В фольклорной традиции изображены и главные положительные герои – кузнец Вакула и Джигит. Они воплощают в себе народную мудрость и смекалку, проявляют смелость и храбрость, стойкость перед искушениями, упорство в достижении своей цели, а злые духи терпят полную неудачу и посрамляются. Поведение Джигита, как и Вакулы, отличается остроумной находчивостью. Героями движет личная инициатива, беспрецедентностью своей вызывающая веселое восхищение.

В поэме «Шурале» творится характерная для анекдота «казусная» (В.И.Тюпа) картина мира, которая отвергает фатальную заданность существующих отношений. Притчевое начало в данном произведении связано с его просветительским и гуманистическим пафосом: разумный, храбрый Джигит смог перехитрить Шурале и вышел победителем из поединка со злым лесным духом. Победа Джигита над Шурале символизирует победу разума над глупостью, космоса над хаосом, человека над духом природы. Наряду с традиционными представлениями, произведение актуализирует антропоцентрическую модель мира: человек как носитель «светлого», рационального начала творит добро и побеждает зло.

Картина мира, которая формируется в поэме «Су анасы», определяется риторической модальностью притчи. В

этом произведении на первый план выходит идея осуждения воровства, вне зависимости от того, кому принадлежит взятая вещь – Су анасы или кому-то другому. Приключившаяся с героем история послужила ему уроком.

Притчевое начало в поэме «Су анасы» акцентируется и на организации субъектной сферы. Повествование ведется от первого лица: субъектом речи является деревенский мальчик, главный герой и участник событий. Повествователь-сказитель отсутствует. Это разрушает восприятие произведения как сказки и подчеркивает реальное, достоверное начало происходящего. Образ Су анасы представлен глазами деревенского мальчика – носителя народных архетипических воззрений, дается через его внутренний монолог. Для героя поэмы, в сознании которого детские представления переплетаются с дорелигиозными и религиозными картинками мира, Су анасы не только злой водный дух, но и «страшная женщина», «злая старуха». С мифологическим персонажем из легенды ее связывают лишь олицетворение женского начала, длинные волосы и золотой гребень. В целом, образ утратил свое сакральное семантическое наполнение как с внешней стороны, так и с внутренней. Красивая, молодая, черноволосая Су анасы превращается в старую, злую, некрасивую старуху с длинными волосами цвета родника. Мотив поиска души упраздняется. Золотой гребень опредмечивается, становится обыкновенной вещью, которую упорно хотят вернуть по причине принадлежности.

*«– Су анасы мин, китер, кайда
минем алтын тарак?
Бир! Бая кондез алып качты синен
угълын, карак!»¹⁰.
(«Водяная я. Скажите,
где златой мой гребешок?
Днем украл его на речке
и умчался твой сынок»¹¹).*

Перевод А.Чепурова

Фантастический сюжет в поэмах Тукая прочитывается в плоскости,

близкой к дидактической притче и выполняет нравоучительную, воспитательную функцию. Г.Тукай творит императивную картину мира, где все происходит так, как должно было произойти. Причем не только Джигит как носитель народного ума, хитрости и смекалки, но и лесные духи, смеющиеся над своим глупым товарищем, могут изрекать народную мудрость: «Кычкырма син, тиз яхшылык берлән тыел! / И жүләр! Кысканга былтыр, кычкыралармы был?!»¹²) («Не ори, по чести просим, и закрой сейчас же рот! / Прищемленный прошлым годом разве в ненешнем орет?!»¹³).

С коммуникативными стратегиями притчи и анекдота в сопоставляемых произведениях связан и мотив перехода границы. У Гоголя проницаемость границы между двумя мирами наиболее очевидно обнаруживается ночью. Образ ночи амбивалентен: ночь – время дикого и чудесного, демонического и божественного, холода и тепла, счастья и греха, поиска и потерь, чуда и обыденности, жизни и смерти. С понятием ночи смыкается понятие вечера как выражения эстетического идеала гармонии, красоты, свободы. Для героев «Вечеров...» ночь – это пора мучительного поиска с многочисленными преградами на пути: поиска красной свитки, обидчицы мачехи-ведьмы, шапки с зашитой в нее грамотой, поиска богатства, заколдованного места и т. д. Поиск определяет путь персонажей, вступающих в противоборство с inferнальными силами, и становится проверкой чистоты и силы их чувств, нравственной стойкости, верности добру, человечности.

В поэмах Тукая, как и в «Вечерах...» Гоголя, значима семантика перехода границы. Встреча Джигита и Шура-ле происходит при пересечении пространственно-временных границ: жаркий летний день сменяется прохладной ночью, деревня Кырлай – сказочным лесом. Возвращение утраченного гребня репрезентирует «пограничность» пространства «своего» и «чужого» в

поэме «Су анасы». Столкновение реального и фантастического, переход границы между ними сопровождаются в данном произведении дисгармонией. Отсюда эмоциональный тон поэмы, который пронизывает чувство страха. Лексема «курку» (страх) периодически упоминается в 1 и 2 частях поэмы при описании эмоций ребенка. Еще до встречи с водяной он испытывает непонятный, беспричинный страх, ощущая свою незащищенность перед неизвестным. Мальчик успокаивается, возвращаясь в свой мир, когда прибегает в деревню, а преследующая его Су анасы возвращается обратно, испугавшись собак. Пространство деревни для нее в дневное время закрыто.

*Инде эш жайланды, куркудан
тынычландым, дидем...¹⁴.
(Страх прошел: и в самом деле
миновала вдруг беда¹⁵).*

Ночью, когда все погружается в сон, мир теряет свою пограничность и обретает целостность. Фантастическое и реальное сближаются. И только дом с окном – последняя граница, разделяющая их.

*Юрган астында йокыга китми
ятам мин һаман;
Шык та шык! – кемдер тәрәзгә
чиертә берзаман.
Мин ятам рәхәт кенә, тормыйм
да кузгалмыйм әле.
Бу тавышка сискәнеп, торган
йокысыннан эни...¹⁶.*

*(Я лежу под одеялом.
Но не спится все равно.
«Тук» да «тук» я различаю.
Кто-то к нам стучит в окно.
Я лежу не шелохнувшись,
что-то боязно вставать.
Но во тьме, от стука вздрогнув,
пробудилась сразу мать¹⁷).*

С ночным приходом Су анасы в деревню страх возобновляется. Страх вызван самой возможностью прямой встречи с тем неизвестным, пугающим миром, который символизирует собой Су анасы, и уже потом наказанием за

воровство. С одной стороны, этот мир интересен ребенку, ведь частичку его он забрал и хочет оставить у себя. Но с другой – подобный интерес и последующие за ним действия разрушают ту упорядоченность, в которой фантастическое и реальное, находясь рядом, не должны наслаиваться друг на друга, пересекаться, а наоборот, сохраняя границу, гармонично сосуществовать рядом. Доминирующий нравственно-дидактический пафос поэмы углубляется архетипическими смыслами, заслоняющими собой сказочное, легендарное и раскрывающими глубинную метафизичность поэтической мысли.

Генетические корни фантастического в рассмотренных произведениях Н.В.Гоголя и Г.Тукая восходят к разным мифологическим, фольклорным, религиозным системам. Фольклорная фантастика, выступающая в качестве способа выражения поэтичности народного мышления, имеет разную мотивировку – притчевую или анекдотическую. Две жанровые стратегии – притчи и анекдота – находятся в «Вечерах...» Н.В.Гоголя в сложных отношениях: взаимодополнения, оппозиции, столкновения, полемики и т.д., отражая стремление автора к созданию в каждом конкретном случае неповторимой жанровой формы. Игра смыслами, переплетение реального и фантастического, анекдота и притчи формируют особенный и неповторимый мир гоголевской Диканьки – императивный и инициативный одновременно, движимый и моральными запретами, и личной инициативой, мир, в котором взаимодействуют закономерность и случайность, серьезное и смеховое начала жизни, трагическое и комическое.

В поэмах Тукая, репрезентирующих по преимуществу традиционную картину мира, которая начинает подвергаться трансформации, притчевость и анекдотичность отстоят друг от друга намного дальше, чем в цикле повестей Н.В.Гоголя. Доминирует, как правило, притчевое начало, которое подчиняет

себе жанровую стратегию анекдота. Фантастические образы и сюжеты используются по преимуществу для создания императивной картины мира. С их помощью реализуется нравственный закон, составляющий мораль притчи.

Наиболее яркое сатирическое произведение Г.Тукая поэма «Печән базары, яхуд Яңа Кисекбаш» («Сенной базар, или Новый Кисекбаш», 1908) представляет собой пародию на памятник старотатарской литературы XII в. «Кисекбаш» («Отрезанная голова»). Ю.Г.Нигматуллина полагает, что «сраженность в одном факте, образе быта и политики, слияние комического и трагического, юмора и гротеска придают социальной сатире Тукая политический характер, сближает поэму Тукая с лучшими творениями Салтыкова-Щедрина»¹⁸.

Образная структура поэмы «Сенной базар, или Новый Кисекбаш» обусловлена задачей дать объективную характеристику социально-морального облика современного общества. Эта традиция ведет прежде всего к повести Н.В.Гоголя «Нос», а также к «Необычайным приключениям Петера Шлемиля» (1814) А.Шамиссо и «Приключениям накануне Нового года» Э.Т.А.Гофмана, то есть к таким произведениям, в которых повествуется о странной «потере» – об утрате человеком части своего «я», т. е. главным принципом сатирического обобщения становится такой вид гротеска, как распад целого на самостоятельно функционирующие части.

Н.В.Гоголь снимает вопрос о мотивировке приключившейся с майором Ковалевым странной истории (герой не спит, не пьян, не бредит), отказывается давать какие-либо разъяснения тайны исчезновения носа и переводит произошедшее «необыкновенно странное происшествие» в область игры фантастики и реальности, таким образом создавая представления о возможности невероятного как о свойстве самой действительности. Г.Тукай предлагает

традиционную обработку темы, объясняя потерю Головой своего туловища действием сверхъестественной силы – Дива. Решающую роль при этом играет мотив вины героя. Используя прием саморазоблачения персонажа, поэт создает образ типичного представителя татарской буржуазии начала XX в. – религиозного фанатика, ханжи и лицемера, озабоченного удовлетворением своих самых низменных потребностей. Силач Карахмет пытается поднять «отрезанную голову», но это ему не удается: она слишком тяжела. Отрезанная Голова объясняет Карахмету, почему никто не сможет ее поднять:

*«Бер түгел, меңләп Карәхмәт килсә дә,
Хәтта Зайкин, Медведев бер булса да,
Гич насып булмас аларга кузгату,
Файдасыздыр кузгатырга куз ату.
Чикмәсен бушка газанлы – булмый да,
Чөнки бар мең пот тәгәссыб бу мидә.
Бу мидә йөзләп гыйнад амбары бар,
Бу мидә мең пот сыраның пары бар.
Бу мидә бардыр эҗәһаләт ун вагон,
“Мин беләмлек” дэгъвасы – бер мен вагон.
“Иске – изге” фикре бардыр ун келәт,
“Һәр эҗәдит – кяфер” – егерме склад...»¹⁹.*

*(«Тебе подобных сотни, храбрый муж,
С Заикиным, с Медведевым к тому ж,
Вовек бы не смогли меня поднять –
Об этом бесполезно помышлять!
Моих бы вы не сдвинули мозгов:
В них фанатизма тысячи пудов!
А сколько в них пудов упрямства есть!
А сколько в них пивных паров – не счесть!
Невежества – вагонов десять в них,
Зазнаиства – никогда не взвесить в них.
В них веры в святость старого – полно,
К неверным гнева ярого – полно!»²⁰).*

Перевод С.Ботвинника

Подобно своим предшественникам – немецким романтикам и Н.В.Гоголю, татарский поэт всемерно подчеркивает значение потери Головой своего туловища. В повести «Нос» автор, раскрывая реальное значение «потери», ведет тончайшую игру на ее многозначности и неопределенности²¹. В поэме Г.Тукая символический план «утраченного» не проявлен, снимется и возникающий в

повести Н.В.Гоголя мотив двойничества, соперничества, замещения персонажа его двойником.

Но переосмысливая религиозный сюжет, Г.Тукай создает свою «негативную антропологию», типологически сходную с гоголевской. Крайнее овнешнение и упрощение человека, его духовное убожество, исчезновение в нем всего человеческого наглядно представлены в виде пространственного отделения туловища от головы. Разрушение функционально-телеологического телесного единства выводит персонажа из состояния самодовольства и нравственной оцепенелости:

*Курделәр бер кисек адәм башыны;
Агълаю килде дә түкте яшене²².*

*(И хоть она отрезана была,
Обильно слезы горькие лила²³).*

Р.Г.Ганиева считает, что, создавая образ Кисекбаша, Г.Тукай использует собирательный способ типизации: воплощает в нем различные общественные тенденции и социальные типы: «Это – и “святой отец”, и торговец, и представитель буржуазии в городской думе; с другой стороны, он – угнетатель, развратник, пьяница, невежда, тупоумный хвостун, сторонник всего реакционного. <...> Основной прием при собирательной характеристике – это гиперболизация. <...> Внешне наивным монологом Кисекбаша, построенным на приемах самоизобличения и гиперболизации, Тукай показал нравственную деградацию, опустошенность, невежество, темноту, бескультурье, наглость, хищническую природу татарской буржуазии, купечества и духовенства»²⁴.

Переноса приемы характеристики одного персонажа на характеристику места действия, Г.Тукай создает портрет Сенного базара как некоего слитного людского единства. В соответствии с традициями данного типа культуры и характерными для нее процедурами смыслопорождения образы разных типов – единичные и групповые, собира-

тельные – выполняют в поэме сходную функцию. Создается художественная структура, в которой персонаж является частью общей картины, наглядно демонстрирует социальную сущность изображаемых сословных групп.

Ю.Г.Нигматуллина обращает внимание на то, что на Сенном базаре много движения и шума: «В движении находятся буквально все: и люди, и собаки, и неодушевленные предметы»²⁵. Этой же способностью на простое перемещение в пространстве бытового мира наделяется и Отрезанная Голова. Подобно камню, она катится по Сенному базару, причем «несется с такой быстротой», что «трамвай смогла б оставить за собой». Голова отправляется вслед за Карахметом к Диву. Развертывая пространство вширь («Жиде көне, төне чөнки киттеләр, / Нагяһан бер сахрая ирештеләр»²⁶; «Семь дней катил трамвай и семь ночей – / Доехал он до дальних пустырей»²⁷), автор подчеркивает скорость движения Головы:

*Ул барадыр йөзрек аттан да каты
Һәм жәядән аткан уктан да каты²⁸.
(Она степного скакуна быстрей,
Стрелья, летящей воаль, она быстрей²⁹).*

Страдания Отрезанной Головы вызывает сочувствие всех окружающих:

*Агълыдыр һәркем, күзенән яшь сыгын,
Агълы кибеттән кәләүшләр чыгын.
Һәм аяк астында яткан тиреләр
Барча: “Ай мискин дә,
ай мискин!” – диләр.*

*Шунда тау-тау торган он капчыклары,
Агълылар саялче кыз, карчыклары³⁰.
(И вот уже рыдает весь базар,
Из лавок, плача, выбежал товар!*

*Все тубетейки, шкуры из-под ног
Рыдают: кто такое сделать мог?
Мешки рыдают, полные муки,
А вместе с ними – дети, старики...³¹).*

Товар, тубетейки, шкуры, мешки на словесном уровне наделяются самостоятельным бытием и почти превращаются в фантастические живые существа, с которыми устанавливаются едва ли не человеческие отношения.

Общность коллективного переживания, объединившего Отрезанную Голову с рыдающей толпой и плачущим миром вещей, растворяет ее социальные пороки в обезличивающей стихии Сенного базара. Используемые в данном описании гротескные формы передают взаимозаменяемость и смешение вещественного, телесного и духовного, человечески-личностного, живого и мертвого, части и целого. В этом контексте деформация, произошедшая с человеком, является не просто индивидуальной травмой и личным горем персонажа, но и предстает как метафора всеобщего распада.

Средством художественного обобщения становится и пространственно-временная организация текста (вспомним образ города в «Ревизоре» Н.В.Гоголя и в «Истории одного города» М.Е.Салтыкова-Щедрина). Так, Н.В.Гоголь в комедии «Ревизор» осмыслил современную ему русскую жизнь в образе города, настаивая на том, что это не просто один город, а «сборный город всей темной стороны». Город в «Ревизоре» Н.В.Гоголя, как показывает Ю.В.Манн, «локально ограничен, и вместе с тем он “сборный”». Это конкретно оформленный, осязаемый город, но бездонно-глубокий по своему значению. Словом, к обобщению, широте Гоголь идет через пристальное и строго целенаправленное изучение данного “куска жизни”»³².

В поэме Г.Тукая «единицей» обобщения становится Сенный базар – это бытовое пространство, заполненное вещами с резко выраженным признаком материальности. Сенному базару противопоставлены «дальние пустыри» и озеро Кабан – фантастическое пространство, заполненное экзотическими животными (олени с мраморными рогами), мифологическими персонажами (Водяная, Див), золотом и серебром, в которых выделена их отнесенность к прошлому:

*Анда һәртөрлө гажәпләр бар да бар:
Кып-кызыл алтын шәһәр, жисиз карьяләр;*

*Мөгезе мәрмәр боланнармы кирәк,
Алты йөз баилы еланнармы кирәк.*

*Су анасы, – бик явыз, йөзе кара, –
Ел да бер угьланни йә кызы ала.*

*Шул заман, кем, килде Мәскәү гаскәре,
Бу Казанга туп атарга баилады.*

*Шул вакыт ханнар, вәзирләр качтылар,
Барча малны уибу күлгә сачтылар*³³.

*(Там прячет села медные вода,
Червонно-золотые города...)*

*Там у лосей из мрамора рога,
Стоглавых змей скрывают берега.*

*Там водяная ведьма каждый год
По мальчику иль девочке берет.*

*В те дни, когда московские войска
Шли с пушками сюда издалека –*

*Все наши ханы, прежде чем сбежать,
Богатства стали в озеро кидать...*³⁴).

Максимальной подвижности бытового пространства Сенного базара противопоставлены зафиксированность, статичность фантастического пространства озера. У пустырей встает трамвай, «силой волшебства» останавливается Отрезанная Голова, шакирды медресе застывают над водой в ожидании, когда же высохнет озеро. Это фантастическое пространство разворачивается вглубь: Карахмет спускается на дно озера в течение десяти дней. Открывшаяся его взору картина вызывает ассоциации с потусторонним миром – хаосом преисподней и ожидающими там адскими муками:

*Анда биш йөзләп мөселманнар тулы,
Багышдыр һәрберсенең аяк-кулы.*

*«Алла, Алла! саклың күр утдин!» – диләр,
«Кыйл цөфәгать,
йа Баһаветдин!» – диләр.*

*Сикерәләр, җенләнәләр үзләре,
Һәм акайган, кот очарлык күзләре*³⁵.

*(Татары, душ пятьсот, страдают тут –
Им двигаться оковы не дают.)*

*«Аллах, спаси! – все шепчут как один. –
Ты милосердным будь, Багаутдин!»*

*Беснуется тут каждый и хрипит,
Глаза их вылезают из орбит³⁶).*

Однако пространства бытового и фантастического миров при кажущемся различии сходны. Проницаемой оказывается и граница между ними. Карахмет – борец, выступавший в казанском цирке Никитина, попеременно попадает из одного пространства в другое. Фантастическое возможно в каждом из миров, соответствующих двум типам пространств. На Сенном базаре происходит персонификация вещей, появляется отрезанная, но живая голова. Карахмет привозит, привязав к вагону трамвая, Дива с феской на голове, ишан избавляет Голову от злых чар и с помощью заклинания превращает ее в Джигита. Див исчезает, «став пламенем за Новой слободой», Карахмет получает в награду золотые часы, «да к ним цепочки нет» и т.д.

Трамвай, со сказочной быстротой везущий Карахмета к Диву, на обратном пути движется, как черепаха (неподвижность – признак мифологического пространства в поэме Г.Тукая):

*Өч сәгать үтте куренгәндин бире,
Юк эле асла якынлашкан жүре³⁷.*

*(Идут часы. Трамвай хоть виден всем –
Но он не приближается совсем³⁸).*

По наблюдениям Ю.Г. Нигматуллиной, на «кровное родство» Дива с «Сенным базаром» и Отрезанной Головой указывают следующие детали: во-первых, глубину подводного ханства автор измеряет весом Отрезанной Головы, во-вторых, феска на голове Дива, которая приобретает глубоко символическое значение: «За “феской” скрывается многое, – прежде всего, трагическая история татарского народа, которая на протяжении многих веков омрачалась фанатиками, невеждами, жадными и безучастными к судьбе трудового люда баями, муллами»³⁹.

В образе Дива мифологические характеристики внешности («Биниһая зур башы – гөмбәз кадәр; / Ни сәбәптәндер башында фәс тә бар. / Салынып төшкән килешсез мыегы – / Бик озындыр, мисле күсе койрыгы. / Бармаклары ошар адәм гәүдәсе...»⁴⁰; «Похожая на купол голова, / На ней и феска держится едва... / Усы его длинные, но не густы, / Похожи на крысиные хвосты. / Похожи пальцы на тела людей»⁴¹), ритуальные действия (похищение красивых женщин) совмещаются с конкретно-историческими и социально-бытовыми чертами. У ворот его дворца – надпись:

*«Монда сакин бужжи фирка җәния,
Табигыйнәр мәзһәбе Гайнания»⁴².
(«Преступной божьей секты тут приют,
Приспешники Гайнана тут живут»⁴³).*

Див в поэме Г.Тукая не только является носителем метафизического зла, но и имеет своего прототипа – главу сектантской группы Гайнана Ваисова. Таким образом, мифологический аспект изображения и смысла совмещается с конкретной социально-бытовой реальностью.

Анализируя образ Сенного базара, Ю.Г.Нигматуллина выявляет две взаимосвязанные и противоположные тенденции в изображении бытового пространства. С одной стороны, события, происходящие на Сенном базаре, уподобляются «грандиозному и омерзительному “циркового представлению”»⁴⁴. С другой стороны, картина движущейся, орущей, «беснующейся» массы напоминает образ мусульманского ада: «Это огромный кипящий котел, с беснующимися внутри него грешниками, со страшными воплями, с клубами дыма, “адского пламени” и т.п.»⁴⁵. Так, возвращению Карахмета из подводного царства Дива предшествует мнимое светопредставление:

*Тын гына торган вакытта шул рәвеш,
Килде ямьсез, куркынычлы бер тавыш.*

*Бик каты күк күкрәгән төсле була,
Жир ырылган, тетрәгән төсле була.*

*Бер – арысланнар акыргандай була,
Бер – көтү ишәк бакыргандай була.*

*Күз ачырмаслык чыгып комлы буран,
Басты золмәт эфир йөзене шул заман.*

*Һәр тараф золмәт, күренмидер кояш,
Куркуга төшите кешеләр – карт вә яшь.*

*Һич кеше белми: ни хикмәт бу, ни бу?
Әллә чынлап та кыямәт көнме бу?*

*Әллә бер «койрыклы йолдыз» төштемә?
Әллә Тәңре сур орегә куштымы?⁴⁶*

*(И вдруг средь наступившей тишины
Всем стали вопли страшные слышны.*

*То грозный гул громов, казалось всем,
Ветров суровых рев, казалось всем.*

*Рычанье диких львов, казалось всем,
Крик множества ослов, казалось всем.*

*В глаза песком ударил ветер злой,
Лицо земли покрылось темнотой.*

*Померкло в небе солнце в тот же миг,
Трясутся и ребенок, и старик...*

*Откуда этот грохот – не поймут:
Быть может, наступает Страшный суд?*

*Иль бог комету в небе погасил?
Иль в Судный день архангел протрубил?⁴⁷*

Действие, таким образом, развертывается на площадке, изоморфной арене цирка, и в пространстве вселенной. Поэтическая ассоциация «Сенной базар» – «цирк» сужает место действия, превращая его в замкнутое пространство и разделяя персонажей на участников представления и зрителей, вводит мотивы иллюзорности, нереальности происходящего. В сцене «Страшного суда» пространство безмерно расширяется. Насыщенная эсхатологической символикой картина «конца света» означает катастрофическое разрушение границы, отделяющей «этот» и «тот» мир, проникновение потусторонних сил в земную жизнь. Театральный и мифологический подтексты оказываются тем фоном, на который проецируются

события, описываемые в произведении, и который придает им метафорический, иносказательный смысл.

Сенной базар становится сосредоточением аномального мира – мнимым, фиктивным пространством, в котором пересекаются и смешиваются реальное и фантастическое, обыденное и сверхъестественное, оказывается возможным вторжение в человеческую жизнь адских сил, олицетворенных в страшном чудовище Диве. Исчезновение границ между разнородными и несоединимыми по существу полярностями представлено как главная особенность современной автору жизни, несущей в себе предвестие мировой катастрофы.

Выявленные закономерности прослеживаются и в структуре художественного времени. Настоящее время – время действия – движется по законам сказочно-дастанного повествования: оно однонаправлено и формально завершено, развивается последовательно, на что указывают частые упоминания о времени, изображение его длительности (семь дней и семь ночей трамвай едет до пустырей, десять дней Карахмет спускается на дно озера). Это время течет неровно: то бежит («Кузгалып китте вагон, жилдәй бара»; «Вагон как ветер двинулся вперед»), то замедляется («Ташбака төсле, вагон экрен килә»; «Как черепаха движется трамвай»), то останавливается («Ел ел артыннан һаман үтмәктәдер, / Күл буе талибләре көтмәктәдер...»; «А годы всё идут, идут, идут – / Шакирды над водой поныне ждут...»).

Однако формальная замкнутость времени преодолевается соединением в повествовании трех временных планов: детали современной автору действительности переплетаются с приметами исторического прошлого и мифологического будущего. Об истории Казани напоминает рассказ о «тайне озера» – сокровищах, потопленных в нем во время взятия города войсками Ивана Грозного. Широко представлены реалии татарского быта начала XX в. Наряду с именами мифических

героев восточного фольклора: Заркум, Салсал, Сейид-Баттал – упоминаются Никитин, владелец цирка в Казани, депутат III и IV Государственных дум Садри Максуди, мастера французской борьбы в казанском цирке Медведев и Пугач, глава националистической секты Гайнан Ваисов, редакция татарской газеты демократического направления «Аль-ислах» («Реформа»), мыловаренный завод, принадлежавший братьям Крестовниковым, медресе «Касимия», Московская улица, книжный магазин и т.д. Синхронизируя современность и миф, автор создает гротескно-символический образ старого мира и присущего ему алогичного, бессмысленного, хаотичного бытия, наполненного подспудным апокалиптическим смыслом.

Следуя устоявшимся в русской и мировой литературе принципам и приемам сатирической типизации, Г.Тукай сохраняет глубокую связь с народно-национальными и восточными поэтическими традициями. Так, он обращается к жанру восточной литературы, создавая поэму «Сенной базар, или Новый Кисекбаш» как «сатирическую назира». Как утверждает Р.К.Ганиева, «сатирическая назира со своим ироническим отношением ко второму плану является не только подражанием и стилизацией, но и пародированием»⁴⁸. Ю.Н.Тынянов указывает на присущую жанру пародии способность «обновлять» литературные формы, «освежать» в них «новые конструктивные возможности»⁴⁹. Выделенная ученым «экспериментальная» функция пародии обусловлена диалогической природой жанра, двуплановостью пародийного образа мира: ориентируясь на оригинал, прежде всего на запечатленный в нем образ мира как воплощение определенной эстетической концепции действительности, он в то же время «спорит» с ним, полемически отталкивается от него⁵⁰.

Вопрос об источниках поэмы Г.Тукай: легендах о Кисекбаше и созданных на их основе литературных произведениях – обстоятельно изучен

Р.К.Ганиевой, которая полагает, что Г.Тукай написал свою «назира», опираясь на сюжет поэмы болгарского поэта Али «Кисекбаш», в которой герой и события интерпретировались в духе мусульманской религии⁵¹. Сделав объектом пародирования канонический для современного ему общественно-го сознания текст и трансформировав религиозный дастан в произведение, обличающее религиозный фанатизм, ханжество, невежество, частнособственническую психологию татарского духовенства начала XX в., Г.Тукай проявил большую эстетическую смелость.

В поэме «Сенной базар, или Новый Кисекбаш» есть рассказчик. Будучи свидетелем событий, о которых он повествует, рассказчик входит в изображаемый им мир, не нарушая его автономности и пространственно-временной обособленности. Но за субъектом речи стоит автор, взгляд которого объемлет кругозор рассказчика и задает комический угол зрения на традиционный сюжет. Перенесение литературных типов древнетюркской литературы в современную жизнь рождает авторскую иронию, которая выражается различными способами. Например, на остранение традиционного сюжета работает эффект обманутого читательского ожидания, входивший в авторский замысел. Стремительно развивающееся действие, как правило, обращается в «ничто». Ю.Г.Нигматуллина связывает эту особенность художественного мира произведения с идеей бесперспективности и бесполезности всего того, что творится на Сенном базаре: «Замечательна в этом плане и концовка поэмы: картина “кипящего действия” завершается схематическим изображением одного из метров классической арабской поэзии»⁵².

Рассказчик не просто вызывает доверие читателя, но и настраивает его на определенную эмоциональную волну. Невольно подчиняясь речевой стратегии субъекта речи и сознания, чита-

тель воспринимает художественный мир тукаевской поэмы не как повторение древнего мифологического сюжета, а как произведение, написанное на остро современную тему. Создавая своеобразную поэму-дастан, автор в то же время преобразует традиционную структуру так, чтобы читатель увидел жанровый канон с иронически-остраивающей позицией. Итак, выходя в своем творчестве за рамки жанрового канона, поэт демонстрирует возможность не только «экспериментировать» с традиционными художественными формами, но и сатирически их преломлять.

Перу Г.Тукая принадлежит ряд сатирических стихотворений, в которых объектом обличения становится широкий круг явлений и которые отличаются разнообразием используемых жанровых форм⁵³. С сатирой Н.В.Гоголя данные произведения сближают художественно-стилистические приемы сатирического изображения. Собираемые образы представителей определенных сословных групп создаются с помощью одной-двух деталей, концентрированно выявляющих их социально-политическую сущность и нередко вырастающих в символ. Таковы, например, образы «стеклянной головы» хазрета, в которой «мысли все – как на рисунке, сделанном карандашом» («Стеклоголовый»), «толстобрюхих негодяев» («Трутням», 1906), мулла-«чалмоносцев» («Где муллы, что хотят омусульманить Японию?»), «глиняного горшка» с простоквашей, которому уподобляется «мозг начетчика»: «в нем силлогизмов каша» («Вот и вот», 1909) и др.

Для литературной деятельности Г.Тукая характерны такие черты, как органический сплав художественности и публицистичности, сказавшийся в незамедлительности откликов на собы-

тия текущей общественно-политической жизни, в обращении к читателям с пропагандистской речью. Творчество татарского поэта отличается богатством эмоциональных оттенков комического. Здесь и беспощадный, обличительный смех над трутнями, «проглотившими светлое будущее» народа; и гневное обличение политики правительства («Государственной думе»), и презрительный сарказм, клеймящий алчность и корыстолюбие, невежество, лицемерие, порочные нравы духовенства; и смешанный с горечью и гневом смех над старотатарским бытом («О нынешнем положении», 1905; «На нас напраслину возводят», 1907); и презрительная насмешка над представителями национальной интеллигенции («Он ли?.. Он!», 1908; «Мингадж», 1909; «Националисты», 1910; «Молодежи», 1910; «Сибгатуллин», 1910; «Восхваление Мустафы», 1912; др.); и язвительная ирония, звучащая в ответах приятелю, «который просит совета – стоит ли жить на свете»; наконец, смех, проникнутый состраданием к угнетенному народу («Гнет», 1911; «Религия и народ», 1912; «Чего не хватает сельскому люду», 1912).

Перу Г.Тукая принадлежит немало памфлетов и фельетонов, вызывающих более к разуму читателя, нежели к его чувству, и отражающих стремление немедленно вмешаться в обсуждение самых острых и сложных социально-политических, идеологических и моральных проблем. Обусловленные этими гранями литературного дарования Г.Тукая элементы сатирической образности в большей степени соответствуют особенностям сатирической поэтики М.Е.Салтыкова-Щедрина. Но тема «Г.Тукай и М.Е.Салтыков-Щедрин» требует отдельного самостоятельного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пехтелев И.Г. Тукай и русская литература. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1966. – 120.
- ² Халит Г. Многоликая лирика. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. – С.73 – 74.
- ³ Ганиева Р.К. Сатирическое творчество Г.Тукая. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. – С. 31.
- ⁴ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1.: Шигърьләр, поэмалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. – Б. 227.
- ⁵ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – Л.: Сов. писатель, 1988. – С. 287.
- ⁶ Лаисов Н.Х. Лирика Тукая: вопросы метода и жанра. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1976. – С. 38.
- ⁷ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 251.
- ⁸ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 72.
- ⁹ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С.363.
- ¹⁰ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 135.
- ¹¹ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 369.
- ¹² Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 73.
- ¹³ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 366.
- ¹⁴ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 135.
- ¹⁵ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С.368.
- ¹⁶ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 135.
- ¹⁷ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С.369.
- ¹⁸ Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. – С.172.
- ¹⁹ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 121–122.
- ²⁰ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 384.
- ²¹ Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. – М.: Худож. лит., 1988. – С. 95.
- ²² Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 118.
- ²³ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 380.
- ²⁴ Ганиева Р.К. Сатирическое творчество Г.Тукая. – С. 35–36.
- ²⁵ Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – С. 170.
- ²⁶ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 124.
- ²⁷ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 386.
- ²⁸ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 124.
- ²⁹ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 386.
- ³⁰ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 119.
- ³¹ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 381.
- ³² Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. – С. 198 – 199.
- ³³ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 125.
- ³⁴ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 387.
- ³⁵ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 127.
- ³⁶ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 390.
- ³⁷ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 130.
- ³⁸ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 392.
- ³⁹ Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – С. 172.
- ⁴⁰ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 128.
- ⁴¹ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 390.
- ⁴² Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 127.
- ⁴³ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 389.
- ⁴⁴ Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – С. 170.
- ⁴⁵ Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – С. 171.
- ⁴⁶ Тукай Г. Сайланма әсәрләр: 2 т. Т. 1. – Б. 130.
- ⁴⁷ Тукай Г. Стихотворения: пер. с татар. – С. 392–393.
- ⁴⁸ Ганиева Р.К. Сатирическое творчество Г.Тукая. – С. 42–43.

⁴⁹ Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка: статьи. – М., 1965. – С. 29.

⁵⁰ См.: Морозов А.А. Пародия как литературный жанр (к теории пародии) // Русская литература. – 1960. – № 1. – С. 48–77; Новиков В.И. Книга о пародии. – М., 1989. – С. 52–53.

⁵¹ Ганиева Р.К. Сатирическое творчество Г.Тукая. – С. 45.

⁵² Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – С. 171.

⁵³ См.: Ганиева Р.К. Сатирическое творчество Г.Тукая. – 84 с.

Аннотация

Сопоставительный анализ «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и поэм Г. Тукая «Шурале», «Водяная» с точки зрения функционирования категории фантастического позволил установить, что жанровые стратегии притчи и анекдота в повестях Н.В.Гоголя находятся в отношениях взаимодополнения, оппозиции, полемики, в то время как в произведениях Г. Тукая доминирует притчевое начало, которое подчиняет себе жанровую стратегию анекдота. Выявлено, что хронотоп Сенного базара, подобно образу города в «Петербургских повестях» и «Ревизоре» Н.В. Гоголя, становится основной «единицей» обобщения в поэме «Сенной базар, или Новый Кисекбаш». Сделан вывод, что, показывая разрушение функционально-телеологического телесного единства, с одной стороны, и стирая границы между разнородными и несоединимыми, по существу, полярностями – с другой, автор создает гротескно-символический образ старого мира и присущего ему алогичного, бессмысленного, хаотичного бытия, наполненного подспудным апокалиптическим смыслом.

Ключевые слова: русская литература, татарская литература, сопоставление, жанр, фантастика, гротеск.

Summary

The comparative analysis of «Evenings on a Farm Near Dikanka» by N.V. Gogol and poems «Shurale», «Mother of water» from the point of view of functioning of the category «fantasy» allowed concluding that genre strategies of a joke and parable in the stories by N.V.Gogol are in complementary relations, opposition, polemics while in works by Tukey parable origin dominates and overrides the genre strategy of a joke. It is revealed that the chronotope of the Hay bazaar like the image of the city in «Petersburg stories» and «The Government Inspector» by N.V. Gogol becomes the main unit of generalization in the poem «The Hay Bazaar or New Kisekbash». It is concluded that demonstrating the destruction of functional teleological unity on the one hand and eliminating the distinction between mixed and unconnected polarities on the other hand the author creates grotesque symbolic image of the old world and peculiar to it illogical senseless, chaotic existence, filled with apocalyptic sense.

Key words: Russian literature, Tatar literature, comparison, genre, fantasy, grotesque.

ГАБДУЛЛА ТУКАЙ – ВЫСОКОЧТИМЫЙ ПОЭТ НА СЛУЖБЕ ТАТАРСКОЙ НАЦИИ И СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИЗМА

Михаэль Фридерих, доктор

1.2.1. Тукай-гуманист (1913 – начало 1920-х гг.)

Габдулла Тукай скончался 2 апреля 1913 г. Непосредственно после его смерти появилось не только большое количество статей в татарской прессе, но и воспоминания и научные исследования, которые были посвящены скончавшемуся поэту и его творчеству, с попытками определить его место в жизни татар и в татарской литературе. Этой оживленной и исключительно противоречивой дискуссии, однако, было дано не слишком много времени. Причиной являлись политические события, происходившие в годы после смерти Тукая, о которых я хотел бы коротко упомянуть, прежде чем перейти непосредственно к дискуссиям о творчестве и личности Габдуллы Тукая.

В 1914 г. началась Первая мировая война. Она затронула и отяготила не только значительную часть татарских интеллектуалов и поэтов, которые были вынуждены отправиться на фронт как солдаты²⁹. Весьма объемная корреспонденция в татарской прессе поставила ее в центр внимания всех татар. Ухудшившееся в результате войны экономическое положение населения³⁰ не давало благоприятной почвы для литературы. Развитие остановилось³¹, уже опубликованные произведения лежали нераспроданными в книжных магазинах, потому что их приобретение означало довольно заметную финансовую нагрузку³². Нехватка бумаги, наблюдавшаяся по всей Российской империи с середины 1915 г., заметно осложняла издание татарских

газет, журналов и книг³³. Февральская революция 1917 г. принесла и татарам короткий период гражданского самоуправления, что довольно скоро было сметено Октябрьской революцией. В случае с татарской культурой и литературой нельзя полностью согласиться с советским представлением, будто Октябрьская революция означала настоящий переворот или слом эпох. Некоторые либеральные, с налетом левизны, сатирические, а также буржуазные и даже религиозно ориентированные журналы («Аң», «Ялт-Йолт», «Шура», «Сөембикә»³⁴, «Дин вә мәгыйшәт», «Әд-дин вәл-әдәб») и газеты («Кояш», «Вакыт», «Тормыш») продолжали выходить еще месяцы после Октябрьской революции. «Декрет о печати» от 27 октября 1917 г., которым советское правительство предписывало закрытие всех «буржуазных» газет и журналов, для татарской прессы фактически не имел силы до середины 1918 г.³⁵ И только после введения государственной монополии на бумагу 27 мая 1918 г. советскому правительству удалось установить контроль над прессой и издательствами³⁶.

Воздействие, которое оказали Октябрьская революция и разразившаяся сразу после нее гражданская война на все стороны татарской жизни (политика, экономика, культура и литература), оказалось гораздо более серьезным, если сравнивать его с влиянием первой мировой войны. Галимджан Нигмати следующим образом охарактеризовал годы с 1917 по 1920-й: «Лозунг такого времени – разрушение старого и сохранение революции любой ценой, даже

принес в жертву самую последнюю человеческую жизнь»³⁷. Разрушение было основательным: после Октябрьской революции, в годы гражданской войны, а затем и во время голода 1920–1921 гг. почти не выходили литературные книги на татарском языке³⁸. Если в 1911 г. было опубликовано 375 татарских книг общим тиражом 2,2 миллиона экземпляров³⁹, то в 1920 г. вышло только 16 книг на татарском языке⁴⁰.

Но литературная и, прежде всего, публицистическая активность не затухла совсем. 18 (31) января 1918 г. сначала в Петрограде, затем в Москве, начала выходить первая после революции татарская газета. Ее название, как и у других последовавших изданий, звучало, как программа, – «Чулпан». Затем начали, например, печататься такие издания, как «Эш», «Эшче», «Безнең юл»⁴¹, «Тан», «Ирек». Они выходили в таких городах, как Москва, Казань, Уфа, Оренбург, Саратов, Симбирск, Астрахань и Пермь. Кроме того, во время гражданской войны выходило немалое количество татарских газет на восточном фронте⁴². Во всех этих газетах публиковались и литературные произведения, в первую очередь стихи. Абсолютное большинство их авторов были очень молоды и преданы делу социализма. Содержание этих произведений было посвящено борьбе против старого порядка, против белых, за новое, революционное, правительство. Эта эпоха в татарской поэзии поэтому вполне заслуживает определения, под которым она вошла в историю литературы – «солдатская поэзия»⁴³. Правда, уже в марте 1919 г. Галимджан Ибрагимов заявил, что поддержка многими татарскими интеллектуалами дела революции вызвана не их восторженным отношением к делу революции, а более всего их верой в то, что большевики настроены антирусски, и целью таких людей была борьба против русского господства и русской империи⁴⁴. Такое (недо)понимание революции привело многих татарских интеллектуалов и поэтов к тому, чтобы требовать «наци-

ональной независимости» (милли мохтарият) – точка зрения, которая уже в 1918–1919 гг., но особенно с середины 1920-х гг., официально признавалась националистической и подвергалась критике. Хотя позднейшее советское представление не уставало подчеркивать, что революция и гражданская война разделили писателей на два противоположных лагеря, имеют место и некоторые примеры того, что поэты меняли свой лагерь. Самым известным среди них, конечно, является Шаихзада Бабич (1895–1919), который в настоящее время определяется как башкирский поэт, один из самых одаренных поэтов своего времени. Вначале он выступил на стороне революции, но в конце 1917 г. поддержал башкирского националиста Заки Валиди (Тогана). В начале 1919 г. он вновь перешел к большевикам и работал в отделе печати в Башкирском революционном комитете (Башревком). 28 марта 1919 г. он был убит «врагами революции»⁴⁵.

Число поэтов, которые выступили со своими стихами на страницах татарских советских газет, впечатляет. Правда, при издании и распространении газет возникли экономические проблемы. Кроме того, резонанс, который они находили в населении, был далек от желаемого, что отметил в октябре 1920 г. Галимджан Ибрагимов и объяснил это следующим образом: «В поэзии, литературе, на сцене появилось очень много новых сил, которые пробуждают наши надежды. Но если они не достигают той славы, что была прежде – причина этого в том, что так сильно кипят международные события. И внимание всех направлено на политическую сторону». Если развитие и далее пойдет таким путем, то имеется опасность, что «дело нашей печати и литературы остановится на какой-то мертвой точке»⁴⁶. Для того, чтобы облегчить распространение газет, временами они даже раздавались бесплатно, большей частью отдельным профессиональным группам, например, учителям, в которых видели рас-

пространителей знания среди частично неграмотного сельского населения⁴⁷.

Литературная жизнь, которая главным предметом имела не только революцию и гражданскую войну, в Татарстане началась примерно с весны 1922 г., поначалу еще очень нерешительно. Два события определили это новое начало. В декабре 1921 г. в Казани было открыто Государственное книжное издательство (Татарстан дәүләт китап нәшрияты). Тем самым правительство Татарстана окончательно взяло в свои руки публикации и издательское дело⁴⁸. Затем, в мае 1922 г., два года спустя после Декрета от 27 мая 1920 г. об образовании Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, вышел первый номер «Безнең юл» – ежемесячного журнала по литературе, искусству, публицистике и критике. Вначале он появился в качестве органа Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров Татарии, но позднее был подчинен Дому татарской культуры⁴⁹. Довольно трудно установить, то ли интерес у населения оказался низким, или же экономическое положение было слишком плохим, потому что мало нашлось желающих платить деньги за литературный журнал – первые номера журнала, который выходил поначалу тиражом в 1000, а позднее – в 1500 экземпляров, большей частью были розданы бесплатно⁵⁰. С выходом «Безнең юл» для татарских интеллектуалов, поэтов, писателей, деятелей культуры впервые после Октябрьской революции вновь появилась возможность не только выступать перед населением с боевыми стихами, прокламациями и декретами, но и обмениваться мнениями. В новых условиях, конечно, больше не было возможности выступать с позиций «классового врага». И наблюдение Галимджана Ибрагимова, сделанное еще в середине 1917 г. о том, что внутри одной нации можно выделить два антагонистических в политическом и экономическом отношениях класса, которые, «однако»,

в таких национальных и культурных вопросах, как школа, учеба, обучение, язык, литература, театр, религия, «могут идти вместе и работать рука об руку»⁵¹, после 1920 г. было отвергнуто и осуждено как буржуазно-[националистическое]. И все же спектр мнений в татарских публикациях 1920-х гг. – газетах, журналах, брошюрах и книгах – был таким широким, каким он не был впоследствии за все время до распада Советского Союза. И причина тому была политическая: до 1922 г. открытые враги Советской власти (за исключением басмачей в Средней Азии) были либо устранены, либо эмигрировали – революция успешно защитила себя. И теперь было необходимо определить лицо нового государства, после огромного числа жертв, понесенных со времени Первой мировой войны, его нужно было наполнить новой жизнью. Дискуссии, которые велись теперь, происходили в социалистических рамках – и они велись для того, чтобы четче определить эти рамки.

После начала Первой мировой войны изучение Габдуллы Тукая со стороны татарских писателей и критиков практически сошло на нет. Только в 1918 г., к пятой годовщине со дня его смерти, в различных татарских журналах («Шәрәкь кызы», «Шимал ягы», «Укытучы») появились статьи о Тукае. Проводились ли, кроме Москвы и Казани, памятные собрания в других городах – мне неизвестно⁵².

Советское татарское исследование Тукая берет начало с 1920-х гг. Но уже за несколько лет до Октябрьской революции многие из критиков и интеллектуалов, писавших о Тукае, ставили в центр своего внимания не литературоведческие аспекты, а интерпретацию мировоззрения Тукая. Как они оценивались с 1913 г. до начала 1920-х гг., я хотел бы представить ниже.

Подавляющее большинство критиков и литераторов, которые высказывали свое мнение между 1913 г. и началом 1920-х гг., сходились в том, что в основе творчества Тукая нет ясно и

четко обрисованного мировоззрения, что Тукай был «человеком сердца и чувства» (калеб вә хиссият кешесе)⁵³. В 1913 г. Джамалетдин Валиди констатировал, что есть немалое количество людей, которые подчиняют свое мышление и действия ясной системе, четкой линии поведения (мәсләк сызыгы), и подчеркивал: «У Тукая же такой системы, такого принципа не было. Что бы он ни писал за все пять-шесть лет своего литературного творчества, он писал на основе своих взволнованных чувств, и до того как он сошел в могилу, он оставался верным своей душе. И поэтому в том, что он написал, много нелогичности, противоречий, несоответствий, и критик может увидеть здесь много слабостей, несамостоятельности и легкомыслия. И в самом деле, мы вынуждены рассматривать Тукаева не как «голову», а как «сердце»⁵⁴. Тукай будто был «солнцем, который только что прилетел в сад и безостановочно перескакивает с ветки на ветку, и поет то перед одним цветком, то перед другим»⁵⁵. Такая «многосторонность» Тукая была общепризнанна в первые же годы после его смерти. Также не подвергалось сомнению, что Тукай в своем творчестве всегда выступал против моральной и общественной низости (әхлакый, ижтимагый түбәнлекләр), неравенства (тигезсезлекләр), несправедливости (хаксызлыклар) и всегда пел песню простого народа»⁵⁶.

Хотя различные критики в этом анализе соглашались с Тукаем, заключения, которые они делали, и оценки, которые с этим связывались, – были очень различными. Имелись, грубо говоря, две группы таких критиков. Для первой, составлявшей большинство, важнейшим представителем которой был Джамалетдин Валиди, многосторонность и близость к народу Тукая доказывали его гуманизм (инсаниятчеклек) и любовь к людям (хәбә инсаният), что и было основой его большой популярности в «народе»⁵⁷. Другая группа, самым заметным ее предста-

вителем был Галимджан Ибрагимов, оценивала тот же анализ совершенно иначе: «Как будто он не отдельный человек, как будто у него нет души и сердца, чтобы сказать: «Вот он, я!» Как будто он создан без особой индивидуальности. Все его ощущения, все мысли, желания слишком общие, слишком обычные»⁵⁸. «Он не открыл для народа никакого нового и великого мира. И об этом говорит то, что он не находил «удовольствия и вкуса» ни в чем, кроме как в безграничном «служении народу»⁵⁹. Причина популярности Тукая тем самым объяснялась не его индивидуальной поэтической одаренностью, а тем, что «народ» находил в Тукае свои собственные восприятия, мысли и чувства⁶⁰. Правда, ни одна из двух указанных групп не определила точнее, кто же принадлежал к «простому народу» – упущение, которое впоследствии дало возможность различным интерпретациям Тукая открыть двери в самых различных направлениях.

Взгляды и оценки Галимджана Ибрагимова, которые следовали [западно]европейскому представлению о поэте, как вышедшему из народа, особом индивидууме, и придавало поэзии самостоятельную ценность, нашли в татарской литературе перед Октябрьской революцией небольшое количество сторонников. С 1920-х гг. эту позицию открыто уже не поддерживал ни один из татарских интеллектуалов: такие поэты, как Сагит Рамиев и Дәрдемнд, в чьих произведениях с середины 1910-х гг. проявлялась эта точка зрения, после прихода к власти большевиков почти ничего не публиковали. Другие, среди них и Галимджан Ибрагимов, по меньшей мере, внешне отказались от своих прежних взглядов и пытались найти свое место в новых условиях.

Таким образом, с 1920-х гг. не было слышно голосов, противоречащих представлению, что литература должна находиться на службе у народа. В оценке Габдуллы Тукая это означало, что, прежде всего, необходимо было

выяснить два круга вопросов. Первый – кто принадлежал к народу, чьи интересы и чувства выражал Тукай в своем творчестве? Татары в целом угнетенное население или же «мелкая буржуазия»? Второй – правильно ли понял и передал Тукай интересы и чувства народа или же он перенес на народ только собственное настроение и свою собственную ситуацию? Общая оценка Тукая и, прежде всего, приписываемый ему «гуманизм» тем самым зависели от того, как оценивалось время, в которое жил поэт. Поскольку подобная оценка почти всегда определялась переносом позднейших идеологических положений на дореволюционное время, она могла быть весьма различной. Это различие в интерпретациях облегчалось к тому же и «многосторонностью» творчества самого Габдуллы Тукая.

Оценка мировоззрения Тукая как «гуманистического» в этот период не исключала того, что поэту приписывались и пессимистические тона. Для критиков до начала 1920-х гг. пессимизм был вполне совместим с гуманизмом. Одним из первых, кто обратил внимание на пессимистический тон в поздних стихах Тукая, был Ибрагим Биккулов. 7 апреля 1913 г., через пять дней после смерти поэта, он писал: «И в своих последних стихах Габдулла эфенди очень ясно выразил, что он устал от жизни и торопится перейти в мир вечного блаженства»⁶¹. Биккулов подкрепил свой тезис цитатой из стихотворения Тукая «Читен хәл». Правда, это стихотворение вряд ли можно отнести к поздним стихам Тукая, потому что оно было написано 14 июля 1911 г.⁶² Галимджан Ибрагимов сдвинул дату, с которой пессимистические тона в поэзии Тукая зазвучали особенно отчетливо, на начало 1909 г. и в качестве примеров назвал такие стихотворения, как «Тәрәддәд вә шөбһә» (13 февраля 1909 г.), «Күңел» (22.02.1909 г.) и «Вақты гажезем» (1 июня 1909 г.). Но наиболее ясно это чувство проявилось в стихотворении

«Өзелгән өмид», опубликованном 29 ноября 1910 г. в газете «Вақыт»: «Тукай, который когда-то шутливо беседовал со смертью⁶³, теперь смотрит на этот мир с опаской, страхом и раздражением. Как будто чувствует себя чужим и нелюбимым»⁶⁴. Кроме названных, есть еще немало стихотворений Тукая, написанных с 1909 г., уже в названиях которых очевиден пессимизм и усталость от мира⁶⁵.

Есть несколько причин того, почему сразу после 1913 г. эти взгляды Тукая подчеркивались. Во-первых, есть немалое число стихотворений, в которых Тукай выражал свою усталость от мира. Такие стихи писались с 1909 г., так что их нельзя причислять только к поздним произведениям. И их число возрастало по мере того, как приближалась дата его смерти. Во-вторых, возможно, что стихи, написанные Тукаем незадолго до смерти, казались его современникам наиболее актуальными и настоящими, поэтому в их представлении об его творчестве они занимают доминирующее место. В-третьих, пессимистический тон стихов, конечно, отражал чувства, которыми жил не только сам Тукай, но и многие из его читателей и критиков в период с 1907 по 1913 г.: ожидания, связанные многими татарскими интеллектуалами с первой русской революцией, не оправдались и разочаровали; материальная ситуация еще заметнее ухудшила положение широких слоев населения; голод и эпидемии требовали все новых и новых человеческих жертв.

Однако важно отметить и то, что для современников Тукая в пессимистическом тоне многих его стихотворений не было ничего предосудительного. Разочарование, жалобы на несовершенство мира и людей и, как следствие, обращение к Богу – все это не оценивалось негативно критиками до начала 1920-х гг. Некоторые из этих стихов даже были названы «настоящей лирикой» и отмечены очень высоко, например, «Күңел», «Вәсыятем» и «Мигъраж»⁶⁶. Два последних стихот-

ворения, как и некоторые другие, очевидно, из-за их чисто религиозного характера не были включены ни в одно из советских изданий стихов Тукая⁶⁷.

Хотя подавляющее большинство тогдашних, современных для Тукая критиков и отмечало его пессимизм, однако при этом не забывало упомянуть, что вначале, по крайней мере в первые два года своего семи-восьмилетнего творчества, Тукай писал и стихи, в которых проявлялись оптимизм и вера в лучшее будущее, которому он, как поэт, надеялся содействовать. Изменение в мировоззрении Тукая Джамалетдин Валиди обрисовал следующим образом: «Вначале он представлял мир как белизну, на которой разбросаны темные пятна, а вот теперь он начал видеться ему как темнота, украшенная белыми пятнами»⁶⁸. Хотя Джамалетдин, а вместе с ним и большинство тогдашних татарских критиков, в отличие от Галимджана Ибрагимова, не отказывали ранним стихам Тукая в их поэтической ценности⁶⁹, следует отметить, что раннее творчество играло для положительной общей оценки творчества Тукая лишь подчиненную роль. Совершенно очевидно, что качества Тукая до начала 1920-х гг. виделись не в тех стихах, в которых он боролся за лучшее будущее, а в тех, в которых он осуждал плохое настоящее.

С года смерти Тукая до конца 1930-х гг. мне известен только единственный критик, который оценивал мировоззрение Тукая как оптимистическое и жизнеутверждающее. Это Галиасгар Гафуров или Чыгтай. Он был муллой в Бузулуке, в Самарской губернии. В 1910 г. он написал памфлет, в котором критиковал реально существующий ислам. Из страха последствий для себя, однако, он его не опубликовал⁷⁰. Определение Тукая Чыгтаем как оптимиста относится к 1914 г. Это относится к стихотворению Тукая «Катиле нәфескә», опубликованному в газете «Йолдыз» 15 апреля 1910 г., в котором поэт отвергал самоубийство

как способ разрешения всех проблем. Тем самым он следовал «священному учению индийского пророка Гаутамы (Будды)». Тукай, по мнению Чыгтая, понял и дает понять другим, что жизнь — это ценность, которую при любых условиях необходимо сохранять и возвеличивать⁷¹. До 1938 г. мнение о том, что основной тон творчества Тукая оптимистичен, не высказывал более ни один критик. Чыгтай также радикально поменял свое мнение в 1920-е гг.: как ответственный редактор журнала «Фән һәм дин», задачей которого были борьба с религией и пропаганда атеизма, он показал себя как один из самых острых критиков Тукая. Такой поворот, однако, это только один из примеров изменчивого, противоречивого и богатого на парадоксы представления о Тукае.

1.2.2. Тукай – гуманист и пессимист (начало 1920-х гг. – около 1928 г.)

Политическую ситуацию начала 1920-х гг. коротко можно обрисовать следующим образом. В начале марта 1921 г. X съезд коммунистической партии принял решение о переходе к «новой экономической политике» (нэп), что открыло экономические возможности, о которых никто и не осмеливался даже думать во времена гражданской войны и военного коммунизма. После XII партсъезда в апреле 1923 г. началась коренизация, политика «индигенизации», которая должна была служить требованиям нерусских национальностей СССР⁷². Типографское и издательское дело начало восстанавливаться быстрыми темпами: в 1925 г. тираж русскоязычных книг достиг предвоенных показателей⁷³. В культуре и литературе еще не было четко установленной политическим руководством линии внутри еще не совсем ясно обрисованных социалистических рамок, отклонение от которых тотчас имело бы серьезные последствия.

Середина 1920-х гг. (примерно 1922–1926 гг.) стала золотым време-

нем для татарской литературы. После абсолютного падения в 1923 г., когда на татарском было издано всего лишь 10 литературных книг общим тиражом 24 000 экземпляров, татарское книгопечатание пережило быстрый подъем: 1924 г. – 17 книг, 62 000 экземпляров; 1925 г. – 54 книги, 231 000 экземпляров⁷⁴. С появлением ежемесячного татарского литературного журнала «Безнең юл» в мае 1922 г. для татарских литераторов, критиков и деятелей культуры вновь появилась платформа для дискуссий и публикаций, и в мыслях, предположениях и требованиях они были вынуждены ограничиваться объемом короткой газетной статьи.

Если пренебречь коротким возрождением «буржуазной» культуры литературы и образа жизни, последовавшего в результате нэпа в 1922 г. и особенно в 1923 г., который критиковался и осуждался татарской советской прессой⁷⁵ и не имел значения для последующего развития⁷⁶, то оживление культуры наиболее ясно проявилось в возникающих литературных кружках и объединениях. Все они исходили из левых позиций, однако имели различные точки зрения на сущность и задачи литературы, которые были представлены не только в бесчисленных статьях в периодической печати, но, прежде всего, доводились до публики на различных митингах, чтениях и дискуссионных собраниях, проводившихся в большом количестве. В татарской литературной дискуссии 1923 г. были представлены практически все течения, которые тогда имелись в русской литературе, за исключением «крестьянских поэтов», например, футуристы (Адель Кутуй), имажинисты (Кави Наджми), символисты (Хади Такташ), пролеткультовцы (Ханаф Наум). В 1923 г. в Казани были основаны первые литературные объединения (әдәби күмәкләр): «Завод» (среди прочих и Кави Наджми) и «Часовой» (Шамиль Усманов). В феврале 1924 г. за ними последовал «Октябрь» – объединение татарских

революционных рабоче-крестьянских писателей⁷⁷, с которым сотрудничали среди прочих Шариф Камал, Галимджан Ибрагимов, Фатхи Бурнаш, Хади Такташ, Муса Джалиль, Кави Наджми, Афзал Шамов, Адель Кутуй, Шамиль Усманов и Гумар Тулумбайский⁷⁸. В апреле 1924 г. группа литераторов, которые, прежде всего, относили себя к футуристам, вышла из состава «Октября» и основала свое объединение «Сулф» (Сул фронт). К нему, например, принадлежали Ярлы Карим, Адель Кутуй, Гумар Тулумбайский, Гаяз Ризванов, Сирип (Батыршин), Тагир Гусманов, Риза Ишмурат и Карим Амири⁷⁹.

Татарские объединения ориентировались на русские образцы не только в своей литературно-политической программе⁸⁰: некоторые из них переняли, в татаризованной форме или же в виде перевода, и названия русских объединений («Октябрь», «Сулф»), в своем поведении и одежде многие из молодых татарских литераторов походили на русские образцы⁸¹. Дискуссии между представителями различных литературных течений как татар, так и русских часто принимали форму «литературного суда» (әдәби суд). Подобные мероприятия, которые в Москве и Ленинграде имели место уже в конце 1920 г.⁸², татарскими интеллектуалами впервые были проведены три года спустя, осенью 1923 г.⁸³ Затем они проводились в большом количестве, так что о них говорилось как о модном увлечении⁸⁴. Хотя во время подобных процессов обвинители и у татар использовали очень воинственный и очень пластичный язык⁸⁵ и порой даже требовали «наказания литературной смертью» (әдәби үлем җазасы)⁸⁶, в середине 1920-х гг. успех обвинителей в «производстве» таких процессов был еще далеко не очевиден⁸⁷. В отличие от дискуссий между русскими писателями и критиками, обвинения которых могли иметь далеко идущие персональные последствия уже в середине 1920-х гг.⁸⁸, у татарских литераторов в

эти годы происходил в основном словесный обмен ударами. Острая критика и обоюдные обвинения ограничивались литературной плоскостью и не обязательно причиняли вред личным отношениям контрагентов⁸⁹.

Такая многообразная и живая литературная жизнь со всеми ее различными течениями, объединениями продолжалась до середины 1927 г.⁹⁰, и еще в октябре 1927 г. она оценивалась позитивно⁹¹. Это стало возможным благодаря тому, что до этого времени не было еще ясного руководства литературой со стороны партии или не было предпочитаемого партией литературного объединения⁹².

Хотя уже в конце 1926 г. впервые громко и ясно было заявлено о необходимости единого и сильного (татарского) объединения писателей⁹³, прошло еще два года, прежде чем это требование было претворено в жизнь. После того как в 1928 г. литературные объединения в российском и всесоюзном масштабе пережили реорганизацию, и в качестве доминирующей группировки в русской литературе закрепилась Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП)⁹⁴, в октябре 1928 г. была основана ее татарская «копия» – Татарская ассоциация пролетарских писателей (ТАПП)⁹⁵. Первым председателем ее стал Галимджан Нигмати, его заместителем – Фатых Сайфи-Казанлы⁹⁶. С основанием ТАПП в татарской литературе впервые появилось объединение, которое не только сильно влияло на литературную жизнь, но и господствовало в ней и определяло ее дальнейшее развитие. Многообразие мнений и литературных течений, что было характерным для середины 1920-х гг., с 1928 г. сошло на нет – тем самым завершилось самое плодотворное время в советской татарской литературе. За ним последовала «эпоха бурно развивающейся промышленности и классовой борьбы»⁹⁷, «годы, когда в романах муж больше любил оружие и трактор, чем свою жену, а

жена своих учеников и колхозную кухню больше, чем своего мужа»⁹⁸.

Изучение Тукая во второй трети 1920-х гг. было столь же живым и предлагаемые при этом точки зрения были столь же многообразными, что и вся литературная жизнь того времени, коротко представленная выше. Со своими оценками, которые очень часто давались настойчиво и энергично, представители всех литературных течений представляли многостороннее лицо Тукая.

Особый толчок дискуссия о Тукае получила, конечно, в связи с десятилетием со дня его кончины в 1923 г. По этому поводу в прессе появились многочисленные статьи, было проведено много собраний, и писатели, поэты и «другие товарищи» призывались создавать литературные произведения о Тукае⁹⁹.

Афзал Шамов, обучавшийся на рабфаке Казанского университета с 1922 по 1925 г., 14 апреля 1923 г. принял участие в собрании, посвященном 10-летию со дня смерти Тукая и организованном «Советом культуры татарских студентов». В своем сообщении он дал краткий обзор о тогдашних точках зрения и оценках Тукая. «В те годы в прессе имели место два основных взгляда на Г.Тукая: одни считали его мелкобуржуазным поэтом, а другие называли его народным поэтом. И сторонники первой точки зрения, и сторонники второй точки зрения подтверждали свои мысли примерами из творчества поэта. Кроме того, появился и третий взгляд, он тоже начал поднимать голову (...). Тукай не наш поэт, он не имеет отношения ни к социальной революции, ни к пролетариату, он поэт либерально-буржуазный, он служил им – так в разных местах они несли подобный вздор. (...) Они даже начали шуметь, что не дадим вспоминать буржуазных поэтов, не позволим организовывать вечера в их память!»¹⁰⁰. В остром противоречии с представителями последней позиции находились те, кого А.Шамов не упо-

мянул и кто защищал точку зрения, что Тукай – «поэт пролетариата»¹⁰¹.

Однако имелась и еще одна позиция по отношению к Тукаю. В отличие от названных, которые критиковали и оценивали поэта исходя из «западной» точки зрения, представители этой, пятой позиции, «восточники» (шәрәкчеләр), по мнению Джамалетдина Валиди, считали необходимыми для стихов «мудрые слова, аллегории и афоризмы». Поскольку они не находили таковых в стихах Тукая, они негативно оценивали его творчество. Важнейшим представителем «восточников» Д. Валиди называет Риза казый [Фахретдинова]¹⁰². Однако уже в 1923 г. в дискуссии о «правильной» оценке Тукая эта позиция играла очень подчиненную роль. С середины 1920-х гг. ее открыто уже не представлял никто, и она не имела никакого значения в дальнейших обсуждениях.

Итак, если оставить без внимания «восточников», то в 1923 г. имелись четыре различные позиции и оценки Тукая, частично исключаящие друг друга: 1) Тукай – это мелкобуржуазный поэт; 2) Тукай – это народный поэт. Две эти позиции сформировались непосредственно после смерти поэта, хотя тогда, конечно, не применялся термин «мелкобуржуазный», а говорилось лишь о гуманизме Тукая. И в 1920-е гг. эти две позиции представляло старшее поколение татарских интеллектуалов, имена которых звучали еще до Октябрьской революции, например, Фатых Амирхан, Джамалетдин Валиди, Махмут Галая, Фатхи Бурнаш и Галимджан Ибрагимов; 3) Тукай необходимо критиковать за то, что он не был народным поэтом, а являлся поэтом либерально-буржуазным; 4) Тукай необходимо восхвалять как образец, поскольку он является пролетарским поэтом. Две последние позиции однозначно являлись «достижениями» новой, социалистической, эры, в которую литературная критика постепенно заменялась «литературно-политической» критикой¹⁰³. Ее представители

почти без исключения принадлежали к первому поколению татарской интеллигенции, ориентированной просоветски и просоциалистически. К третьей группе поначалу (примерно 1923–1925 гг.) принадлежали Гумар Галлиев, Махмут Максут (Магис), Галиасгар Гафуров (Чыгтай) и Хади Такташ. Четвертую группу представляли в это время Мухаммат Парсин, Нурсин¹⁰⁴, Габрахман Минский и (частично) Габдрахман Сагди.

Представители каждой из этих групп заявляли, что их взгляды и их оценка Тукая являются единственно правильными, и «подтверждали» это стихами поэта, которые «обосновывали» их точку зрения. Для представителей двух последних, экстремальных, позиций такое «подтверждение» было особенно трудным, потому что для них было очень даже сомнительно найти такие высказывания Тукая, полностью совпадавшие с их аргументацией. И все же все верили в то, что они найдут такие высказывания.

Представители точки зрения, что Тукай – пролетарский поэт, защищавший в своих стихах интересы угнетенных, опирались на такие произведения, как «Яратырга ярый», «Сагыныр вакытлар», «Көзге жилләр», «Кыйтга»¹⁰⁵ или же на «Алтынга каршы», «Эшкә өндәү» и «Кярханәдә»¹⁰⁶. Правда, названные стихи едва ли соответствуют образу поэта, борющегося за угнетенные массы, который может предстать перед объективным читателем. Например, в стихотворении «Сагыныр вакытлар», начинающемся словами: «Если дьяволу¹⁰⁷ надоедает его жизнь, то он вспоминает свой рай, если я надоедаю сам себе, то вспоминаю свои детские годы»¹⁰⁸, поэт описывает свое детство. Но он не описывает его таким, каким оно было, а так, как он представляет себе счастливое детство. Ни одно место в стихотворении не имеет идеологического, и, тем более, пролетарского звучания. «Эшкә өндәү» – это стихотворение для детей, в котором простыми словами говорится о том,

как важно быть целеустремленным и прилежным. Хотя стихотворение «Кярханәдә» и описывает, как выглядит фабрика, что машины выглядят, как драконы, которые вызывают страх у наблюдающего, что здесь кругом дым и запах, который можно чувствовать только в аду, и что все это очень плохо влияет на бедных рабочих, тем не менее там, где от пролетарского поэта ожидался бы призыв к забастовке или борьбе против хозяина фабрики, у Тукая читаем совершенно иное: «Хорошо бы ему убежать отсюда, из этого дурного ада. Куда-нибудь, в зеленые луга, в те места, где щебечут птицы, растут пшеница и рожь, и зреет земляника»¹⁰⁹. В стихотворении «Алтынга каршы» Тукай осуждает то, что золото и деньги правят миром, что все люди поклоняются этому металлу. Но на изменение ситуации поэт надеется не через то, чтобы люди, не имеющие золота, поднялись против его обладателей. Вместо этого он умоляет Бога созвать всех своих ангелов, чтобы они очистили мир от золота, чтобы вновь признавались только истинные ценности, поддерживаемые Кораном и религиями (зороастризмом, иудаизмом и христианством): доброта (зәһдә тәкьва) и правда, верность (тугрылык). Стихотворение «Көзге жилләр» возникло под впечатлением от голода, который возник в Поволжье в 1911 г. Тукай в нем характеризует положение населения настолько плохим, что даже самому Джабраилу не оставалось ничего, как плакать. Две строки этого стихотворения с 1923 г. постоянно приводились в качестве «доказательства» связи Тукая с пролетариатом. Они гласили: «Со словами: «Самые мои любимые работники остались в этом голодными!» плачет наша священная, милосердная мать – великодушная земля...»¹¹⁰. Достаточно ли этих двух строк, чтобы сделать из Тукая пролетарского поэта, кажется весьма сомнительным и спорным, тем более, что тема «работников, рабочих» в тексте не развивается, и они ставятся в один ряд со «старыми

женщинами» и «крепкими мужчинами», которые все как один страдают от голода.

В способе, с которым критики 1923 г. обошлись со стихотворением «Көзге жилләр», вообще отражается тот прием, который должен был широко распространиться и господствовать позднее. Если некоторые из критиков еще до Октябрьской революции весьма выборочно подходили к стихам Тукая, когда из всех произведений отбирали только те, которые служили их мнению и подтверждали их оценки, то советские критики с 1920-х гг. сделали еще один шаг. Они не только отбирали нужные стихи и просто оставляли в стороне те, которые для них были неприемлемы и не нужны, они поступали так и с текстами отдельных стихотворений. Так, например, Габдрахман Сагди цитирует стихотворения «Яратырга ярый» и «Кыйтга» для того, чтобы доказать, что Тукай – это пролетарский поэт. Две первые строфы из «Яратырга ярый», приводимые им, гласят: «Можно любить зиму, но у нее есть холода, есть у нее и несчастные нищие, которые дрожат без одежды. Можно любить лето: оно красиво, и в нем есть большая прелесть, но есть у него ад для нищих, не имеющих каменных домов»¹¹¹. Последняя, третья строфа Г.Сагди не приводится: «Можно любить этот мир – красивые поля, красивые горы. Только не люблю я его вовсе, и причина тому – в нем есть сын человеческий»¹¹². Нетрудно понять, что эта строфа вовсе не подходит тому образу, который Габдрахман Сагди и его идеологические друзья пытались вылепить из Тукая. Со стихотворением «Кыйтга» – одним из последних произведений Тукая – оно появилось 1 марта 1913 г. в журнале «Аң», обошлись точно так же: из трех строф только вторая могла обосновывать левопролетарскую интерпретацию поэта, поэтому она цитировалась: «Много было преград на пути, и врагов моих стало больше, чем собак, потому что не мог я защищать тиранов и высший

слои»¹¹³. Если взять отдельно, то эти строки можно считать ясной и однозначной позицией поддержки угнетенных масс, за которых поэт болеет душой и с которыми страдает вместе. Такая интерпретация, ради которой и была подобрана эта цитата, становится, однако, совершенно неверной, если привести тексты предыдущей и последующей строф: « Не смог я сберечь свои силы для черных дней, потому что не могу назвать ни один из своих дней светлым.(...) Месть не получилась, силы кончились, сломался меч – вот и все дела. Сам я весь запачкался, и не смог очистить мир»¹¹⁴.

Хотя позиция «Тукай – пролетарский поэт» и была представлена до 1928 г.¹¹⁵, однако ее представителям не удалось убедить сторонников других точек зрения в правильности своих оценок Тукая¹¹⁶, если не говорить при этом о «народе», которому постоянно и многократно клялись в верности. И причина того не в том, что во времена Тукая не было достойного упоминания и заметного татарского пролетариата, и Тукай не мог быть пролетарским поэтом (такое, в целом правильное, мнение выразил в 1923 г. Фатхи Бурнаш¹¹⁷), и не в том, что «доказательства», приводившиеся для подтверждения этой оценки, как было показано выше, были весьма сомнительными. В советской литературной критике, с середины 1920-х гг. все заметнее становившейся полярной и радикальной, такие объективные причины играли все меньшую и меньшую роль. Более того, с конца 1920-х гг. они были осуждены как проявление буржуазного состояния духа. Объективность означала не просто ясную поддержку советской позиции, она означала и маскировку буржуазных воззрений. Официальные представители Советской власти сделали субъективную точку зрения пролетариата единственно правильным и истинным критерием.

Представители татарской интеллигенции, рекламировавшие Тукая в статусе пролетарского поэта, не имели

успеха, не имели ничего общего с литературой, а являлись политиками и идеологами. С середины 1920-х гг. и среди татар, возможно не без влияния исторической школы Покровского, распространялось убеждение, что дореволюционное время не имело ничего реально позитивного и ничего нужного в настоящее советское время, и потому необходимо полностью разрушить все старое и на его месте строить только новое. Какую роль сыграло это представление для татарской литературы в целом, и в оценке Габдуллы Тукая, в частности, очень ясно сформулировал молодой, родившийся в 1901 г., поэт Хади Такташ во вступительном слове к публикации своей трагедии «Жир уллары» (1923 г.): «Старые стихи татар, которые поэты вели, начиная с Бакыргани через Тукая, до наших дней, должны быть разрушены. Они устарели, они слишком узки для широких душ и пламенных сердец»¹¹⁸. Такое жесткое отрицание литературно-культурного наследия, которое в дискуссиях о татарской литературе впервые было проявлено Хади Такташем в 1923 г., для русских представителей Пролеткульта, прежде всего А. Богданова (1873–1928), и футуризма стало программным уже почти сразу же после Октябрьской революции¹¹⁹. В татарской литературе дискуссии на эту тему продолжались вплоть до начала 1927 г.¹²⁰

У поборников радикального осуждения и отрицания всего старого в 1926 г. имелось несколько благоприятных поводов, чтобы «разобраться» с дореволюционной татарской литературой: смерть двух важнейших ее представителей – Фатыха Амирхана (умер 9 марта 1926 г.) и Сагита Рамиева (умер 16 марта 1926 г.), а также издание сочинений Тукая под редакцией Фатхи Бурнаша, снабженного вступительным словом¹²¹. Хотя среди статей, появившихся в татарской прессе в связи с кончиной Фатыха Амирхана и Сагита Рамиева, имелись и отдельные публикации, в которых обе эти личности оценивались положительно¹²², все

же подавляющее большинство критиков представляли их как литераторов, для которых народ ничего не значил и, следовательно, которые ничего ему не дали¹²³. Издание произведений Тукая 1926 г. было воспринято критиками совершенно по-разному, причем, однако, нельзя говорить о перевесе положительных или отрицательных оценок¹²⁴.

Характеристика и оценка Тукая как непролетарского поэта, как было упомянуто выше, начались уже в самом начале 1920-х гг. Одним из самых ранних, известных мне примеров является статья (без указания автора) от 25 мая¹²⁵ в татарской газете «Азат Себер», выходившей в Новосибирске. Ее автор выступает против того (что, очевидно, произошло на одном из мероприятий в Зайсане), чтобы называть Тукая «товарищем» (иптәш) и «геро-ем» (каһарман), и заявляет при этом: «Тукай – не пролетарский писатель. Тукай националист, поборник Бога, к тому же он любит монархию (потому что его целью было создание великого татарского государства, татарской монархии)». Чтобы подтвердить свою мысль, автор статьи цитирует стихотворение «Олуг юбилей мөнәсәбәте белән халык өмитләре», написанное 21 февраля 1913 г. по поводу 300-летия династии Романовых. Подтверждений того, что Тукай намеревался создать «татарскую монархию», в стихотворении нет. О чем идет речь в этом стихотворении, видно уже из его названия: Тукай выражает свою надежду, что царь найдет взаимопонимание со своими подданными и предпримет меры для улучшения положения населения Российской империи вне зависимости от национальной принадлежности¹²⁶. В тексте, написанном по данному конкретному поводу, вряд ли стоит ожидать воинственного тона, однако в нем есть намеки на то, что царь или царская политика ответственны за плохое положение народа.

Для большинства татарских критиков, которые уже с начала, но особенно заметно с сер. 1920-х гг., критиковали

Тукая и не признавали его творчество как ценную часть литературного наследия, которую необходимо сберечь, одной из основных черт Тукая являлась его переменчивость, непостоянство личного настроения и его общественно-политических воззрений, особенно проявившиеся в его стихотворениях, созданных с 1908 г.

В самом деле, в стихотворениях и статьях Тукая, написанных после его прибытия в Казань в конце 1907 г. и до его смерти в апреле 1913 г., нет единого и ясного мировоззрения. Произведения тех лет в большей степени отличаются большим многообразием личных настроений, высказываний и мыслей, которые даже при большом желании трудно свести к единому идейно-идеологическому знаменателю. После короткой вспышки национальных чувств следовала едкая ирония в адрес националистов, затем разочарование, досада и пессимизм, проявившиеся в частичном отходе от происходивших событий и усиленном занятии фольклором и детской литературой. Примерно с 1912 г., когда сильное влияние на поэта оказывала прогрессирующая болезнь, он писал стихи, выражавшие его поиск «вечных ценностей» и «истины», которые он, по меньшей мере, временами находил в вере и религии.

Такое содержательное многообразие и переменчивость интерпретировались дореволюционной татарской критикой как знак связи Тукая с народом, так и отражение в его творчестве переменчивого настроения народа. В начале 1920-х гг. они не воспринимались более как гуманизм, а как выражение «сентиментального и романтического общего настроения». Такое определение неточно не только с литературоведческой точки зрения, оно индифферентно также и с политико-идеологической позиции¹²⁷. Оно лишь обозначало, что Тукай писал не в соответствии с четкой идейной концепцией, за что критиковался Дэрдменд после его смерти 9 октября 1921 г.¹²⁸, а в своем творчестве следовал зову сердца¹²⁹. Правда,

по мнению критиков, сердце вело его в правильном направлении лишь до осени 1907 г., пока он жил в Уральске. Хотя Галимджан Ибрагимов еще в 1913 г. определял эту фазу в литературном и содержательном смыслах как самую худшую во всем творчестве Тукая¹³⁰, в середине 1920-х гг. она стала единственной, которую критики были готовы оценить положительно. Все, что поэт написал после приезда в Казань, а это подавляющая часть его творчества, показывало для них, что «Тукай оказался с точки зрения убеждения совершенно безликим. Он не смог занять политической позиции»¹³¹. И в этом отражалась, по их мнению, главная черта характера Тукая – безнадежность: «Он всегда жил в этом мире как пессимист»¹³². И в таком качестве, естественно, он не соответствовал требованиям, предъявлявшимся советскими критиками 1920-х гг. образцовым поэтам, а именно: быть оптимистичным, всем своим творчеством осознанно и последовательно способствовать тому, чтобы ускорить историческое развитие, предписываемое социалистической идеологией.

Попытки демонтировать имидж Тукая как великого татарского поэта начали проявляться, как было сказано, уже в начале 1920-х гг. Хотя с 1926 г. они предпринимались все более и более активно, только в 1928 г. они совершенно очевидно взяли верх в оценках Тукая. До этого представителям других позиций было возможно высказывать свое мнение в общественных мероприятиях и в татарской прессе. Примерно с 1928 г. состязание различных позиций и течений за главенство в татарской литературе закончилось. Однако оно закончилось не потому, что одна из существовавших к тому времени позиций убедила все остальные и последние присоединились к ней. Оно закончилось в большей степени из-за того, что политическое руководство высказалось за одну позицию, и параллельно с ней другие уже не воспринимались.

Расцвет и многообразие, характерные для татарской литературной жизни начала и середины 1920-х гг., были результатом политики в той же мере, что последовавшее за этим однообразие. Если первое стало возможным благодаря политической неопределенности, благодаря тому, что политическая верхушка не желала или не могла установить одну-единственную позицию, то последнее стало ясным результатом выраженного стремления партии в 1927–1928 гг. господствовать во всех сферах общественной жизни и исключительно в одиночку определять будущее развитие. Советская, а значит и татарская литература и литературная критика все более определялись изменившимися позициями и положением партии. Здесь непосредственно одна за другой последовали две крайности: невмешательство в начале 1920-х гг. и тотальное господство в начале 1930-х гг. Изменения, предпринятые партией в своей точке зрения, имели исходный пункт в других политических сферах (экономика, классовая борьба и т.п.), которым она хотела подчинить и которым хотела поставить на службу литературу. То, что литературе приписывалась важная политико-идеологическая роль, не в последнюю очередь подтверждает та жесткость, с которой осуждались те писатели и поэты, не готовые подчиниться диктату партии над литературой. Советская критика, очевидно, была убеждена в том, что слово ее противников и оппонентов было политически, по меньшей мере, столь же влиятельно, как и ее собственная позиция, как об этом говорилось или хотя бы на это возлагались надежды¹³³.

Чтобы лучше понять возникшую примерно с 1928 г. новую фазу в интерпретации Тукая, необходимо в следующем разделе коротко представить общий политико-идеологический литературный фон, на котором она формировалась.

1.2.3. Тукай-пессимист (примерно 1928 г. – середина 1930-х гг.)

Самое позднее в 1927 г. политическое руководство СССР решило более не терпеть многообразия мнений и внутри социалистического спектра. Идеологические дискуссии, определявшие политику, экономику и культуру в 1920-е гг., тем самым были завершенны.

С конца 1920-х гг. вся (социалистическая) идеология пережила два масштабных изменения, имевшие далеко идущие последствия. Во-первых, идеология была персонифицирована, вначале в Ленине, а затем, в 1930-е гг., в Сталине¹³⁴. Во-вторых, она была стандартизирована и сведена к простому и «понятному» катехизису. Идеология превратилась в догму и, тем самым, в инструмент контроля¹³⁵. Только и исключительно руководство коммунистической партии определяло избранный курс, о котором уже никто не мог дискутировать и отклонение от которого воспринималось как выступление против социализма, что приводило к критике и осуждению.

Новая политика, не оставлявшая более пространства для идеологических дебатов, началась с 15 съезда ВКП (б) («съезд индустриализации») в декабре 1927 г.¹³⁶ Съезд провозгласил переход к плановой экономике. Принятые директивы первого пятилетнего плана (1928/1929 – 1932/1933) подчеркивали необходимость быстрой индустриализации и реструктурирования сельского хозяйства через создание новых коллективных хозяйств (колхозов и совхозов)¹³⁷. В качестве высшей цели было провозглашено повышение производства в промышленности и сельском хозяйстве. Все экономические, общественные и культурные сферы и организации должны были быть подчинены решению этой цели и способствовать ее достижению. Новая политика означала широкомасштабную централизацию – подчинение на всех уровнях (союзные, автономные

республики и т.п.) всем решениям и предписаниям, принимавшимся в центре, в Москве. Для того, чтобы планы претворились в жизнь, считалось необходимым определить тех, которые не были на все сто процентов готовы подчиниться новой политике. Поиски «саботажников», которые автоматически клеймились как «враги социализма», принимали все более интенсивные и сюрреалистические формы по мере того, как выполнение намеченных планов отодвигалось все дальше и дальше¹³⁸. А это означало новую вспышку классовой борьбы, которую многие из интеллектуалов посчитали законченной уже в начале 1920-х гг. Эта политика означала чистки в партийном аппарате, администрации и культурно-литературных организациях во всех нерусских регионах СССР. Было «раскрыто» бесчисленное множество «буржуазно-националистических» и «национал-коммунистических» организаций, их «члены» были осуждены, а многие из «главарей» – расстреляны¹³⁹.

Тем самым время с 1928 г. было ознаменовано радикальным политизированием всех сфер жизни, когда главной и единственной целью становятся советское, социалистическое переустройство и преобразование.

Литература также должна была беспрекословно служить слову всего старого и строительству нового. «Борьба за гегемонию пролетарской литературы», которую Сталин потребовал в 1928 г.¹⁴⁰ и которую некоторые писатели уже вели с середины 1920-х гг., превратилась в аксиому с помощью высказываний и мнений Сталина и других высших партийных функционеров¹⁴¹. В 1928 г., во время реорганизации всесоюзных и российских литературных объединений, РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) превратилась в доминирующую группировку. Литературно-политическая цель, поставленная Сталиным, была неразрывно связана с «подавлением классового врага в литературе»¹⁴².

В декабре 1928 г. позиция РАПП усилилась и легитимирована через постановление ЦК о социальных задачах беллетристики. В нем от писателей требовались обращение к актуальным темам, решительный отказ и борьба с «буржуазным» влиянием, представление «героизма социалистического строительства и классовой борьбы, переустройства общественных отношений и становления нового человека»¹⁴³.

Врагами новой политики, против которых следовало бороться, в основном были признаны так называемые «попутчики» (по-татарски «юлаучылар») – большей частью старые интеллектуалы, старавшиеся сохранить лояльное отношение к Советской власти, но одновременно оставаться верными основным гуманистическим убеждениям. Л.Авербах, генеральный секретарь РАПП, заявил по этому поводу в ноябре 1929 г.: «Они [«попутчики»] говорят не о классовой ненависти, а о гуманизме, как будто в мире может быть что-то более гуманистическое, чем классовая ненависть пролетариата»¹⁴⁴. Т.е. требовалось признание «воинствующего марксизма»¹⁴⁵. Это требование представляли А.Луначарский, тогда народный комиссар просвещения, и М.Горький, который в своей статье «Если враг не сдается, его уничтожают», опубликованной в «Правде» 15 ноября 1929 г., фактически признал правильность сталинской политики репрессий¹⁴⁶. Список поэтов и писателей, которые стали жертвами кампаний преследования, организованных РАПП с 1928 г., или же «добровольно» ушли из жизни, внушительен – это, например, Б.Пильняк, Е.Замятин, М.Булгаков, И.Бабель, А.Платонов, В. Маяковский – называю только самые известные имена русских писателей.

Борьба против «старого» переходила к борьбе за «новое», т.е. к пролетаризации литературы. Это означало не только то, что литература должна была выполнять агитационную и мобилизирующую функцию с содержательной стороны. Это означало так-

же, что должна была усилиться связь между производителями литературных произведений, писателями, и производителями материальных ценностей, пролетариатом, в идеальном случае это должно было совпасть. «Зашли настолько далеко, что заявляли, что по-настоящему значительные произведения может создать только человек, работающий руками, человек пролетарского происхождения»¹⁴⁷. Поэтому многие писатели отправлялись на фабрики и горные предприятия, чтобы жить жизнью трудящихся и затем написать об этом. Одновременно в большом числе публиковались стихи, рассказы и репортажи, авторами которых являлись рабочие. В способе своей «продукции» авторы ориентировались на новую политику обобществления: литературные произведения «производились» также и коллективами¹⁴⁸.

Ужесточившиеся требования к государственному цензурному учреждению (Главлит), которое сопровождало и контролировало новую литературную политику, принятые в 1931 г., определили «переход от запретительной к распорядительной цензуре»¹⁴⁹.

Результатом этих предписаний и требований стало «распространение несамостоятельной бесталанности»¹⁵⁰ в советской литературе. По словам Романа Якобсона, высказанным в статье «О поколении, потерявшем своего поэта», написанной по поводу самоубийства В.Маяковского (14 апреля 1930 г.), «начались годы медленной поэтической летаргии»¹⁵¹.

Развитие татарской литературы и литературной критики после 1928 г. следовало именно в русле линии, организационно и содержательно определенной политико-идеологическим центром в Москве. В октябре 1928 г. было основано татарское подобие РАПП – Татарская ассоциация пролетарских писателей (ТАПП)¹⁵². Ее первым председателем стал Галимджан Нигмати, заместителем председателя – Фатых Сайфи-Казанлы¹⁵³. Впервые в

татарской литературе возникло объединение, которое стало господствовать в литературной жизни и определять ее дальнейшее развитие. С его созданием идеологическая критика стала единственной формой дискуссий и в татарской литературе. Была потребована «пролетаризация художественной литературы» (матур әдәбиятны эшчеләштерү). Татарские интеллектуалы, объединившиеся вокруг газеты «Эшче», которая издавалась в Москве, заявили о себе как о решительных борцах за новую линию. Раньше, чем их коллеги из Казани, они вступили в борьбу на литературно-культурном фронте¹⁵⁴. Уже в январе 1928 г. в газете «Эшче» появилась рубрика «Әдәбият сәхнәсе», которая должна была дать молодым пролетарским авторам возможность выступить перед общественностью со своими произведениями. В 1929 г. эта рубрика велась с другим, более соответствующим времени названием – «Матур әдәбият массага»¹⁵⁵. Новое, воинствующее пролетарское содержание проявилось и в переименовании официального литературно-культурного журнала «Безнең юл» – он стал называться «Атака», и в появлении журналов «Мәгариф эшчесе» и «Пролетариат сәнгате»¹⁵⁶.

Лозунг «Пусть в художественной литературе отражается каждое направление строительства социализма»¹⁵⁷ обусловил появление нового рода литературы: «производственный жанр». По мнению Галимджана Нигмати, опиравшегося в своих объяснениях на мнение русского литературоведа В.М.Фриче (1870–1929), многократно им цитировавшегося, для этого жанра характерны две черты: его литературный герой не является более (буржуазным) индивидуумом, а представителем пролетарского класса, и, исходя из этого, важным является не «представление индивидуальной биографии героя на основе его интеллектуального и эмоционального развития, а ориентация на художественное отображение производственного сектора»¹⁵⁸. Требо-

вания, предъявлявшиеся к «производственному жанру», напрямую были связаны с промышленным производством: «Индустрия под названием поэзия требует новых доменных печей, новых гигантов»¹⁵⁹, «самое важное – борьба за Магнитострой литературы»¹⁶⁰.

Не только на словах и в содержании литературное и промышленное производства все более сближались друг с другом. С конца 1920-х гг. и татарские писатели и поэты отправлялись, прежде всего, в новые промышленные центры Урала и Донбасса, чтобы жить рядом с рабочими, учиться у них, и таким образом «пролетаризироваться» – обязательное условие для того, чтобы быть признанным в качестве автора. Как писал в январе 1931 г. Г.Нигмати: «Чтобы получить звание пролетарского писателя, чтобы носить это имя, не хватает только того, чтобы ты родился или жил рабочим, надо уметь усвоить идеи пролетариата как передового класса. То же относится и к пролетарским поэтам»¹⁶¹. Подобное мировоззрение требовало не только активного участия в борьбе за строительство социализма, но и «уничтожения последних корней капитализма»¹⁶². Критики были едины в том, что такие капиталистические, враждебные социализму элементы, представлявшие «националистические» позиции, все еще проявлялись в литературе и искусстве, замаскировавшись в той или иной мере. Борьба против них достигла своей наивысшей точки летом-осенью 1930 г., когда было раскрыто контрреволюционное, националистическое объединение татарских и башкирских писателей «Жидегән», якобы созданное в Уфе в 1928 г. Об этом подробнее еще пойдет речь ниже, в разделе «Национализм и интернационализм». В качестве остатка буржуазных идей, который также должен был быть уничтожен, воспринималась среди всего прочего и поддержка аполитичных «гуманистических» позиций, поскольку такое поведение означало отход от классовой борьбы, а значит,

являлось выражением враждебной точки зрения¹⁶³.

«Пролетарская» критика в конце 1920-х гг. была направлена не только против писателей, поэтов, интеллектуалов, публиковавшихся еще до Октябрьской революции и сделавших тогда свое имя, как, например, Дэрдменд, Сагит Рамиев, Наджип Думави, Гали Рахим, Абрар Сагиди, Газиз Губайдуллин и Садри Джалал. Впервые подверглись критике и авторы, которые еще до середины 1920-х гг. считались борцами за дело революции и социализма, например, Захира Байчурина, Фатхи Бурнаш, Габидов, Гадель Кутуй, Габдрахман Минский и др.¹⁶⁴ Галимджан Ибрагимов, отпраздновавший 20-летие своего литературного творчества в 1928 г. в Казани, хотя и попал под огонь критики, которая обвинила его в том, что он марксист только внешне, а внутри же остается националистом, пережил эти нападки (еще) без особых последствий, поскольку критиковала его пока еще небольшая группа «ультралевых»¹⁶⁵. Возможно, что именно эта критика послужила поводом для того, что спустя три года, весной 1931 г., Г.Ибрагимов опубликовал программную статью, в которой он потребовал от ТАПП присоединиться к радикальной оценке литературного наследия, как этого требовала и РАПП, отказаться от всех великих поэтов прошлого, что было сделано РАПП в отношении Пушкина, и решительно повести борьбу за «демыанизацию» (демыанашу) советской литературы¹⁶⁶.

Осенью 1930 г. внутри ТАПП были произведены первые чистки. Из 52 писателей, чьи идеологические точки зрения и творчество были проверены, десять были исключены из ассоциации и некоторые другие – строго предупреждены¹⁶⁷. После этого карусель осуждений завертелась все быстрее. Писатели, критики, интеллектуалы, которые еще только недавно выступали в качестве обвинителей, сами очень скоро оказывались на скамье подсудимых и становились жертвами духа,

который они сами и вызвали. Очень многие из них закончили свою жизнь в лагере или же на эшафоте¹⁶⁸. Такое развитие продолжалось до конца 1930-х гг. и последовательно находило свое завершение в «устранении устранителей»¹⁶⁹.

Последним из известных дореволюционных татарских писателей под огонь критики попал и Тукай. Он был отмечен как непролетарский поэт и в качестве такового критиковался. Между 1928 г. и серединой 1930-х гг. нет ни одной (опубликованной) точки зрения, которая оценивала бы Тукай положительно или, по крайней мере, нейтрально. Решающее значение для оценки играло то, что его мировоззрение считалось пессимистическим или «мелкобуржуазным».

Пессимизм был качеством, которое не только не соответствовало советской реальности, но и рассматривалось как чуждое. Это ясно проявилось, например, в середине 1931 г., когда рассматривался вопрос о публикации стихотворения «Көзге жилләр» учителя Каюма Фазылзянова, похожего на известное стихотворение Тукай не только по названию, но и напоминавшего его по содержанию. Оно было отвергнуто со следующим обоснованием: «И вы, товарищ Каюм, пишете свое стихотворение «Көзге жилләр», подражая дореволюционным поэтам, как будто позабыв, что вы живете в годы великого строительства. (...) И вы ведете речь о безрадостных осенних проявлениях. А наша осень – это осень шумная, бурлящая, веселая. Поскольку вы сами являетесь учителем, вы должны были бы знать, какова советская осень, что ей поручено столько общественных дел. (...) А все ваши чувства и мысли в стихотворении о ветрах и дождях, которые находятся вне нашей жизни»¹⁷⁰.

Основные критерии для положительной оценки поэта, сформировавшиеся в первой половине 1930-х гг., требовали от него ясно выраженной позиции в деле социализма и безусловного выступления за интересы

пролетариата. С такой точки зрения оценивались также поэты, жившие и творившие до Октябрьской революции. Если они в советской интерпретации не соответствовали таким измерениям, они подвергались критике, а их творчество объявлялось «классово враждебным». Число «старых» литераторов, чье творчество могло соответствовать новой критике, с конца 1920-х гг. все уменьшалось и уменьшалось. Уже в 1927 г. в качестве признаваемых для советской действительности назывались лишь пятеро «старых» авторов: Шариф Камал, Маджит Гафури, Галимджан Ибрагимов, Зариф Башири и Галиасгар Камал¹⁷¹. Полностью без ущерба смогло пройти через 1930-е гг. только литературное творчество первого из названных¹⁷².

Габдулла Тукай в конце 1920-х гг. уже не относился к «старым, добрым писателям». Только в его раннем творчестве, стихотворениях и статьях, написанных между 1905 и 1907 гг. в Уральске, некоторые критики находили что-либо положительное. Причина тому довольно ясная: первая фаза творчества Тукая прямо совпадала со временем, которое советской интерпретацией истории было закреплено за первой русской революцией. Поскольку некоторые стихи Тукая этих лет отражают общее настроение перелома, Тукай видели в качестве составной части этой первой революции, а значит и в качестве провозвестника тех целей, которые в советском понимании были реализованы Великой Октябрьской революцией. Прогрессивный тон в ранних произведениях Тукая и его словесное признание социализма в стихотворении «Сорыкортларга»¹⁷³ ничего не означали для критиков начала 1930-х гг. (в отличие от более ранних и, тем более, поздних критиков), потому что во время революции 1905 г., говоря словами, например, Ф.Сайфи-Казанлы, «все называли себя социалистами»¹⁷⁴. А время реакции (столыпинщина) показало, что мировоззрение Тукая было вовсе не социалистическим или

пролетарским, а «мелкобуржуазным». Критика Тукаем недугов своего времени, его борьба против религиозного фанатизма, невежества и несправедливости хотя и могут быть признаны, по мнению Ф.Сайфи-Казанлы, опять-таки не доказывают, что он, как заявляли некоторые критики в начале 1920-х гг., являлся «безжалостным революционером». В его критике, наоборот, он как раз проявлял себя как типичный представитель мелкой буржуазии. И это выражалось, прежде всего, в том, что он хотя и вел борьбу против существовавшей системы, ему не хватало видения перспективы, он не знал, как должно выглядеть лучшее будущее и потому не мог за него бороться¹⁷⁵.

По мнению Ф.Сайфи-Казанлы, различные и противоречивые характеристики Тукая как «панисламиста», «клерикального религиозника», «националиста и религиозника», «националиста», «социалиста», «народника», дававшиеся за период времени с его смерти до конца 1920-х гг.¹⁷⁶, не имели никакой основы, так как Тукай не только не имел какого-либо ясного мировоззрения, но даже и не понимал, что такие взгляды означают и к чему ведут¹⁷⁷. Или, по словам его личного друга Чыгтая, которые он высказал еще в 1925 г., – «он не смог выбраться из политического детства»¹⁷⁸. «Очень трудно назвать стихи Г.Тукая, в которых открыто защищались бы трудящиеся и освещался бы процесс их труда. (...) Тукай любит одинаково видеть и бедного, и богатого. По его мнению, пусть будет человек и хороший человек. А из какого он класса, даже если он объективно угнетает бедняка, творит зло, – это для него стоит на последнем месте. Или даже он вообще не обращает внимания на эту сторону проблемы»¹⁷⁹. Чтобы подтвердить подобную оценку, Фатых Сайфи-Казанлы цитировал среди прочих и стихотворение Тукая, посвященное памяти Хусаина Ямашева, умершего 13 марта 1912 г. «первого татарского большевика» (таков был его «почетный титул» в советское время): «Сильный,

слабый, бедный, богатый – все было для него одно»¹⁸⁰. Отсутствие политического разума и идеологического сознания проявилось, по мнению Ф. Сайфи-Казанлы, также и в двух единственных стихотворениях Тукая, ясно и отчетливо представляющих «массы» – «Көзге жилләр» и «Кярханәдә»¹⁸¹, и поэт нес ответственность за свои «классовые колебания»¹⁸².

Пессимизм Тукая оценивался критиками как непосредственный результат его мелкобуржуазного мировоззрения¹⁸³. Пессимистические тона встречались в позднем творчестве Тукая, как это заявлялось до середины 1920-х гг. Они появились уже в 1907 г. и усиливались вплоть до его смерти. Единственным мотивом, который последовательно проходил через все творчество Тукая, был, по мнению Махмута Максута (Магиса), пессимизм. Это признавалось и отмечалось всеми критиками, и даже Галимджаном Нигмати, который еще в 1923 г. писал, что «на всем жизненном пути Тукай не терял надежды (оптимизма)»¹⁸⁴.

Новым в конце 1920-х – начале 1930-х гг. была не характеристика стихов Тукая как пессимистических. Новой была оценка, которая связывалась с этим свойством. Как уже упоминалось, современники Тукая не только не критиковали его пессимистические стихи, а, наоборот, даже восхваляли некоторые из них, определяя их как «истинную поэзию»¹⁸⁵. Те критики, которые в середине 1920-х гг. не оспаривали пессимистические тона в творчестве Тукая или же критиковали их, уже предупреждая дальнейшее развитие, пытались объяснить это тем, что они представляли Тукая как жертву своего времени и что все это было обусловлено господством буржуазии, эксплуатацией и социальной нищетой населения. Важнейшим представителем такого направления был писатель Фатхи Бурнаш. В предисловии к сборнику стихотворений Тукая, изданному в 1926 г. под его редакцией, он так объяснял пессимизм Тукая:

«С самого чрева матери и до самой смерти он перелистывал все черные страницы, которые приготовило буржуазное общество для его жизни, поэтому нельзя удивляться тому, что у него прогрессировали подобные [пессимистические] струны»¹⁸⁶. Фатхи Бурнаш словно получил поддержку своей интерпретации от Петра Когана, одного из известных русских литературоведов 1920-х гг. В 1927 г. в одной из своих статей о татарской литературе он писал, что безнадежность (өмитсезлек), проявляющаяся во многих стихотворениях Тукая, была характерна и для русской литературы периода реакции (с 1907 г.), и в обоих случаях она восходит к тем же удушающим общественным условиям¹⁸⁷.

После 1928 г. такой ход мыслей и такая оценка оказались недолговечными. Время реакции, время после 1907 г. уже внимательно не рассматривалось большинством критиков после 1928 г. – и не в последнюю очередь из-за того, что, например, для татар трудно было предъявить личности того времени, которые бы сохранили в период реакции революционно-оптимистическое мировоззрение. В представлении о дореволюционной эпохе и ее литературе внимание было сосредоточено почти исключительно на годах первой русской революции. Революционный порыв, востребованный в конце 1920-х гг., двумя компонентами которого были борьба против старого и борьба за новое, проецировался на революцию 1905–1907 гг. Ей приписывалось, что в целом она имела те же цели, что и Октябрьская революция и инициированная 15 съездом партии полная социалистическая перестройка всех направлений жизни. Важнейшей чертой для сконструированной таким образом исторической последовательности стал оптимизм. Пессимистические тона или же масштабное пессимистическое мировоззрение могли только означать, что революция не была понята или же ее цели рассматривались как недостижимые. Поэтому пессимизм

одновременно означал отказ от движения истории, которое подразумевалось и предписывалось социализмом.

На этом фоне вовсе неудивительно, что не только Тукай оценивался отрицательно после того, как его мировоззрение было охарактеризовано как пессимистическое, но вместе с ним и те, кто пытался объяснить и оправдать эти пессимистические тона в его творчестве. Уже в 1928 г., но особенно сильно в начале 1930-х гг., подвергался нападкам и критиковался за свои «буржуазные» взгляды Фатхи Бурнаш¹⁸⁸. Даже Петр Коган, считавшийся еще в конце 1920-х гг. «одним из главных представителей социологизма в [советском] литературоведении»¹⁸⁹, не избежал общей участи: его оценки татарской литературы в целом, и творчества Г.Тукая, в частности, сделанные во введении к сборнику произведений татарских писателей в переводе на русский язык, изданному в 1927 и 1930 гг.¹⁹⁰, с 1931 г. подвергались в Татарстане суровой критике¹⁹¹.

С конца 1920-х до середины 1930-х гг. Тукай и его литературное творчество переживали серьезные нападки. В них принимали участие и те критики, которые раньше, при жизни Тукая или еще в 1920-е гг., совсем иначе высказывались о поэте. Самым известным примером радикального поворота в оценках творчества Тукая является, конечно, Фатых Сайфи-Казанлы. Летом 1913 г., буквально после смерти Тукая, он еще называл покойного поэта «солнцем татарской истории»¹⁹². А в 1923 г. на мероприятии, посвященном 10-й годовщине со дня смерти Тукая, Ф.Сайфи-Казанлы выступил против тех, кто определял и славил Тукая как «народного поэта». Он не мог присоединиться к подобному мнению, так как, на его взгляд, такая оценка полностью оставляла вне внимания то, что основным мотивом поэзии Тукая была не классовая борьба, а мелкобуржуазный национализм. Для Сайфи-Казанлы Тукай был не поэтом народа, а поэтом мелкой буржуазии¹⁹³. Во вступитель-

ном и заключительном словах, написанных Ф.Сайфи-Казанлы к трехтомному сборнику произведений Тукая, изданному в 1929–1931 гг., он настойчиво поддержал свою позицию 1923 г. Но с ним произошло то же самое, что и со многими другими критиками: радикальные позиции вчерашнего дня были подавлены еще более радикальными позициями дня сегодняшнего. Вскоре после появления первых двух томов (1929 и 1930 гг.) критик Сайфи-Казанлы сам попал под огонь критики. Хотя, как отмечал его критик Гумар Гали, он в целом правильно анализировал творчество Тукая, но все же не был в состоянии или же просто не хотел сделать правильные общественно-политические выводы из этого анализа, что можно объяснить лишь недостатком классового сознания¹⁹⁴. Еще летом 1929 г. сатирический журнал «Чаян» иронизировал по поводу этого все более быстро раскручивающегося колеса критики критики (и т.д.): «По случаю приближающейся 20-й годовщины со дня смерти народного поэта Г.Тукая Фатых Сайфи-Казанлы, не являющийся народным поэтом, в качестве самого скверного памятника Тукаю начал публиковать произведения Тукая, сделав при этом 2599 ошибок. И за эти 2599 ошибок Фатых Сайфи получил лишь 2400 рублей денег. И только собрался Фатых Сайфи бросить Тукая в печатную лохань «Чаяна», чтобы избавиться от этого скверного памятника, откуда-то появился Гумар Гали, и вместо Тукая бросил в эту лохань самого Фатыха Сайфи»¹⁹⁵. Дополнив картину, отметим, что оставалось еще примерно пять лет, пока Ф.Сайфи-Казанлы не оказался окончательно в «лохани» советской истории. Его радикализм, по меньшей мере, словесный, который все возрастал по мере усиления критики в его адрес, не оправдался: прежние «заблуждения» настигли его, и 16 сентября 1936 г. он был арестован и осужден за национализм и членство в партии социалистов-революционеров (до 1917 г.). Про-

ведя почти год под арестом, 3 августа 1937 г. он был приговорен к смерти и два дня спустя расстрелян¹⁹⁶.

Критика Габдуллы Тукая и его творчества в период с 1928 г. до начала 1930-х гг. имела идеологическую природу. Решающим в оценке Тукая было то, что Фатых Сайфи-Казанлы определил как «практическую проблему» – «политико-общественный момент» в его творчестве. Проблемы же исключительно «академического значения», как то «развитие творчества Тукая, особенности стихотворений Тукая (...), типы в произведениях Тукая (...), Тукай поэт – реалист или романтик? (...), эволюция языка Тукая»¹⁹⁷, не играли особой роли для Ф.Сайфи-Казанлы и его коллег-критиков. Поскольку они не отвечали (идеологическим) требованиям, поставленным перед литературой, в том числе и литературой дооктябрьского времени, вовсе неудивительно, что Фатых Сайфи-Казанлы, Гумар Тулумбайский, Галимджан Нигмати и другие татарские критики находили в стихотворениях Тукая мало того, что можно было бы упомянуть в положительном смысле. Мнение о Габдулле Тукае и его творчестве было, таким образом, сплошь негативным.

И в то же время, по моему мнению, критикам тех лет принадлежит заслуга и правильной оценки Тукая. Они, например, правильно замечали, что Тукай не был «левым» поэтом, как считала часть татарской интеллигенции в 1920-е гг. и как это было официально декларировано в представлении о Тукае в конце 1930-х гг. Они обращали внимание на то, что «народ» Тукая – это не то же самое, что «трудящиеся», социалистические «массы», как это представлялось позднее, в 1940–1950-е гг. И они замечали, и также правильно, что религия и вера в Бога играли важную роль в творчестве Тукая, что он не был передовым бойцом атеизма, как это частично заявлялось до Октябрьской революции, а после Второй мировой войны стало господствующим мнением.

На мой взгляд, причина того, что критики непосредственно на рубеже 1920–1930-х гг. могли таким образом «объективно» анализировать (не оценивать!) творчество Габдуллы Тукая, кроется в том, что невозможно было инструментализировать Тукая и его творчество для идеологии, требуемой и поддерживаемой тогда государством. Решительный отказ от всего старого, определявший с конца 1920-х гг. политику, экономику, культуру и литературу, оставлял совершенно мало простора для того, чтобы отобразить какого-либо представителя этого старого в положительном свете. Это касалось не только Габдуллы Тукая, но и всех его современников-литераторов. Новое время потребовало новых авторов, и практически ни один из татарских писателей и поэтов, начавших писать еще до Октябрьской революции, не оценивался полностью положительно. При этом можно выделить три группы «дореволюционных» поэтов и мыслителей. К первой группе принадлежали те, кто еще жил в конце 1920-х гг. Их положение в 1930-е гг. становилось все сложнее и сложнее. Они должны были осознавать, что их «заблуждения» (в ретроспективном представлении) дореволюционного прошлого раскрыты и что они могут быть за это осуждены – что и произошло во многих случаях (например, Галимджан Ибрагимов, Джамал Валиди, Фатхи Бурнаш). Вторая группа состояла из тех, кто скончался в 1920-е гг. и в послеоктябрьское время показал себя недостаточно активным сторонником революции – что было непросто, так как прямой путь революции фактически проявился только впоследствии. Посмертно они подверглись критике и оскорблялись – например, Дэрдменд, Сагит Рамиев, Фатых Амирхан. К третьей группе можно отнести поэтов, которые уже до 1917 г. ушли из жизни и потому не были поставлены перед вопросом, как они должны относиться к реальной революции и к реальному социализму. Они могли критиковаться «только» за непрогрес-

сивное мировоззрение и идеалы. От самого серьезного обвинения – защиты антисоветских позиций – они были освобождены «милостью ранней смерти». Критика в их адрес была сравнительно умеренной, потому они впоследствии и были реабилитированы одними из первых. Важнейшим и известнейшим представителем этой третьей группы являлся Габдулла Тукай.

Решительное осуждение Тукая, что отчетливо проявлялось в таких выражениях, как «националист и религиозник»¹⁹⁸ или же «друг капиталистов»¹⁹⁹, и характеристика его стихотворений как пессимистических и «вредных»²⁰⁰ – все это было примерно до 1926 г. господствующей (и официально санкционированной) позицией критики при рассмотрении Габдуллы Тукая и его творчества²⁰¹. Последним, кто представлял эту позицию, был Муса Джалиль. Его шестистраничное вступительное слово к собранию сочинений Тукая, вышедшему под его же редакцией в 1938 г.²⁰², является кратким изложением всех тех обвинений, которые предъявлялись Тукаю с конца 1920-х гг. Правда, своей критикой Тукай Джалиль был вовсе не на высоте – вскоре после публикации сборника подверглись критике редакционные недоработки, но, прежде всего, вступительная статья²⁰³. Причиной этого было то, что примерно с 1937 г. изменилась позиция партии, а значит и литературной критики, по отношению к дореволюционному культурному и литературному наследию. Не совсем ясно, не заметил ли Муса Джалиль это изменение, или же он критиковал Тукай, не обращая внимания на него. Последнее представляется мне вряд ли возможным, так как Джалиль не мог не знать о тяжелейших последствиях, ожидавших того, кто в 1936–1938 гг. уклонялся от официальной линии партии. Вероятно, что Джалиль написал свое вступительное слово, передал его в издательство, и оно было принято к печати тогда, когда критика Тукая еще была в моде, сама же публикация пос-

ледовала после официального признания такой точки зрения неверной²⁰⁴.

В чем же заключалась эта новая точка зрения и как оценивался Габдулла Тукай и его творчество примерно с 1937 г., об этом речь пойдет в следующем разделе.

1.2.4. Тукай-оптимист (середина 1930-х – конец 1950-х гг.)

В предыдущих разделах этой главы периодизация развития представлений о Габдулле Тукае в целом совпадала с принятым хронологическим подразделением истории советской литературы. Следующий период развития представления о Тукае, начинающийся с середины 1930-х и заканчивающийся концом 1950-х гг., охватывает отрезок времени, который в изучении истории Советского Союза подразделяется на несколько периодов. Хотя в течение почти четверти века, которую я рассматриваю в данном разделе в оценке личности и творчества Тукая, были и различные точки зрения, все же эти нюансы, непосредственно связанные с актуальными политическими событиями, можно оставить без внимания и сконцентрироваться на целостной оценке поэта. Тогда можно установить, что мировоззрение Габдуллы Тукая за эти примерно 25 лет характеризовалось как «оптимистическое», т.е. оценивалось положительно.

Прежде чем рассмотреть, как происходила эта радикальная переоценка Тукая в татарской литературной критике, я хотел бы в общих чертах упомянуть некоторые события из политической жизни, сыгравшие важную роль в представлении о Тукае.

В 1934 г. началась реставрация прошлого. Историческая школа Покровского, резко критиковавшая политику Российской империи по отношению к своим русским, и особенно нерусским подданным, и отказывавшая ей в каком-либо цивилизаторском и прогрессивном характере²⁰⁵, была официально отвергнута²⁰⁶. На ее место пришло

прославление русского прошлого²⁰⁷. Санкционированный русский патриотизм при этом подтолкнул к усилению борьбы против местного национализма²⁰⁸. Понятия «Родина» и «Отчизна», применявшиеся в Советском Союзе до 1934 г. очень редко и критиковавшиеся как выражение мелкобуржуазных представлений, с весны 1934 г. стали считаться «приличными» – они вполне подходили к новому понятию – «советский патриотизм». Согласно этому понятию родина являлась «социалистической», а ее история – «революционной»²⁰⁹. И это означало не только связь с «определенной частью Земли», но и одновременно «связь с идеологией»: «советский патриотизм помогал укрыть за «надежными и эмоциональными» словами внутренние противоречия советского общества»²¹⁰. Он был задуман как замена революционному энтузиазму, который не мог существовать после катастрофы коллективизации и голода²¹¹.

Непосредственно с «советским патриотизмом» было связано представление о «дружбе народов Советского Союза» – формулировка, которую Сталин впервые употребил в декабре 1935 г. и снабдил ее такими атрибутами, как «вечная» и «нерушимая»²¹². То, что в советской семье народов «русскому народу» принадлежит ведущая роль, было установлено с самого начала и было выражено также и в языке – только русским было придано качество «великих», они были «первыми среди равных», а «все народы союзных республик воспринимали русских со священным чувством дружбы, любви и благодарности»²¹³. Годы Второй мировой войны понятным образом стали «важными годами, в которые созрел миф о дружбе народов»²¹⁴. В период с конца войны и до смерти Сталина (1953 г.) русский патриотизм приобретал все более и более выраженные шовинистические формы²¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁹ Среди таких, например, Фарид Ибрагимов, Г.Сунгати, Габдулла Харрис, Султан Рахманкулый, Вакиф Джалал и др. См.: **Baldauf, Ingeborg: Prometheismus in der circumrevolutionären tatarischen Lzrik**, in: *Bamberger Mittelasiestudien*. Hrsg. **Bert G. Fragner, Birgitt Hoffmann, Berlin 1994, S. 30, 47–48.**

³⁰ Незадолго до начала войны, 11 марта 1914 г., газета «Йолдыз» описывала положение татар очень наглядно: «Изо дня в день шло в направлении обнищания, фактически пришло в состояние хозяйственной гибели».

³¹ Такая мысль для 1915 г. приводится в журнале «Ан» (10.03.1916. – №3. – 54 б.)

³² *Ан.* – 01.06.1915. – № 11. – 191 б.

³³ *Ак Юл.* – 04.11.195. – № 21 (оборотная сторона титульного листа).

³⁴ Женский журнал «Сөембикә» – это интересный и поучительный пример: после того, как его выпуск был прекращен в 1918 г., в августе 1926 г. он возродился под названием «Азат хатын». В 1941–1957 г. он был вновь закрыт. А с 1958 по 1990 г. выходил вновь под тем же названием «Азат хатын». В 1991 г., в период распада СССР, он был переименован и вновь получил свое, еще досоветское название – «Сөембикә».

³⁵ Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – 18 б. Было только одно-единственное исключение: детский журнал «Ак юл» выходил под тем же названием с 1913 по 1966 г.

³⁶ Pipes, Richard: *Die Russische Revolution. Band III: Russland unter dem neuen Regime*, Berlin 1993, S. 480.

³⁷ Нигъмәти Г. Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // *Безнең юл.* – 1927. – № 10. – 28 б.

³⁸ «Хроника литературных событий» в 4-м томе «Истории татарской литературы» (1989 г.) упоминает в 1917 г. лишь одну книгу – сборник стихов М.Гафури «Кызыл байрак». За 1918 г. названы две публикации: «Г.Газиз хикәяләре» и сборник стихов С. Сунчалая «Ихтиляль шигырьләре». Если в 1919 г. не появилось ничего, достойного упоминания, то в 1920 г. вышло восемь наименований книг: роман «Безнең көннәр», драма «Яшь йөрәкләр» Галимджана Ибрагимова, поэма «Эшче» Маджита Гафури,

сборник стихов Фатхи Бурнаша, а также два сборника лирики «Инкыйлаб чаткылары» и «Чаткылар» (Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – 540–543 б.).

³⁹ Simon, Gerhard: *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society*, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 56. Здесь не учтена разница между литературными и нелитературными публикациями.

⁴⁰ Татар матур әдәбияты библиографиясе (1917–1960) / Ред. Ә.Г.Кәримуллин. – Казан, 1964. – 7 б. Здесь приведены и прочие цифры: 1917 г. – 28, 1918 г. – 29, 1919 г. – 25. Общий тираж публикаций не назван. Эта тенденция отката назад в татарской литературе продолжалась и после введения X съездом коммунистической партии (8–16 марта 1921 г.) «новой экономической политики» и достигла своей низшей отметки в 1923 г. 10 изданных в этом году книг имели общий тираж всего лишь 24 000 экземпляров. Подобная картина наблюдалась не только у татар. Такое развитие у татар в точности соответствовало тому, что имелось у русских: в 1912 г. общий тираж русской беллетристики составлял 33 миллиона экземпляров, к 1922 г. он упал до 3,5 миллиона. (Beu-rau, Dietrich. *Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S. 61). В отличие от русской литературы, тираж которой уже в 1925 г. достиг довоенных показателей, в татарском книгоиздании только в 1982 г. был достигнут уровень 1911 г. – в 1982 г. была издана 171 татарская книга общим тиражом в 2,2 миллиона экземпляров (Simon, Gerhard: *Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union*, S. 330).

⁴¹ Не следует путать с одноименным официальным татарским литературно-культурным журналом, который с 1922 г. ежемесячно выходил в Казани.

⁴² Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – 22–24 б. О татарских журналах, выходящих в начале 20-х гг., см.: Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – 83 б.

⁴³ Татар әдәбияты тарихы. – Т. 4. – 31 б. Многие из этих молодых литераторов во время гражданской войны воевали на стороне красных, как обычные солдаты, и именно в этом качестве впервые выступили перед общественностью. Самыми известными среди них являлись: Шамун Фидаи, Гумер Гали, Тази Гиззат, Муса Джалиль, Ибрагим Юсуфи, Ярлы Карим, Махмуд Максуд, Исмагил Рами, Бари Рахмат, Афзал Шамов и Шамиль Усманов. Мне неизвестно, были ли и татарские интеллектуалы, которые активно воевали в качестве солдат на стороне белых против революции и Советской власти.

⁴⁴ *Ибраһимов Г.* Ижтимагый революция вә татар зыялылары // Эшче. – 10, 11, 12.03.1919. Здесь цит. по: *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. Сигез томда. – Т. 6: Публицистика 1907–1932) / Ред. Р.Р. Гайнанов. – Казан, 1986. – 185 б.

⁴⁵ *Бабич Ш.* Зәнгәр жырлар: Шигырьләр, поэмалар, эпиграммалар, мөкалөләр, хатлар / Ред. Г. Гыйлманов. – Казан, 1990. – 11–12 б. О колебаниях Бабича относительно идеалов говорилось в одной из неназванных статей Г.Ибрагимова 1920 г. (Нәжми К. Әдәбиятыбызда марксизм тәнкыйте һәм Галимжан // Нәжми К. Әсәрләр. Дүрт томда. – Т. 4: Әдәби-публицистик мөкалөләр һәм очерклар, хатлар / Ред. Н. Гыйззәтуллин, Т.Нәжметдинов. – Казан, 1984. – 71–72 б.) Здесь же приведена точка зрения самого К.Наджми от 1928 г. См. также: Baldauf, Ingeborg: *Prometheismus in der circumrevolutionären tatarischen Lirik*, in: *Bamberger Mittelasienstudien*. Hrsg. Bert G. Fagner, Birgitt Hoffmann, Berlin 1994, S. 43–44. Приведенный в последней работе факт, что Бабич покончил жизнь самоубийством (S. 44, 48), в советских источниках не встречается.

⁴⁶ *Ибраһимов Г.* Кызыл штык һәм кызыл каләм // Эшче. – 19.10.1920. – № 98. Здесь цит. по: *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. Сигез томда. – Т. 6: Публицистика 1907–1932) / Ред. Р.Р. Гайнанов. – Казан, 1986. – 219 б.

⁴⁷ Безнең юл. – 08.10.1918. – № 5.

⁴⁸ *Ибраһимов Г.* Яңа мәдәният төзү юлында гыйльми-мәдәни коллективлар // Эшче. – 07.01.1921 – № 129. Здесь цит. по: *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. Сигез томда. – Т. 6: Публицистика 1907–1932) / Ред. Р.Р. Гайнанов. – Казан, 1986. – 240 б. Издательство существовало как казанское отделение Центрального московского издательства уже с 22 июля 1919 г. (Шунда ук. – 536 б.).

⁴⁹ Под названием «Безнең юл» журнал выходил до июня 1930 г. После того как он с июля этого года до конца 1932 г. издавался под названием «Атака», указав направление татарской литературе и культуре, с января 1933 до мая 1964 г. он выходил под бесхитростным названием «Совет әдәбияты», а с июня 1965 г. до настоящего времени журнал носит название «Казан утлары».

⁵⁰ *Каишаф Г.* Нигез ташларын салганда // КУ. – 1971. – № 3. – 141 б. То, что тираж в 1000 или 1500 экземпляров был действительно очень мал, показывает сравнение с журналом «Ислам мәҗәлләсе», издававшимся в Уфе с 1920 по 1927 г. Хотя религия и являлась «опиумом для народа», журнал ежемесячно выходил тиражом в 7000 экземпляров (Ибраһимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. – Т. 6: Публицистика 1907–1932. – 394 б.).

⁵¹ *Ибраһимов Г.* Халыкны саташтырмагыз! // Ирек. – 05.07.1917 – №26. Здесь цит. по: Ибраһимов Г. Әсәрләр. Сигез томда. – Т. 6: Публицистика 1907–1932 / Ред. Р.Р. Гайнанов. – Казан, 1986. – 130 б. В примечании на с. 518 этот взгляд Г.Ибрагимова назван «ошибкой», от которой он все же очистил себя еще до Октябрьской революции.

⁵² Собрание в Москве было организовано местным культурным обществом «Ташкын». Торжественная речь юриста Шакира Мухаммедьярова называлась «Тукай кем?». В том же году она была опубликована в Москве.

⁵³ *Вәлиди Ж.* Габдулла Тукаев // Вақыт. – 06.04.1913. – № 1172.

⁵⁴ *Вәлиди Ж.* Татар шагыйрьләре // Вақыт. – 24.07.1913. – № 1257. Статья была продолжена в следующем номере. Критик, о котором здесь говорит Дж.Валиди, что видно и из названия его статьи, – это Галимджан Ибрагимов. См. также: Рәмиев С. Икенче апрель көне // Ил. – 02.04.1914. – № 23.

⁵⁵ *Вәлиди Ж.* Габдулла Тукаев // Вақыт. – 06.04.1913. – № 1172.

⁵⁶ *Вәлиди Ж.* Татар шагыйрьләре // Вақыт. – 24.07.1913. – № 1257. Выражение «мәзлум халык», приведенное в данной статье при описании именно этих лет, мне кажется, следует переводить как «простой народ». Буквальный его перевод «угнетенный народ» в позднейшем советском лексиконе был настолько насыщен классовой идеологией, что его нельзя применять для времени до Октябрьской революции, не объясняя, какой смысл в него вкладывается. См. также: Мөхәтдиния М. Габдулла Тукаев әдәбияты. Вафатына өч ел тулу мөнәсәбәте илә // Ан. – 20.04.1916. – № 7. – 104–106 б.

⁵⁷ *Вәлиди Ж.* Татар шагыйрьләре // Вақыт. – 24.07.1913. – № 1257; 25.07.1913. – № 1258.

⁵⁸ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 85 б.

⁵⁹ *Шунда ук.* – 82–83 б. Словами «удовольствие и вкус» Г.Ибрагимов намекает на стихотворение Г.Тукая «Ләззәт вә тәм нәрсәдә?», написанное в 1907 г. Правда, в оригинале слова, переданные Ибрагимовым как «служение народу» (халыкка хезмәт), звучат как «служение нации» (милләткә хезмәт). Для Галимджана не было особой разницы: оба понятия не могли удовлетворить его тогдашние требования к литературе. Позднейшие советские критики, когда его взгляды 1913 г. определялись как «буржуазные», будто по иронии, восприняли эту сфальсифицированную Г.Ибрагимовым цитату и всегда приводили ее в качестве доказательства связи Тукая с народом, который к тому же воспринимался как «трудящиеся» – идеологическая категория, которая не существовала во время написания стихотворения.

⁶⁰ *Шунда ук.* – 85–86 б.

⁶¹ *Биккулов И.* Габдулла әфәнде Тукай // Сибиряк. – 07.04.1913. – № 96.

⁶² Это дата, названная в первой публикации (Шура. – 01.09.1911. – № 17).

⁶³ Галимджан здесь намекает на стихотворение «Шагыйрь» (Әл-ислах. – 17.03.1908. – № 23), в котором Тукай выразил безграничную веру в силу поэта. В последней строфе мы читаем следующие строки: «И с песнями я буду умирать, и не стану молчать, даже когда увижу Газраила».

⁶⁴ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 102 б.

⁶⁵ Некоторые примеры: «Теләү бетә» (20 декабря 1909 г.), «Яратырга ярый» (1910 г.), «Мигъраж» (13 апреля 1910 г.), «Үкенеч» (1 июля 1910 г.), «Өмидсезлек» (22 ноября 1910 г.), «Тәләһһеф» (1 декабря 1910 г.), «Тәүбә вә истигъфар» (12 октября 1910 г.), «Вәсыятем» (?).

⁶⁶ 100 б. См. также: 72, 99, 101 б.; Бәкер К. Күңел жимешләре // Нур. – 15.04.1911. – № 230; Моради Я. Тукаев Уральскида. – Әстерхан, 1913. – 24 б.

⁶⁷ Стихотворение «Мигъраж» было опубликовано 13.04.1910 в газете «Йолдыз». Мне неизвестно, когда было написано стихотворение «Вәсыятем» и когда оно было впервые опубликовано. Газета «Тормыш», выходящая в Томске, опубликовала его в своей первой статье с сообщением о смерти Тукая (05.04.1913. – № 95). В 1971 г. оно также появилось на страницах журнала «Казан», издававшегося в Анкаре татарами-эмигрантами (№ 3. – 12 б.).

⁶⁸ *Вәлидов Ж.* Тукаев хакында берничә сүз. Вафатына бер ел ел булу мөнәсәбәте илә // Вақыт. – 02.04.1914. – № 1454.

⁶⁹ См., например: Ибраһимов Г. Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 61, 70, 76 б.

⁷⁰ Во многих стихах и статьях Тукай насмехался над Чыгтаем: «Мөгърух указ» (4 февраля 1910 г.), «Ник? Нигә?» (15 апреля 1910 г.), «Кеше – хайваннар» (15 мая 1910 г.), «Акыллы башлар» (1 июня 1910 г.). Чыгтай ответил на насмешки Тукая уже впоследствии в статье «Татар контриммигранты Казанлыга жавап» (Безнең юл. – 1925. – № 5. – 219–220 б.) и со своей стороны назвал Тукая «двуличным» и «пьяницей».

⁷¹ *Чыгтай.* Габдулла мәрхүм Тукай хакында хосусый ядкәр // Кояш. – 04.02.1914. № 377.

⁷² То, что выводы и требования, которые делались и предъявлялись к коренизации, прежде всего украинскими и грузинскими коммунистами, были намного шире, чем их понимал Сталин, проявилось в течение последующих 15 лет: никто из тех, кто возражал Сталину на партийном съезде и требовал больше национальных прав, не пережил «великой чистки» (1936–1938 гг.). См.: *Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society*, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 24. Ясное предупреждение о том, что с национально-коммунистическими «отклонениями» мириться не будут, Сталин сделал уже непосредственно после XII съезда партии, когда 4 мая 1923 г. в Москве был арестован Мирсаит Султангадиев, самый известный татарский представитель «мусульманских национальных коммунистов». Он был исключен из коммунистической партии и уволен со всех должностей. В конце 1928 г. он был арестован повторно и в 1929 г. с обвинением в националистическом уклоне сослан в трудовой лагерь на Соловецкие острова на Белом море. Там его следы теряются.

⁷³ *Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S. 61.

⁷⁴ Татар матур әдәбияты библиографиясе (1917–1960) / Ред. Ә.Г.Кәримуллин. – Казан, 1964. – 7 б. В то время, как число литературных произведений на татарском языке после 1925 г. росло, их тираж в 1926–1927 гг. упал по сравнению с 1925 г.: 1926 г. – 39 книг, 175 000 экземпляров; 1927 г. – 66 книг, 210 000 экземпляров; 1928 г. – 86 книг, 290 000 экземпляров.

⁷⁵ См.: Ибраһимов Г. Татар әдәбияты (еллык хисап урынына) // Татарстан. – 10.01.1924. – № 7(919); Бурнаш Ф. Матбугат һәм әдәбият (еллык хисап урынына) // Безнең юл. – 1924. – № 3. – 106–120 б.

⁷⁶ Тривиальная коммерческая литература, которая получила сильный подъем у татар как следствие нэпа (см. о ней, например, упомянутые в предыдущей сноске статьи Г.Ибраһимова и Ф.Бурнаша), была запрещена в 1923 г. (*Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985*, Göttingen 1993, S. 61).

⁷⁷ Безнең байрак. – 15.02.1924.

⁷⁸ Татарстан. – 10.02.1924. – № 26 (938); Торай Ш. [Салаватов]. Татар әдәбияты турында диспут // Кызыл Татарстан. – 05.06.1924. – № 110 (1022); КУ. – 1967. – № 9. – 101 б.

⁷⁹ *Толымбайский Г.* Сулф кемнәрдән тора? // Кызыл Татарстан. – 03.06.1924. – № 108(1020).

⁸⁰ Увлечение всем русским особенно у футуристов заходило так далеко, что они либо вообще отрицали существование татарской литературы или же относились к ней очень пренебрежительно (Толымбайский Г. Милли мәсәлә һәм әдәбият // Яңалиф. – 1932. – № 6/7. – 99–104).

⁸¹ О внешнем облике русских интеллектуалов, принадлежавших к различным литературным течениям см.: *Mierau, Fritz: Sergej Jessenin, Leipzig 1992, S. 167. Поведение*

и внешность многих молодых татарских интеллектуалов в середине 1920-х гг. были для татарской общественности, по меньшей мере, так же необычны, как и литература, которую они творили. И не в последнюю очередь из-за этого они описывались в многочисленных статьях того времени, которые я не упоминаю по отдельности. Но все же хочу упомянуть статью, вышедшую в ноябре 1928 г. в сатирическом журнале «Чаян» (с. 7). Она называлась «Шагыйрьләр турында шигыйрьләр», и ее автор под псевдонимом «Пэйгамбәр» дал короткие описания следующих молодых татарских литераторов (порядок автора сохранен): Шайхи Маннур, Кави Наджми, Хади Такташ, Гумар Тулумбайский, Нур Баян, Адель Кутуй, Демьян Фатхи, Тухфат Ченакай, Абрар Сагит, Айдар Асгат. См. также следующие воспоминания, в которых описываются личности, указанные в скобках: Минский Г. Замандашларым. – Казан, 1964 (Нур Баян . –59 б.; Сирин. – 59–60 б.; Хади Такташ – 60 б.); Шамов А. Бер кичәдә (истәлек) // КУ. – 1966. – № 1. – 3–14 б. (Гадель Кутуй, Фахри Асгат, Шамиль Усманов, Хади Такташ, Гумар Тулумбайский, Худжа Рафиков, Галимджан Ибрагимов, Фатых Сайфи-Казанлы, Абрый Сайфи, Фатых Амирхан); Бәширов Г. Уйланулар // КУ. – 1972. – №4. – 140–153 б. (Гумар Тулумбайский – 142–143 б.); Ишморат Р. Яшьлегемне сагынып // /Ред. Р.Нуруллина. – Казан, 1984. – 27–44 б. (Гумар Тулумбайский. – 32 б.); Еники Ә. Хәтердәге төеннәр // Гадель Кутуй турында истәлекләр. – 67–79 б. (Гадель Кутуй, Хади Такташ – 68 б.)

⁸² Mierau, Fritz: Sergej Jessenin, Leipzig 1992, S. 165–183; Pasternak, Boris: Über mich selbst, Frankfurt 1990, S. 27.

⁸³ *Толымбайский Г. Эдәби тәнкыйть, әдәби һөжүмнәр тирәсендә // Татарстан. – 15.11.1923. – № 217 (882).*

⁸⁴ *Рәимов С. Шагыйрьгә әдәби суд // Такташ турында истәлекләр / Ред. Н.Юзиев, Н.Садыйкова. – Казан, 1980. – 98 б. Сафар Раимов, скорее всего, опирался в такой оценке на рассказы современников. Поскольку он сам родился в 1907 г., то вряд ли мог сам принимать участие в «литературных судах».*

⁸⁵ Критик Ханаф Наум, например, так начал свою критику в адрес повести Г.Ибрагимова «Алмачуар»: «Я собираюсь проверить перо товарища Галимджана Ибрагимова при свете революционного марксистского прожектора и с помощью сильного микроскопа диалектики» (Наум Х. Татар әдәбиятында зөһәрле микроб //Татарстан. – 18.07.1923. – № 136 (801). Повесть «Алмачуар» была включена во второй том двухтомника прозы и поэзии, посвященного жертвам голода: Эдәби ярдәм мәжмүгасы. Икенче китап. – Казан, 1922. – 4–40 б.

⁸⁶ Подобный приговор прозвучал, например, 13 апреля 1924 г. на «литературном суде», организованном объединением «Сулф» над Фатхи Бурнашем (Мәжит Улы. Эдәби суд // Татарстан. – 16.04.1922. – № 75 (987).

⁸⁷ На суде, организованном «Сулф» над Хади Такташем 27 апреля 1924 г., обвинителям, например, не удалось убедить присутствующих в «вине» и «ошибках» Такташа. Он был оправдан (КУ. – 1967. – № 9. – 101 б.).

⁸⁸ Eichenbaum, Boris: Warten auf Literatur (1924), in: Die Erweckung des Wortes. Essays der russischen formalen Schule / Hrsg. Fritz Mierau, Leipzig 1987, S. 309–325.

⁸⁹ Так, по крайней мере, представлял положение дел Адель Кутуй в декабре 1934 г. (Такташ белән очрашулар // Такташ турында истәлекләр / Ред. Н.Юзиев, Н.Садыйкова. – Казан, 1980. – 169 б.

⁹⁰ Бөтен РСФСР төрек-татар халыкларының 1927 елы июньдә Казанда булган тел-әдәбият конференциясенен каралары // Мәгариф эшчесе, 1927. – № 6/7. – 6 б.

⁹¹ *Нигъмәти Г. Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // Безнең юл. – 1927. – № 10. – 31 б.*

⁹² *Толымбайский Г. Матур әдәбият фронты. – Казан, 1926. – 17 б.*

⁹³ *Нигъмәти Г. Матур әдәбият тирәсендә // Безнең юл. – 1926. – № 11/12. – 30 б.*

⁹⁴ Weuga, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, Göttingen 1993, S.58–59.

⁹⁵ *Гали Г. ТАПП төзелү уңае белән // Безнең юл. – 1928. – № 10. В конце статьи указана дата – 19 октября 1928 г. В этом номере журнала последние страницы, на которых расположена и данная статья, отпечатаны латинским шрифтом.*

⁹⁶ *Гали М. Татар совет язучылары оешмасында // Яңалиф. – 1930. – № 6 (Декабрь). – 69–70 б.*

⁹⁷ *Яңалиф, 1931. – № 5/6. – 139 б.*

⁹⁸ Mehnert, Klaus: Über die Russen heute. Was lesen sie, wie sind sie, Stuttgart 1983, S. 317.

⁹⁹ Татарстан. – 06.04.1923. – № 72 (737)

¹⁰⁰ Шамов А. Бер кичәдә (истәлек) // КУ. – 1966. – № 1. – 3 б.

¹⁰¹ Бурнаш Ф. Тукай хакында тәнкыйтьчеләр (Г.Тукай ижады турында бер мөләхәсә) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 8 б. См. также: Сәйфи-Казанлы Ф. Габдулла Тукай әсәрләренен ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – VIII б.

¹⁰² Вәлиди Ж. Тукайның шагыйрьлеге // Мөгариф. – 1923. – № 3/4. – 5 б. Другим «восточником» являлся Наджип Думави. Уже в конце 1915 – начале 1916 гг. он вместе с Джамалетдином Валиди принял участие в оживленной дискуссии, развернувшейся на страницах татарской прессы, по вопросу, в каком направлении должна идти татарская культура для того, чтобы развиваться (Йолдыз. – 14.10.1915 и 22.10.1915; Вәлиди Ж. Шәрәктән – гарәбкә // Аң. – 1916. – № 2, 3, 4).

¹⁰³ Это понятие применяет русский литературовед Борис Эйхенбаум в своей статье 1924 г. (Eichenbaum, Boris: Warten auf Literatur, in: Die Erweckung des Wortes. Essays der russischen formalen Schule / Hrsg. Fritz Mierau, Leipzig 1987, S. 311.

¹⁰⁴ Мне неизвестно в данном случае, является ли «Нурсин» именем автора или же его псевдонимом. В соответствующей истории литературы и библиографических трудах нет упоминания о Нурсине.

¹⁰⁵ Сәгъди Г. Татар шагыйрьләре арасында Тукай (Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 7 б. Г.Сагди не цитирует названные стихотворения полностью, а приводит лишь отдельные строфы. Первое и последнее стихотворение он не называет вообще, а третье упоминает под названием «Сагыну вакытлар».

¹⁰⁶ Сәйфи-Казанлы Ф. Габдулла Тукай әсәрләренен ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – VIII б.

¹⁰⁷ Согласно мусульманским представлениям дьявол (ибليس) изначально был ангелом. После того как он единственный из ангелов ослушался повеления Бога встать на колени перед первым человеком Адамом, он был изгнан из рая и отправлен в ад (Коран. – Сура 7. – Стих 11–18).

¹⁰⁸ Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 2. – 205 б.

¹⁰⁹ Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 2. – 123 б.

¹¹⁰ Там же. – С.163.

¹¹¹ Цит. по: Сәгъди Г. Татар шагыйрьләре арасында Тукай (Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 7 б.

¹¹² Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 2. – 53 б.

¹¹³ Сәгъди Г. Татар шагыйрьләре арасында Тукай. – 7 б.

¹¹⁴ Тукай Г. Әсәрләр. – Т. 2. – 245 б.

¹¹⁵ Габдрахман Минский был одним из последних, кто открыто отстаивал такую точку зрения (Минский Г. Шагыйрь Тукай // Кызыл яшьләр. – 21.04.1928. – № 15 (299).

¹¹⁶ О времени до середины 1924 г. см.: Турай Ш. (Ш.Салаватов). Татар әдәбияты турында диспут // Кызыл Татарстан. – 05.06.1924. – № 110 (1022); Турай Ш. Матбугат һәм әдәбият турында докладлар // Кызыл Татарстан. – 09.06.1924. – № 112 (1024).

¹¹⁷ Бурнаш Ф. Тукай турында тәнкыйтьчеләр (Г.Тукай ижаты турында бер мөләхәсә) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 8–9 б. См. также: Сәгъидуллин М. Тукай һәм заман яки тел мәсьәләсе (Тукайның вафатына унбиш ел тулганда) // Безнең юл. – 1928. – № 3/4. – 17–19 б.

¹¹⁸ Цит. по: Нәҗми К. Әдәби агымнар һәм тәнкыйть // Безнең юл. – 1923. – № 12. – 36 б. К.Наджми приводит название вступительного слова Х.Такташа как «Ижадиятем турысында».

¹¹⁹ Сәйфи-Казанлы Ф. Ачыклык кирәк // Яңалиф. – 1920. – № 2. – 44–45 б. См. также: Seeman, Klaus-Dieter: Der Versuch einer proletarischen Kulturrevolution in Rußland 1917–1922, in: Jahrbücher für die Geschichte Osteuropas 9 (1961), S. 179–222; Siegel, Holger: Sowjetische Literaturtheorie (1917–1940). Von den historisch-materialistischen zur marxistisch-leninistischen Literaturtheorie, Stuttgart 1981, S. 37–43.

¹²⁰ Одна из последних известных мне статей, в которых со всей ясностью отвергаются важность и значение дореволюционной татарской литературы для советской

действительности, появилась в феврале 1927 г. (Вәли Х. Безнең матбугат ничек үсә (1925–1927) // Безнең юл. – 1927. – № 2. – 21–25 б.)

¹²¹ Габдулла Тукай шигырьләре (Татар вакытлы матбугатының 20 еллыгына багышлана) /Ред. Ф.Бурнаш. – Казан, 1926.

¹²² Например, так высказался в 1927 г. «ультралевый» русский литературовед П.С.Коган о Сагита Рамиеве. Оригинал этой положительной оценки был мне не доступен, он процитирован в работе: Садретдинов Ш. Таң жырчысы // КУ. – 1980. – № 2. – 169 б.

¹²³ Из избылиа оскорблений, которые подавались под видом литературной критики практически сразу же после смерти этих личностей в татарской прессе, я хотел бы назвать только самые «выдающиеся» примеры: Сәгъди Г. Фатыых Әмирхан (Вафаты мөнәсәбәте белән) // Безнең юл. – 1926. – № 3. – 9–16 б.; Толымбайский Г. Фатыых Әмирхан ни өчен төшенкелеккә бирелде? // Безнең юл. – 1927. – № 2. – 24–25 б.; Такташ Н. Ул безнең өчен үле иде инде (Истәлек) // Яңалиф. – 1931. – № 12. – 62–63 б.; Сәгъди Г. Сәгыйть Рәмиев // Безнең юл. – 1926. – № 3. – 33–34 б.; Туфан Х. Яна шигырь техникасы турында (тезис, трактат) // Безнең юл. – 1928. – № 6/7. – 16–20 б. Но самая грубая оценка принадлежит Галимджану Нигмати, который в 1927 г. высказался, что смерть «освободила» (в кавычках!) Фатыха Амирхана, Дәрдменда и Сагита Рамиева от жизни и творчества в новой, советской системе (Нигъмәти Г. Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // Безнең юл. – 1927. – № 10. – 28 б.)

¹²⁴ Пример положительной оценки: Бөдәйли М. Г.Тукай шигырьләре мәжмугасы // Кызыл Татарстан. – 25.08.1926. – № 191 (1654). Порицанием является статья Гумара Галиева: Галиев Г. Г.Тукай шигырьләре // Кызыл Татарстан. – 29.08.1926. – № 195 (1658).

¹²⁵ К сожалению, год издания в тексте не указан (Прим. переводчика).

¹²⁶ Этому последнему аспекту – единству и объединению различных национальностей или народов – совершенно объяснимо придавалось особое значение во время Второй мировой войны. С этого времени соответствующие строки из данного стихотворения Тукая постоянно цитировались, когда следовало доказать, что дружба и единство народов возникли не после образования СССР (хотя, понятно, они могли правильно процветать только под руководством коммунистической партии), а существовали издавна и всегда. Негативная оценка стихотворения «Олуг юбилей мөнәсәбәте белән халык өмитләре», постоянно дававшаяся в 20–начале 30-х годов, в 40-е годы оказалась ненужной в силу политических требований. Вместо этого теперь стихотворение «подтверждало», что и Тукай уже был пропагандистом социалистической дружбы народов. Такая новая интерпретация достигалась и через цитирование только отдельных строк из стихотворения, и через сокращение названия стихотворения до безобидного «Халык өмитләре». Об этой теме см. ниже в разделе «Национализм или интернационализм».

¹²⁷ Подразделение романтизма на различные формы проявления, позитивные и негативные, в татарской литературной критике 1920-х гг. еще не было полностью осуществлено. Несмотря на это, эти категории, установившиеся позднее, в 1950–60-е гг., были перенесены и на литературу первых десятилетий 20 в. Например, понятие «реакционный романтизм» – в негативном смысле, его представитель Дәрдменд (*Халим Г.* Татар совет әдәбияты тарихы өйрәнү тәҗрибәсеннән (Социалистик революциянен беренче елларындагы әдәби хәрәкәтнең кайбер мәсьәләләре) // СӘ. – 1955. – № 11. – 108 б.); «традиционный романтизм» – в негативном смысле, примеры не названы (*Галиева Р.* Уртақ қояшыбыз // КУ. – 1966. – № 4. – 90 б.); «прогрессивный романтизм» – частично в позитивном смысле, представители: Фатых Амирхан, Сагит Рамиев (*Халим Г.* Бәхәссез һәм бәхәсле хакыйкатһәр // КУ. – 1966. – № 4. – 76 б.); «прогрессивный романтизм» – в позитивном смысле, представители: Гафур Кулахметов, Габдулла Тукай, Шаехзада Бабич (*Халим Г.* Бәхәссез һәм бәхәсле хакыйкатһәр. – 77 б.); «романтизм Пролеткульта» – частично в позитивном смысле, примеры не названы (*Халим Г.* Романтизмны һәм реализмны яклап (Ижат методларының үзара мөнәсәбәтләренә карата) // КУ. – 1967. – № 8. – 108 б.). Такое же дифференцированное разделение советское литературоведение имело относительно реализма.

¹²⁸ *Сөгъди Г.* Татар шагыйрьләре арасында Тукай (Үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән) // Безнең юл. – 1923. – № 8/9. – 4 б.; *Мортазин С.* Иске мирастан файдалану мәсьәләсе // Кызыл Татарстан. – 08.12.1929. – № 280 (2650).

¹²⁹ Одним из первых такую точку зрения высказал В.М.Бахметьев, главный редактор русскоязычной газеты «Известия», выходившей в Казани, в предисловии к сборнику переводов стихов Тукая на русский язык «Узюльган умид – Разбитая надежда». Этот сборник появился в Казани в 1920 г., переводчиком являлся П.Радимов. Сборник получил название по одному из самых известных стихотворений Тукая, опубликованному 29 ноября 1909 г. в газете «Вақыт». Это высказывание В.М.Бахметьева цитировал Ахмет Гаффар (Гаффар Ә. Урыс матбугатында Тукай // Татарстан. – 15.04.1923. – № 77 (742). См. также: Сөгъди Г. Татар шагыйрьләре арасында Тукай. – 4 б.; Сөгъди Г. Татар әдәбияты тарихы (Дәреслек-кулланма). – Казан, 1926. – 220–222 б.; Сөгъдудуллин М. Тукай һәм заман яки тел мәсьәләсе (Тукайның вафатына унбиш ел тулганда) // Безнең юл. – 1928. – № 3/4. – 19 б.

¹³⁰ *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 70–76 б.

¹³¹ *Чыгтай Г.* Татар конртиммигранты Казанлыга жавап // Безнең юл. – 1925. – № 5. – 219 б.

¹³² *Сөгъди Г.* Татар әдәбияты тарихы (Дәреслек-кулланма). – 220 б.

¹³³ *Enzensberger, Christian:* Literatur und Interesse. Eine politische Ästhetik mit zwei Beispielen aus der englischen Literatur. Zweite, fortbeschriebene Fassung, Frankfurt 1981, S. 16ß18.

¹³⁴ *Keler, Christoph:* Nekropolis Moskau: Im Heryen des Landes liegt ein heryloser Toter. Das Lenin-Mausoleum – Ein moderener Mythos, in: Neue Rundschau 105 (1994), S. 26–28.

¹³⁵ *Gill, Graeme:* Ideology and Systembuilding: the Experience under Lenin and Stalin, in: Ideology and Soviet Politics. Eds. Stephen White, Alex Pravda. London 1988, S. 70–72, 77; Pravda, Alex. Ideology and Policy Process, Ibid., S. 237.

¹³⁶ *Beyrau, Dietrich.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, Göttingen 1993, S. 67.

¹³⁷ *Lorenz, Richard.* Sozialgeschichte der Sowjetunion I, 1917–1945. Frankfurt 1981, S. 162–169.

¹³⁸ *Mace, James E.:* The Famine of 1932-1933: A Watershed in the History of Soviet Nationality Policy, in: Soviet Nationality Policies. Ruling Ethnic Groups in the USSR. Ed. Henry R. Huttenbach, London 1990, S. 182–183; *Kunjaew Stanislaw:* Mit den Etiketten fing alles an, in: Das Ende der Abstraktionen. Provokationen zur «Sovjetliteratur». Hrsg. Dagmar Kassek, Peter Rollberg. Leipzig 1991, S. 206–210.

¹³⁹ Первым нерусским партийным функционером высокого ранга, который был смещен с должности, арестован, а вскоре и расстрелян, был руководитель партийной организации Крыма Вели Ибрагимов. О положении крымских татар, узбеков, казахов, таджиков и татар см.: *Simon, Gerhard:* Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 79–87; *Bennigsen, Alexandre; Enders Wimbush, S.:* Muslim National Communism in the Soviet Union. A Revolutionary Strategy for the Colonial World, Chicago, London 1979, S. 89–92; *Allworth, Edward:* Uzbek Literary Politics, London, The Hague, Paris 1964, S. 124. О последствиях этой политики в Татарстане см. более подробно в разделе «Национализм и интернационализм».

¹⁴⁰ Цит. по: *Garrard, John and Carol:* Inside the Soviet Writers Union, London, New York 1990, S. 29.

¹⁴¹ Одним из первых таких высших функционеров, напрямую вмешавшихся в литературную жизнь, был Н.Бухарин, который 2 января 1927 г. опубликовал в «Правде» «Злые заметки», направленные против так называемых крестьянских поэтов (*Kunjaew Stanislaw:* Mit den Etiketten fing alles an, in: Das Ende der Abstraktionen. Provokationen zur «Sovjetliteratur». Hrsg. Dagmar Kassek, Peter Rollberg. Leipzig 1991, S. 208f.). Эта статья положила начало целой цепочке срежиссированных кампаний, протянувшейся до конца 40-х годов (*Beyrau, Dietrich.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, Göttingen 1993, S. 84–85).

¹⁴² *Сутырин В.* О работе партии в области художественной литературы // На литературном посту. – 1928. – № 15. – С.15. Цит. по: Siegel, Holger: Sowjetische Literaturtheorie (1917–1940). Von den historisch-materialistischen zur marxistisch-leninistischen Literaturtheorie, Stuttgart 1981, S. 128.

¹⁴³ Цит. по: *Beyrau, Dietrich.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, S.95.

¹⁴⁴ Цит. по: Lorenz, Richard: Der Stalinismus und die sowjetischen Schriftsteller, in: Neue Rundschau 105 (1994), S. 81.

¹⁴⁵ *Beyrau, Dietrich.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, S. 44.

¹⁴⁶ Ibid. См. также: Woinowitsch, Wladimir: Ihr seid auf dem richtigen Weg, Genossen! München, Zürich 1986, S. 249f.

¹⁴⁷ Graf, Oskar Maria: Reise in die Sowjetunion 1934, Hamburg, Zürich 1992, S. 48.

¹⁴⁸ Garrard, John and Carol: Inside the Soviet Writers Union, London, New York 1990, S. 29.

¹⁴⁹ *Beyrau, Dietrich.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, S. 81.

¹⁵⁰ Graf, Oskar Maria: Reise in die Sowjetunion 1934, S. 49.

¹⁵¹ Цит. по: Die Erweckung des Wortes. Essays der russischen formalen Schule / Hrsg. Fritz Mierau, Leipzig 1987, S. 235.

¹⁵² *Гомәр Г.* ТАПП төзелү унае белән // Безнең юл. – 1928. – № 10. В конце статьи поставлена дата – 19.10. [19]28. В этом номере журнала последние и первые две страницы, на которых расположена и данная статья, отпечатаны на латинском шрифте.

¹⁵³ *Гали М.* Татар совет язучылары оешмасында // Яналиф. – 1930. – № 6. – 69–70 б.

¹⁵⁴ *Максум М.* Матур әдәбиятны эшчеләштерү турында // Эшче. – 09.09. 1928. – № 134 (1375); 15.09.1928. – № 136 (1377).

¹⁵⁵ К представленным авторам относились Г.Ильясов, М.Крымов, М.Маулиев, А.Шамов, Г.Галиев, А.Исхак, С.Кудаш, Г.Курчак, С.Батгал, Ш.Шахретдинов, М.Хай, Д.Юлтый и К.Усман. Другими «пролетарскими» авторами, оценивавшимися в это время положительно, были Г.Гумар, С.Муртазин, Н.Баян, Г.Галиев (Гальгаф), Г. Тулумбайский, Г.Ризван, Х.Каримов, А.Тагиров, Г.Хайри (Нигъмәти Г. Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // Безнең юл. – 1927. – № 10. – 31 б.) См. также: *Кутуй Г.* «Безнең юл» (12-нче саны) // Кызыл Татарстан. – 22.01.1928. – № 19 (2082); *Максум М.* Матур әдәбиятны эшчеләштерү турында // Эшче. – 09.09. 1928. – № 134 (1375).

¹⁵⁶ Под названием «Атака» журнал издавался с июля 1930 до октября 1932 г. Журнал «Пролетариат сәнгате» выходил с 1931 г.

¹⁵⁷ Этим лозунгом была озаглавлена литературная страница газеты «Эшче» 10 июля 1929 г.

¹⁵⁸ *Нигъмәти Г.* Утыз беренче елга кәргәндә (Әдәбият һәм әдәби көчләр) // Яналиф. – 1931. – №1. – 35 б. Общее представление об основной идее Фриче получено мной частично и в виде цитат из книги: Siegel, Holger: Sowjetische Literaturtheorie (1917–1940). Von den historisch-materialistischen zur marxistisch-leninistischen Literaturtheorie, Stuttgart 1981, S. 58. Ср. с этим мысль писательницы Валерии Герасимовой, высказанную на первом съезде советских писателей в 1934 г.: «Художники старого времени пытались слить воедино положительную роль своего героя с его субъективными человеческими качествами. Но герои наших книг выступают как жалкие педанты, которым читатель должен верить на слово, что он где-нибудь сделал что-нибудь полезное» (цит. по: Graf, Oskar Maria: Reise in die Sowjetunion 1934, Hamburg, Zürich 1992, S. 52).

¹⁵⁹ Так заявлял Хасан Туфан в поэме «Аккордлар», опубликованной в 1932 г. Цит. по: Гайнетдинов М. Давылларда. Жилләрдә. Хәсән Туфанның тормыш һәм ижат сәхифәләре. – Казан, 1989. – 85 б.

¹⁶⁰ *Гөл Г.* Яңадан төзәлү өчен! // Яналиф. – 1931. – №12. – 50 б. Магнитострой – это огромный промышленный комплекс, основанный в 1929 г. в Магнитогорске на Урале. Об его возникновении и его значении для советской экономики и идеологии в 30-е годы см.: Schlögel, Karl: Es werde Stadt!, in: Die Zeit. – 18.03.1994, Nr. 12, S. 57–58.

¹⁶¹ *Нигъмәти Г.* Утыз беренче елга кергәндә (Әдәбият һәм әдәби көчләр) // Яналиф. – 1931. – № 1. – 36 б. См. также: Максут М. Матур әдәбиятны эшчеләштерү турында // Эшче. – 09.09. 1928. – № 134 (1375); Яналиф консультациясе. Шигырь бүлөгәннән икенче серия // Яналиф. – 1931. – № 5/6. – 134–139 б.

¹⁶² Ш.Маннур ижатына ТАППның карашы. Кави иптәш Нәжми доклады буенча ТАПП правлениясе тарафыннан чыгарылган карары // Безнең юл. – 1929. – № 12. – 35 б.

¹⁶³ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Сарайлар, ханнар, кенәзләр, морзалар шагыйре Фәтхи Борнаш // Матур әдәбиятта буржуаз милләтчелеге/ Ред. Ф. Сәйфи-Казанлы. – Казан, 1930. – 4 б.

¹⁶⁴ См. о подвергавших критике «старых», а также о «новых» писателях: Нигъмәти Г. Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // Безнең юл. – 1927. – № 10. – 28–34 б.; Фәтхи Д. Габдулла Гариф улы Тукаев // Кызыл Татарстан. – 15.04.1928. – № 88 (2151); Нәжми К. Большевизм уты астында // Атака. – 1930. – № 4/5. – 1–8 б.

¹⁶⁵ Нападки на Галимджана Ибрагимова осуществлялись, прежде всего, на страницах газет «Яна авыл» и «Сабан-чүкеч» – обе они издавались не в Казани. Они цитировались и отвергались Галимджаном Нигмати (Нигъмәти Г. Иске мирастан файдалану кирәкме? // Кызыл Татарстан. – 16.02.1928. – № 40 (2103). Г.Нигмати использовал в качестве аргумента защиты тот факт, что Г.Ибрагимов занимается подготовкой к публикации 90-томного полного собрания сочинений Толстого.

¹⁶⁶ *Ибрагимов Г.* Әдәби программ турында // Атака. – 1931. – № 3. – 68 б. Сын бедного крестьянина и позднее образцовый пролетарский поэт Демьян Бедный (1883–1945) «привнес Ленина вместо любви и почета и восславил (...) в многочисленных стихах достижения советских людей в социалистическом строительстве. (...) своим собратьям по перу Демьян Бедный рекомендовал искать своих героев среди простых и скромных людей, строящих новую жизнь в постоянной учебе и творчестве» (Handbuch der Sowjetliteratur (1917–1965). Hrsg. Nadeshda Ludwig, s.l., s.a. О Демьяне Бедном в 1924 г. недвусмысленно высказался и Сергей Есенин в стихотворении «Стансы»: «Я вам не кенар! Я поэт! И не чета каким-то там Демьянам. Пускай бываю иногда я пьяным, зато в глазах моих прозрений дивных свет» (Цит. по: Mierau, Fritz: Sergej Jessenin, Leipzig 1992, S.372). Цензура не пропустила в печать упоминания Демьяна, но удивительным образом ничего не имела против, когда вместо этого Есенин употребил слово «дураки». (Ibid, S. 373).

¹⁶⁷ Исключены были, например, Исхак Хайруллин, Демьян Фатхи, Гази Кашшаф, Касым Хамзин и «Комиссаров». К предупрежденным (шелтә биру, каты кисәтү ясау) принадлежали Хади Такташ, Ахмет Исхаков, Вафин, Шиланов и Шапошников. См.: Әхмәтов Ә. ТАППны тазарту йомгаклары // Атака. – 1930. – № 8/9. – 1–3 б.; Нәжми К. Татар пролетариат әдәбиятында бөек борылыш башланды (Татарстан пролетариат язучылары оешмасында уздырылган тазарту унае белән) // Атака. – 1930. – № 8/9. – 4–9 б.

¹⁶⁸ *Мостафин Р., Даутов Р.* Репрессияләнгән татар язучылары // КУ. – 1992. – № 2. – 152–157 б.; № 3. – 182–188; № 4. – 175–183 б.

¹⁶⁹ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S. 195.

¹⁷⁰ Яналиф консультациясе. Шигырь бүлөгәннән икенче серия // Яналиф. – 1931. – № 5/6. – 139 б.

¹⁷¹ *Нигъмәти Г.* Ун ел эчендә әдәбиятыбыз // Безнең юл. – 1927. – № 10. – 28–34 б.

¹⁷² Хотя критика в адрес М.Гафури была очень умеренной, она все же имела место. См.: Сәйфи-Казанлы Ф. Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор // Г.Тукай әсәрләре. – Т.3. – Казан, 1931. – XXX б.; Шуль ук. Октябрь революциясенә кадәр татар буржуаз әдәбияты // СӘ. – 1934. – № 7. – 121 б.

¹⁷³ Әлгасрел-жәдит. – 20.07.1906. – № 7. Соответствующие строки звучат так: «Не пожалеею, тысячу раз отдам свою мушиную душу на пути истины, потому что моя цель и мой путь полностью как у социалистов».

¹⁷⁴ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор. – XXX б. Ср. также высказывание Габдуллы Кариева, жившего с Тукаем в одной комнате в Уральске, которое подтверждает мнение Ф.Сайфи-Казанлы (Кәриев Г. Габдулла Тукаевның Уральскидагы тормышы // Мәктәп. – 1913. – № 4. – 104–105 б.).

¹⁷⁵ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор. – V б.

¹⁷⁶ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәяси йөзе // Габдулла Тукай әсәрләре. Икенче том. – Казан, 1930. – VIII б. В качестве критиков, представлявших эти различные мнения, здесь названы Галимджан Ибрагимов, Габдрахман Сагди, Фатхи Бурнаш, Джамалетдин Валиди и Габдулла Гисмати.

¹⁷⁷ Шунда ук. – XIX б.

¹⁷⁸ *Чыгтай Г.* Татар конртиммигранты Казанлыга жавап // Безнең юл. – 1925. – № 5. – 219 б.

¹⁷⁹ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәяси йөзе. – XXVIII б.

¹⁸⁰ Шунда ук. Стихотворение называется «Хөрмәтле Хөсәен ядкәре» и впервые было опубликовано в газете «Йолдыз» (15.04.1912. – № 817).

¹⁸¹ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Г.Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор. – XXIX б. См. также: *Нигъмәти Г.* Шагыйрьнең тормыш һәм ижат юлы // СӘ. – 1936. – № 5. – 50 б.

¹⁸² Так высказался в статье «Тере Такташ» писатель и критик Гумар Тулумбайский в 1936 г., за три года до того, как он сам был обвинен в «левом уклоне» и приговорен к смерти (цит. по: Такташ турында истәлекләр / Ред. Н.Юзиев, Н.Садыкова. – Казан, 1980. – 134 б.). Примечание, сделанное издателями указанного сборника, ясно отмечает, что такая оценка Тукаея Г.Тулумбайским была неверной и объясняется «вульгарно-социологическим подходом, который широко распространен в литературе тех лет [т.е. в первой половине 1930-х гг.]».

¹⁸³ *Нигъмәти Г.* Шагыйрь Габдулла Тукай үлүгә унбиш ел тулды // Кызыл Татарстан. – 15.04.1928. – № 88(2151).

¹⁸⁴ *Магис (Максут. М.)*. Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында // Безнең юл. – 1928. – № 5. – 21–22 б. Максут не указывает, откуда взята эта цитата из Нигмати (возможно, из статьи «Габдулла Тукаев (үлүенә ун ел тулу мөнәсәбәте белән) // Юлдаш. – 1923. – № 3(12). – 64–76 б.). Высказывание о том, что творчество Тукаея пронизано пессимизмом, Г.Нигмати повторял после 1928 г. не раз (Шагыйрь Габдулла Тукай үлүгә унбиш ел тулды // Кызыл Татарстан. – 15.04.1928. – № 88(2151); Әдәбият фәненең үсеш юлы нинди булырга тиеш // Яналиф. – 1930. – № 1. – 42–49 б.).

¹⁸⁵ См., например: *Ибраһимов Г.* Татар шагыйрьләре. – Оренбург, 1913. – 72, 99–101 б.; *Бәкер К.* Күңел жимешләре // Нур. – 15.04.1911. – № 230; *Моради Я.* Тукаев Уральскида. – Әстерхан, 1913. – 24 б.

¹⁸⁶ *Бурнаш Ф.* Тукай шигырьләренә караш // Габдулла Тукай шигырьләре. Тукай тормышы һәм ижаты турында кереш сүз белән / Ред. Ф.Бурнаш. – Казан, 1926. – XLIV б.

¹⁸⁷ *Коган П.С.* Татар әдәбияты турында // Безнең юл. – 1927. – № 9. – 21 б.

¹⁸⁸ *Магис (Максут М.)* Сынган кылычлар һәм каргалар белән былбыллар турында // Безнең юл. – 1928. – №5. – 22 б.; *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәяси йөзе. – I б.; *Сәйфи-Казанлы Ф.* Сарайлар, ханнар, кенәзләр, морзалар шагыйре Фәтхи Борнаш // Матур әдәбиятта буржуаз милләтчелегә/ Ред. Ф. Сәйфи-Казанлы. – Казан, 1930. – 4–37 б.; *Мортазин С.* Фәтхи Бурнаш кем шагыйре булып килде? // Атака. – 1931. – № 1. – 27–30 б.; *Абдуллин Г.* Татар совет әдәбиятының большевиклаштыру өчен! // СӘ. – 1933. – № 2/3. – 73 б. Фатхи Бурнаш отрекся от своих прежних «неверных» воззрений, и в конце 1933 – начале 1934 гг. он был реабилитирован (СӘ. – 1934. – № 1/2. – 90 б.) Однако такая смена курса смогла спасти его лишь на короткое время: в августе 1940 г. он был арестован как «контрреволюционер» и приговорен к 10 годам заключения в лагере. Поскольку он якобы продолжал и в заключении свою антисоветскую деятельность, 1 августа 1942 г. он был расстрелян (Мостафин Р., Даутов Р. Репрессияләнгән татар язучылары // КУ. – 1992. – № 2. – 155 б.).

¹⁸⁹ Siegel, Holger: Sowjetische Literaturtheorie (1917-1940). Von den historisch-materialistischen zur marxistisch-leninistischen Literaturtheorie, Stuttgart 1981, S. 128.

¹⁹⁰ Сборник татарской литературы. – М., 1930.

¹⁹¹ См.: *Альтов К.* «Сборник татарской литературы» турында // Яңалиф. – 1931. – № 8/9. – 92–93 б.; Бакиров Г. Татар балалар әдәбияты турында // Яңалиф. – 1932. – № 1/2. – 74 б.

¹⁹² Йолдыз. – 10.06.1913. – № 55.

¹⁹³ Эти высказывания Ф. Сайфи-Казанлы приводятся в воспоминаниях Афзала Шамова, также принимавшего участие в указанном мероприятии (Шамов А. Бер кичәдә (Истәлек) // КУ. – 1966. – №1. – 8 б.).

¹⁹⁴ *Гали Г. Г.* Тукай әсәрләре. 2-нче том. Яңалиф нәшрияты басмасы. 190 б. // Безнең юл. – 1930. – № 2. – 41 б. О ретроспективной оценке и рассмотрении «трансформации» Фатыха Сайфи-Казанлы см.: Байчура Ш. Инәсеннән жебенә кадәр... // КУ. – 1966. – № 7. – 132–134 б.

¹⁹⁵ Чаян. – 1929. – № 7. – 13 б. (автор заметки не указан).

¹⁹⁶ *Мостафин Р., Даутов Р.* Репрессияләнгән татар язучылары // КУ. – 1992. – № 4. – 177 б.

¹⁹⁷ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәясәт йөзе. – II б.

¹⁹⁸ *Тольмбайский Г.* Тукай һәм халык әдәбияты (Тукайның «Халык әдәбияты» һәм «Халык моннары» әсәре белән). – Казан, 1930. – 21 б.

¹⁹⁹ «В 1912 г. Тукай видел в своих друзьях класс капиталистов» (Сәйфи-Казанлы Ф. Г. Тукай әсәрләрендә пародия, сатира, ирония һәм юмор. – IV б.).

²⁰⁰ *Сәйфи-Казанлы Ф.* Габдулла Тукай әсәрләренәң ижтимагый һәм сәясәт йөзе. – II б.

²⁰¹ Одной из последних статей, написанных полностью в таком духе, была статья Галимджана Нигмати, опубликованная в середине 1936 г. В отличие от многих публикаций начала 30-х годов, в которых Тукай критиковался, она имела скромное и ничего не говорящее название «Шагырьнең тормыш һәм ижат юлы» (Безнең юл. – 1936. – № 5. – 33–51 б.).

²⁰² *Тукай Г.* Сайланма әсәрләр / Ред. М.Жәлил. – Казан, 1938.

²⁰³ См., например: *Габдрахманов Ф. Г.* Тукай сайланма әсәрләренәң сүз башы турында // СӘ. – 1938. – № 4. – 77–80 б.; Исәнбәт Н. Тукай Казанда // Чаян. – 1938. – № 7/8. – 4–5 б. Статья в журнале «Чаян» вышла без упоминания имени автора. То, что она принадлежит перу Наки Исанбета, на мой взгляд, подтверждается примечанием, сделанным в собрании трудов Н.Исанбета (Исәнбәт Н. Сайланма әсәрләр. – Т.1.: Шигырьләр һәм поэмалар. – Казан, 1060. – 452 б.).

²⁰⁴ Поначалу Мусе Джалилю повезло... В отличие от многих «ультралевых» критиков, которые были «раскрыты» после 1936 г. как «националисты» или «левые уклонисты», осуждены на длительные сроки заключения или же расстреляны, его «ошибочная оценка» творчества Тукая не привела к негативным переменам в его карьере: в 1939 г. он был назначен ответственным секретарем бюро Союза писателей ТАССР. Но только с июня 1942 г., когда тяжелораненый Джалиль оказался в немецком плену, начался «героический этап его жизни» (Совет Татарстаны язучылары. Библиографик белешмә. / Ред. Р.Н.Даутов, Н.Б.Нуруллина – Казан, 1986. – 616 б.). 25 августа 1944 г. он был казнен в тюрьме Берлин-Плетцензее. За мужество, проявленное в плену, 2 февраля 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР присвоил ему звание Героя Советского Союза. А стихи, написанные им в плену («Моабитская тетрадь»), одновременно были отмечены Ленинской премией.

²⁰⁵ Tillet, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, Chapel Hill 1969, S. 26f.

²⁰⁶ Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917–1985, Göttingen 1993, S.45–46.

²⁰⁷ Ср.: Groys, Boris: Gesamtkunstwerk Stalin. Die gespaltene Kultur in der Sowjetunion 1917–1985, München, Wien 1988, S. 54–55.

²⁰⁸ Dilger, Bernhard: Sowjetkultur und nationale Einzelkultur, in: Kulturpolitik der Sowjetunion / Hsrg. Oskar Anweiler, Karl-Heinz Ruffmann, Stuttgart 1973, S. 300–304.

²⁰⁹ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society, Boulder, San Francisco, Oxford 1991, S.149.

²¹⁰ Szporluk, Roman: History and Russian Ethnocentrism, in: Ethnic Russia in the USSR. The Dilemma of Dominance / Ed. Edward Allworth, New York 1980, S. 44–45.

²¹¹ Simon, Gerhard: Nationalism and Policy Toward the Nationalities in the Soviet Union, S. 149.

²¹² Ibid., S.88, 150.

²¹³ Ibid., S. 149-150. Так выражалась тогдашняя русскоязычная пресса.

²¹⁴ Tillet, Lowell: The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities, S. 60.

²¹⁵ Ermolaev, Herman: Portrayal of Nationalities in Soviet Russian Literature, in: The Search for Self-Definition in Russian Literature / Ed. Ewa M. Thompson, Houston 1990, S. 24.

Аннотация

Данная публикация – перевод одной из глав книги немецкого ученого-тюрколога Михаэля Фридериха «Габдулла Тукай – высокочтимый поэт на службе татарской нации и советского социализма», изданной в Висбадене в 1998 г. Автор поставил себе целью выяснить, как интерпретировались сам поэт и его творчество в разное время, как он «использовался» в разной политической и идеологической ситуации, как его творчество и личность фактически были поставлены на службу самым различным политическим воззрениям. При этом реально получалось так, что сам поэт как бы оставался на втором плане. Проанализировав многочисленные публикации ученых и журналистов, М.Фридерих сделал достаточно оригинальные наблюдения и выводы.

Ключевые слова: Тукай и мировая литература, Тукай и русская литература, мировоззрение Тукая, идеологическая интерпретация Тукая.

Summary

This publication represents the translation of the chapter from the book «Gabdoullah Tukay – highly honoured poet in service of the Tatar nation and Soviet socialism» by the German turkologist Michael Friederich which was published in Wiesbaden in 1998. The aim of the author was to find out how the poet and his creative activity were interpreted in different periods and used in political and ideological situations and finally how his creative activity and personality were put in service of various political views. However, it turned out that the poet was left in the background. Having analyzed numerous publications of scientists and journalists, Friderikh made original observations and conclusions.

Key words: Tukay and world literature, Tukay and Russian literature, Tukay's worldview, ideological interpretation of Tukay.

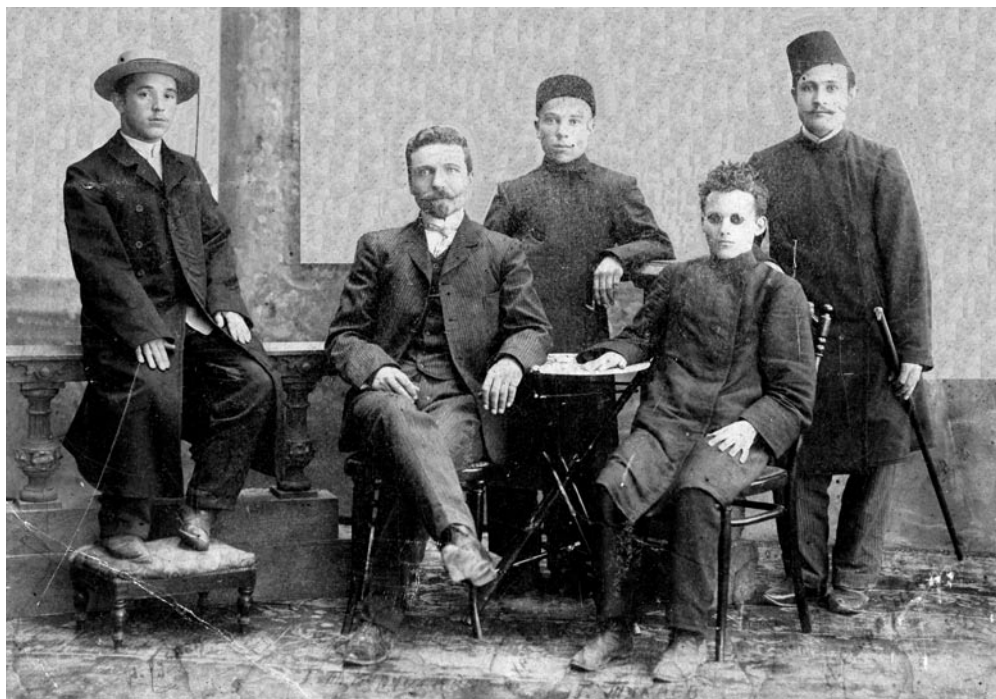
О НЕКОТОРЫХ ФОТОГРАФИЯХ-ОРИГИНАЛАХ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

Р.Ф. Исламов, доктор филологических наук

В фонде хранилища Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан в настоящее время хранятся десять фотографий-оригиналов татарского народного поэта Габдуллы Тукая (1886–1913). Они, хотя и хорошо известны широкой публике, представляют историческую ценность в некоторых аспектах. Во-первых, это фотографии-оригиналы, во-вторых, имеющиеся надписи на их оборотной стороне дают нам дополнительные сведения о жизни и деятельности поэта. При этом весьма интересными являются отдельные экземпляры одной и той же фотокарточки. К счастью, есть и таковые.

Эта фотография (24,8x30,8), снятая фотографом В.П.Онуфриевым (по экслибрису) в Уральске в 1906 г., частично была опубликована в фотоальбоме «Габдулла Тукай» (1966) и полностью – в аналогичном издании в 1986 г. Однако в этих двух источниках имена людей, запечатленных на ней, не называются, а лишь говорится о том, что Г.Тукай среди своих знакомых и друзей. Дата указана по-разному: 1906, 1907.

Один из экземпляров этой фотографии поступил в фонд хранилища нашего центра вместе с личным архивом известного литературоведа М.Х.Гайнуллина (1903–1985). На ее обороте читаем следующие надписи на татарском языке, написанные простым карандашом арабским шрифтом:

«Этот портрет снимался в июле месяце 1906 года. Справа [налево]: с тростью в руке Сиразетдинов (буфетчик гостиницы «Казань» и ресторана Муртазы Губайдуллина в Уральске), второй, стоящий, Рахматулла Хайруллин (приказчик магазина Муртазы Губайдуллина), сидящий и в очках — Габдулла Тукаев, наборщик в типографии «Уклар» и пишущий стихотворения в журнал «Уклар», четвертый, сидящий, Курушкин Григорий (приказчик магазина Губайдуллина), пятый Губаев Габделгани (работающий кассиром в магазине Губайдуллиных).

Рахматулла Хайруллин. В Казани, перед месяцем декабрь.

1906 г. 13/VII» .

Далее внизу, в правом углу, фиолетовыми чернилами поставлена дата 30/V-41 и имеются подписи научных сотрудников тогдашнего Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Я.Х.Агишева (1899–1972) и Х.Х.Ярми (1904–1981). Они, по-видимому, и принимали эту фотографию от прежнего владельца или от другого человека.

На обороте другого экземпляра этой же фотографии фиолетовыми чернилами написано на татарском языке на кириллице:

«1. Наджип сын Зарифа Нигматуллин (буфетчик гостиницы «Казань»).

2. Курушкин (бухгалтер Муртазы Губайдуллина).

3. Хайруллин Рахматулла (приказчик М.Губайдуллина).

4. Г.Тукай.

5. Сирази шакирд.

Фотография 1906 года в Уральске».

Также имеются надписи простым карандашом на арабской графике на татарском языке: «Верхняя Береска, Зариф Наджип».

В действительности, запечатленные на фотографии люди были близкими друзьями Г.Тукая в Уральске. Об этом свидетельствуют воспоминания тех, кто хорошо знал поэта по городу Уральску. Так, тот же Р.Хайруллин, который упоминается в надписях обоих экземп-

ляров фотографии, пишет: «У Тукая для возвращения в Казань не было денег. Мы, приказчики, я, Габделгани Губаев, Григорий Трофимович Курушкин, Хакимзян Бариев и Габдулла Исаков в складчину собирали деньги и проводили [Тукая] в Казань».

Среди часто посещающих Г.Тукая в гостинице «Казань», когда поэт переселился туда, в воспоминаниях Н.Нигматуллина также указываются имена Г.Исакова, Г.Курушкина; упоминается о сборе денег между собой для отправки поэта на родину. Более того, как он сообщает, по его просьбе Г.Тукай передал письмо его отцу в деревне Верхняя Береска и пару дней погостил там.

Интересно и то, что в воспоминаниях Р.Хайруллина приводится история данной фотографии. В частности, он сообщает: «Тукай, я, А.Губаев (кассир магазина), Г.Т.Курушкин (приказчик), А.Сиразиев (буфетчик) сфотографировались 13 июня 1906 года. Перед фотосъемкой Тукай попросил нас одеться

по-разному, что мы и выполнили. А сам он надел черные очки (он и так носил очки), растрепал волосы – так и снимался».

При всем этом, однако, возникают вопросы по поводу некоторых расхождений в надписях на оборотной стороне фотографий. Так, кем является тогда Сиразетдинов – шакирдом или буфетчиком? Кто же пятый запечатленный на фотографии: Габделгани Губаев или Наджип Нигматуллин?

На эти непростые, как нам представляется, вопросы помогут ответить в дальнейшем только дополнительные документальные материалы.

Эта фотография (6,5x10,3) была снята фотографом С.И.Ивановым летом 1909 года в Казани. По поводу ее истории современник и один из друзей поэта Каюм Мустакаев (1885-?) в своих воспоминаниях пишет о том, что фото было снято по инициативе книгоиздателя Гильметдина Шарафа (1885–1942). Он, несмотря на возражение Г.Тукая, и надел на его голову свою тюрбетейку, и тайком посоветовал сделать фотографию немножко выпуклой.

Когда Г.Тукай подарил эту фотографию К.Мустакаеву, как об этом сооб-

щает автор воспоминаний, на обороте написал следующее: «Уважаемому Габделкаюму эфенди на память. 1909 год, 12 июля».

Данный экземпляр фотографии, переданный К.Мустакаевым в наш институт в 60-е гг. прошлого столетия, в настоящее время хранится в фонде Г.Тукая.

Однако заметим, что надписи, сделанные Г.Тукаем, перечеркнуты карандашом, хотя их вполне можно прочесть. Согласно объяснительной записке К.Мустакаева по этому поводу, выясняется, что это дело рук его ребенка (к сожалению, он подробно не указал: сына или дочери).

В 1932 г. К.Мустакаев был арестован. Во время обыска в его доме фотография эта осталась вне внимания сыщиков. И этот ребенок, незаметно ее утаив, «дабы стереть лишние улики», карандашом перечеркнул надписи.

К счастью, судьба этой фотографии в дальнейшем оказалась благополучной: она вместе с другими книгами и журналами находилась на чердаке дома, ожидая возвращения К.Мустакаева.

Второй экземпляр данной фотографии поступил в фонд хранилища центра также вместе с личным архивом

М.Х.Гайнуллина. На его обороте самим Г.Тукаем написано: «Моему товарищу Вали Апанаеву на память. Г.Тукаев. 17 июля 1909 года».

В своей пояснительной записке М.Х.Гайнуллин пишет: «[Эту] фотографию (за определенное вознаграждение) передала мне Зайнап Габдулловна Апанаева, которая взяла у родной старшей сестры Вали Апанаева. Ей большое спасибо».

Эту фотографию я сначала опубликовал на странице, посвященной Тукаю, 43 тома второго издания БСЭ. Дал поместить в альбом Тукая.

Оригинал мною был передан в архив Института им. Г.Ибрагимова. 17/XI-78. Подпись».

Адресат данного экземпляра фотографии Апанаев Вали Закирович (Мухамметвали Мухамметзакирович) (1889–1922) в 1907 г. организовал ансамбль народных инструментов и драмкружок при Восточном клубе. Сам он играл на скрипке. Известно, что он также занимался и литературной деятельностью.

Учитывая то, что Г.Тукай был тесно связан с Восточным клубом и его организаторами, история данного экземпляра фотографии не вызывает никаких вопросов.

Таким образом, экземпляры одних и тех же фотографий-оригиналов Г.Тукая и сведения на них помогают расширить наши знания о народном поэте.

Аннотация

В данной статье рассказывается о некоторых фотографиях-оригиналах татарского народного поэта Габдуллы Тукая и анализируются имеющиеся надписи на обороте их экземпляров.

Ключевые слова: Тукай, народный поэт, фотографии-оригиналы, Уральск.

Summary

The article deals with some original photos of the Tatar national poet Gabdoulallah Tukay and with the analysis of the inscriptions on the reverse side of their copies.

Key words: Tukay, national poet, original photos, Uralsk.

ГАБДУЛЛА БАТТАЛ-ТАЙМАС. ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ОДНОГО УЧЕНОГО ИЗ КАЗАНИ*

*Али Биринджи, доктор истории,
директор Общества истории Турции им. Ататюрка (г. Анкара)*

Годы в Финляндии (1921–1925)

Сентябрь 1921 – ноябрь 1925 гг. Г. Баттал провел в Хельсинки, работая преподавателем в школе, открытой для детей его земляков. Он стал учить французский и финский языки, а также, работая в городской и государственной библиотеках и пользуясь российскими источниками, написал свой самый важный труд – «Казанские тюрки». Во время голода в 1921 г. он принял участие в организации раздачи помощи среди своих казанских земляков. В 1922 г. среди встречавших Мехмет Эмина Расульзаде, перешедшего на территорию Финляндии, с ним был и Л. Исхаки. По приезде в Берлин в 1923 г. он встретился со своим другом Фуадом Туктаровым, с которым вместе выпускали газету. В это время Фуад Туктаров жил в Париже и учил французский. В Берлине он прожил один месяц и, вернувшись, продолжил работу над книгой⁸⁷.

Годы в Турции.

Два года в Стамбуле

В ноябре 1925 г., переехав из Финляндии в Турцию, Г. Баттал стал писать статьи в журналы и газеты, и по просьбе директора Института тюркологии Фуада Копрюлю занялся переводом некоторых российских трудов. Однако, не прожив в Стамбуле даже и двух лет, по приглашению приехал в Анкару⁸⁸.

Годы в Анкаре

По этому приглашению Г. Баттал был назначен временно исполняющим должность переводчика в Главном Управлении по печати. 15 июня 1927 г. он приступил к своей работе, а 29 декабря

его утвердили на эту работу на постоянной основе. 7 декабря 1931 г. его перевели переводчиком в Министерство иностранных дел. Пробыв на государственной службе 20 лет и 28 дней, в августе 1947 г., ссылаясь на свой труд и возраст, он был отправлен на пенсию с довольствием в 53 лиры и 60 курушей; с прибавкой в 60% 85 лир 76 курушей⁸⁹.

В 1928 г. в Анкару из Казани смогли приехать жена и сын. В Анкаре он жил на улицах Posta и Naciyağam. После того, как его жена бросила работу стоматолога, с 1 ноября 1953 г. они стали жить в Стамбуле.

Книги и статьи

Габдулла Баттал-Таймас прожил долгую жизнь (87 лет) и практически всю жизнь что-то изучал и писал. В возрасте 21 года издал свою первую книгу, а в 86 лет – последнюю (1908–1968): за весь этот долгий 65-летний период он провел плодотворную писательскую работу, и эта его заслуга должным образом не отмечена. Для полного изложения его работ требуется проведение долгих и сложных исследований в Египте, Казани и Турции.

Становится понятным и влияние на него в период учебы в Троицке хальфы Сабира Хасани, торговавшего казанскими и его книгами. Нужно отметить, что свои первые произведения в виде книжек он написал именно в эти годы и опубликовал их в Казани. Он одним из первых прочитал книгу Заки Валиди «Тюрко-татарская история», изданную в 1911 г., и во время визита в гостинице «Булгар» в качестве любителя истории высказал свое мнение по поводу стиля и содержания книги⁹⁰.

* Продолжение. Перевод с турецкого языка Д.М. Гайнутдинова.

Когда во время революции ему приходилось находиться вдалеке от Казани, при первом же удобном случае он читал книгу. Прибыв в Красноярск, первым делом он зашел в городскую библиотеку и остался недоволен присутствовавшим там беспорядком и нехваткой книг. Одним из несчастных случаев в своей жизни он считал эпизод, когда, взяв русский перевод книги Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка», потерял ее, не успев прочитать ночью.

Сняв комнату у русской семьи в Осе (пригород Перми), первым делом он пошел в городскую библиотеку. Он не смог удержаться, чтобы не отметить, какое впечатление и большую радость на него оказала эта прекрасная библиотека со своим богатым собранием научных и литературных произведений. Причина поездки в Томск заключалась в необходимости «немного почитать и заняться размышлениями». Потому что, как он сам выражается: «С тех пор как покинул Казань, в течение почти года, не было и дня, где бы я нормально смог почитать книгу и заняться размышлениями для повышения знаний. Мои дни проходили в изнурительной дороге, в холодных комнатах и на окраинах, где не было книг»⁹¹. Находясь в Томске, первым делом его внимание привлекли богатые книжные магазины и библиотеки. Здесь он записался вольнослушателем на историко-филологический факультет и посещал лекции по истории бежавшего из Казани профессора Хвостова, а также лекции по филологии чешского профессора, имя которого не указывает⁹².

В описании дней, проведенных в казанской тюрьме, он, прежде всего, жалуется на отсутствие книг и газет. После побега из тюрьмы по пути в Астрахань первым делом на теплоходе Баттал стал искать журналы и книги. После того, как он в последний раз выехал из Казани, оставаясь в Буинске, в доме нашел книгу Ленина «Государство и революция» и внимательно ее прочитал. Слова директора трудового лагеря и политическая деятельность в революционный

период навсегда положили конец его короткой политической жизни, и всю оставшуюся жизнь он посвятил только научной работе. Позднее он привел эти слова директора: «Друзья, не надо заниматься политикой, потому что однажды за это придется отвечать»⁹³.

Статьи, написанные в России и Египте

Самое первое произведение Баттала «Акмулла» было издано в Казани в 1903 г. В 1905–1908 гг., будучи в Каире, он продолжал писать статьи в журналах «Аль-Джарида», «аль-Минар» и «Аль-Мукаттам». Позже он стал переводчиком газеты «Ан-Нахда», которую начал выпускать приехавший туда весной 1908 г. Исмаил Гаспринский. Он переводил на арабский язык статьи Гаспринского. Деятельность в Каире стала его начальным этапом в публицистической работе. Он первым получил возможность рассказать арабскому миру о проблемах тюрков, живущих в Российской империи. Несомненно, Каир стал местом, где пресса и публицистика превратились для него в образ жизни.

В период между возвращением в Казань в начале лета 1908 г. и отъездом из России в 1921 г. Г. Баттал очень много публиковался в газете «Вақыт» (Оренбург) и журнале «Шура» (Оренбург), иногда под псевдонимом, иногда под своим именем. Затем после преподавательской деятельности в 1910–1913 гг. он устроился журналистом и редактором в газету «Юлдуз», куда писал статьи, еще будучи учителем, и получил в 1913–1917 гг. в казанской прессе большую известность и признание. В это же время он публикует статьи в таких журналах, как «Мектеп» (1913, Казань)⁹⁴, Сююмбике (женский журнал, Казань). В период октябрьской революции 1917 г. он был редактором, а затем главным редактором газеты «Курултай». Он одновременно был редактором и главным редактором газет «Алтай» (1918, Казань) и «Маяк» (Красноярск, 1918), став одним из лидеров антиреволюционной прессы, возможно, даже первым среди них⁹⁵.

Статьи, написанные в Турции

О том, писал ли Г. Баттал статьи в местной прессе во время проживания в Финляндии, информация отсутствует. Однако в этот период, посылая статьи в издание «*Yeni Kafkasya*» (Стамбул, 1923–1927), выпускаемое его другом Мехмед Эмином Расульзаде, он под псевдонимом «Kazanlı» впервые появился в турецкой прессе⁹⁶.

После переезда в Турцию в 1925 г. и вплоть до 1968 г., то есть за год до своей кончины, на протяжении 43 лет он писал статьи в различные газеты и журналы. Для поиска и анализа всех этих работ Г. Баттала требуется отдельное и длительное исследование.

Печатные издания, в которых он публиковал свои статьи, будучи в Турции, можно перечислить следующим образом: *Azerbaycan Yurd Bilgisi* (1933), *Azerbaycan* (1959–1962), *Ayın Tarihi, Hakimiyeti Milliye, Tanrıdağ* (1950), *Tasvir* (1947), *Türk Amacı, Türk Dili, Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Türkiyat Mecmuası, Türk Kültürü, Türk Yurdu, Vakit, Yana Millî Yol* (1936, Berlin), *Yeni Ses, Yeni Türkistan ve Ziraat* (1928).

В Турции статьи Баттала, в особенности в журнале «*Türkiyat Mecmuası*», важны с точки зрения его профессионализма в области языка, а статьи, начиная с «*Divanu Lüğati't-Türk*», посвящены самым древним памятникам тюркского языка. Эти статьи можно перечислить следующим образом:

1. «Kazan yurdunda bulunmuş tarihi bir vesika-Sahib Giray Han yarlığı», С. II (İstanbul, 1928), s. 75–101.

2. «Yarlıklara Dair», С. VII–VIII, Cüz. I (İstanbul, 1942), s. 356–362. Это критическая статья к труду Акдес Нимета Курата «*Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altınordu. Kırım ve Türkistan hanlıklarına âit yarlıklar be bitikler*» (İstanbul, 1940, 212s. DTCF yayını).

3. «Divanu Lüğati't-Türk Tercemesi», с. VII–VIII, Cüz. I (İstanbul, 1942), s. 212–252.

4. «Divanu Lüğati't-Türk Tercümesi», с. XI (İstanbul, 1954), s. 75–101. Критическая статья к переводу Ахмет Бесима Аталая.

5. «Kırımlı Bekir Çobanzade'nin Şiirleri», с. XII (İstanbul, 1955), s. 23–44.

О казанских мыслителях и политических движениях крайне важны его статьи, вышедшие в «*Dergi*» (Мюнхен):

1. «Kazanlı fikir adamı ve tarihçi Rızaeddin Fahreddinoğlu», sayı. 7 (Münih, 1956), s. 17–32.

2. «Sadri Maksudi Arsal», sayı. 9 (Münih, 1957), s. 36–47.

3. «Kazanlı fikir adamı ve terbiyecisi Alimcan Barudi», sayı. 13 (Münih, 1959), s. 14–24.

4. «Kazan Türklerinde millî davranışlar», sayı. 22 (Münih, 1960), s. 26–37.

По биографиям казанских мыслителей можно выделить еще две статьи Г. Баттала:

1. «Ayaz İshakî», *Türk Dili*, sayı. 37 (Ekim 1954), s. 17–26.

2. «Kazanlı Dilci Cemal-üd-din Velidî ve Eseri», *Türk Kültürü*, sayı. 65 (Mart 1968), s. 45–52.

Это последняя статья, вышедшая из-под его пера. Между первым произведением, изданным в 1903 г., и последней статьей прошло 65 лет. В XX в. в тюркском мире трудно найти другого такого плодотворного писателя-долгожителя. С этой точки зрения, его особенность и важность среди других мыслителей очевидны.

Его книги – первые труды

Первая книга Баттала «Акмулла» была издана, когда ему было 21 год (Казань, 1903), и посвящена казахскому поэту Акмулле – это лучший источник о нем. Эта книга принесла ему славу и стала стимулом для написания других книг⁹⁷.

Через год после приезда в Египет он под псевдонимом «Муса Габдулла» отправил для издания в Казань свою вторую книгу «Исламские философы». Здесь видно стремление Г. Баттала познакомить казанское общество с новыми взглядами в исламском мире⁹⁸. В данной книге рассказывается об истории жизни и взглядах Мухаммеда Абдо и Джама-

летдина Афгани. Известно о наличии переводов двух произведений сирийского араба Николы Хаддада – «Пути к существованию» и «Любить и жениться». Возможно, это были первые примеры новой арабской литературы, переведенные одним из казанских писателей. Однако отсутствует информация об их полном или частичном издании⁹⁹.

Книги, изданные в Казани (1913–1918)

1913–1918 гг. являются для Баттала вторым этапом в издании книг. Работая учителем литературы и истории в медресе «Рахманкул» (1910–1913), он одновременно писал статьи в газеты и журналы и выпустил учебники. Известно, что в этот период его книга «История татар» была написана под впечатлением работы Заки Валиди (Тогана) «История тюрко-татар» (Казань, 1911), одним из первых читателей которой он стал. Эта книга Баттала была переиздана три раза: Маньчжурия (1913, 104; 2-е изд. 1917) и позже в Мукдене под названием «История тюрко-татар» (Казань, 1938, 155 с.)¹⁰⁰.

В этот период им также была написана книга «Назарияте адабия» (Казань, 1913, 110 с.; 2-е изд. Казань, 1918, 107 с.). Известно, что во время пребывания в селе Услон в 1917 г. с целью подготовки учебников он работал в том числе над ее вторым изданием. Другим его известным трудом является антология «Новая литература» (1914), которая была подготовлена и издана совместно с Галимджаном Ибрагимовым¹⁰¹. Последняя книга Баттала, изданная в Казани, – «Башня Сююмбике» (1918)¹⁰².

Книги, изданные в Турции

Г. Баттал в ноябре 1925 г. приехал в Турцию с книгой «Казанские тюрки», написанной на основе исследовательской работы в Хельсинской библиотеке, и в том же году издал книгу в Стамбуле при поддержке своего друга и издателя журнала «*Yeni Kafkasya*» Мехмет Эмина Расульзаде (248 s. Amedi Matbaası). Эта книга является манифестом казанских тюрков, в последующие годы была

переиздана два раза (Ankara 1966, 1988, 239 s. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü yayını) и долгие годы была для турков фундаментальной работой о казанских тюрках¹⁰³. Первым трудом, написанным в Турции, стала работа «Народы, покинувшие Россию», вначале опубликованная частями в журнале «*Ayin Tarihi*», а затем изданная в виде книги (Ankara, 1927, 67 s. Türk Ocakları, Merkez Heyeti Matbaası). По его словам, публикация частями имела цель получить гонорар за авторские права, так как зарплата временного чиновника была маленькой (15 июня – 29 декабря 1927)¹⁰⁴.

В Турции главным направлением работ Г. Баттала становится турецкий язык. На эту тему он оставил большое количество статей и книг. Он был приглашен на «Первый курултай турецкого языка» (26 сентября – 5 октября 1932) и выступил там с обращением (İstanbul, 1933, s. 232–242). В споре по поводу введения латинской графики он выступал за сохранение старой графики. Работая в 1927 г. в Главном управлении по печати, он одновременно с образованием Турецкого лингвистического общества (12 июля 1932) по понедельникам, средам и пятницам стал участвовать в его заседаниях в качестве члена отдела по терминологии. Участвовал в переводе «Словаря якутского языка» (Pekarskiy, Ankara, 1945, 14–658 s.) и работе журнала «*Tarama Dergisi*»¹⁰⁵.

Он впервые издал тюркскую часть словаря Джамалетдина ибн Мухинна, которого считал последователем и учеником Махмуда Кашгарского, появившегося через большой промежуток времени после своего наставника (*İbni-Mühenna Lüğati*, İstanbul, 1934, 105 s. TDTC Neşriyatı; ikinci baskı, 1988). Другой его работой в области языка является первый в истории киргизско-турецкий словарь под названием «Киргизский словарь» (С.І, Ankara, 1945, XVI 376; С.ІІ, İstanbul, 1948, 377–810 XXIV s.), составленный путем перевода русских значений знаменитого «Киргизско-русского словаря» Юдахина на турецкий язык. До сих пор об этом словаре нет ни критических, ни оценочных статей.

После Второй мировой войны, в период кризиса российско-турецких отношений, этот словарь оказался невостребованным и только после приобретения независимости советскими турецкими республиками в 1990-е гг. стал востребованным и был переиздан еще три раза. Его последней работой в области лингвистики является книга «Пословицы и поговорки на казанском тюрки», изданная Турецким лингвистическим обществом (Ankara, 1968, 151 s.). Это исследование увидело свет через шестьдесят пять лет после его первой книги «Акмулла» (1903). Он также перевел на латинскую графику с приложениями знаменитый словарь Габделькаюма Насыйри «Ляхджаи Татарии», подготовив к нему вводное слово, однако эта книга не была издана¹⁰⁶.

После Второй мировой войны, в период серьезного обострения советско-турецких отношений он опубликовал статью «Воспоминания о русской революции» в журнале «*Tasvir*» сначала частями, а затем издал ее в виде одноименной книги (İstanbul, 1947, 216 s. Güven Basımevi). Эта книга представляет собой редкий источник по политической деятельности тюрков и о тюркской интеллигенции периода революции. Второе издание этой книги вышло, когда ему было 86 лет (İstanbul, 1968, 264 s. Ötüken yayınları). Второй том воспоминаний был опубликован под названием «Я ищу свет» (İstanbul, 1962, 209 s. Tan gazetesi matbaası). В 2000 г. эти два тома были вновь переизданы, но, к сожалению, в спешке и с большими пробелами. Самой его малоизвестной работой является описание поездки, она называется «Зеленая Ризе и ее область» (Ankara, 1950, 74s. Doğu Matbaası).

Статьи Г. Баттала о казанских ученых и мыслителях, написанные в виде серии четырех биографических книг под названием «Знаменитые казанские тюрки», были первыми и очень важными книгами, надолго став лучшими источниками об этих людях. Со всеми этими личностями Баттал был близко знаком, и эти книги до сих пор не утратили свою ценность.

Вот эти книги:

1. *Rızaeddin Fahreddinoğlu*. İstanbul, 1958, 60+4 s. Birlik Basın ve Yayınevi.
2. *Musa Carullah Bigi*, İstanbul, 1958, 61s. M. Sıralar Matbaası.
3. *Alimcan Barudi*, İstanbul, 1958, 79 s. M. Sıralar Matbaası.
4. *İki Maksudiler*, Sadri Arsal-Ahmed Hâdi, İstanbul, 1959, 71s. M. Sıralar Matbaası.

Кроме того, Баттал написал также важные разделы в отдельных книгах, например, в «*Türk Yılı-1928*» по просьбе Юсуфа Акчуры разделы «Город Анкара» (s. 616–647) и «Казанские тюрки» (s. 616–647), в «*Philologiae Turcae Fundamenta*» (Wiesbaden, 1964 с. II) разделы по казанской и крымской литературе. Переводы этих двух последних разделов позже были изданы в «*Türk Yurdu*» (1966–1967).

Несомненно, Г. Баттал один из заслуживающих внимания мыслителей и лингвистов XX в. Не удовлетворенный полученным образованием на своей малой родине, окончив медресе в Троицке, направился в Каир, однако вопреки устоявшемуся обычаю он не пошел там учиться в медресе. Всю жизнь он занимался самообразованием. Владея арабским, персидским, русским, французским, финским и несколькими тюркскими языками, Г. Баттал в течение шестидесяти пяти лет (1903–1968) непрерывно читал и писал. С этой точки зрения, найти подобных ему из современников практически невозможно. Отдельное исследование в плане поиска и обнаружения написанных им статей и книг окончательно показало бы нам его значение. Однако уже по этим данным мы видим, что другого писателя с такой глубокой любознательностью и любопытством, с какими он познавал людей и смог в такой степени описать в своих статьях казанских мыслителей и ученых, найти трудно. При любом удобном случае он оставлял важную и незаменимую информацию о людях, будь то ученый или имам, и обстановке в этом обществе. Его книги и статьи, написанные в этой области, являются простым дока-

зательством этого. По всем направлениям он много писал о Казани, возможно, больше всех. Каждая строчка его статей и книг пропитана бесконечной преданностью по отношению к друзьям и любимым личностям и большой тоской по родине, откуда ему пришлось уехать в 39 лет. Знакомство с этим миром во многом стало возможным благодаря его перу, потому что в советский период в Казани писать об этой истории было невозможно. Те, кто жил в период революции и последующие годы, в большинстве случаев не имели возможности не только написать об этом, но и сохранить свою жизнь. Во главе тех, кто нашел такую возможность благодаря принявшему их новому турецкому государству, – Турецкой республике, и пользовался этим в полной мере, был Г. Баттал.

Являясь членом Турецкого лингвистического общества, Г. Баттал внес огромный вклад в создание языкового и культурного богатства Турецкой рес-

публики; перевел или принимал участие в переводе словарей. Одна из важных работ – «*Divanu Lügati't-Türk*» тоже вышла из-под его пера.

Г. Баттал, считавший, что татары являются частью большой тюркской семьи, в то же время первым своими статьями и книгами познакомил с ними Турцию и показал научную и духовную связь между Турцией и этим миром. С большим удовольствием нужно отметить, что Баттал, принимавший участие в событиях казанской истории, с этой точки зрения является одним из великих писателей этой истории, и писал он больше не о себе, а об этой истории и ее участниках.

Своими трудами он внес вклад не только в историю Казани, но и в жизнь турецкого языка. Он, вероятно, является одним из самых достойных и преданных писателей тюркского мира в XX в., и его всегда будут помнить благодаря написанным трудам.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁸⁷ Taymas, agm (1955) s. 11–12; Taymas, «Kazanlı fikir adamı ve tarihçi Rızaeddin Fahreddinoğlu», *Dergi*, s. 7 (1956) s. 30–31; Taymas, 1968 s. 64; S. Çağatay, agm. s. 18; İ. Türkoğlu, age. s. 261.

⁸⁸ *Türk Kültürü*, agm. s. 71.

⁸⁹ Dışişleri Başkanlığı Arşivi, Dn. 5.300.

⁹⁰ Taymas, 1962 s. 21; Эта первая книга Тогана через год после написания была частями опубликована в Стамбуле в журнале «*Resimli Kitap*» (1913).

⁹¹ Taymas, 1968 s. 135–139, 154–155, 221–222.

⁹² Taymas, 1968 s. 245.

⁹³ Taymas, 1968 s. 42–46, 61, 103.

⁹⁴ *Mektep için*: İ. Türkoğlu, age. s. 214. Dn. 434.

⁹⁵ См. о его статьях в газетах и журналах: *Türk kültürü*, agm. s. 72; S. Çağatay, agm. s. 20

⁹⁶ Taymas, agm (1955), s. 12; *Yeni Kafkasya ve Rezulzâde Mehmet Emin için: Sebahattin Şimşir, «Mehmet Emin Rezulzâde'nin Türkiye'deki Basın-Yayın Faaliyetleri», Türkiye Cumhuriyeti Devletinin Kuruluş ve Gelişmelerine Hizmeti Geçen Türk Dünyası Aydınları Sempozyumu Bildirileri* (23–26 Mayıs 1996). Kayseri, 1996 s. 554.

⁹⁷ S. Çağatay, agm. s. 14.

⁹⁸ Mahmut Tahir, *Kazan Türklerince Arap Harfleri ile Yapılmış Neşriyatın Bibliyografyası*, Ankara, 1976 s. 116 (teksir).

⁹⁹ S. Çağatay, agm s. 15, 19; M. Tahir, age. s. 116.

¹⁰⁰ M. Tahir, age. s. 35.

¹⁰¹ M. Tahir, age. s. 35.

¹⁰² İ. Türkoğlu, age. s. 324.

¹⁰³ Taymas, agm (1955) s. 12.

¹⁰⁴ *Türk Kültürü*, agm. s. 71; Dn. 5300.

¹⁰⁵ Dn. 5300.

¹⁰⁶ Печатный текст «Lehçe-i Tatari» находится в библиотеке Аныткабира.

НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ К ОЧЕРКУ ТУРЕЦКОГО УЧЕНОГО АЛИ БИРИНДЖИ О Г.Г. БАТТАЛЕ

*Л.Х. Хамидуллин, писатель,
лауреат премии им. Гаяза Исхаки (Казань)*

Переведенная на русский язык статья директора Общества истории Турции им. Ататюрка Али Биринджи читается с огромным интересом. В этом очерке очень много новой, доселе неизвестной в России информации относительно жизнедеятельности писателя, историка и лингвиста Г.Г.Баттала. Многие сведения приводятся из книг и газетно-журнальных статей бывших соратников нашего земляка, изданных в Турции. Большинство из этих сведений раньше было недоступно российским ученым...

В то же время статья уважаемого ученого не лишена и некоторых недостатков. И в этом, на мой взгляд, вины автора нет. Причиной тому является отсутствие в Турции многих данных о российском периоде жизни Г.Г.Баттала. А некоторые ошибки в тексте статьи возникли, вполне возможно, во время перевода материала на русский язык.

Например, запутаны наименования некоторых населенных пунктов. Представители Милли Идаре (Национального правления мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири) после взятия большевиками Уфы в сентябре 1918 г. продолжили свою работу в Петропавловске – областном центре современного северного Казахстана. (Татары этот город называют Кызылъяр, казахи – Кызылжар.) В переводе этот город назван Красноярском (Кызылъяр действительно можно перевести как Красноярск). Петропавловск находится в 240–250 км не доезжая до временной столицы «белых» г. Омска. А Красноярск намного даль-

ше от Омска – около тысячи километров по Сибирской железной дороге. Причем в Кызылжаре чуть ли не половина населения тюрки (казахи, татары и т.д.), а Красноярск преимущественно русский город.

Или ошибочное включение бывшей «Самарской (Куйбышевской) губернии в Татарстан»? При этом отметим, что Куйбышевской губернии вообще не было. С середины 1930-х гг. была только такая область. Не уточнено и официальное название Тузтубы. Официально этот город с конца XIX в. называется Соль-Илецк. Это и современная крупная железнодорожная узловая станция Оренбургской области, где пересекаются пути Оренбург–Ташкент и Оренбург–Уральск. В начале сентября 1918 г., при повторном взятии Казани, «красные» наступали по левому берегу Волги со стороны Займищ и Красной Горки (современное Юдино), а не с «района Заинска». Заинск находится от Казани на восток, за р. Камой, в двухстах километрах. В годы Гражданской войны бои шли и у г. Мелекесс – у р. Большой Черемшан. Димитровградом этот город стал называться только с 1972 г. И Киев в те годы не был столицей Украины. Столицей СССР в 1919–1934 гг. был Харьков. Для выяснения сути происходящих событий уточнение таких, на первый взгляд вроде бы незначительных, моментов очень важно. Или вот реки Хобда и Илек, в основном протекающие по территории Актюбинской области Казахстана, ошибочно включены в бассейн Волги. Фактически Хобда впадает в Илек, а Илек у районного поселка Илек

Оренбургской области – в р. Урал. Автор же статьи, имеющий дело только с турецкими материалами, упустил из виду такие нюансы.

Этапы жизни Г.Баттала (1883–1969), связанные с его родиной, в очерке отражены мало. Ради воссоздания целостного взгляда на биографию Г.Баттала необходимо адекватно соединить воедино российский и турецкий периоды. В Турции же доэмиграционный период жизни Г.Баттала (в эмиграции с 1921 г., в Турции – с 1925 г.) почти неизвестен.

Татары знают героя нашего повествования как Габдулбари сына Габдуллы Батталова. Под этим именем он жил со дня рождения до побега из казанской тюрьмы в августе 1920 г. И как автор публикаций был известен своим многотысячным читателям именно под этим именем. Об этом в очерке о Г.Баттале необходимо было обязательно упомянуть.

Правда, такую же ошибку допустили и казанские составители библиографического 2-томника «Эдип-лэребез» («Наши писатели»), указав на 158-й странице 1-го тома только известное у нас его имя. Таким образом, из биографии Г.Баттала как бы вычеркнули 50-летний период его жизни в Финляндии и Турции. Отдельным предложением там должно было быть указано, что, живя в эмиграции, он стал известен под другим именем – Абдулла Баттал-Таймас. В 1-м томе Татарской энциклопедии (Казань, 2008, с. 403) так и написано.

Каким же образом возникла эта проблема? Во всем «виноваты» события 1917–1920 гг. В революционные годы Г.Баттал выступил яростным противником установления верховенства большевизма. Об этом он писал в газетах «Курултай», «Алтай» и «Маяк», за что позднее был дважды арестован большевиками. После побега из казанской тюрьмы Г.Баттал более года жил по подложным документам в разных городах России. А сбежав ночью на лодке контрабандистов в Финляндию,

предъявил, по всей видимости, справку, выданную на имя своего отца, и стал с того дня Абдуллой Батталом. В Финляндии ему всячески помогала татарская диаспора. Но в то же время и она, видимо, опасалась именовать беглеца из российской тюрьмы настоящим именем. Руководство Финляндии в 1920-е гг. еще активно сотрудничало с РСФСР, т.к. было благодарно за предоставленную финнам государственную независимость.

Псевдоним «Тайма» появился у Г.Баттала в середине 1920-х гг., когда по указу Ататюрка ко многим мусульманским именам добавлялись такие тюркские «приставки». Точно так же Садри Максуди стал «Арсал»ом, а Заки Валиди – «Тоган»ом.

Место и дату рождения Г.Баттала необходимо уточнить. В детстве я жил на его родине. В то время и позднее я часто лично общался со многими родственниками Г.Баттала, а в середине 1990-х гг. редактировал перевод его книги «Казанские тюрки».

Начнем с даты рождения. В 1990-е гг. известный историк Булат Султанбеков опубликовал некоторые неизвестные ранее архивные документы, связанные с жизнедеятельностью Г.Баттала. Согласно им, Г.Г.Баттал родился в 1880 г. в с. Новая Белогорка Бузулукского уезда Самарской губернии. Эта же дата приводится и в тетрадях энциклопедиста Исмагила Рамиева (ум. в 1969 г.), изданных частично в 2001 г. Раисом Даутовым. В некоторых газетных статьях начала 1990-х гг. мелькнула и дата «1874». Но это было явной ошибкой. Прибавление 6 лет к возрасту Г.Баттала не совпадало с годами его учебы. Да и с материалами, составленными при его аресте, эта дата сильно различалась. Я имею в своем архиве копию письма Управления ФСБ РФ по Республике Татарстан от 3 августа 2005 г., где четко написано, что «Абдулбари Абдуллович Батталов 1880 г. рождения. [До ареста] проживал в г. Казани по ул. Набережная Кабана, дом 86 [...] Был репрессирован на ос-

новании письма Бюро мусульманской секции РКПБ [...] Заключением Прокуратуры РТ от 28 февраля 2000 г. [...] реабилитирован». В статье Булата Султанбекова в журнале «Татарстан» от 1992 г. приводятся выписки и имена этих жалобщиков из Мусульманского бюро: это муж с женой Баимбетовы и их пособники. Когда в июне 1920 г. чекисты уже намеревались выпустить из тюрьмы Габдулбари, они повторно «подлили масла в огонь», направив новое представление в Татчека.

На мой взгляд, в Турции первая более-менее подробная биография Г.Баттала была включена в книгу «Казан төрекләре» 1966 г. издания. 86-летний автор сам ли написал это приложение к книге или с его слов кем-то оно было записано, – неизвестно. По наличию некоторых несовпадений «автобиографии» с реальной жизнью Г.Баттала у меня возникли сомнения в авторстве этого документа. Например, там указано, что сыну Билгивару Таймасу 26 лет. А этот его сын родился еще в Казани. И по происхождению Габдулбари не «чистый» крестьянин. Мать его родом из села, расположенного километров на сорок ниже по р. Бузулук, из семьи религиозного деятеля. Когда отец ее был муллой в Новой Белогорке, она вышла замуж за сына крестьянина. Тестем Г.Баттал вскоре был возведен в муэдзины его мечети. А затем там же стал муллой и исполнял эту обязанность почти до революции. (После него там до 1930-х гг. муллой был его родственник Зайнулла. А в последние годы существования СССР неофициально обязанности муллы исполнял Абдулла Батталов, 1909 г.р. С ним я неоднократно общался.)

Новая Белогорка возникла в начале XIX в. в 6 км от истока р. Бузулук. Село обосновали 18 семей (во главе с прадедом Г.Баттала – Сеит-Батталом), отделившиеся от с. Старая Белогорка. Современная Старая Белогорка лежит посередине Волго-Уральского водораздела: Бузулук течет на запад, в сторону Волги из здешней меловой горы

Актау, а Иртыш течет на восток – к Уралу. Татарское название обоих сел раньше было связано с именем этой горы – Актау авылы. После раздела образовались Старый и Новый Актау, или в обиходном обозначении «Искавыл» и «Янавыл». А в официальных документах оба села значатся Белогорками. Бузулукский уезд в 1934 г. был включен в Оренбургскую область. Новая Белогорка сегодня входит в Сорочинский район этой области. В некоторых сочинениях родное село Г.Баттала ошибочно именуют еще Новым Алтаном. Так написано в вышеуказанном труде И.Рамиева и в одной из статей Фариды Гаффаровой. А в газете «Яңа вакыт» землячка Г.Баттала Мадина Рахимкулова, ссылаясь на турецкие источники, именует это село Новым Акташем. (Действительно, мел татары именуют двояко: акбуром и акташем.) А Альфина Сибгатуллина в 1995 г. в журнале «Татарстан» писала о том, что он родился «в селе Новый Актай».

Первая жена Г.Баттала – его близкая родственница. Они троюродные брат с сестрой. И даже ее смерть от неизвестной болезни некоторые люди связывают с этим их близким родством. Тиф и холера появились здесь позднее – в период длительной Гражданской войны. Эта война здесь шла непрерывно в течение более 2-х лет. Оба села находятся на границе с казачьими станицами. Там действовали войска атамана Дутова, а в татарских селах располагались красноармейцы (сначала бойцы Казанского мусульманского и Бузулукского полков, с весны 1919 г. – 1-й полк Татбригады, разгромленный «белыми» в мае того же года. Об этом имеются воспоминания бывшего пулеметчика этого полка Абдуллы Юсупова в журнале «Совет әдәбияты» за 1957 г.).

Хочется привести еще одну очень интересную деталь, характерную для всех Батталовых. Да, род этот был талантлив и трудолюбив. В их родных местах, между реками Ток и Бузулук, находились удельные земли царской семьи. Управлял этим уделом «барин»,

и с конца XIX в. главным его помощником и переводчиком был Вали бай Батталов, будущий тесть нашего героя. По рассказам односельчан, в последний свой приезд в село летом 1915 г. Габдулбари несколько дней разъезжал на роскошном тарантасе своего бывшего тестя.

Вторая жена Г.Баттала, Газиза Шамова, родом из Вятской губернии. Как она очутилась в Зауральском Троицке – пока неизвестно. Переехав с мужем в Казань, стала стоматологом, окончив какие-то курсы.

Далее в очерке описываются годы учебы Г.Баттала. Согласно вышеуказанной биографической записи, ему всячески помогал старший брат Гарифуллы. В семье их было 4 брата. Самый младший Габделкави после окончания «Хусаинии» жил в Самаре. Он, видимо, умер раньше всех – в советской тюрьме (по информации родственников, – при попытке к бегству). Идущий за Барием Габделхак в 1910-е гг. был журналистом газеты «Вақыт». Его дальнейшая судьба неизвестна. Эти данные записаны со слов старшего сына Гарифуллы Юсуфджана Батталова (1909–1996). С конца 1970-х гг. я несколько раз встречался с ним. В те годы из детей муллы Гарифуллы был жив только он. Три сестры в разные годы умерли в Средней Азии. Младший брат Габдерахман, бывший рабфаковец, уехал туда же учительствовать, но был убит осенью 1922 г. там же. Отец Юсуфа с дореволюционных времен служил муллой Форштатской мечети г. Оренбурга. (Форштат раньше был пригородным поселком города, где жили в основном люди казачьего сословия.) Сначала служил вторым муллой у тестя. Жили в доме муллы во дворе мечети. У них часто бывал Габдулбари. И второй их родственник, сначала шакирд, затем хальфа медресе «Хусаиния» Рауф сын Зайнуллы, иногда проживал у них. Мулла Гарифуллы был арестован в 1937 г. и умер в лагере в Сибири в 1942 г. При аресте чекисты увезли имевшиеся в доме все рукописи

и книги на двух подводах, после реабилитации Гарифуллы ничего не вернули. Я читал его реабилитационный документ, где было написано, что Гарифуллы Батталов родился в 1883 г. По неофициальным иным данным, он был старше брата. Со дня окончания медресе жил в Оренбурге. Но где он окончил медресе – в Каргалах или Оренбурге, пока невыяснено. Брату он иногда помогал. Например, после возвращения из Каира Габдулбари какое-то время жил у него.

В начале 1920-х гг. Гарифуллы несколько раз ездил в Казань и каким-то образом сумел отправить Газизу с сыном за границу. А как он это сделал – его сын Юсуф не знает.

Почему маленький Габдулбари после недолгого обучения в известном медресе «Караван Сарай» г. Оренбурга оказался в Каргалах? Возможны две причины. В современной Татарской Каргале тогда было около 12 тысяч населения и несколько известных в округе медресе. На базе 3-х медресе Оренбурга, в том числе Каравансараявского, в 1889 г. образуется известное учебное заведение «Хусаиния». В это время часть шакирдов могла отсеститься. В те же годы сестра отца Габдулбари, Марфуга, была сосватана каргалинским купцом Абдуллой Абдюшевым (Татарская Каргала от Оренбурга в 18 км, от Новой Белогорки – в 120–130 км). Юсуф Баттал, естественно, эту семью плохо помнил, т.к. в то время был еще мал. Помнил только, что их дочь в годы революции была известной актрисой в Оренбурге, выступала под псевдонимом «Уральская». Иногда с мужем, будущим писателем, посещала дом Гарифуллы. А в голодном 1921 г. со многими оренбургскими артистами они уехали в Среднюю Азию и не вернулись. Только переписывались. Возможно, именно эта сестра отца взяла 11–12-летнего брата из Оренбурга к себе. А уже повзрослев, года через 3–4, Г.Баттал, наверное, решил искать счастья в известном наравне с «Хусаинией» медресе «Расулия» Зайнуллы

ишана Расулева в Троицке. Есть сведения, что в последние годы учебы в этом медресе они с будущим известным поэтом Маджитом Гафури были в составе мюридов этого ишана. А когда умер 15-летний сын Зайнуллы хазрета, кажется, в 1903 г., они же совместно сочинили прощальную поэму (мэрсия) об этом юнце. И это первое известное сочинение Г.Баттала, о чем писал Масгут Гайнутдинов.

Относительно «появления его первого произведения «Акмулла»..., посвященного казахскому поэту Акмулле». Здесь автор очерка допускает, как мне кажется, несколько неточностей. О первом произведении Г.Баттала «Акмулла», изданном в 1903 г., пишут и некоторые наши соотечественники. Например, Фарида Гаффарова писала об этом в одной газетной статье, посвященной Г.Батталу. Мне она объяснила, что такую информацию получила в Турции. Действительно, в книге «Казанские тюрки» 1966 г. издания первым в списке опубликованных Г.Батталом произведений значится «Акмулла» (Троицк, 1903). В скобках сообщается: «Краткие биографические данные поэта и часть его стихов». Но филологическая наука эти сведения преподносит по-иному...

Но для начала выясним: только ли о казахском поэте идет здесь речь? Акмулла своим поэтом-классиком признают 3 близкородственных народа – татары, башкиры и казахи. Татарские ученые утверждают, что родом он из татар, большую часть стихотворений писал на татарском языке. Родился в пределах современного Башкортостана, поэтому в стихах нередко употреблял башкирские слова. После учебы в Стерлибашском, известном своими поэтами, и Троицком медресе «Расулия» вел кочевую жизнь в приграничных к Троицку казахских селениях и кишлаках, постоянно перекочевывая как чэчэн и плотник с места на место. Участвовал в состязаниях акынов, экспромтом сочиняя стихи на родном и казахском языках. Поэтому-то он офи-

циально считается поэтом этих трех братских народов, а не только казахского.

Когда его убили возле современного города Миасс, туда из Троицка поехал хазрет Зайнулла с некоторыми своими шакирдами. Позже они установили на месте гибели поэта памятник и взяли на себя обязательство собрать разбросанные по миру его сочинения и издать их отдельной книгой. Так появилась, как мне кажется, книга «Акмулла». Предисловие к ней и примечания написал пишкадэм «Габделбари ибне Габдулла эс-Сэеди» (так там указано), т.е. Г.Баттал. Рукопись была подготовлена в Троицке, тиражировалась в Казани в 1904 г. (см.: «Татар әдәбияты тарихы», т.2, с.440). Возможно ли было в 1903 г. в Троицке издание печатных книг – в этом я не уверен. По всей видимости, тогда там еще типографии не было.

Г.Баттал расстался с медресе «Расулия» где-то в начале лета 1904 г. Если бы он не продолжил учебу в одном из высших учебных заведений или не стал бы муллой какого-либо прихода, его должны были бы забрать в армию. По некоторым сведениям, он решил поехать в Каир и поступить там в известный университет «ал-Азгар»; составители 2-томника «Наши писатели» даже сообщают, что он закончил данное учебное заведение. «Но он туда, как и многие наши соотечественники, не смог поступить и решил самостоятельно продолжить свое образование», – так написано в биографической части книги «Казанские тюрки». Али Биринджи же пишет, что де Г.Баттал не имел «потребности поступать куда-либо». Это суждение, видимо, не совсем корректное.

Естественно, Россия своих рекрутов старалась не выпускать из виду. Стремилась не продолживших учебу за границей возвращать на родину. У Габдулбари появилась серьезная проблема: война России с Японией требовала все новых и новых солдат. Розыски бывших шакирдов в приграничных странах, особенно в Турции,

усиливались. И в такое сложное время нашему герою кто-то явно помог – он стал гражданином Великой Османской империи и получил паспорт на имя Мусы Абдуллы. Весной 1908 г. с этим паспортом он вернулся в Россию. Об этом пишется в книге «Казанские турки». Там же зафиксировано, что «написанные в Каире и изданные на родине две его книги были подписаны так: «автор Муса Абдулла». Эти книги с указанным псевдонимом изданы в 1908 г. в Казани: «Ислам философы Жамалетдин Афгани вә Мөхәммәт Габдәһ» («Мусульманские философы Джамалетдин Афгани и Мухаммед Габдех») и «Мәғыйшәт юллары» («Дороги жизни»). И, конечно же, определенная часть газетно-журнальных статей того периода вышла под этой подписью. В эти годы его статьи печатались в организованной англичанами газете «ал-Мукаддәм», в газете арабских реформаторов «ал-Мюэйд», в журнале «ал-Минар». Чуть позже он устроился штатным корреспондентом газеты «Жарида».

Приехав на родину в начале лета 1908 г., Г.Баттал все же не избежал солдатчины. Его сразу же забрали в армию. Тогда ему уже шел 28-й год. Он с первых дней приезда из Турции стал сотрудничать в газете миллионеров-золотопромышленников Рамиевых «Вақыт» и журнале «Шура», и поэтому, даже будучи в армии, не прерывал связи с этими и некоторыми иными изданиями. Наверное, не без помощи новых влиятельных знакомых вскоре ему удалось демобилизоваться «по болезни».

В очерке руководителем Всероссийского мусульманского совета (Милли Шура) указан Фуад Туктаров. Был ли он там «раисом», т.е. главой этой созданной весной 1917 г. организации, или только входил в его руководящий состав? В изданных в Татарстане документах руководителем (председателем Исполнительного комитета) этой организации считается Ахмедбек Цаликов. В организационный состав Милли

Шура входило еще около 30 человек. В «Татарском энциклопедическом словаре» поименно перечислены только И.Алкин, И. и И. Ахтямовы, М.Бигиев, А.-З.Валиди, Г.Исхаки, С.Максуди, Ш.Мухамедъяров, И.Леманов и М.Тюменев. В число лиц, указанных в «и др.», наверняка входил и Ф.Туктаров. В годы царизма и революции Ф.Туктаров активно боролся за национальное самосознание и самостоятельность своего народа. Был в первых рядах таких борцов. Но, как видим, руководителем Милли Шура избран не был. Только, наверное, в кое-каких воспоминаниях наших эмигрантов он был указан главой Всероссийского мусульманского совета.

В другом месте очерка раисом Милли Шура упомянут Садри Максуди, а его заместителем Биниямин (Ибнеамин) Ахтямов. В этом случае перепутаны Милли Шура и Милли Идаре. Вообще в тексте анализируемой статьи такие нюансы встречаются часто. Но повторяюсь – это не вина автора. Он пользовался воспоминаниями или другими записями наших же эмигрантов. И кое-кто из них эти давние события вспоминал так, как вспоминалось через многие десятилетия.

Зато в очерке большое количество доселе редко упоминаемых у нас в России фактов и имен участников тех событий. Многими исследователями «забывается» деятельность заместителя председателя Милли Идаре юриста Биниямина (Ибнеамина) Ахтямова. Он был депутатом Государственной Думы 4-го созыва, в 1917 г. – комиссар Временного правительства по делам мусульман по Уфимской губернии. Именно он с начала февраля 1918 г. по апрель 1919 г. руководил этим «национальным штабом». После взятия Уфы в сентябре 1918 г. большевиками именно под его руководством основной костяк исполкомовцев продолжил свою деятельность в Петропавловске. К тому же там одними из активных членов Исполкома отмечены Ф.Туктаров, Г.Исхаки, Г.Баттал. Мил-

ли Идаре активно боролось как против нажима большевиков, продолжавших наступать в направлении сибирских городов, так и против шовинистически настроенных колчаковцев. Садри Максуди, сторонник идеи «неделимой России», покинул Уфу еще в начале февраля 1918 г. и больше, кажется, на заседаниях Милли Идаре не присутствовал. В книге «Галимжан Баруди» (1958) Г.Баттал писал, что Милли Идаре работало в Кызылжаре до апреля 1919 г., а газета «Маяк» выходила до захвата города «красными».

В дни работы Национального собрания (Миллэт Мәжлесе) какую часть делегатов поддержал Г.Баттал? Тех, кто ратовал, как и председатель собрания, за эфемерную автономию без границ, или тех, кто требовал создания конкретной автономии со своими границами, землями и поселением («тупракчылар»)? По-моему, он был с последними, об этом пишет большинство исследователей тех событий. Он зафиксирован как сторонник автономии с конкретным местом пребывания в составе РСФСР. (Например, башкиры на подобном курултае в Оренбурге в декабре 1917 г. проголосовали за независимую «от Москвы» автономию. И сохранили такой статус до начала марта 1919 г.) Г.Баттал, находясь в эмиграции в Турции вместе с бывшим председателем данного собрания, возможно, умолчал кое о чем из прошедших событий, в том числе и о своем противостоянии когда-то идеям своего собеседника. Соблюдал этикет интеллигента. Вообще-то они, активные участники бурных событий тех лет в России, живя в эмиграции в одном городе, видимо, редко встречались. Я имею в виду Садри Максуди, Заки Валиди и Габделбари Баттала. В той же книге выпуска 1966 г. Г.Г.Баттал в одном месте пишет, что мол как-то вспомнил в одной из своих статей давний рассказ Заки Валиди о каком-то событии и получил от него письмо с обидой, что де он такого случая никому не рассказывал...

Уважаемый Али Биринджи при описании трагических событий в период образования Забулачной республики в Казани весной 1918 г., как мне кажется, ошибочно включает в число противников национального движения в этот период «большевиков Мулла-нура Вахитова и Галимджана Ибрагимова». Во-первых, их в это время не было в Казани – они жили в Москве и готовили документы по созданию «Татаро-башкирской автономии в составе РСФСР». И оба в то время еще не состояли в большевистской партии. Напомню, именно в это время в Москве соратники по работе на собраниях резко критиковали Г.Ибрагимова за то, что он эсер. Требовали, чтобы он покинул пост заместителя Мулла-нура Вахитова. По этому поводу, чтобы остаться на работе в Комиссариате по национальным делам, он даже вынужден был обратиться лично к Ленину...

Хочется завершить эту часть повествования оценкой творческой деятельности Габдулбари Баттала, высказанной и написанной его соратниками в свое время. В этих высказываниях оценивается его деятельность до 1918 г. Галимджан Ибрагимов в одном из писем (май 1914 г.) к Халиму Искандерову, будущему редактору национальной газеты в период борьбы «белых» и «красных» на Урале, проживавшему в то время в Троицке, очень высоко оценивает журналистскую деятельность Г.Г.Баттала. Пишет, что хотел бы, чтобы он был редактором газеты «Йолдыз», заменив на этом посту издателя газеты Хади Максуди, очень осторожного (по некоторым оценкам даже боязливого) как редактор и журналист. А вот как оценивает его Джамал Валиди, проработавший в газете «Курултай» вместе с Г.Г.Батталом в 1918 г. около четырех месяцев: «В «Курултае» сначала главным редактором был Фуад Туктаров. Человек он невыдержанный, с людьми не ладил. Поэтому сотрудники газеты его не особо уважали. Только Баттал старался с ним ладить и сдерживать... По моему мнению, Бари

Баттал был в это время среди татарской интеллигенции самым серьезно мыслящим человеком. Был он хорошо образованным, многознающим, мастерски владеющим пером... писателем. В те годы они с Галимджаном Ибрагимовым выпустили несколько литературно-хрестоматийных книг... Его политическое лицо мне незнакомо. Он писательское дело ставил выше политических увлечений...». Дж. Валиди этот отзыв о деятельности коллеги написал в 1930 г. в тюрьме, по просьбе следователя. Будь он человеком двуличным и трусливым, вполне мог бы очернить своего вчерашнего коллегу. Тем более, что об этом бы Г.Баттал, живущий за кордоном, никогда не узнал...

Какие значимые произведения, какие книги изданы Г.Г.Батталом на родине до вынужденной эмиграции? Первым хочется упомянуть его серьезный исторический труд «Татарлар тарихы» («История татар»). Включая 1916 г., эта книга на родине до революции была издана трижды. Перед этим была издана историческая книга Заки Валиди. А еще чуть раньше свет увидел исторический труд казья Хасан-Гаты Габаши. Исследователи предполагают, что Г.Баттал, ознакомившись с этими сочинениями, решил по-своему дополнить и расширить круг исторических видений о татарах. Эта же книга Г.Баттала позже, в 1938 г., под названием «Төрөк-татар тарихы» («Тюрко-татарская история») была издана в Мукдене. А в 1990-е гг. «Татарлар тарихы» была переиздана в Набережных Челнах на страницах журнала «Аргамак». О двух философско-религиозных книгах, написанных в Каире и изданных в Казани в 1908 г. под именем «Муса Абдулла», говорилось выше. Уже возвратившись на родину, в Оренбург, он завершил перевод 2 книг сирийского араба Николы Хаддата «Сөймәк вә өйләнмәк» («Полюбил и женился») и «Өйләнмәк вә үкенмәк» («Женился и разочаровался»). Эти книги были изданы в Оренбурге в 1909 г., вероятнее всего, в издательстве «Вақыт» братьев

Рамиевых. Позднее Г.Баттал перевел с русского языка книгу философского содержания «Һинд пәйгамбәре Будда Сакия Муни. Аның собаты вә фәлсәфи гамәлләре» («Индийский пророк Будда и его философские взгляды») (Оренбург, 1913).

В Оренбурге в 1912 г. он издал книгу «Габледвали вә хатирәт ияләреннән» о крупном меценате и содержателе медресе из Троицка Габделвали Яушеве. Через год в Казани выходит его сборник «Нәзариәт-и әдәбият» («Теория литературы»). Еще через год они совместно с Галимджаном Ибрагимовым издают хрестоматию «Яңа әдәбият» («Новая литература»). Похожий сборник издается им совместно с бывшим казанским журналистом, в то время преподавателем педагогических курсов в Томске Загитом Нуркиным, в 1920 г. – «Уку китабы» («Учебная литература»). В бурные 1917–1918 гг. им были написаны и изданы в Казани следующие книжечки-брошюры: «Өч төрле идарә ысуллары: чикләнмәгән монархия, чикләнгән монархия һәм жәмһүрият» («Три способа управления государством: неограниченная монархия, ограниченная монархия и джумхирият-федерация») (1917), «Сөембикә манарасы» («Башня Сююмбике») (1918), а также большой очерк о своих бывших наставниках «Зәйнулла хәзрәт Рәсули вә әфәнде Әхмәт Хажии Рахманколыи рисаләсе» («Книга о Зайнулле хазрете Расулеве и Ахмете Хажии Рахманколыи») (1918). Необходимо отметить, что А.-Х. Рахманколыи был вторым после З.Расулева по авторитету религиозным деятелем г. Троицка, ахуном и одним из содержателей медресе «Рахманколыи».

Из напечатанных в эти годы в газете «Вақыт» статей и очерков следует особо выделить его путевые записки по Кавказу («Кавказ мәктүпләре») (1910). А в двух десятках номеров журнала «Шура» им были напечатаны рецензии на книги видных в то время философов и теологов России и стран Ближнего Востока.

Аннотация

В статье директора Общества истории Турции имени Ататюрка (г. Анкара, Турция), доктора истории Али Биринджи рассматривается история жизни известного писателя, историка и лингвиста Габдуллы Баттал-Таймаса, татарина, эмигрировавшего в Турцию. Али Биринджи интересуется историей татарских эмигрантов в Турции, им собраны уникальные материалы, интервью, фотографии татарских эмигрантов. Али Биринджи является автором многих работ, посвященных нашим соотечественникам. Эта его статья, предоставленная им самим для публикации в Татарстане, вызывает большой интерес, в ней много нового, доселе неизвестного из биографии и творческой деятельности Г.Баттала. Большинство из этих сведений раньше было недоступно нашим ученым и биографам Г.Баттала, т.к. источники этих сведений никогда не издавались в России.

Цель этой статьи, как пишет автор, показать тюркскому миру значимость Габдуллы Баттал-Таймаса как личности и публициста, заслуживающего особого внимания. В статье рассматриваются биография Габдуллы Баттала, годы учебы и преподавательской работы, так называемый египетский период, **возвращение в Россию, годы жизни в Казани, а далее период жизни в эмиграции, сначала в Финляндии, а затем в Турции.** Также Али Биринджи рассмотрел его научные труды и привел их перечень, разделив соответственно по периодам его жизни.

Ключевые слова: Али Биринджи, Габдулла Баттал-Таймас, Гаяз Исхаки, Ризаэтдин Фахреддин, Юсуф Акчур, Галимжан Баруди, Исмаил Гаспринский, медресе «Караван Сарай», шейх Зайнулла Расулев, Милли Шура, тюрко-татары, «Казанские тюрки», Каргалы, Оренбург, Троицк, Стамбул, Анкара, Хельсинки, кладбище Караджаахмет, Казань, Египет, Каир, газеты «Тарджеман», «Вақыт», «Юлдуз», «Курултай».

Summary

The article by the director of Turkish Society of history in the name of Ataturka (Ankara, Turkey), Doctor of History Ali Birindzhi deals with the life of the famous writer, historian and linguist Gabdoullah Battal-Taimas, the Tatar who emigrated to Turkey. Ali Birindzhi is interested in the history of Tatar emigrants in Turkey. He collected unique materials, interviews, photographs of Tatar emigrants. Ali Birindzhi is the author of a great number of works devoted to our compatriots. This article is of great interest as it contains a lot of new facts from the biography and creative activity of Battal. The majority of this information was earlier inaccessible to our scientists and Battal's biographers because the sources of this information were never published in Russia.

According to the author the aim of the given article consists in demonstrating Battal's significance to the Turkic world as a personality and publicist who deserves special attention. The article deals with the biography of Battal, studying and teaching, the so-called Egyptian period, return to Russia, Kazan period of life, emigration to Finland and Turkey. Ali Birindzhi considered his scientific works and made a list dividing them into periods.

Key words: Gabdoullah Battal-Taimas, Gayaz Iskhaki, Rizaetdin Fakhreddin, Yusuf Akchura, Galimzhan Barudi, Ismail Gasprinsky, medrese «Caravan Sarai», sheikh Zainulla Rasulev, Milli Shura, Turkic Tatars, «Kazan Turki», Kargaly, Orenburg, Troitsk, Istanbul, Ankara, Helsinki, cemetery Karadzhaakhmet, Kazan, Egypt, Cairo, newspaper «Tardzheman», «Vakyt», «Yulduz», «Kurultay».

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф.И. Урманчиев, доктор филологических наук, профессор

Фольклор, нередко обозначаемое и термином с более широким значением – народное устно-поэтическое творчество, во все эпохи истории выступает как духовное отражение как материального, так и духовного развития общества со всеми его противоречиями. И они – эти противоречия, особенно ярко выступавшие с конца 80-х гг. прошлого – XX века, становятся все более заметными с начала, особенно в первые десятилетия XXI века, когда нередко высказываются слова о полном исчезновении традиционного фольклора и появлении новых направлений развития устно-поэтического творчества народа. И для обозначения их предлагаются сравнительно новые определения типа **постфольклор** и **постпостфольклор**. Показательно, однако, и то, что и они – эти новые определения – включают в свой состав и глубоко традиционный термин **фольклор**.

В татарской литературоведческой науке этот термин начинает употребляться сравнительно поздно. В начале XX века по отношению к народному устно-поэтическому творчеству употребляется словосочетание **халык әдәбияты** – народная литература. Свою лекцию о народных песнях, прочитанную им в 1910 г. в Восточном клубе города Казани, Г.Тукай называет «**Халык әдәбияты**» – «**Народная литература**»¹. Широко признанный уже в начале XX в. литературовед Гали Рахим в 1914 г. свою объемную теоретическую статью назвал «Халык әдәбиятыбызга бер караш» – «Взгляд на народную литературу»². Такое определение фольклора по традиции продолжает бытовать довольно долго. В середине 1920-х гг. в научный оборот

начинает входить термин **фольклор**, а в 1930-х гг. – **народное творчество**. И с 1950-х гг. XX века татарский фольклор в основном определяется словосочетанием **татарское народное творчество**. Широко употребляется это определение и в настоящее время. Термин же **фольклор** в татарской фольклористике впервые был употреблен в инструкции Г.Рахима и М.Васильева по собиранию произведений устного народно-поэтического творчества, изданном в 1926 г.³ Также он встречается в текстах статей, в названиях книг, однако в настоящее время употребляется довольно редко.

С конца 1920-х и вплоть до начала 1960-х гг. в татарской фольклористике, так же, как и на всех других направлениях гуманитарных наук, наблюдается известный застой. Своеобразным показателем начала преодоления этого застоя в начале 1960-х гг. является публикация статьи А.А.Валитовой о татарской версии сказания «Алпамыш», широко известного в тюркоязычном мире⁴. В 1964 г. Х.Ярми на специальной конференции в Уфе выступает с докладом о сибирско-татарской версии дастана «Кузы Курпч и Баян-сылу»⁵. С начала 1970-х гг. Ф.Урманче выступает на страницах журнала «Советская тюркология» с серией статей, в целом более двадцати, о татарских версиях общетюркских эпических сказаний, а в 1980–1994 гг. издает две специальные монографии⁶. За свой фундаментальный трехтомник «Татарские народные пословицы» (1959, 1963, 1967)⁷ Н.Исанбет был удостоен Государственной премии Республики Татарстан им. Г.Тукая. Начиная с конца 1970-х и в 1980-е гг. публикуются отдельные

сборники научных статей по теоретическим проблемам татарской фольклористики: «Фольклор жанрларын система итеп тикшерү тәҗрибәсе» («Опыт изучения жанров татарского фольклора как системы»), 1994; «Татар халык ижатының хәзерге торышы» («Современное состояние татарского народного творчества»), 1988.

Крупным достижением татарской фольклористики 1970–1980-х гг. XX века явилось издание двенадцатитомника татарского фольклора, каждый том которого назывался «Татар халык ижаты» («Татарское народное творчество»), который включал в свой состав чрезвычайно богатый конкретный текстовый материал. В них сосредоточены произведения основных жанров и жанровых разновидностей татарского фольклора: сказки (3 тома), песни (3 тома), виды афористического фольклора (2 тома), баиты, дастаны, легенды и предания и мэээки, каждый по одному тому. Достаточно богатый материал представляет научный аппарат каждого тома, сравнительно большие по содержанию вводные статьи; не менее солидные комментарии-пояснения, где приводятся паспорт произведения, краткое изложение содержания других его вариантов, анализ их специфических особенностей, список основных источников, словари и типологический анализ сюжетов сказок.

В 90-е гг. XX века начинается своеобразный новый этап развития татарской фольклористики. Особенно ярко это выразилось в отношении к специфическому жанру татарской письменной литературы и фольклора – мунаджатам. Известно, что до 80–90-х гг. XX века продолжало бытовать несколько скептическое отношение к мунаджатам. Главной причиной этого были их жанровые особенности: они были тесно связаны с древнейшими представлениями, верованиями, обрядами, обычаями, и особенно – с идеологией ислама, с верой в мусульманского Аллаха. С 90-х гг. XX века происходит новый подход к изучению родного языка, на-

циональных обрядов и обычаев, истории и роли в жизни народа ислама. В связи со всем этим меняется и отношение к баитам и мунаджатам: их образцы печатаются в газетах и журналах, звучат по радио и телевидению, издаются их отдельные сборники, выпускаются пластинки. Однако этот всплеск оказался временным и постепенно затухает. Хотя татарский народ, очевидно, никогда не откажется от сочинения баитов и мунаджатов, которые всегда связывались с острой драмой, чаще трагедией в жизни отдельных людей, семей, коллективов, каковых в последние годы становится все больше и больше.

Пути развития фольклористики, ее поворотные этапы в немалой степени связываются с состоянием собирания, публикации и научного изучения произведений народного эпоса. Сказанное может быть аргументировано рассмотрением судеб классического образца татарского эпоса – сказания «Идегей». До 40-х гг. XX века работа в этом направлении идет достаточно успешно⁸. Однако после Постановления ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. о состоянии идеологической работы в ТАССР изучение указанного дастана прекращается почти на полвека. Традиции же собирания, публикации и научного изучения его вновь возрождаются лишь в конце 80-х гг. XX века: неоднократно публикуются дастан в целом или его отрывки на татарском языке или в переводе на русский на страницах различных газет и журналов, печатаются не только отдельные статьи о нем, но и специальная монография⁹. И все это оказало глубоко положительное влияние на духовное развитие всего татарского общества. Драматургом Ю.Сафиуллиным была написана трагедия «Идегей», которая успешно шла на сцене Татарского государственного академического театра имени Г.Камала. Основанная на тексте дастана песня «Идел-йорт» тоже получила широкое распространение и признание как песня народная.

В словесном поэтическом творчестве многих народов есть область

искусства, которая играет основополагающую роль как в возникновении и формировании, так и дальнейшем развитии его различных видов и жанров. В данном случае речь идет о мифе и мифологии. Хотя иногда о них и поднималась речь, но монографических исследований о них не было. В последние годы довольно успешно преодолен и этот пробел, о чем свидетельствует издание трехтомника Ф.Урманче «Татарская мифология. Энциклопедический словарь»¹⁰ на татарском языке общим объемом в 80 п.л. Работа эта получила положительную оценку в печати и довольно быстро распространилась среди читателей¹¹. В настоящее время автор этого уникального издания готовит его к публикации на русском языке.

Усиление внимания к истории народа, к его национальным традициям, обрядам и обычаям, начавшееся в 90-е гг. XX века, поставило новые задачи и перед фольклористами, о чем говорят и приведенные выше сведения о состоянии изучения народного героического эпоса и мифологии. Об этом же свидетельствуют и другие издания по татарскому фольклору, осуществленные в конце XX – начале XXI века. Так, в 2008 г. была издана фундаментальная работа доктора филологических наук профессора Х.Ш.Махмутова, который в последние годы активно и плодотворно занимался изучением древнетюркских афоризмов, зафиксированных в письменных памятниках VII–XIV вв. (рунические надписи из бассейна реки Орхон и ее притоков, из Дуньхуана, словаря Махмуда Кашгари, книги гаданий («Ырык битиг»), кыпчакского словаря Кодекс Куманикус и др.)¹². Им было зарегистрировано около 400 единиц текстов, представляющих фактически все жанры афористического творчества. Фронтальное сопоставление древних текстов с современными татарскими паремиями позволило Х.Ш.Махмутову показать на убедительных примерах генетическую общность их, осветить пути их исторического развития. Выводы уче-

ного нашли отражение в его монографиях «Мөңгелек ядкяр» («Вечный памятник») 2002 г.; «Борынгылар әйткән сүзләр» («Слова древних мудрецов») 2003 г. и в ряде работ, опубликованных им в журналах и научных сборниках. В дальнейшем Х.Ш.Махмутов еще более углубил и конкретизировал свои исследования, уделяя особое внимание освещению истории отдельных, наиболее интересных пословиц и поговорок; его монография «В глубь пословиц и поговорок» («Гыйбарәләр тарихыннан сәхифәләр») 2008 г. по существу является этимологическим и одновременно толковым словарем татарских паремий, в котором особый интерес представляют те страницы, где говорится об исламском пласте исторического развития татарских пословиц.

В соответствии с определенной общей проблемой отдела народного творчества «Фольклор и этническая история татарского народа» работает и доктор филологических наук А.Х. Садькова, которой подготовлены и изданы следующие монографические исследования и научные сборники: «Фольклор в эстетике Галимджана Ибрагимова» 1995 г., объемом в 6,5 п.л., монография; «Идеология ислама и татарское народное творчество» 2000 г., объемом 16 п.л.; научные сборники в соавторстве с Р.Ф. Ягафаровым «Байты» («Бәетләре»), 12,5 п.л., «Мунаджаты» («Мөнәжәтләре») 2011 г., 16 п.л. Ею же подготовлено монографическое исследование «Религиозный фольклор в татарской литературе XII–начала XX века» («XII – XX гасыр башы татар әдәбиятында дини фольклор»), объем – 20 п.л.

Старший научный сотрудник, кандидат филологических наук И.Г. Закирова в последние годы работает над монографическим исследованием на тему «Народное творчество периода Золотой Орды: мифологические и исторические основы», объемом в 25 п.л.

Ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук Л.Ш. Замалетдинов в последние годы был занят составлением томов народных

сказок для 15-томного научного свода «Татарское народное творчество» на русском языке. Три первые тома в 2008–2010 гг. опубликованы в издательстве «Магариф». В эти тома включены сказки о животных, волшебные и бытовые сказки. Им же составляются тома сказок (всего 5 томов) для научного свода на татарском языке «Татарское народное творчество» («Татар халык ижаты»). Им же прочитаны доклады, тексты которых опубликованы: «Татарские сказки в архиве академика В.В.Радлова», «Указатель сюжетов татарских сказок».

Мухаметзянова Лилия Хатиповна – старший научный сотрудник отдела народного творчества ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, кандидат филологических наук. Работает в институте с 2000 г. Кандидатскую диссертацию защитила по теме «Дастан «Чура батыр» в творчестве тюркских народов» (2000 г.). В настоящее время занимается проблемами жанра эпоса в творчестве казанских татар, пишет монографию «Книжные дастаны татарского народа», работает над составлением

тома «Книжные дастаны» многотомного свода «Татар халык ижаты».

Мухаметшина Лейля Миннехановна – научный сотрудник отдела народного творчества с октября 2010 г. В настоящее время занимается изучением татарских народных песен.

Все изложенные значит, что темы работ научных сотрудников отдела по существу охватывают все наиболее важные жанры и проблемы современной фольклористики: миф и мифология; обычаи и обряды татарского народа и обрядовый фольклор, афористический фольклор, народный эпос во всех его жанровых разновидностях, включая сказки, мээки, легенды и предания; героический и мифологический эпос; разнообразие взаимоотношения и взаимосвязи устного народно-поэтического искусства. На основе именно такого подхода к фольклору и его соответствующего изучения готовятся и издаются (первые тома) многотомники татарского народно-поэтического творчества: двадцатипяти томник на татарском языке и пятнадцатитомник на русском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тукай Г. Халык моннары. Халык әдәбияты / Сайланма әсәрләр. 5 т.; Т.4.–Казан, 1985. 145–186б.

² Рәхим Г. Халык әдәбиятымызга бер караш //Аң, 1914, №№ 4–16, 19–20, 22.

³ Васильев М., Рәхим Г. Фольклор һәм халык әдәбиятын жыю өчен кулланма // Инструкцияләр жыентыгы. Казан, 1926.

⁴ Валитова А.А. Татарская версия эпического сказания «Алпамыш» //Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М., 1960.

⁵ Ярмухамедов Х.Х. Сказание «Кузы Курпеш и Баян-сылу» в устном творчестве сибирских татар // Народный эпос «Кузы-Курпеш и Маян-хылу». – Уфа, 1964.

⁶ Урманчиев Ф.И. Эпические сказания татарского народа. – Казань, 1980; Урманчиев Ф.И. Героический эпос татарского народа. – Казань, 1984.

⁷ Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре. Т.1, Казан, 1959; Т.2, Казан, 1963; Т.3. Казан, 1967.

⁸ Исәнбәт Н. Татар халык эпосы «Идегәй» дастанының 500 еллыгы // Совет әдәбияты. 1940, №№ 11, 12.

⁹ Идегәй: Татар халык дастаны. – Казан, 1988; Идегей: Татарский народный эпос. – Казань, 1990; Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Монография. – Казань, 1999; Урманче Ф. Идегәй. Нурсолтан. Сөембикә. – Казан, 1997.

¹⁰ Урманче Ф. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек. Өч томда. Т.1. – Казан, 2008; Т.2, Казан, 2009; Т.3. Казан, 2010.

¹¹ Мөхәммәтҗанова Л. Чын галим нинди була яки остазым Фатыйх Урманчиев турында // Мәдәни жомга. 2011.

¹² Мәхмүтов Х. Гыйбарәләр тарихыннан сәхифәләр (этимологик эзләнүләр). – Казан, 2008.

Аннотация

В статье рассматриваются основные тенденции развития татарской фольклористики. Народное устно-поэтическое творчество (халык әдәбияты) во все эпохи истории выступает ярким отражением и материального, и духовного развития общества со всеми его противоречиями. Усиление внимания к истории татарского народа, к его национальным традициям, начавшееся в 1990-е гг., поставило новые задачи перед учеными, осветило основные проблемы современной фольклористики.

Ключевые слова: фольклор, народное устно-поэтическое творчество, народная литература, мифология, этническая история, татары.

Summary

The article deals with the main tendencies of the Tatar folklore studies development. In all historical epochs folk oral poetic work has always been a striking reflection of the society's material and mental development with all its contradictions. Strengthening of the attention to the history of the Tatar people, its national traditions, which started in 1990s, set the scientists new tasks and covered the main problems of modern folklore studies.

Key words: folklore, folk oral poetic work, national literature, mythology, ethnic history, the Tatars.

ФЕНОМЕН УНИВЕРСИТЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ В КАЗАНИ (XIX–XX вв.)

Р.М. Валеев, доктор исторических наук, профессор

Современная отечественная востоковедная историография истории ориенталистики в Казани включает немало новых оригинальных творческих работ, основанных на разнообразных источниках и проникнутых исследовательскими оценками, новыми подходами и идеями¹.

Обобщая итоги и направления отечественной историографии к рубежу XX–XXI вв., проблемы истории российского востоковедения, в том числе Казанского центра востоковедения, необходимо сформулировать следующие основные выводы.

Актуальной остается одна из важнейших задач — историографический и историко-научный анализ работ по истории востоковедения в России XIX–XX вв. Возникновение и развитие нового научного направления — историографии истории отечественного востоковедения — представляют собой важное научное и культурное событие.

Вопросы природы и функций историографии истории отечественного востоковедения, ее места в структуре истории исторической науки, генезиса и механизмы ее формирования и развития как самостоятельной области знания являются актуальными. Историографический и историко-научный анализ позволит представить природу, функции, место и роль историографии истории отечественного востоковедения в общей системе исторического познания. Специфика предмета историографии истории отечественного востоковедения и его задач, исследовательские программы и проблематика историко-научных исследований в ориенталистике не стали объектом анализа и дискуссий.

К сожалению, обширная литература по истории отечественного востоковедения XVIII — начала XX вв. не позволяет воссоздать картину углубления профессионализации педагогической и исследовательской деятельности ученых-востоковедов, формирования этого уникального сообщества, институционализации и генезиса различных форм востоковедческого образования и науки о Востоке в России.

Отставание историографических исследований по истории отечественного востоковедения особенно заметно в сфере методологии науки. В отечественной историографии истории востоковедения мало представлено перспективное направление, связанное с анализом внутренних и внешних закономерностей развития научного востоковедческого знания, его дифференциации и интеграции, структуры востоковедческого образования и науки и в особенности логико-теоретических проблем развития науки о Востоке.

В настоящее время также не написаны академические научные биографии многих российских востоковедов XIX–XX вв., в том числе казанских востоковедов XIX — нач. XX вв. Также мало представлен в историографии отечественного востоковедения такой тип биографической литературы, как научно-популярная биография. Интересным представляется изучение типологии биографий отечественных и зарубежных ориенталистов и эволюции историко-научной востоковедной биографии.

В настоящее время менее всего воссоздан социокультурный и мировоззренческий контекст жизни и де-

тельности востоковедов и дан анализ педагогических, исследовательских и культурных традиций и новаций в востоковедческих центрах России, слабо исследована история научной ориентальной мысли. В последующих работах, посвященных истории отечественного востоковедения, представляется перспективным изучение внешних, социокультурных, политических и мировоззренческих факторов, повлиявших на достижения в научных дисциплинах, рост знаний о Востоке и судьбу ориенталиста в развитии востоковедческого познания.

Казань – столица современного Татарстана – остается одним из исторических городов евразийской ойкумены и уникальным научным и культурным центром цивилизаций Востока и Запада. Этот историко-географический и геополитический город и регион между Волгой и Уралом стал олицетворением исторической Родины тюркских, финно-угорских, славянских этносов и других современных народов Евразии. Также известные средневековые государства и общества Волжская Булгария, Джучиев улус и Казанское ханство представляются историческими символами евразийского мира.

Казань и Казанский университет – колыбель евразийской науки и образования. В XIX–XX вв. здесь сформировались и развивались научные и образовательные школы и направления, получившие международное признание.

Особенно в XIX – начале XX вв. Казань как место встречи и свидания двух миров – западного и восточного (А.Герцен) стала центром российского и мирового востоковедения. Знания и наука о Востоке являлись органической частью евразийских гуманитарных исследований в России.

В XVIII – начале XX вв. в России формировалась и развивалась система организации востоковедения, углублялись научные и мировоззренческие принципы научно-исследовательской работы востоковедов – ученых и прак-

тиков. Знания и наука о Востоке являлись органической частью отечественных гуманитарных исследований. В XIX веке востоковедное знание приобретает подлинно научный характер. Зарождение востоковедения в России было связано прежде всего с государственными интересами и общественными потребностями. В генезисе российского востоковедения – научного направления изучения азиатских государств и народов своеобразная научная революция произошла в конце XVIII – первой половине XIX в. В этом процессе важную роль сыграли университеты России. Во второй половине XIX – начале XX вв. активизировалось развитие филологической и исторической мысли в ориенталистике, новых методик и приемов исследования. Научное и общественное значение российского востоковедения, его уровень определялись накоплением объективных знаний о народах и странах Востока и интересом государства и общества к их осмыслению. В XIX – начале XX вв. получает развитие научное классическое востоковедение, связанное с восточными языками, литературой и историческими памятниками, древней и средневековой историей и культурой народов зарубежного Востока, азиатских территорий и народов Российской империи. В основе российского востоковедения лежали разнообразные внешнеполитические, торгово-экономические и научно-культурные связи со странами Востока, масштабные задачи социокультурного освоения Востока России, европейское ориентальное образование и наука и, в особенности, самобытные национальные научные школы и культуры восточных народов России.

В первой половине XIX в. «восточная словесность и древность» олицетворяли понятие востоковедения в России. В последней четверти XIX в. ведущими учеными-ориенталистами была сформулирована основная задача отечественного востоковедения – передавать студентам и обобщать «все знания относительно Востока, добываемые на-

укой, а не одни только языки его»². В начале XX в. востоковедение в России представляло особую систему знаний об истории и культуре народов Востока. Стержнем сформировавшегося классического востоковедения в России в начале XX в. стали восточное языкознание и исследования памятников традиционной восточной письменности и материальной культуры. Знание и использование классических и живых восточных языков, письменных текстов или памятников материальной культуры народов Востока – ключевые черты российского университетского и академического востоковедения. В XIX–XX вв. академическое и университетское направления отечественного востоковедения характеризуются взаимодействием с государством и обществом, обновлением тематики и изменением пропорций научных дисциплин, появлением новых форм организации исследований и объединения ученых-востоковедов, международными научными и культурными контактами с Азией и Европой.

В истории востоковедения в России в XIX–XX вв. прослеживаются научные школы, имеющие определенное географическое положение – петербургская, московская, казанская школы и др. В этих востоковедческих центрах заметны традиции и новации в систематизации преподавания восточных предметов и организации знания о народах и территориях Азии. Востоковедение как сформировавшееся специальное гуманитарное образование и наука структурировалось с образованием восточных кафедр, с появлением соответствующих программ и учебных пособий. Природа востоковедческого знания и науки о Востоке в XIX – начале XX вв. характеризуется возрастающей специализацией отдельных филологических и исторических дисциплин и усилением процесса дифференциации. Заметно возрастание взаимозависимости различных отраслей и дисциплин востоковедения. В современной ориенталистике получили развитие специальные вспомога-

тельные дисциплины – нумизматика, источниковедение, палеография, эпиграфика, археография, сфрагистика, геральдика и т.д. Востоковедческое образование и наука о Востоке приобрели системный, комплексный и интегрированный характер.

В XIX – начале XX вв. петербургский, московский, казанский и другие центры востоковедения оказали решающее влияние на развитие отечественной науки, культуры, литературы и искусства. Отечественная наука о Востоке существенно влияла на социокультурные процессы в обществе – ослабевал «варварский образ» Азии, утверждались научные знания об истории и культуре восточных народов, расширялись и углублялись представления об окружающих азиатских странах, усиливались историко-культурные связи народов России с Востоком. Она утверждала в российском обществе уважение к чужой культуре и самостоятельную ценность традиционных культур Востока. Принципы гуманизма, равноправия и равнозначности цивилизаций и культур выделяются в деятельности отечественных востоковедов. Стремление к познанию и признанию культур народов и цивилизаций Востока превращалось в осознанную потребность общества и государства. Образование и наука о Востоке стали важным элементом и продуктом культуры народов, проживающих в России. Особое геополитическое и географическое положение России между Европой и Азией, между Востоком и Западом способствовало развитию феномена научного и практического ориентализма. Синтез историко-географических, этнических зон, культур и религий играл в прошлом и настоящем востоковедения огромную роль.

Университетское востоковедение в Казани занимает особое место в истории отечественной и мировой ориенталистики XIX–XX вв. Преподавание восточных языков и научные востоковедные исследования в университете и в других образовательных и научных

центрах представляются феноменом отечественной культуры и науки. Научная и педагогическая деятельность востоковедов значительно способствовала дальнейшему становлению и развитию востоковедения как гуманитарного образования и науки. Их труды до сих пор представляют собой ценнейшие источники научных исследований и истории российского востоковедения. Разряд восточной словесности университета в Казани положил начало систематическому и комплексному востоковедному образованию в России. Университетское востоковедное образование и наука о Востоке в России в XIX – начале XX вв. становятся основой и формой развития науки о Востоке и в целом социально-политической и общекультурной деятельности во всех сферах общества и государства.

На протяжении XIX – начала XX вв. в казанском университетском востоковедении произошли организационные, научно-исследовательские и социокультурные изменения. Этот период, несмотря на переломные вехи истории востоковедения в Казанском университете, характеризуется поступательностью и непрерывностью развития образования и науки.

Истоки официального преподавания восточных языков в Казани, в первую очередь, связаны с Первой Казанской гимназией. Преподавателями татарского языка на протяжении многих лет были известные педагоги-просветители Сагит Хальфин, Исхак Хальфин и Ибрагим Хальфин. Первая Казанская гимназия стала крупным светским учебным заведением России, где шло преподавание ряда восточных языков. Она явилась учебно-педагогической базой становления и развития казанского университетского востоковедения в первой половине XIX века. Изучение восточных языков в этой гимназии тесно связано с формированием системы регулярного преподавания азиатских языков в общеобразовательных светских и духовных школах Российской империи. В 70–90-е гг. XVIII в. пре-

подавание татарского языка в Первой Казанской гимназии не отличалось от других общеобразовательных учебных заведений России, где изучали восточные языки. На протяжении первой половины XIX века во многих российских гимназиях и училищах, за исключением Первой Казанской гимназии, положение с преподаванием восточных языков радикально не изменилось.

Фонды Министерства народного просвещения, представленные в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге³, и попечителя Казанского учебного округа в Национальном архиве Республики Татарстан⁴ дают важный материал о формировании и развитии востоковедческого образования и науки в системе гимназий и училищ России XIX в., тесно связанных с университетами.

В истории преподавания восточных языков в Первой Казанской гимназии и его развитии выделяются следующие значимые периоды и рубежи – до 1836 г.; 40-е гг. XIX в. и 1854–1855 гг., когда Министерством народного просвещения были приняты официальные меры по закрытию восточного отделения Первой Казанской гимназии и разряда восточной словесности Казанского университета.

В 20-х гг. – первой половине 30-х гг. XIX в. в Первой Казанской гимназии формируется система преподавания азиатских языков – арабского, персидского, татарского, монгольского с целью подготовки переводчиков и учителей для государственных нужд империи. Именной указ императора от 2 января 1836 г. «с приложением положения и штата о преподавании в Первой Казанской гимназии восточных языков» способствовал сохранению и развитию системы обучения восточным языкам. Значение этого официального распоряжения не ограничивалось только для этой гимназии. Основная цель изучения восточных языков, направленная на то, чтобы «приготовлять чиновников, основательно знающих сии языки» для официальных ведомств, сохрани-

лась и развивалась в России в востоковедных учебных заведениях. В 30–50-х гг. XIX в. был сформирован основной преподавательский состав по изучению воспитанниками гимназии восточных языков.

В 20-х гг. — первой половине 30-х гг. XIX в. в Первой Казанской гимназии идет формирование системы преподавания азиатских языков — в 1822 г. было впервые официально введено изучение арабского и персидского языков с преподавателем Ф.И.Эрдманом; в 1826 г. на должность преподавателя мусульманских языков был назначен Мирза Казем-Бек; в 1827 г. и 1833 г. И.Верниковский назначался преподавателем арабского языка; в 1828 г. А.Онисифоров стал преподавателем татарского языка; в 1833 г. К.Фойгт и А.Попов были утверждены преподавателями персидского и монгольского языков; в 1835 г. Мирза Казем-Бек стал преподавать турецко-татарский язык; в июне 1835 г. по докладу министра народного просвещения С.С.Уварова утвержден указ Николая I о введении в программу гимназии г. Казани преподавания арабского, персидского, татарского, монгольского языков с целью подготовки переводчиков для ведомств империи и т.д.⁵ Эти официальные мероприятия расширили круг восточных языков и определили статус основного востоковедного среднего учебного заведения в России в первой половине XIX в.

В 30–50-е гг. XIX в. был сформирован основной преподавательский состав, который преподавал воспитанникам гимназии восточные языки: в апреле 1836 г. на должности преподавателей и практикантов восточных языков были утверждены М.Казем-Бек (турецко-татарский язык), К.Фойгт (персидский язык), М.Первухин (арабский язык), А.Попов (монгольский язык), лама Г.Никитуев (практические занятия по монгольскому языку), Н.Сонин (практические занятия по персидскому языку), мулла М.Алиев (практические занятия по турецкому языку); в ноябре 1838 г. в программу

гимназии был введен китайский язык и назначен преподавателем архимандрит Даниил; в 1842 г. Г.Гомбоев назначен преподавателем монгольского языка; в октябре 1842 г. введен армянский язык с преподавателем С.И.Назарьянцем; в январе-феврале 1843 г. М.-Г.Махмудов был назначен преподавателем восточной каллиграфии и до 1855 г. преподавал также турецко-татарский язык; в сентябре 1845 г. Абд.Казем-Бек определен сверхштатным лектором турецко-татарского языка; в 1848 г. на должности восточных языков были назначены В.Михайлов (татарский язык), К.Попов (персидский язык), М.Навроцкий (арабский язык), Г.Гладышев (армянский язык); в декабре 1852 г. Ахмет бен Хусейн назначен надзирателем живого арабского языка; в 1853 г. прекратилось преподавание армянского языка, К.Голстунский стал исполнять должность учителя монгольского языка и утверждена «таблица распределения уроков по классам» с восточными языками — арабский, персидский, турецко-татарский, монгольский, китайский, маньчжурский и т.д.⁶

В Первой Казанской гимназии преподавали восточные языки студенты и кандидаты университета — Ян (Иван) Верниковский (арабский язык), Сергей Рушко (китайский язык), Иван Ладухин (китайский язык), Иван Иванов (персидский язык) и др.

Историк казанского университета востоковедения Н.А.Мазитова справедливо отмечает, что в этот период «I Казанская гимназия становится базой подготовки будущих студентов-востоковедов для университета. Востоковедение в университете и гимназии взаимно дополняли друг друга и находились в тесной связи между собой»⁷.

В конце 30-х — первой половине 50-х гг. XIX в. были вновь осуществлены новые мероприятия в организации и методике изучения восточных языков в Первой Казанской гимназии. В эти годы стали изучать в гимназии китайский (с 1838 г.), армянский (с 1842 г.) и маньчжурский (с 1845 г.) языки. В

1841–1851 гг. особые комитеты в составе профессоров разряда восточной словесности Казанского университета рассматривали «неудобства, которые были замечены в распределении преподавания восточных в Первой Казанской гимназии» и сформулировали «надежные основания к успешности на будущее время» изучения восточных языков, а также составили новые распределения языков – арабского, персидского, турецко-татарского, монгольского и китайского языков. Проект «Положения о преподавании азиатских языков в Первой Казанской гимназии» 1845 г. обучение восточной словесности разделил на пять разрядов: 1) арабско-персидский, 2) арабско-турецкий, 3) армянско-турецкий, 4) китайско-маньчжурский и 5) монгольско-маньчжурский. С марта 1849 г. семилетний курс изучения восточных языков в гимназии стал четырехлетним. Важным нововведением стала идея практической интеграции гимназических и университетских курсов по восточным языкам. Кроме того, было определено, чтобы «главный надзор за ходом преподавания, как в гимназии, так и в университете всех восточных языков вверен был одному лицу, которое бы вникнув во все обстоятельства, касающиеся не только самого преподавания, но и согласования его с общими основаниями гимназии и университета»⁸. Эту обязанность планировалось возложить на профессора разряда восточной словесности в должности директора восточного отделения при Казанском императорском университете.

В 1853–1855 гг. в восточном отделении Первой Казанской гимназии произошли существенные изменения – прекращение преподавания армянского языка (май 1853 г.), принятие новой «таблицы распределения уроков по классам» в Первой Казанской гимназии, которая включила арабский, персидский, турецко-татарский, монгольский, китайский и маньчжурский языки (21 октября 1853 г.) и закрытие востоковедческих подразделений Пер-

вой Казанской гимназии и Казанского университета.

В ходе официальных мероприятий к середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского университета стал очагом университетского востоковедения в России и Европе. В первой половине XIX в. формируется высшая востоковедческая школа в Казанском университете. Главной особенностью стало складывание системы отечественного университетского востоковедного образования и науки о Востоке в Казани и в целом важного ориентального центра России.

В 1835–1837 гг. основные курсы восточных языков – арабский, турецко-татарский, персидский и монгольский – были объединены в разряд восточной словесности философского факультета Казанского университета.

Формирование семи восточных кафедр, охватывающих крупнейшие ареалы Востока, явилось значительным событием. История образования и деятельности востоковедных кафедр университета имеет особое значение. Судьба восточных кафедр университета и их учебно-педагогическая и научная роль были неоднозначными. В первой половине XIX в. ведущую роль играли кафедры, специализирующиеся по мусульманскому Востоку и Центральной Азии.

Основой разряда восточной словесности Казанского университета в 1828–1854 гг. стали арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры. В 40-х гг. XIX в. планировалось открытие трех новых восточных кафедр – индустанского, тибетского и еврейского языков.

В 1851–1854 гг. указы Николая I «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института» (ноябрь, 1851 г.) и «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете» (октябрь, 1854 г.)

предопределили новую государственную политику по созданию ведущего востоковедческого центра России во второй половине XIX – начале XX вв. в Петербурге.

В первой половине – середине XIX в. разряд восточной словесности Казанского университета становится учебным и научным центром изучения истории и культуры народов мусульманского Востока. Этот период связан с развитием научных дисциплин – тюркологии, иранистики, арабистики, исламоведения и т.д. Страны зарубежного мусульманского мира – Османская империя, Персия, Арабский Восток и регионы традиционного распространения ислама Российской империи (Поволжье и Приуралье, Кавказ и Средняя Азия, Крым) стали объектом исследования в трудах и статьях казанских университетских востоковедов – Х.Д.Френа, И.Хальфина, Ф.И.Эрдмана, А.К.Казембека, С.И.Назарьянца, И.Н.Березина, В.Ф.Диттеля, И.Ф.Готвальда и др.

Исследование истории и культуры народов мусульманского мира было сконцентрировано по следующим основным направлениям – подготовке и изданию учебных программ, пособий, учебников, хрестоматий, словарей; комплектации фонда восточных рукописей и книг; сбору, изучению и публикации письменных и материальных восточных памятников и источников; переводов восточных авторов; осуществлению научных путешествий на мусульманский Восток; оригинальных филологических, исторических, культурологических, естественно-географических, археологических и этнографических публикаций и т.д.

В первой половине – середине XIX в. в казанском университетском востоковедении история и культура народов Центральной и Южной Азии стали объектом научного исследования. В Казанском университете формировались и развивались монголоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение и санскритология. Благодаря научным тру-

дам востоковедов О.М.Ковалевского, А.В.Попова, архимандрита Даниила, И.П.Войцеховского, В.П.Васильева, П.Я.Петрова, Ф.Ф.Боллензена и других преподавание и изучение языков, истории, этнографии и культурного наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая и Индии получили в казанском востоковедении систематический и интенсивный характер. В их учебной и научной деятельности наиболее заметны изучение и преподавание языков, сбор материалов по географии и страноведению, знакомство и текстологическое исследование рукописей и сочинений, контакты с живыми носителями языков, путешествия в регионы и государства Центральной Азии, составление грамматик, словарей и хрестоматий.

С закрытием разряда восточной словесности в университете научно-исследовательская и педагогическая традиция в области региональных отраслей востоковедения была прервана. Намеченное комплексное и систематическое изучение традиционных обществ и государств мусульманского Востока, Центральной и Южной Азии в Казанском университете фактически прекратилось.

Страницы истории востоковедения в университете в XIX – нач. XX вв. связаны с разнообразными проектами по формированию и развитию образования и науки о Востоке.

В первой четверти XIX в. появляется проект «О заведении для восточных языков училищ в Казанском учебном округе». Этот проект – один из первых правительственных мероприятий в рамках реформ государственного устройства России начала XX в., который расширял структуру востоковедческого образования в новых учебных округах. Казанскому учебному округу в этих планах было отведено первостепенное место в развитии востоковедения в первой половине XIX в. На этом этапе обучение восточным языкам преследовало в основном подготовку квалифицированных чиновников, которые должны

были обслуживать расширяющиеся внутривосточные и внешнеполитические интересы Российского государства на Востоке.

В 1822–1826 гг. появляются планы «строить в Казани или Астрахани Институт восточных языков». Проекты Института восточных языков 20–40-х гг. XIX в. оставались ключевыми в истории казанского востоковедческого центра России. Один из «Планов Восточного института» (1827 г.) в Казани был составлен профессором арабско-персидской кафедры университета Ф.И.Эрдманом (1793–1863 гг.). В 30-х гг. XIX в. наряду с идеями Института восточных языков активно обсуждаются проекты «Об устройении при Казанской гимназии Отделения для обучения магометан» и «О переименовании разряда Восточной словесности при Словесном отделении Императорского Казанского университета в Азиатское отделение». Тем не менее в первой половине 40-х гг. XIX в. востоковеды университета подготовили проект «Азиатского института при Императорском Казанском университете». Основными целями Азиатского института определялись: «распространение и размен ученых познаний об Азии или Востоке; образование преподавателей Азиатских или Восточных языков; приготовление сведущих в сих языках чиновников в качестве драгоманов, переводчиков, толмачей и приставов при разных управлениях; и просвещение Азиатских инородцев, живущих в пределах России». Все это позволяет выделить изменение сущности востоковедения в России в середине XIX в., ориентированное на приоритетные цели образования и науки.

История востоковедения в России в конце XIX – начале XX вв. отмечена появлением новых востоковедческих проектов и их осуществлением во Владивостоке, Ташкенте и Казани⁹.

В начале XX в. по инициативе профессоров университета возникают несколько проектов по возрождению востоковедения. Новые проекты восто-

коведческого образования и науки пытались расширить сложившуюся систему преподавания восточных языков в Казанском университете и учредить иные образовательные центры ориенталистики. Среди них особое значение имеют планы образования «восточного отделения» историко-филологического факультета Казанского университета (1905 г.), Курсов для практического изучения восточных языков (1911–1912 гг.) и в 1916–1919 гг. проект создания восточного отделения с двумя разрядами – тюрко-татарским и финно-угорским в Казанском университете.

В XIX – начале XX вв. под влиянием университетского востоковедения формируется система преподавания и изучения восточных языков – арабского, татарского, калмыцкого, монгольского и финно-угорских в православных духовных учебных заведениях, в частности в Казанской семинарии и академии. Изучение восточных языков народов России преследовало практические интересы и обслуживало потребности внутривосточной и социокультурной деятельности самодержавия.

Как известно, в XIX – начале XX вв. Казань стала официальным центром империи в осуществлении практики и идеологии православного миссионерства и русификации народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Указ Павла I от 31 мая 1800 г. об учреждении в Казанской духовной академии (в 1797 г. преобразована из духовной семинарии) «особого класса татарского языка» положил начало официальному преподаванию восточных языков. Вплоть до 40-х гг. XIX в. преобразования православных учебных заведений г. Казани не позволяли углублять преподавание восточных языков и формировать прочную систему востоковедных дисциплин. Преподавание татарского языка в духовной семинарии г. Казани было связано с желанием духовного начальства открыть «классы татарского языка» в учебных заведениях Казанского духовно-учебного округа – Астраханской, Нижегородской, Пермской, Пен-

зенской, Тамбовской, Оренбургской, Тобольской епархиях. Именно в 40-х гг. XIX в. активизируется изучение восточных языков в духовной академии, которая во второй половине XIX в. стала ключевым центром миссионерской идеологии и практики в Российской империи. Основное внимание было уделено изучению восточных языков – арабского, татарского, калмыцкого и монгольского.

Важное значение имело образование в январе 1845 г. в составе духовной академии двух восточных разрядов (кафедр) – монгольско-калмыцкого и турецко-татарского (арабского), просуществовавших до 1854 г. В середине 40-х гг. XIX в. постановка преподавания восточных языков в академии связана с именами известных профессоров восточного разряда университета А.К.Казем-Бека и А.В.Попова. В 1844–1845 гг. студенты духовной академии были допущены к слушанию в Казанском университете лекций по восточным языкам – татарскому, монгольскому и калмыцкому. С середины 40-х гг. XIX в. в академии формируется свой круг преподавателей восточных языков. Среди них первые выпускники академии – Н.Ильминский и А.Бобровников, которые сформировались под влиянием традиций университетского востоковедения. Преподавание азиатских языков и исследование разнообразных восточных материалов приняли устойчивое положение в середине – второй половине XIX в. Истоки традиции востоковедения в православных учебных заведениях г. Казани справедливо олицетворяются с деятельностью А.А.Бобровникова (1821–1865), Н.И.Ильминского (1822–1891) и Г.С.Саблукова (1804–1880). В 1854 г. Указ Синода, который ликвидировал в духовной академии восточные разряды и открыл миссионерские отделения, где были представлены язык и этнография татар, монгольский и калмыцкий языки, а также языки и этнография языческих народов России, положил начало новому этапу в истории казан-

ского миссионерского востоковедения второй половины XIX – начала XX вв.

Казанские востоковеды-миссионеры тесно сотрудничали с православными обществами и миссиями и были связаны учебной и научной деятельностью со многими российскими академическими и университетскими центрами и ориенталистами. В 1854–1855 гг. в противомусульманском и противобуддийском отделениях духовной академии открываются должности практикантов восточных языков – монгольского и татарского, которые сохранились и расширились во второй половине XIX в. – первых десятилетиях XX в. Отличительной чертой казанского миссионерского востоковедения стала подготовка преподавателей восточных языков и обучение этим языкам на основе направления в регионы, населенные азиатскими народами империи, и зарубежный Восток. На мусульманский Восток был направлен выпускник Казанской духовной академии М.А.Машанов, посетивший Джидду и Каир в 1885–1887 гг. В 1909–1910 гг. лектор французского языка и практикант арабского языка «кафедры арабского языка и обличения мухамеданства» академии П.К.Жузе находился с научной целью на Арабском Востоке. В 1912–1914 гг. в Монголии в научной командировке находился исполняющий должность доцента академии иеромонах Амфилохий с целью изучения монгольского и тибетского языков, а также буддизма и ламаизма. Во второй половине XIX – первых десятилетиях XX вв. происходят существенные изменения в преподавании восточных языков и миссионерских востоковедческих предметов и курсов. Формируется и развивается специфическая система подготовки православных миссионеров, знающих восточные языки, историю ислама и буддизма. Казанские миссионеры-востоковеды духовной академии активно занимаются разнообразными вопросами идеологии и практики православной миссионерской деятельности в России, в

частности в Поволжье и Приуралье, Сибири и на Кавказе¹⁰.

Заккрытие Казанской духовной академии в 1919/20 учебном году прервало традицию миссионерского востоковедения в России.

Востоковедение в Казани во второй половине XIX — первых двух десятилетиях XX вв. связано с организацией и преподаванием восточных языков в Казанском университете, деятельностью востоковедных обществ — «Восточного общества» (1855 г.), «Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (1878—1929 гг.) и новыми востоковедческими учебными заведениями и ассоциациями на этапе становления советского востоковедения в 1917—1920-е гг. На этом этапе характерно желание возродить востоковедческую работу. В эти годы исключительную роль в возрождении востоковедения в университете и в целом в казанском гуманитарном центре сыграли И.Ф. Готвальд, М.Г. Махмудов, И.Н.Холмогоров, Х.Фаизханов, Н.И.Ильминский, В.В.Радлов, Ш.Марджани, Н.В.Крушевский, И.А.Бодуэн де Куртенэ, М.П.Веске, Н.Ф.Катанов, Н.И.Андерсон, Н.И.Ашмарин, К.Насыри, Н.В.Никольский, Я.Г.Калима, Г.С.Губайдуллин, С.Е.Малов и многие другие. Многонациональный характер казанской ориенталистики — важная особенность научного и культурного центра России. С их именами связаны востоковедные исследования в Казани в конце XIX — первых десятилетиях XX в. и тесные научные контакты с российскими и зарубежными востоковедами.

В 60-х — начале 70-х гг. XIX в. преподавание арабского, персидского и турецко-татарского языков в университете вели И.Н.Холмогоров и Н.И.Ильминский. Практика преподавания восточных языков в университете только «для желающих» в 60-х гг. XIX в. и первых десятилетиях XX в. не позволила полностью возродить уникальное комплексное историко-филологическое и источниковедческое наследие казанского университетского

востоковедения. Преподаватель восточных языков профессор Н.Ф.Катанов в 90-х гг. XIX в. и до 1922 г. наиболее полно ощутил в своей педагогической деятельности отсутствие официального статуса востоковедения как предмета университетского преподавания и науки в Казани.

Историко-научным рубежом восстановления востоковедческих кафедр Казанского университета — угро-финской и турецко-татарской филологии стала середина 80-х гг. XIX в. У истоков этого события стояли И.А.Бодуэн де Куртенэ, Н.И.Ильминский, В.В.Радлов и М.П.Веске. Возрождение традиций тюркологических исследований в университете будет связано с именем выпускника арабско-персидско-турецко-татарского разряда факультета восточных языков Петербургского университета Н.Ф.Катанова. Роль и значение его в возрождении Казанского университета и Казани как крупного российского и мирового востоковедческого центра неопценимы.

Во второй половине XIX — начале XX вв. в Казани кроме университета действовали высшие учебные заведения с преподаванием восточных языков, существовали объединения востоковедов, сохранялись и развивались основные направления преподавательской и исследовательской деятельности казанских ориенталистов. Казанские востоковеды собирали и изучали огромный лингвистический, исторический, археологический и этнографический материал, связанный с народами Востока. Научный фундамент востоковедческих исследований в Казани, сформировавшийся в первой половине XIX в. в университете, получил преемственное развитие.

В 1917—1920 гг. происходит становление советского востоковедения в Казани. Новые внутренние и внешнеполитические задачи, поставленные Октябрем, потребовали создания новых и реорганизации системы существующих учебных заведений востоковедения в основных его центрах — Петрог-

раде, Москве, Казани, Владивостоке. В 1920-е гг. в востоковедных центрах России и Советского Союза продолжали работать представители дореволюционных ориентальных школ. В то же время формировалась новая генерация отечественных востоковедов. Важными чертами этих лет становятся преемственность востоковедных исследований, конфронтация научных и идейных позиций и концепций, изменение направлений изучения Востока и в целом размывание отечественного классического востоковедения.

Становление и развитие советского востоковедения в Казани тесно связаны с учебной и научной деятельностью Северо-Восточного археологического и этнографического института (1917–1921), Восточной академии (1921–1922), Казанского университета, Научного общества татароведения (1923–1929) и Общества археологии, истории и этнографии и т.д. На их базе прослеживается тенденция возрождения востоковедного наследия. Деятельность этих учебных заведений и научных ассоциаций – важный показатель новых организационных форм российского востоковедения в 1920-е гг. Научное содружество ученых-гуманитариев из представителей народов России явилось продолжением уникальной традиции, заложенной в казанском университетском востоковедении с первой половины XIX в.

В советскую эпоху востоковедение в Казани было тесно связано с историческими, археологическими, филологическими, искусствоведческими и другими гуманитарными исследованиями. В 20–30-х гг. XX в. традиции казанского востоковедения продолжались в научной деятельности Г.Ибрагимова, Дж.Валиди, Г.Губайдуллина, Х. Атласова и др. Развитие различных отраслей татарского языкознания связано с научно-педагогической деятельностью Дж.Валиди, Г.Алпарова, В.А.Богородицкого, Г.Рахима, М. Курбангалиева, Р.Газизова, Г.Шарафа и др. В 1939 г. организуется Татарский институт языка, литературы и истории

имени Г.Ибрагимова, в 1944 г. открывается отделение татарской филологии при Казанском университете, которые стали основными центрами востоковедения.

В 60–80-х гг. XX в. востоковедение в Казани характеризуется новым этапом развития. Развернулись исследования по проблемам истории и археологии, языка, литературы, фольклора, общественно-философской мысли и этнографии татарского народа, проблем взаимосвязи и взаимовлияния культур народов Поволжья и Приуралья. Проводится большая работа по выявлению археологических памятников и составлению археологической карты Татарстана, изучаются археологические памятники начиная с каменного века до позднего средневековья. Особый интерес имеют многолетние исследования археологами Биляра, Булгар и других центров Волжской Булгарии. Организуются археографические и фольклорные экспедиции. Издается свод татарского фольклора. Составной частью этих исследований стали сбор произведений устного народного творчества, древних рукописей и книг на старотатарском, арабском, персидском, турецком и других восточных языках. Эти рукописи и книги, сосредоточенные в библиотеках Казанского университета и Института языка, литературы и истории им. Г.Ибрагимова, представляют огромный научный интерес для языковедов, литературоведов, историков, фольклористов и философов.

Собрано и сдано на хранение более 13 тыс. рукописных памятников.

Продолжается изучение многообразного наследия выдающихся татарских ученых, литераторов, богословов, поэтов и политиков Кул Гали, Кутб, Мухаммедьяра, Сайф Сарай, Б.Ваисова, Кулшарифа, А.Курсави, А.Утыз Имяни, Ш.Марджани, К.Насыри, Х.Фаизханова, Г.Баруди, Г.Гумери, З.Камали, М.Бигиева, Р.Фахретдинова, Ф.Карими, Г.Исхаки, Ф.Туктарова, Г.Кулахметова, С.Рамеева, Х.Ямашева, М.Султан-Галиева и многих других.

Учеными и преподавателями университета и других казанских гуманитарных центров опубликованы многочисленные работы по истории казанского востоковедения, проблемам современного развития стран Азии и Африки и исламоведения, международных отношений эллинистических государств Востока, по источниковедению тюркоязычных письменных памятников, татарскому языкознанию и литературе и т.д.

Современный этап казанского востоковедения характеризуется возрождением преподавания восточных языков в общеобразовательных учебных заведениях, вузах, образованием факультета татарской филологии, истории и восточных языков и созданием Института востоковедения (2000 г.) в Казанском университете, началом деятельности традиционных мусульманских высших учебных заведений в Казани, расширением научных и культурных (духовных) контактов со странами зарубежного Востока, переориентацией исследований в изучении истории и современности стран Востока, углублением востоковедной подготовки молодых специалистов и в целом обогащением традиций классического отечественного востоковедения.

На рубеже нового века предстоит осуществить комплексные мероприятия по интенсивному возрождению востоковедения в Татарстане.

Основными образовательными и научными центрами востоковедческого направления в настоящее время являются: Институт востоковедения КФУ, Казанский государственный гуманитарно-педагогический университет, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Татарстана, Институт истории Академии наук Татарстана и др.

В этих центрах осуществляются преподавание и изучение восточных языков с привлечением квалифицированных преподавателей из Арабского Востока, Ирана, Турции, Китая, установлены тесные международные связи, ведутся

научные исследования в области языкознания, истории, культуры, источниковедения и историографии народов зарубежного Востока и восточных народов России и СНГ, осуществляются подготовка и стажировка молодых специалистов в известных востоковедческих центрах Москвы, Санкт-Петербурга и в зарубежных странах (например, в Венгрии, Германии, Турции и арабских странах).

Перспективными образовательными, научными, культурно-просветительскими направлениями в востоковедении Татарстана являются:

- развитие традиции российской университетской и академической школы востоковедения в Казани в сотрудничестве с известными российскими и зарубежными центрами;

- разработка и реализация современной концепции и программы востоковедного образования в Институте востоковедения КФУ;

- в рамках образовательной профессиональной программы по специальности «востоковедение, африканистика» в Институте востоковедения КФУ необходима подготовка специалистов в области межэтнических и межконфессиональных отношений, этнической политологии, психологии и конфликтологии, юридической антропологии, международного права и т.д.;

- проведение фундаментальных и прикладных исследований по истории, культуре, языкознанию, археологии, истории общественной и философской мысли, историографии, источниковедению, искусствоведению восточных народов России и зарубежной Азии;

- расширение и углубление историко-географического ареала исследований и востоковедческих образовательных и культурно-просветительских программ;

- подготовка, переподготовка и повышение квалификации, стажировка ученых-востоковедов республики в российских и зарубежных востоковедческих центрах;

– подготовка и проведение научных, образовательных и культурных мероприятий с участием российских и зарубежных коллег востоковедов (симпозиумы, семинары, конференции, выставки, круглые столы и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М., 1990; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М., 1997; Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань, 1998; Монголовед О.М.Ковалевский: биография и наследие (1801–1878). – Казань: Алма-Лит, 2004; Россия – Монголия – Китай: Дневники монголоведа О.М.Ковалевского 1830–1831 гг./ Подготовка к изданию, предисловие, глоссарий, комментарий, указатели И.В.Кульганек, Р.М.Валеева. – Казань – Санкт-Петербург: Изд-во «Таглитмат», 2005–2006. – 103 с. и др.

² Бартольд В.В. Обзор деятельности факультета восточных языков//Сочинения. Т.IX. – Работы по истории востоковедения. – М., 1977. – С.176.

³ РГИА. Ф.733. Оп.39. Д.11. «Дела об увеличении жалованья учителю японского языка Иркутской гимназии Н.Колотыгину, о смерти его и об упразднении класса японского языка при Иркутской гимназии. 2 марта 1803 – 25 ноября 1816 г.» 64 лл.; Там же. Д.29. «Дела об открытии Астраханской гимназии, о передаче на ее содержание некоторых оброчных статей, об учреждении при гимназии класса персидского языка, о распределении между учителями преподавания персидского и татарского языков, о введении преподавания армянского языка и закона божия грегорианского исповедания, о принятии 3-х русских воспитанников на казенное содержание. 22 июля 1805 – 6 июня 1843 г.» 58 лл.; Там же. Д.236. «Дело об учреждении Неплюевского училища в гор. Оренбурге. 16 марта 1818 – 10 мая 1820 г.» 42 лл.; Там же. Д.305. «Дело о предполагаемом учреждении Центрального татарского училища в гор. Казани. 18 октября 1819 – 29 ноября 1820 г.». Тут же проект, поданный муфтием Гусейном (Магомед Джан Гусейн. – Р.В.) касательно учреждения татарских школ в Казани и Оренбурге. 23 лл. РГИА. Ф.733. Оп.40. Д.75. «Дело о передаче в Иркутскую гимназию книг, купленных русским посольством в Китае. 30 марта 1823 – 26 марта 1824 г. «Реестр книг на 2–4 лл.» 37 лл.; РГИА. Ф.733. Оп.42. Д.51. «Дело об освобождении учеников Астраханской гимназии, обучающихся восточн. языкам от изучения славянского и немецкого языков, математики, физики, черчения и рисования. 17 – 22 декабря 1837 г.» 2 лл.; Там же. Д.70. «Дела об учреждении калмыцкого училища в гор. Астрахани. 6 января 1837 – 5 августа 1841 г.» 33 лл.; Там же. Д.130. «Дело об издании на средства армянского Агабабовского училища учебника арифметики Буссе, переведенного Х.Мардановым на армянский язык. 23 октября – 23 декабря 1838 г.»; 8 лл.; РГИА. Ф.733. Оп.43. Д.50. «Переписка с Министерством финансов об учреждении Коммерческого училища или училища азиатской торговли в гор. Казани. 8 декабря 1842 – 11 апреля 1845 г.» 38 лл.; РГИА. Ф.733. Оп.46. Д.34. «Дело о введении преподавания татарского языка в Оренбургской гимназии. Распред. предметов преподавания в Оренбургской гимназии. 4 ноября 1851 – 1 октября 1853 г.» 30 лл. и другие.

⁴ НА РТ. Ф.92. Оп.1. Д.6. «О состоянии учебных заведений Оренбургской губернии и об успехах учеников, изучающих татарский язык. 1802г.» 63 лл.; Там же. Д.367. «О мусульманских училищах, находящихся в слободе Каргали (Сеитово), близ города Оренбурга». 2 лл.; Там же. Д.547. «О присылке книг для училища Иркутской губернии и об увольнении учителя японского класса Киселева от должности. 25 августа 1815 – 23 сентября 1815 г.» 11 лл.; Там же. Д.1277. «О заведении Азиатского училища в Омской крепости». 243 лл.; Там же. Д.1278. «Об учреждении училища для обучения российской грамоты татар в Астрахани. 17 июня 1821 г.» 52 лл.; Там же. Д.1733. «О допущении 4-х учеников Тобольской семинарии к слушанию татарского языка в Казанской гимназии. 17 июня 1824 г.» 10 лл.; Там же. Д.2564. «О желании Николаева занять в Оренбургском военном училище класс арабского и персидского языков. 12 января 1828 г.» 7 лл.; Там же. Д.3489. «О дозволении произвести Иванову испытание в знании татарского языка при Оренбургском уездном училище. 4 августа 1831г.» 4 лл.; Там же. Д.4339. «О том, сколько воспитанников Астраханской гимназии посвятили себя изучению армянского языка. 29 октября 1835 г.» 36 лл.; Там же. Д.4596. «Об учреждении в Астрахани калмыцкого училища. 28 января 1837 г.» 53 лл.; Там же. Д.4667.

«О назначении учителя татарского языка в Кизлярское училище. 8 декабря 1837 г.» 13 лл.; Там же. Д.4669. «О жителях симферопольском Аджи Османе Аджи Кутлушове и бахчисарайском Абдураман Иелебе Мудерии Ариф Мегмет Эфенди оглу, желающих быть надзирателями при гимназиях. 26 февраля 1837 г.» 58 лл.; Там же. Д.4779. «О назначении учителей в Ришельевский лицей по восточным языкам. 1 июня 1838 г.» 63 лл.; Там же. Д.5487. «О рассмотрении ответов Тандова, ищущего звания учителя армянского языка в уездном училище. 4 июня 1843 г.» 17 лл.; Там же. Д.5557. «О назначении преподавателей восточных языков в учреждаемое при Новочеркасской гимназии отделение восточных языков. 3 марта 1844 г.» 10 лл.; Там же. Д.6141. «О рукописи на монгольском языке, составленной штатным смотрителем Армянского училища Поповым от 14 декабря 1848 г.» 14 лл.; Там же. Д.6721. «Об упразднении Астраханского армянского Агабабовского училища от 23 октября 1851 г.» 22 лл.; Там же. Д.7267. «О прекращении преподавания восточных языков в Астраханской гимназии от 22 ноября 1857 г.» 48 лл.

⁵ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1993. – С.347–348.

⁶ Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1994. – С.347–350.

⁷ Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX века). – Казань, 1972. – С.210.

⁸ Национальный архив Республики Татарстан. Ф.92. Оп. 1. Д. 3833. Л.291 – об.292.

⁹ См.: Валеев Р.М. Казанское востоковедение: Истоки и развитие. (XIX в. – 20-е гг. XX в.). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. – С. 159–174.

¹⁰ Валеев Р.М. Казанское востоковедение... С. 111–128; С. 218–231.

Аннотация

В статье представлена история казанского университетского востоковедения, основные этапы и направления формирования и развития образования и науки о Востоке в XIX – начале XX вв. Прослеживаются взаимодействие и взаимовлияние основных востоковедческих учебно-исследовательских центров Казани XIX – 20-х гг. XX вв. Выявлены роль и значение казанского центра отечественного и мирового востоковедения.

Ключевые слова: российское востоковедение, основные центры востоковедения, казанское университетское востоковедение, казанские востоковеды.

Summary

The author has presented the history of the university of oriental studies, main stages and directions of formation and development of education and science about Asia in the 19th century and at the beginning of the 20th century. The interaction and mutual influence of basic oriental educational and research centres of Kazan in the 19th century and in the twenties of the 20th century have been traced. The role and significance of Kazan centre for Russian and world oriental studies have been revealed.

Key words: Russian oriental studies, basic centres of oriental studies, Kazan university of oriental studies, Kazan orientalists.

ИЗМЕНЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ*

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Чешский историк Ярослав Хрох в национальном движении европейских народов выделил три фазы. В фазе *А* – пробуждается интерес сравнительно небольшой группы образованных людей к языку, истории и фольклору; фаза *Б* – фаза национальной агитации, когда группа патриотов преследует цель внедрения национального самосознания в более широкие слои населения, мобилизацию этого населения в национальное сообщество. В третьей фазе *В* наблюдается массовое движение, в котором большая часть общества охвачена идеями национального самосознания и стремится к политической автономии. Среди российских народов эти процессы происходили в разное время и зависели от ряда факторов, начиная от уровня их культурного и общественного развития и завершая степенью индустриализации и урбанизации. Огромное значение имело наличие собственной элиты и традиций государственности, общая высокая, в том числе языковая, культура, что было характерно для «старых» наций (русские, поляки, грузины, крымские татары, в определенной степени мусульмане Средней Азии). У «малых» или «молодых» наций отсутствовали собственные элиты, а нередко средние городские слои, в прошлом они не имели собственных политических структур, и их традиции средневековой государственности были разрушены в начале Нового времени, они представляли собой «крестьянские народы», над которыми господствовали

иные этнические элиты. Их действия имели социальную природу и поначалу были направлены не столько против государства, сколько против «чужой» господствующей верхушки. Задачей их было устранение вышеназванного дефицита, а именно – создание полноценной социальной структуры. «Молодыми» нациями в России были украинцы, белорусы, литовцы, латыши, финны [Каппелер, 1996, с.175–176].

А.Каппелер ставит вопрос о возможных идеальных дворянских, буржуазных и крестьянских национальных движениях. В то же время он правомерно констатирует затрудненность проецирования «европейского исторического опыта» на национальные движения народов Азии [Каппелер, 1996, с.176].

В этой связи возникает вопрос: какое место занимает в этой модели мусульманское общественное движение до 1905 г. Как известно, до середины XVIII в. идеи возрождения государственности татар, которые проявлялись в ряде выступлений народных масс, были связаны с приглашением единоверца – представителя высшего феодального сословия – хана. Впервые в восстании под предводительством Батырши 1755 г. идеологом и организующей силой выступили представители мусульманского духовенства, превратив лозунг «борьба за ислам и освобождение региона от представителей элит другой этноконфессиональной группы, эксплуатирующей мусульман» в знамя антиправительственных

* Исследование поддержано грантом Российского государственного научного фонда (11-11-16010а/В).

выступлений. В условиях отсутствия национальной элиты в лице дворян доминирование религиозных деятелей в национальном движении было закономерным явлением. Однако, признав мусульманское духовенство, подчинив его своему контролю и добившись его лояльности к политическому строю, правительство Екатерины II сумело в целом изолировать его от участия в политической борьбе. В результате 1755 г. стал последней попыткой татар по восстановлению национальной государственности. В конце XVIII в. началось формирование новых татарских элит: лояльного к власти мусульманского духовенства, действующего на легальных основаниях; реабилитация потомков татарских муз и князей; включение в дворянское сословие мусульман по выслугам в гражданской и военной службе; формирование предпринимательско-купеческого сословия.

Татарско-мусульманское общественное движение четко не вписывается в классическую модель национальных движений народов Европы в плане следования одной фазы за другой. Татарское просветительство, способствовавшее культурному пробуждению татар, заявило о себе во второй половине XIX в. и продолжалось вплоть до 1917 г. Труды и просветительская деятельность Ш.Марждани, К.Насыри, Р.Фахреддина, М.Акмуллы, Г.Чокрый и др. способствовали пробуждению и усилению интереса к национальной истории и культуре. Особую роль в обновленческих процессах сыграл И.Гаспринский, успешно использовавший газету «Тарджеман» для пробуждения национального самосознания татар, их интереса к светским знаниям. В начале XX в. эстафету приняли новые представители татарской интеллигенции, знающие русскую культуру и нередко получившие заграничное образование. Введение новометодного образования привело к обновленческим процессам в конфессиональной школе и обозначило пере-

мены практически во всех областях социокультурной жизни мусульманского сообщества Поволжья и Приуралья. Как совершенно справедливо отмечает А.Каппелер, у татар фаза А носила характер религиозно-национального движения [Каппелер, 1996, с.195].

Начало фазы Б – фазы национальной агитации – было вызвано активной деятельностью правительства, направленной на слом феодальных устоев в мусульманском сообществе и вовлечение его в модернизационные процессы, которые, однако, реализовались за счет ущемления самобытной культуры и традиций без права какого-то выбора. Первые признаки новых явлений проявились еще в крестьянском движении в 1878–1879 гг. Отправной датой фазы Б в татарском национальном движении можно считать начало 1880-х гг., когда мусульманская элита в лице буржуазии, а также представителей духовенства выступила против правительственных инициатив, направленных на установление контроля над конфессиональной системой образования и ее трансформации путем принудительного внедрения институтов русского образования, что было воспринято в буквальном смысле как начало конца религиозно-культурной автономии. Действия правительства в значительной степени были вызваны идеологией модернизации России, согласно которой во внутренних губерниях не только русское крестьянское население должно было быть грамотным, но и нерусские народы обязаны знать государственный язык империи.

Татарское купечество стремилось вовлечь широкие слои населения в петиционные кампании против правительственных нововведений в сфере школьного образования, лавируя лозунгом защиты ислама и сохранения традиционных устоев. В последней четверти XIX в. общественное движение происходило под «религиозной оболочкой», что было обусловлено, прежде всего, религиозным менталитетом, особенностями культурного

развития купечества, отсутствием чиновников, малочисленностью и экономической слабостью дворянского сословия. В целом национальное движение носило охранительную «направленность», защищало традиционные устои, его идеологом были представители буржуазии, движущей силой – религиозные общины. Главным лейтмотивом мусульманского общественного движения и антиправительственных выступлений народных масс в пореформенный период стали: «защита ислама» и религиозных прав мусульман, борьба за сохранение профессиональной идентичности, против вмешательства правительства в систему национального образования и жизнь махалли.

На рубеже веков в мусульманском сообществе усилилось влияние джадидистов, многие представители консервативной части буржуазии пересмотрели свое отношение к русскому образованию и стали содействовать развитию новометодных школ и активно включились в обновленческие процессы. Тон общественному движению задавало не только противостояние мусульман и правительства по вопросам школьного образования, оно стало многообразным, многовекторным. Новометодные школы разрушали монополию мулл в сфере религиозного образования, так как заведующие этими школами становились их конкурентами, и самое главное – менялись финансовые потоки, за счет которых существовала система образования (средства родителей и обеспеченных татар).

Новой формой противостояния между кадимистами и джадидистами стала интеллектуальная полемика. В условиях отсутствия национальной периодики она выразилась в публикации муллами-кадимистами нескольких брошюр. Новый метод обучения и вызванные им изменения оценивались его противниками «как нововереие, угрожающее татарам отпадением от ислама и обращением в кяфи́ров». В частности, в 1899 г. в Казани была

издана книжка муллы Гиллязетдина Мухиддинова «Стальные пики против нового метода», направленная против обновления и европеизации татарского общества.

В этот период джадидисты действовали осторожно и напрямую не дискутировали с кадимистами. До читательской аудитории новые идеи и воззрения они доводили посредством художественных произведений, через размышления, полемику литературных героев о будущем татарского общества, через их поступки. Литература периода возрождения превратилась в важнейший инструмент воздействия и воспитания людей новой формации. Важно отметить, что появление таких изданий уже свидетельствовало о кардинальных изменениях, происходящих в городских общинах: известно, что не все литературные произведения, прошедшие русскую цензуру в 1890-е гг., публиковались, т.к. издатели-продавцы, боясь конфликтов с муллами, не брались за их реализацию. Образцы литературы возрождения и публицистические произведения издавались на средства национальной буржуазии. На рубеже веков, благодаря тандему «меценат – интеллектуал» в плане идеологического воздействия на читательскую аудиторию посредством печатного слова, джадидисты захватили инициативу и действовали более активно. Например, рассказ Ф.Карими «Шакирд и студент» (1899), в котором путем сравнения русской и татарской молодежи доказывались преимущества европейского образования перед схоластическим религиозным, произвел настоящую сенсацию среди татар и нанес серьезный удар по позициям кадимистов.

Большое влияние на читателей оказала и повесть Р.Фахреддинова «Салима, или Целомудрие» («Сәлимә, яки Гыйффәт», 1898), изданная им под псевдонимом. Главный герой повести – шакирд, – обращаясь к своим товарищам по старометодному медресе, заявляет: «Нашими руководителями

должны быть лица, обладающие познаниями в науках мусульманских и вместе с тем философски осведомленных о современном положении вещей. ...Прогресс нации заключается в распространении образованности, развитии ремесел и промышленности».

В этой связи заслуживает внимания развернутая характеристика литературных произведений и публицистических трудов джадидистов, которую дал в начале 1901 г. Департамент полиции: «Сторонники же новых веяний в своих сочинениях призывают татарское население к образованию, к приобретению практических познаний как в области ремесел и промышленности, так и в изучении иностранных языков, дабы оно было культурно и богато. При этом новаторы приглашают своих единоверцев не в единую общеобразовательную школу, т.е. русские гимназии и высшие учебные заведения, а в особые татарские рассадники высшей мудрости, где европейская наука должна сочетаться с Кораном и преподаваться на татарском языке. Они указывают на необходимость осмыслить свою веру, очистить ее от суеверия и невежественных толкований мулл и укрепить свою народность, расширяя область применения родного языка в литературной, научной и религиозной сфере и вообще хлопотать о прогрессе на почве ислама и тюркской народности» [НА РТ, ф.1, оп.6, д.99, л.1–2 об.].

В своей фантастической повести «200 елдан сон инкыйраз» (Вырожденные двести лет спустя) (Казань, 1904) молодой талантливый прозаик Гаяз Исхаки изложил ключевые идеи философско-публицистической брошюры «Человеческий род» (Казань, 1899). Ее автор Сурудеддин Мифтахудинов писал о том, что в современном мире обречены на исчезновение народы с древними образовательными традициями, которые остановились в своем развитии, не желая разорвать с устаревшими воззрениями. Будущее должно принадлежать народам, владеющим современными знаниями. Таковыми в

настоящее время являются европейцы, которые благодаря своей высокой культуре господствуют почти на всем земном шаре и непрерывно продолжают делать все новые и новые завоевания [Мифтахетдин, 1899, б.5–26].

В этот период на роль лидеров общественного движения татар выдвинулись две группы деятелей нового поколения. Представители первой получили образование за границей: в светских и религиозных учебных заведениях Османской империи и Египта, во время учебы, поездок и общения с местным населением они осознали большое влияние Европы на жизнь мусульманских стран (которые до этого времени в значительной степени являлись идеалом для татар) и незавидное место мусульман в мировом сообществе. Вторая группа была представлена амбициозными молодыми людьми, главным образом учащимися или выпускниками КТУШ, воспитанными на национальных традициях и русской культуре, которые также активно публиковались. Некоторые из них увлекались модными среди русской молодежи социально-демократическими воззрениями [Хабутдинов, 2005, с.15–17], которые мусульмане не воспринимали.

В начале века в качестве общетатарского лидера позиционировал себя Габдрашит Гумерович Ибрагимов, обучавшийся в Медине (1879–1884). За период службы в ОМДС (1892–1895) в качестве старшего заседателя бывший ахун г.Тары глубоко осознал основные проблемы мусульманского сообщества региона. Путешествия в Европу и Азию (1895–1899) позволили ему наглядно сопоставить правовое положение и уровень развития культуры мусульман в России и в мире. Дальнейшие действия Г.-Р.Ибрагимова во многом повторяли шаги И.Гаспринского, который по возвращении на родину стал транслировать свои идеи среди российских мусульман.

Г.-Р.Ибрагимов оказался единственным татарским деятелем, обра-

тившимся (1901) к правительству с предложением (записка «О положении мусульманских низших и высших школ (мектебов и медресе) в России») содействовать реформированию традиционных школ мусульман: установить для них программы изучаемых предметов; ввести преподавание общеобразовательных дисциплин; установить практику сдачи экзаменов; предоставить лицам, окончившим полный курс медресе, льготы по отбыванию воинской повинности, передать наблюдение за ними особым почетным лицам из мусульман, ответственным перед попечителем учебного округа [Саматова, 2010, с.188].

В 1900 г. Г.-Р.Ибрагимов начал издавать в Санкт-Петербурге альманах «Миръат яхуд көзге», получивший в народе название «Көзге» («Зеркало»). В 1902 г. он издал восемь, в 1903 г. – четыре номера альманаха.

Затем он отбыл в Османское государство, где его политическая деятельность привлекла внимание русской разведки. Членами организованного им кружка, состоявшего из российских мигрантов, была составлена программа требований с целью добиться расширения гражданских прав соотечественников-единоверцев в областях образования, управления духовными делами и вероисповедания, в которой впервые российские мусульмане рассматривались как единое культурно-социальное сообщество. Важно отметить, что документ был отправлен не только ряду соотечественников, в том числе оренбургскому 1-й гильдии купцу Махмуту Хусаинову, но и в посольства Англии и Германии, находившиеся в Стамбуле.

Суть основных требований программы заключалась в расширении религиозно-культурной автономии мусульман: предоставление им права самим избирать членов и председателя (муфтия) религиозных управлений (п.1), передача управления религиозным и национальным образованием муфтию и попечителям школ (п.3);

прекращение практики назначения на должности муфтия лиц, окончивших русские учебные заведения (читай: не имеющих религиозного образования) (п.2); разрешение бракоразводных дел и вопросов наследства исключительно по нормам шариата (п.7); «дарование» сельским общинам «полного самоуправления» и запрещение объединять их с русскими крестьянскими общинами (п.15); открытие лавок мусульман в дни христианских религиозных праздников (п.24), прекращение практики похорон умерших мусульман лишь после выдачи свидетельства о смерти (п.28).

В отдельную группу можно выделить требования, направленные на реализацию принципа добровольности изучения и распространения государственного языка: необязательность введения в школах светских наук, знания имамами русского языка и преподавания на нем (п.4, 6); освобождение от угрозы закрытия учебных заведений в случае отказа мусульман от светских предметов (п.5).

Ключевыми в понимании требований о свободе вероисповедания являлись положения о реализации в России принципа свободы совести: «никому не запрещать исполнять заповеди божественного закона» (п.11); «вернуть нам наши права и свободу совести» (п.23); даровать «полную свободу» в религиозных делах (п.25), прекратить христианское просвещение мусульман (п.17); разрешать желающим переходить в ислам (п.22); прекратить «записи священниками мусульман в приходские книги христианскими именами» (п.20) (видимо, имеются в виду возвратившиеся в ислам крещенные татары, которые российским законодательством не признавались мусульманами. – *И.З.*) и др.

Ряд положений был связан с необходимостью защиты религиозных прав и достоинства мусульман от посягательств светской власти, РПЦ и христиан: «не глумиться» над исламом (п.19); не вмешиваться земским на-

чальникам «в дела о разводах» (п.29). Защита религиозных прав военнослужащих-мусульман сводилась к назначению в каждой войсковой части, где проходили службу мусульмане, военного муллы, к запрету кормить их свининой (п.26); «непринуждению их воевать против единоверцев» (п.27). В плане предоставления равных прав с православными священниками представляет интерес предложение об освобождении мулл от воинской повинности (п.16). Имелись требования, посвященные защите религиозных прав казахов-кочевников: прекратить христианское просвещение среди казахов, позволять им свободно исповедовать ислам и поступать по мусульманскому закону (п.10), разрешать татарам и казахским улемам преподавать казахам основы ислама (п.8, п.9).

Экономические требования программы: прекратить «самовольства» местной администрации, препятствующей «особенно казахам» вести коммерческие операции, даже при наличии «промыслового свидетельства» (п.14); восстановить в собственности (не отбирать) земли мусульман, прибывших из Хивы и Бухары и поселившихся в Сибири (п.12); упразднить налог с земель мусульман, на которых построены их дома (п.13); освободить казахов и крымских татар, сданных в арестантские роты, или высланных в административном порядке, или приговоренных к каторжным работам за подписание ими документов, содержание которых они не читали (п.31, 32) [ГА РФ, ф.102, ДПОО, оп.226 (1898 г.), д.11, ч.3, л.166–169 об.].

Важно, что аналогичный текст в виде тайной прокламации распространялся среди татар, проживавших в различных регионах. Хотя на них расписывался некто «хаджи Ахмет из Казани», в действительности письма отправлялись почтой из Стамбула [РГИА, ф.821, оп.8, д.791, л.210, 218].

Таким образом, стамбульские требования Г.-Р.Ибрагимова были направлены на достижение российскими му-

сульманами равных прав с титульным населением империи и расширение религиозной культурной автономии, они сыграли важную роль в трансформации приоритетов национального движения в начале XX в.

7 августа 1904 г. в Генеральном консульстве России в Стамбуле Г.-Р.Ибрагимов был задержан и переправлен в Россию. Однако из-за отсутствия веских улик 21 августа он был освобожден из тюрьмы Одессы [ГА РФ, ф.102, ДПОО, оп.226 (1898 г.), д.11, ч.3, л.163–163 об.].

В начале сентября Г.-Р.Ибрагимов был принят министром внутренних дел П.Д.Святополком-Мирским, они обсудили сложившуюся в стране политическую ситуацию. После встреч в Москве с лидерами земского либерального движения (конец сентября 1904 г.) Г.-Р.Ибрагимов посетил крупные образовательные центры и татарские общины (Оренбург, Уфа, Троицк, Петропавловск, д. Иж-Боби Вятской губ.), встречался с региональными лидерами, представителями молодежи, решал организационные и финансовые вопросы будущего политического объединения татар. Первоначально Г.-Р.Ибрагимов планировал провести общетатарский мусульманский съезд на Мензелинской ярмарке (конец декабря – начало января). Однако после встречи в Казани с Юсуфом Акчурой (январь 1905 г.), автором теоретического труда о политическом тюркизме («Три вида политики», Каир, 1903), было ими принято решение об организации всероссийской партии мусульман [Сенюткина, 2007, с.215–218]. Так постепенно формировалась идея политического объединения мусульман России.

Известия о поражениях российской армии в войне с Японией, обострение аграрного вопроса, ухудшение экономического положения народных масс и другие факторы усиливали недовольство и социальную активность населения. Как ответная мера на сложившуюся ситуацию в стране после-

довал именной «высочайший» указ Сенату от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Властным структурам было предписано «принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения» [Фархшатов, 2000, с.156]. Указ вызвал новые явления в общественном движении татар.

Одним из них стала петиционная кампания с требованиями неотлагательного решения насущных проблем мусульман. Первое прошение о даровании мусульманам политических и гражданских прав поступило на имя премьер-министра С.Ю.Витте от ахуна г.Петропавловска Яушева в декабре 1904 г.

23 января на собрании татарских общественных деятелей (Ю.Акчура, С.Алкин, Г.-Р.Ибрагимов, Г.Исхаки и др.) в Казани, в доме купца А.Хусаинова, было решено начать петиционную кампанию и послать депутацию в столицу. 29 января 1905 г. на втором собрании, в котором участвовало уже около 200 татар, был утвержден текст петиции. Под влиянием казанцев 9 марта прошли аналогичные собрания в Чистополе, затем в Буинске [Хасанов, 1985, с.57].

Многие положения казанской инициативы перекликаются со стамбульской программой требований Г.-Р.Ибрагимова (пп.1, 3, 4, 6, 7, 12, 16, 19, 22). Из него «выпали» главным образом специальные пункты о прекращении христианского просвещения и предоставлении свободы вероисповедания мусульманам. Более четко были сформулированы положения об упразднении ограничений прав татар в отношении жительства, свободной торговли и приобретения недвижимости в ряде регионов России.

Новыми являлись предложения о возможности предоставления духовенству звания почетного гражданина, легализации вакуфов и подчинении их

ОМДС, даровании свободы слова и печати, уравнивании прав татар с правами титульного населения: возможность занимать общественные и государственные должности, ликвидация ограничений в отдельных профессиях, право открывать общеобразовательные и частные школы с преподаванием в них на родном языке. Следует выделить предложение о приглашении «сведущих лиц» из мусульман, рекомендованных ОМДС, для составления совместно с представителями правительства проектов законов, касающихся религиозного и общественно быта татар и в целом гражданских прав [Тарджеман-Переводчик, 1905, №17, 4 марта].

Вслед за ходатайством казанцев в столицу поступили десятки ходатайств из сельских обществ губернии идентичного содержания. Всего в адрес правительства поступило около 500 прошений, главным образом из Поволжья и Приуралья, для которых было характерно много общего в вопросах, связанных с религиозными правами и вероисповеданием, в то же время отмечалась специфика по социальным (региональным) проблемам [Сенюткина, 2007, с. 220–243]. Как и в период предыдущих петиционных кампаний 1883 г., 1888–1890 гг., региональным лидерам удалось мобилизовать религиозные общины и от их имени довести до правительства наиболее актуальные проблемы.

Петиция оренбургского муфтия 1905 г. в Комитет министров выгодно отличается от большинства этих ходатайств. Лейтмотивом его обращения была идея о предоставлении мусульманам равных прав с титульным населением империи. В ней, по сути, зафиксированы ключевые аспекты неравноправного положения мусульман. В петиции председателя ОМДС речь шла об отмене следующих ограничений по конфессиональному признаку: 1) лишение мусульман, имеющих соответствующий документ об окончании русских учебных заведений, права преподавать учебные предметы хрис-

тианам в русских начальной и средней школах; 2) лишение мусульман, обучающихся в высших учебных заведениях, стипендий и пособий; 3) лишение ежегодно призывающихся на военную службу новобранцев-мусульман исполнения обрядов своей религии в воинских частях и даже напутствия при погребении, острый недостаток в военных муллах в армии, пересмотр действующего порядка в этой сфере; 4) открытие мечетей в поликонфессиональных поселениях лишь с разрешения местного руководства православной епархии; 5) практика удаления губернскими администрациями духовных лиц, избранных прихожанами, без суда и следствия [Тарджеман-Переводчик, 1905, №28, 12 апр.].

В марте 1905 г. казанская депутация (Ю.Акчурин, С.-Г.Алкин, Г.Апанаев, А.Сайдашев) в качестве представителей всех мусульман России встретила с председателем Комитета Министров С.Ю.Витте [Тарджеман-Переводчик, 1905, №26, 5 апр.].

8 апреля 1905 г. прошло собрание группы татар в Казани, которое постановило созвать всеобщий мусульманский съезд во время Нижегородской ярмарки (август) с целью «объединения и учреждения Мусульманского союза» [Хабутдинов, 2010, с.121].

Вторым явлением, вызванным указом от 12 декабря 1904 г. и началом Первой российской революции, была разработка проекта новой модели управления духовными делами мусульман, призванной повысить статус исламских институтов и создать миллет по оттоманскому образцу в округе ОМДС [Хабутдинов, 2010, с.183–185]. Мусульмане хотели восстановить прежнюю автономию в решении религиозно-культурных вопросов и совершенствовать исламские институты, сделав их отвечающими требованиям времени. В 1905 г. во время встречи с председателем Комитета Министров С.Ю.Витте муфтий М.Султанов получил «добро» на проведение совещания. В г.Уфе в апреле прошло совеща-

ние с участием около 40 авторитетных духовных лиц из разных регионов. По рекомендации муфтия было решено распространить на ОМДС устав управления закавказским мусульманским духовенством суннитов – нормативный документ 1872 г., предоставивший мусульманам региона самые широкие права в России. Было вынесено постановление о выработке по имеющимся образцам нового, более адаптированного к нуждам мусульман положения по управлению духовными делами в округе ОМДС [Фахредин, 1905].

Однако инициатива М.Султанова не получила поддержки правительства.

Через несколько месяцев в Уфимской губ., население которой наполовину состояло из мусульман, обсуждение вопроса об устройстве религиозных институтов и о нуждах мусульман было продолжено на качественно новом уровне – на созванном с разрешения властей губернском совещании с приглашением доверенных (Уфа, 22, 23 и 25 июня 1905 г.). На совещании был разработан новый пакет рекомендаций [Протокол]. Таким образом, если в Казанской губ. решение принимала элита, а остальное население следовало ее указаниям, то в Приуралье лидером выступило ОМДС, которое, используя сложившуюся в стране революционную обстановку, добились публичного коллегиального обсуждения религиозных проблем с участием доверенных мусульман из уездов. В результате на этом совещании был утвержден рекомендованный апрельским съездом духовенства новый проект управления исламскими институтами в округе ОМДС.

Таким образом, на рубеже веков под воздействием происходящих в стране общественных процессов предпринимательская элита осознала неактуальность для мусульманского сообщества противодействия христианизации и нововведениям власти, стремилась использовать русское образование и имеющиеся в действующем законодательстве возможности для развития культуры, делая упор на расширении

сети новометодных школ, издания идеологических работ, пропагандирующих обновление социокультурной жизни мусульманского сообщества. Вектор направления общественного движения в данный период определялся главным образом не взаимоотношением мусульман и власти, а попытками осмысления путей решения назревших проблем мусульман, вывода единоверцев из кризисной ситуации и превращения татар в конкурентоспособную нацию.

Набиравшие силу общественно-политические процессы позитивно

отражались на активности элиты. Организовав в первой половине 1905 г. массовую петиционную кампанию, она создала перед властью видимость массовой озабоченности мусульман своим незавидным правовым и социальным положением в России, тогда как основную массу сельского населения эти проблемы не волновали.

Логическим продолжением развития татарского национального движения в 1905 г. стало учреждение в августе Всероссийской партии мусульман «Иттифак эль муслимин».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. НА РТ, ф.1, оп.6, д.99.
2. ГА РФ, ф.102, ДПОО, оп.226 (1898 г.), д.11, ч.3.
3. РГИА, ф.821, оп.8, д.791.
4. Тарджеман–Переводчик. – 1905. – №17. – 4 марта; №26. – 5 апр.; №28. – 12 апр.
5. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Пер. с нем. С.Червонная. – М., 1996.
6. *Мифтахетдин С.* Наугы бәшәр. – Казан, 1899.
7. Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. Министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения 22,23 и 25 июня 1905 г. Уфа, б.г.
8. *Саматова Ч.Х.* Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Казанского учебного округа): дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2010.
9. *Сеноткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.): Монография. – Н. Новгород, 2007.
10. *Фархшатов М.Н.* Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 г.). – Уфа, 2000.
11. *Фахреддинов Р.* По поводу уфимского совещания // Тарджеман-Переводчик. – 1905. – № 68. – 30 августа.
12. *Хабутдинов А.Ю.* От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). – Казань, 2008.
13. *Хабутдинов А.Ю.* История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): Институты, идеи, люди. – М.; Н. Новгород, 2010.
14. *Хасанов Х.Х.* Казань в годы первого штурма царизма. – Казань, 1985.

Список сокращений

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. М.
 НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан. Казань.
 РГИА – Российский государственный исторический архив. СПб.

Аннотация

В статье освещается трансформация национального движения татар накануне Первой российской революции; определяются основные темы полемики и дискуссий между джадидистами и кадимистами на рубеже столетий, дается оценка деятельности новых лидеров общественно-политического движения татар конца XIX века, среди которых выделяется колоритная фигура видного татарского общественного лидера Г.-Р.Ибрагимова; определяются основные факторы, оказавшие влияние на трансформацию приоритетов национального движения татар и формирование единого политического движения мусульманских народов, населявших Российскую империю в начале XX века; отслеживается появление новых идей и лозунгов в татарском общественном движении.

Ключевые слова: национально-освободительное движение татар, джадидизм, кадимисты, прошения, Г.-Р.Ибрагимов.

Summary

The article deals with the transformation of the Tatar national movement before the First Russian revolution and the main topics of discussions between jadids and kadimists at the turn of the century. The author of the article also considers the activity of the new leaders of the Tatar social political movement at the end of the XIX century among whom the outstanding figure of the Tatar community leader G.R. Ibragimov stands out, moreover he points out the main factors that influenced the transformation of priorities of the national Tatar movement and the formation of the united political movement of the Muslim peoples inhabiting the Russian Empire and finally at the beginning of the XX century the analysis of petitions addressed to government bodies allows tracing the appearance of new ideas and slogans in the Tatar national movement.

Key words: national liberation movement of the Tatars, jadidizm, kadimists, petitions, G.R. Ibragimov.

ТАМГИ КРЯШЕН

Г.М. Макаров, кандидат искусствоведения

В наследии кряшен, как и у остальных тюркских и финноугорских этнических сообществ Волго-Уральского региона, имеются наследные знаки — тамги. У кряшен в прошлом отдельные люди, хозяева или группа людей, составляющие этническую общину (иль, ру/ыру), имели свои специальные тамги. Такими тамгами отмечались границы лесных, сенокосных угодий, бортовых ухожеев, пастбищ, полей. Их обычно ставили на пограничных дубовых деревьях, которые могли долго сохраняться. Тамгами отмечали документы, прошения, ярлыки.

Собранные нами в 1977–2000 гг. тамги имеют одну особенность. Большинство из них были перерисованы с деревянных или каменных крестов, могильных плит в кряшенских кладбищах во время фольклорных экспедиций. Ведь еще до 1970-х гг. сохранялись традиции вырезания наследных тамг на крестах.

Тамги имеют свои названия, например, *бугальджи, казаяк, уч бурма, жылан тамга, чюмеч* и др. Наши записи, к сожалению, не смогли полно отразить названия родовых тамг, определить фамилии владельцев тамг, их прозвища, родовые названия. Несмотря на эти недостатки, были собраны уникальные материалы, сохраняющие свою ценность как этнографический источник. Наша публикация нацелена на знакомство читателя с собранными кряшенскими тамгами.

Как видно из наблюдений, могильные кресты кряшен небольшие, высотой от земли около 1–1,5 м, диаметром 10–15 см с поперечными планками. В народе их называют *кач/хач*, что в переводе на русский язык означает *крест* (см. рис. 1а). Иногда вместо обычного креста ставят столб с двускатной крышей *ур ёслё кач*, высотой от земли около метра (рис. 1б). Если похороненный не был крещен (например, если умер в младенчестве), вмес-

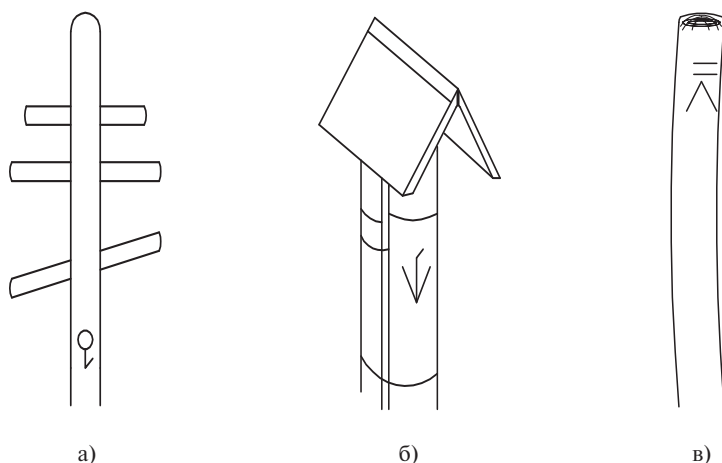

Рис. 1. Типичные образцы схематических рисунков крестов на кряшенских кладбищах:

- а) — обычный крест *кач/хач*, б) — крест с двускатной крышей *ур ёслё кач*,
в) головной столб *баш казыгы* не успевшим принять крещение

то креста ставят головной столб *баш казыгы* (рис. 1в). Обязательным атрибутом этих намогильных памятников-крестов кряшен является вырезанная на ней родовая тамга (*ыру тамгасы*). Во многих селениях имеется традиция установки довольно больших необработанных камней — намогильных памятников — *таш билге/кабер ташы*. На старинных камнях, которые приходилось нам встречать на кладбищах, были достаточно глубоко высечены родовые тамги покойного, иных надписей, как правило, на них не бывает. Нередко встречаются намогильные каменные памятники, специально изготовленные по канонам русской православной церкви с надписями на русском и кряшенском языках, однако нередко и на них с боковой стороны высекается тамга покойного. И все же абсолютное большинство надгробных памятников представляет собой небольшие деревянные кресты, изготовленные из дуба.

Описание намогильных памятников кряшен необходимо дополнить сведениями о наличии специальных надстроек вокруг памятника в виде небольшого деревянного сруба, изгороди из жердей или же невысокого каменного забора. Подобная традиция у кряшен правобережной Камы встречается редко, а у кряшен левобережной Камы чаще, но намного реже, чем у мусульман. У кряшен, как и у мусульман, эти строения называются *чардуган* или *чардак*. Это очень древнее архаическое понятие имеет персидскую основу *чāhār* (четыре) и *дуган/даган* — столб. В целом оно означает крышу на четырех столбах¹. Таким образом эти построения символизировали крышу дома последнего пристанища усопшего. Можно предположить, что эта традиция постройки *чардугана* имеет генетическую связь с надмогильными постройками из камня у казахов, туркмен, таджиков, узбеков. У них такой четырехгранный купол, мавзолей в XV—XVI веках назывался *чартак*².

При знакомстве с погребальными традициями астраханских ногайцев

(юртовских татар и карагашей) оказалось, что установка намогильных знаков у них имеет общие черты с кряшенскими. Это почти полное отсутствие всяких построек (как, например, чардуган у татар, а также каменные строения у казахов и туркмен); то, что после погребения устанавливается именно деревянный надгробный знак — *бас казыгы*, на котором вырезается его родовая тамга. Каменное надгробие — *кулпа тас* ставится, при материальной возможности этого родственного клана, через сорок дней после похорон, на котором также наносится изображение семейно-родовой тамги умершего.

И все же надо отметить, что постройки типа *чардуган* из жердей иногда встречаются на кладбищах кряшен, проживающих в бассейнах рек Зай и Сюнь. Яркие примеры каменных построек нам встретились и у нагайбаков в поселке Париж Южного Урала (см. фото пос. Париж, чардуган).

Время происхождения тамг уходит в глубокую древность. Кряшенские тамги близки по своему начертанию к поволжским и центральноазиатским руническим знакам.

Ранее каждый кряшен знал начертание своей родовой тамги, его название, название рода и помнил имена не менее семи предков. К примеру, моя родословная по отцу связана с деревней Кряшенские Чыршылы Сармановского района Татарстана. Их старая фамилия была Тимашев. Отец больше известен среди знакомых как Микуш (Михаил). Его отца звали Бәчелей (Василий), а его отца Тегермянче Гюрей (Мельник Григорий), его отца Макар, а его отца, возможно, Тимәш (Тимофей). Их родовая тамга

тамга *киләб агачы* (мотушка). По преданиям, население деревни — люди, приехавшие из разных мест. Мой отец (род. в 1921 г.) рассказывал, что когда он был еще мальчиком, то слышал из разговоров старых людей о том, что жители их деревни называют и считают себя *тавлиницами* (*таулы*), что в переводе *горные*, как микроэтноним, как

особое подразделение кряшен, но историю происхождения этого названия и что с ним было связано он не знал. Можно предположить, что тавлинцы были выходцами с Горной стороны, т.е. правобережной Волги. Известно, что в XVII – XIX веках осуществлялось планомерное переселение кряшен, как и других народов Поволжья, на пустующие земли правобережных, а затем и левобережных районов Камы. В правобережных районах имеется много сел с названиями типа Тау Иле, Тавели, Тавларово. Происхождение населения этих сел связывается с Горной Стороной (Тау Иле, Тау Ягы) правобережной Волги, а население этих мест обычно называлось горными людьми (тавлинцы, тавлы). На основании сохранившихся письменных родословных и устных преданий считается, что они начали переселяться в Заказанье, на правобережные земли реки Вятка еще в эпоху Казанского ханства. Часть этих горных людей (тавлы), как и остальные татары, была подвержена крещению, после чего переселены в левобережные районы реки Кама. Во многих кряшенских селениях этого региона имеются многочисленные кланы, носящие такие фамилии, как Тавлин, Тавлинов, Горский. Среди моих родственников хотя и не встречается фамилия Тавлин, но сохранилось тавлинское самосознание как микроэтноним. Действительно, интересны данные, полученные во время Всероссийской официальной переписи населения в начале 1920-х гг. Тогда около 6 тыс. человек из кряшен свою национальность определили как тавлинцы (тавлы). Во время подведения итогов, ввиду их малочисленности, тавлинцев внесли в общекрышенский список.

Так, например, в кряшенском селе Гардали Тукаевского района Татарстана жители хотя и были кряшенами, но делились на просто кряшен и тавлинцев. У них были разные общины, а соответственно разные кладбища, и невест они друг другу не выдавали. Кряшены были выходцами из села Бакалы, Западной Башкирии, а тавлинцы, види-

мо, из правобережных районов Камы. Эти сведения записаны от Колчеринной Анны, уроженки с. Гардали.

Многие родственные кланы кряшен до сего времени знают свои тамги, родословные и сохраняют вышеописанную традицию при погребении³. Приведем некоторые из них. Например, такие как *ӧч жяпле сяняк тамгалы тукран ыруы – род тукран (дятел) с тамгой трезубчатые вилы:*

Этой тамгой отмечены все надгробные знаки усопших с фамилиями Дятловы, Токрановы в дер. Федоровка Заинского р-на РТ. Известно, что этот клан ранее выделился из материнского клана, который назывался *ике жӓпле сӓняк тамгалы бюре ыруы – род буре (волк) с тамгой двузубчатые вилы:*

Этот родовой клан с фамилией Волковы имеет более глубокую историю происхождения и до сего времени продолжает свою линию параллельно с Дятловыми.

К сожалению, более ранняя история многих родственных кланов кряшен малоизвестна, ибо многочисленные переселения, особенно в эпоху заселения территорий левобережного Прикамья (XVIII–XIX вв.), из правобережья нарушили преемственность памяти с поколениями более раннего периода.

В процесс формирования этнической культуры кряшен были вовлечены разные компоненты, которые выявить и однозначно идентифицировать весьма сложно. К примеру, в истории известно, что в селе Альметьево, на месте которого в 1953 г. образовался город Альметьевск, в XIX веке помимо мусульманского населения проживали и старокрещенные татары. Эти кряшены называли себя «керен», т.е. керенцы (керыняр). Позже эти кряшены-керенцы расселились по кряшенским селениям вдоль реки Зай, а частью остались жить в среде мусульман села Альметьева. Их самоназвание «керенцы» дает повод предположить, что они могли быть крещеными мишарями, переселенцами из Керенского уезда Пен-

зенской губернии, тем более что в части селений этого региона помнят, что их предки были из Пензенской губернии. Керенские роды имеются и в некоторых кряшенских селениях. Например, в селе Старые Ерыклы Тукаевского района родственный клан Степановых – род керен, с тамгой чюкеч-молоток (чүкеч тамгалы керән ыруы).

Семейно-родовые кланы кряшен правобережного Прикамья зачастую сохраняют память о предках трех-четырёх-сотлетней давности. Например, одним из наиболее древних кланов здесь считается род мерес с тамгой казаяк-гусиная лапа (казаяк тамгалы меряслар ыруы):

 Ответвления этого клана, часто не помнящих о своем родстве, но помнящих о своем легендарном предке, которого звали Меряс карт – старик Мерес, имеются во многих селениях Мешинского бассейна, где их называют как меряс, мерят, меляс, мäläs. Их фамилии также очень разнообразны, например, Маресьевы, Мрясовы, Морозовы, Анисимовы и т.д.

В селе Крещеная Серда Пестречинского района помимо вышеприведенного древним кланом является, например, род шайкый с тамгой бугальджи (зажим) – бөгälже тамгалы шайкыйлар ыруы.

 По преданиям, одним из основателей этого рода, а также самого села Серда был некий шейх или человек по имени Шайхи. Служилые люди (казаки) с фамилией Шайков упоминаются в Писцовых книгах в этом селе еще в 1611 г. Ныне представители этого клана в большинстве носят фамилию Никитины.

В качестве примера можно привести ряд распространенных названий семейно-родственных кланов кряшен, таких как:

 род джапай (чапай) с тамгой буджра – кольцо (божра тамгалы жапай (чапай) ыруы);

 род чури с тамгой аю башы – медвежья голова (аю башы тамгалы чюри ыруы).

 род кыйтан с тамгой дуга (дуга тамгалы кыйтан ыруы).

 род курчей с тамгой капка – ворота (капка тамгалы корчий/корчай ыруы).

Тамги с кладбища села Ляки, Татарстан, Сармановский район (перерисованы 21.07.1978 г.)

 жапай ыруы – род джапай (Хромушины, Аксаковы)

 бюре ыруы (Волковы);

 аксакал ыруы (Антоновы);

 капка тамгалы корчий/бäkäрай/бокъярай ыруы (Асановы);

 аю башы тамгалы тазлар ыруы (Тазовы);

 капка тамгалы чытыр ыруы (Кустовские);

 аю башы тамгалы чури ыруы (Чуриковы);

 каракайлар ыруы (Черновы);

 акбай/чäкән ыруы (Подваловы);

 тарак тамгалы Бабин ыруы (Бабины);

 амай ыруы – род амай (Бормотины);

 амай ыруы – род амая (Бормотины);

 öч чыбык тамгалы жапай ыруы – род джапай с тамгой три ветки (Аксаковы);

 жырык ыруы – род джырык (Комиссаров);

 исламнар/жырыклар ыруы – на тоташа – род ислам, восходит к роду джырык (Егоровы);

 сыкыр ыруы – род сыкыр (Сокровы, Сахуревы);

 сыкыр ыруы – род сыкыр (Сахурев);

 (Егоровы);

 (Осиповы);

 (Романовы);

 (Бабины);

 (Романовы);

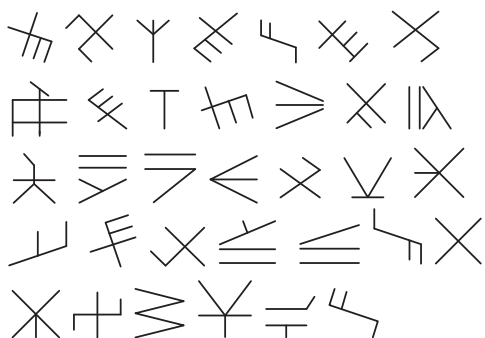
 (Тихоновы);

 (Никитины);

 (Прасовы);

 (Гордеевы).

Тамги с кладбища села Ляки, не идентифицированные по родам и фамилиям:

Тамги с кладбищ села Янцевары, Татарстан, Пестречинский район
(перерисованы 14.06.1999 г.)

С кладбища конца деревни под названием «мурзалар очы»:

 (Зимуров); (Захаров);

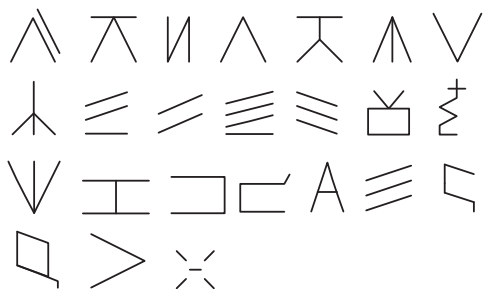
 (Чукуров, Чукурумов);

 Глухов; Глухов;

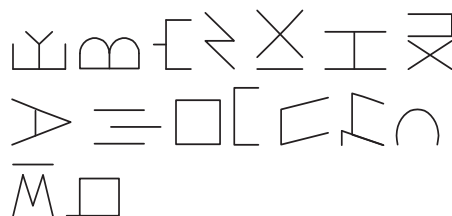
 Таланов; Максимов;

 Туганов; Атаев.

С кладбища конца деревни под названием «казаклар очы»:

Тамги с кладбища села Ильтень Бута, Татарстан, Альметьевский район
(перерисованы 18.07.1998 г.):

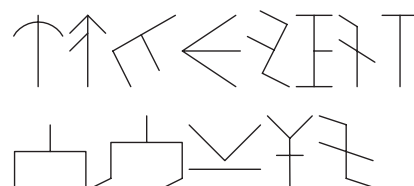

Старинные родовые фамилии села Илтән Бута: Бухаров, Бураков, Балантаев, Байчурин, Янайкин, Писарев, Шишкин, Минязев, Черкасов; выходцы из села Савалеево: Апачаев, Бутаев.

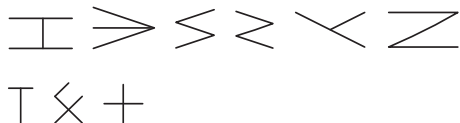
Тамги с кладбища села Старые Ерыклы, Татарстан, Тукаевский район
(перерисованы 8.10.1998 г.):

Тамги с кладбища села Бурды, Татарстан, Тукаевский район
(перерисованы 6.08.2001 г.):

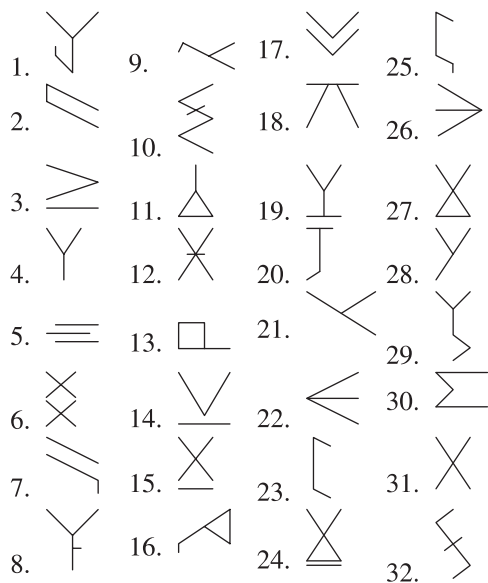

Тамги с кладбища села Калейкино, Татарстан, Альметьевский район
(перерисованы 8.10.1999 г.):

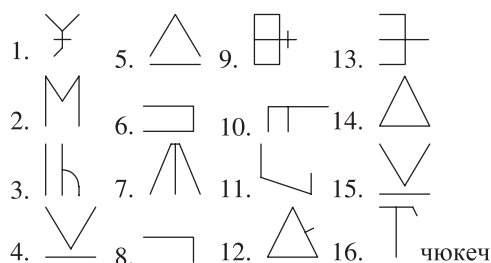

Старинные родовые фамилии села Калейкино: Бачурин; Брагин, Квасов, Ипеев – кўяс; Волков, Гудаков-гудуклар, Долгов, Кузнецов, Косарев, Аблеев, Радаев, Такарликов-тәкәрлек, Шатров-чытыр, Шурликов; Шукин, Юртов-джуртый, Лаптев, Минкин, Соколов, Соколов, Ибраев, Казаков, Коновалов.

Тамги с кладбища села Федотовка (Аналык), Татарстан, Лениногорский район
(перерисованы 12.07.1977 г.):

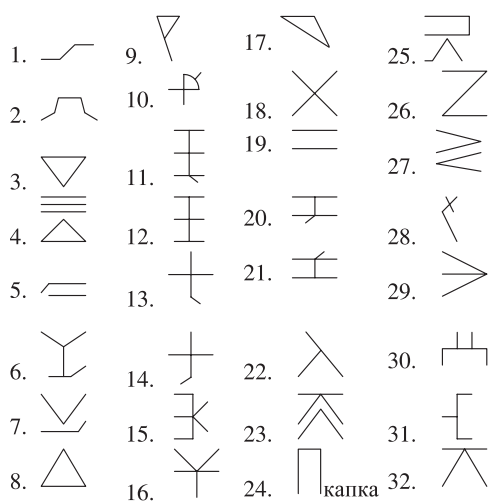

Тамги с кладбища деревни Нарат Асты, Татарстан, Сармановский район
(перерисованы 20.07.1977 г.):

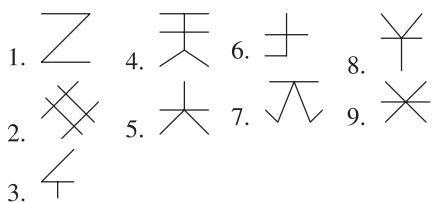

234

Тамги с кладбища деревни Сарсаз Багряж, Татарстан, Заинский район
(перерисованы 9.08.1985 г.):

Тамги с кладбища деревни Федоровка, Татарстан, Заинский район
(перерисованы 10.08.1985 г.):

Старинные родовые фамилии села Федоровка (записано со слов Дятлова Григория Федоровича, 1931 г.р.):

Ласточкин, Павлов – род чюрей; – Волков – род бюре, тамга двузубчатые вилы; – Дятлов – род тукран, тамга трехзубчатые вилы;

Чулаков – чулак; Иванов – шомыш; Серебряков – шакмай; Чернов – каракай; Абрамов – абрый; Бусов – бюсей; Скворцов – чыйырчык; Будрин – бөдря; Головин – олыбыш; Кустовский – чытыр; Кузьмин – чапай; Атласов – атлас.

Тамги деревни Васильево, Татарстан, Мамадышский район
(29.01.1978 г.):

Анисимов – род унич, с тамгой вилы (сәнәк) ; Артемьев – род үртей с

тамгой ви́лы (сәнәк) ; Поляков – род пүләк, с тамгой кочерга (кисәү агачы) .

Тамги села Старое Гришкино, Татарстан, Менделеевский район (7.04.1978 г.):

 – тамга клюка с одной веткой и точкой (бер чыбыклы төрткөлө кашә);

 – тамга крест (крис тамга);

 – тамга три точки (өч төрткөлө тамга);

 – тамга знак умножения (тапкыр тамга);

 – тамга пять точек (биш төрткөлө тамга);

 – род джапай с тамгой кольцо (бужра тамгалы жапай ыруы);

 – род какай тамгой две наклонные ветки (ике кыйык чыбык тамгалы какай/кәкәй ыруы);

 – тамга клюка с одной точкой (бер төрткөлө кашә);

 – тамга ворота (капка тамга);

 – тамга клюка с одной веткой (бер чыбыклы кашә);

 – тамга две ветки (ике чыбыклы тамга);

 – род иштан с тамгой клюка (кашә тамгалы иштән ыруы).

Тамги с кладбища деревни Верхние Юшады, Татарстан, Мензелинский район (24.07.1978 г.):

1.	2.	3.	4.	5.
Три поворота (өч борма)	Мотушка (киләб агачы)			

Тамги с кладбища деревень Верхнее и Нижнее Мочалкино (Ташлыяр и Чәшебаш), Татарстан, Мамадышский район (8.09.1979 г.):

1.	11.	20.	29.
2.	12.	21.	30.
3.	13.	22.	31.
4.	14.	23.	32.
5.	15.	24.	33.
6.	16.	25.	34.
7.	17.	26.	35.
8.	18.	27.	36.
9.	19.	28.	37.
10.			

Старинные родовые названия фамилий:

Амай; тирәй; питей; калабаш, тирәй, чапай, шыбыр, чәләпә, чөкөртөк, барый, кыргыз, саукий, минкә, минеш, сабрый.

Тамги села Крещеная Серда, Татарстан, Пестречинский район (25.08.1977 г.) записано от Никитина Григория (1905 г.р.):

 – Дементьевы – род кәкәй/кюкей с тамгой восьмерка (сигезле тамгалы кәкәй/кюкей ыруы);

 – Ивановы – род бәтер с тамгой кольцо (алка тамгалы бәтер ыруы);

 – Лягушкин, Бакеев – род бака/бакый/быкий с тамгой короб (әржә тамгалы бакый ыруы);

 – Волков – род бюре(волк) с тамгой четверка (дюртле тамгалы бюре

ыруы); Анисьев – род үкей; Казаков – род казак;

 – Данилов – род кыйтан с тамгой дуга (дуга тамгалы кыйтан ыруы); Морозов – гөдөрә; Баширов – балык; Романов – аңдюк; Максимов – казак;

 – Сергеев – род тертте с тамгой ынны;

 – Анисимов – род мерәс с тамгой казаяк;

 – Никитин – род шайкый с тамгой бөгәлже;

 – Яковлев – тамга кочерга-кисәү агачы;

 – Федоров – род паукый с тамгой дуга.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эквивалентами этого понятия в татарском языке является *чардак/чарлак* – крыша, а в русском языке *чердак*.

² *Бабурнаме*. Записки Бабура. Перевод М.Салье. Издание второе, доработанное. – Ташкент, Главная редакция энциклопедий. – 1993. – С.388.

³ *Макаров Г.М.* Материалы полевых исследований в Заинском районе РТ, 21.03.99 г. Информатор Дятлов Григорий Федорович 1932 г.р., уроженец дер. Федоровка (*Пидәр авылы*).

Аннотация

В данной статье была поставлена цель – представить вниманию читателей достаточно редкие материалы полевых записей с тамгами кряшен. Очевидно, статья дает частичное представление о состоянии полевой изученности такой слаборазработанной темы, как родовые тамги кряшен Волго-Уральского региона. Значительным потенциалом, способным расширить наши знания по тамгам, обладают архивные материалы, перспектива изучения которых является очередным шагом в познании этнической истории и культуры Волго-Уральского региона.

Ключевые слова: тамга – родовой знак, иль – этническая община, этническая история и культура Волго-Уральского региона.

Summary

The aim of the article was to show the readers rather rare materials of field notes with tribal signs of the kryashens. Obviously, the article gives an idea of the state of field study of such poorly worked out theme as tribal signs of the kryashens of the Volga Ural region. The archive materials possess considerable potential which is able to broaden our knowledge about tribal signs and the perspective of their study will be the next step in perceiving ethnic history and culture of the Volga Ural region.

Key words: tamga – tribal sign, il – ethnic community, ethnic history and culture of the Volga Ural region.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

§ 1. Организация рецензирования

1.1. Все научные статьи, поступившие в редакцию (с учетом всех *требований к авторам*, включая наличие одной рецензии), подлежат обязательному дополнительному рецензированию.

1.2. Ответственный секретарь определяет соответствие поступившей рукописи статьи профилю журнала, требованиям к ее оформлению.

1.3. Член редколлегии, курирующий одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00), направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

1.4. Ответственность за качество рецензий и своевременность проведения рецензирования рукописей статей возлагается на члена редколлегии, курирующего одно из научных направлений (07.00.00; 10.00.00; 12.00.00).

1.5. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются заместителем главного редактора или членом редколлегии, курирующим одно из научных направлений.

1.6. Требования к содержанию рецензии: см. § 2.

1.7. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

1.8. Рецензирование проводится конфиденциально. Рецензенты обязаны знать о том, что направленные им рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Нарушение конфиденциальности возможно только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в рукописи статьи.

1.9. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, заместитель главного редактора направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания.

1.10. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

1.11. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается главным редактором, заместителем главного редактора или ответственным секретарем. Не допускаются к публикации: а) статьи, не оформленные в соответствии с требованиями, авторы которых отказываются от технической доработки статей; б) статьи, авторы которых не выполняют конструктивные замечания рецензента или аргументированно не опровергают их.

1.12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции «Научного Татарстана» в течение трех лет.

§ 2. Требования к содержанию рецензии

2.1. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную, аргументированную его оценку и четко обоснованные рекомендации.

2.2. В рецензии особое внимание необходимо уделить освещению следующих вопросов.

- Анализ актуальности темы и научного уровня статьи.
- Соответствие содержания статьи ее названию.
- Оценка подготовленности статьи к публикации в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи.
- Научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки.
- Адекватность и рациональность объема статьи в целом и отдельных ее элементов (текста, иллюстративного материала, библиографических ссылок). Целесообразность помещения в статье иллюстративного материала и его соответствие излагаемой теме.
- Место рецензируемой рукописи в историографии: не дублирует ли она работы других авторов или ранее напечатанные труды данного автора (как в целом, так и частично).
- Допущенные автором фактологические неточности и ошибки.

2.3. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

2.4. В заключительной части рецензии должны содержаться обоснованные выводы о статье в целом и четкая, недвусмысленная рекомендация о целесообразности либо нецелесообразности ее публикации.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 12.00.00 (юридические науки). При подаче материалов в редакцию вы должны учесть следующие наши требования (в противном случае статьи будут отклонены без рассмотрения):

– необходимо наличие распечатанного на бумаге текста (2 экз.) и его электронного варианта (шрифт Times New Roman, размер шрифта 14-й, междустрочный пробел полуторный, одно из полей – не менее 2 см, обязательная нумерация страниц) объемом не более 1 авторского листа (40 тысяч знаков), без иллюстраций, с указанием УДК, ключевых слов на русском и английском языках и короткой аннотацией на русском и английском языках, примечаниями (ссылки необходимо указывать в тексте сплошной надстрочной нумерацией «1, 2, 3 и т.д.», а сами примечания размещать в конце текста; Ф.И.О. авторов цитируемых материалов выделяются курсивом) или списком литературы (в конце текста строго в алфавитном порядке, Ф.И.О. авторов выделяются курсивом), сведениями об авторе/авторах (Ф.И.О. полностью, год рождения, данные об оконченном вузе, ученая степень и занимаемая должность, тематика и общее число опубликованных работ, контактная информация);

– необходимо наличие одной рецензии на статью доктора либо кандидата наук (научные направления 07.00.00, 10.00.00, 12.00.00);

– необходима ксерокопия квитанции о подписке на журнал.

При соблюдении вами указанных требований редакция журнала в обязательном порядке направит поступившие материалы на дополнительное независимое рецензирование, после чего будет принято решение об их публикации или отказе в публикации.

Адрес редакции: 420111, Казань, ул. Баумана, 20

Телефоны: 292-40-34 (гл. редактор), 292-84-82 (зам. гл. редактора),
292-15-64 (ответ. секретарь)

Факс: 292-02-72 (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

e-mail: anrt@rambler.ru (обязательно указать – «для редакции «НТ»)

С наилучшими пожеланиями
и с надеждой на плодотворное сотрудничество

Редакция журнала «Научный Татарстан»

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА!

ПОДПИСКА НА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН» ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПО КАТАЛОГУ «ПОЧТА РОССИИ», ИНДЕКС 15615.

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ ОБЛЕГЧИТ ВАШЕ ОБЩЕНИЕ С РЕДАКЦИЕЙ НА ПРЕДМЕТ ПУБЛИКАЦИИ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!